Шварёв Николай Александрович
Разведчики-нелегалы СССР и России

90-летию Службы внешней разведки Российской Федерации посвящается

Оглавление

От автора.....1

Разведчик специального назначения Ю.И. Дроздов.....3

Советский разведчик-нелегал — за решёткой в ЮАР.....9

Советский разведчик Гарольд Ким Филби (1912–1988).....17

Резидент в Москву не вернулся.....40

Звезда нашла своего Героя.....54

Советский разведчик Джордж Блэйк.....61

Советский разведчик-нелегал Арнольд Дойч (1904–1942).....73

Путь разведчика Я.И. Серебрянского (1892–1956).....82

Член «Кембриджской пятёрки» Дональд Маклейн (1913–1983) 91

Советский разведчик А.М. Коротков (1909–1961).....103

Наум Эйтингон приказ Сталина выполнил.....112

Ядерный триумф советской разведки.....128

Послесловие.....151

Вилли Леман, он же Штирлиц?.....154

Советские разведчики Надежда и Николай Скоблины.....167

Михаил и Елизавета Мукасей — разведчики-нелегалы.....186

Разведчики-нелегалы Михаил и Анна Филоненко.....192

Советский разведчик-нелегал в Токио.....200

Приложения.....203

Приложение 1. Организационные структуры внешней разведки РСФСР, СССР и Российской Федерации.....203

Приложение 2. Руководство Внешней разведки.....204

Приложение 3. Сотрудники внешней разведки — Герои Советского Союза и Герои Российской Федерации.....205

Приложение 4. Без права на славу (Гимн нелегальной разведки).....205

Библиография.....206

Об авторе.....207

Примечания.....207

От автора

До недавнего времени считалось, что разведка — самая закрытая область человеческой деятельности. Но в настоящее время такое понятие о разведке в значительной степени изменилось. Появилось много книг о работе разведки, особенно в предвоенное и военное время; выпущены отдельные фильмы и сериалы. Опубликованы и серьёзные научные исследования.

И всё же разведка и сегодня является таинственной областью работы спецслужб. Ведь то, что раскрыто и описано, — это уже история. А сегодняшняя работа «бойцов невидимого фронта» за рубежом — это святая святых. И чем меньше о разведке становится известно, тем это лучше для тех, кто находится на «переднем крае».

Что касается разведчиков-нелегалов — это люди необыкновенной судьбы. Такими их делает специфика работы, тайная жизнь под чужими именами и с фиктивными документами. Жизнь и работа некоторых нелегалов за кордоном исчисляется иногда десятками лет. Разведчики-нелегалы — это золотой фонд внешней разведки. Это, можно сказать, «штучный товар». На их подготовку уходят годы. И готовят их для весьма серьёзной, сложной и ответственной работы за рубежом.

Из числа разведчиков-нелегалов в первую очередь следует отметить Иосифа Ромуальдовича Григулевича, легендарного представителя бурного, грозного, героического двадцатого века. Его работу во внешней разведке называют «высшим пилотажем». Иосиф Григулевич, являясь советским разведчиком, был чрезвычайным и полномочным послом Коста-Рики в Италии и Югославии по совместительству, мог бы стать героем авантюрного сериала. Рядом с ним потерялся бы знаменитый фильм «Семнадцать мгновений весны». Биография Григулевича победила бы, потому что она состоялась в реальной жизни.

Интерес у читателей вызовет блестяще проведённая Яковом Серебрянским операция по захвату и негласной доставке в СССР белого генерала Миллера, который возглавлял за кордоном Русский общевоинский союз (РОВС). Эта организация готовила и засылала на территорию СССР группы боевиков для проведения диверсий на важных промышленных и других объектах страны. В Москве Миллер был осуждён и по приговору суда расстрелян.

В 1940 году в Мексике под руководством генерала Наума Эйтингона была проведена операция «Утка». В результате был ликвидирован Лев Троцкий (Бронштейн). Исполнителем был испанец Рамон Меркадер. За выполнение специального задания он удостоен звания Героя Советского Союза. Скончался Меркадер (Лопес) на Кубе, а похоронен в Москве на Кунцевском кладбище.

О работе «Кембриджской пятёрки» открылись новые материалы, которые во многом дополняют уже известные факты разведывательной работы этой организации, особенно накануне и в ходе Второй мировой войны.

Достаточно полно освещается в книге работа в нелегальной

разведке её руководителей, генералов А.М. Короткова и Ю.И. Дроздова.

А. Коротков рано ушёл из жизни. Он скоропостижно скончался во время игры в теннис на стадионе «Динамо» в 1961 году. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Ю. Дроздов возглавлял нелегальную разведку в течение 12 лет. Принимал непосредственное участие в вызволении из тюрем США и Англии разведчиков Р. Абеля, К. Молодого, Леонтины и Морриса Коэн.

В 2005 году Юрий Иванович отметил свой 80-летний юбилей. В настоящее время живёт в Москве, активно занимается творческой деятельностью.

Далее автор повествует о работе за рубежом разведчиков-нелегалов А.Н. Ботяна, А.М. Орлова, Дж. Блэйка, Н. Эйтингона, Арнольда Дойча, К. Молодого и супругов Леонтины и Морриса Коэн, Михаила и Анны Филоненко.

Уверен, что вы, дорогие читатели, с интересом прочитаете очерки о разведчиках-нелегалах, выполнявших в сложных условиях свой долг за рубежом и внёсших неоценимый вклад в обеспечение безопасности нашего Отечества.

Выражаю сердечную благодарность своим товарищам С.М. Кудинову, С.А. Гуськову, В.Ю. Воронову, П.П. Бузину за оказанную большую помощь в издании книги.

Полковник Службы внешней разведки Российской Федерации в отставке Шварёв Н.А.

Разведчик специального назначения Ю.И. Дроздов

Юрий Иванович Дроздов 12 лет возглавлял самое закрытое Управление внешней разведки. Руководил работой нелегалов. Был резидентом в США и Китае. Но до этого успел прожить ещё несколько жизней. Был кузеном Дривсом нелегала Рудольфа Абеля. Завзятым нацистом бароном Хоэнштейном, инспектором Кляйнертом. Вместе с отрядом спецназа КГБ СССР «Зенит» и «Альфа» штурмовал кабульский дворец Амина в декабре 1979 года. Это он после штурма предложил создать отряд специального назначения КГБ «Вымпел».

Сейчас генерал-майор Дроздов в отставке. Он — генеральный директор информационного агентства «Намакон». Юрий Иванович — автор нескольких интереснейших книг о разведке.

В разведку попадают по-разному. Кто-то сам изъявляет желание посвятить свою жизнь этой тонкой и опаснейшей из профессий, кому-то предлагают заняться по-своему романтичным, но чрезвычайно трудным делом службы безопасности.

Ю. Дроздов рос в семье военнослужащего, но в детстве и отрочестве его тянуло ко многому, кроме армейской службы: занимался в кружках по исследованию Арктики и зоологическом.

Когда ему исполнилось 14 лет, отец показал ему книгу: «Артиллерия», добавив, что именно это — его будущая профессия. Его

отец был военным. Воевал в Первую мировую войну.

В Гражданскую перешёл к красным и был одним из командиров артиллеристов в дивизии В.И. Чапаева. Знал Василия Ивановича и Фурманова. А после учил будущих офицеров артиллерийской стрельбе.

Познакомившись с книгой, Юрий не замедлил поступить в специальную военную артиллерийскую школу. Начало Великой Отечественной войны застало его семью в Харькове. Курсантов спецшколы отозвали из летних лагерей и направили на танкоремонтный завод восстанавливать танки, прибывшие с фронта. Получив через два года специальность артиллериста, младший лейтенант Дроздов оказался на 1-м Белорусском фронте. Война закончилась для него в Берлине.

А в 1956 году, после окончания учёбы в Военном институте иностранных языков, он получил предложение работать в Комитете госбезопасности СССР. Содержанием жизни Юрия Дроздова стало многообразное и многоликое поле разведывательной работы. Немало псевдонимов и фамилий довелось ему с тех пор поменять. Был и Дривсом, и Кляйнертом, и бароном Хоэштейном, и Драговым (под этой фамилией его знали сотрудники МГБ ГДР). Особая гордость Юрия Дроздова — участие в операции по возвращению из США осужденного советского разведчика-нелегала Рудольфа Абеля.

Этот нелегал, которого при аресте американские спецслужбы знали как профессионального художника Эмиля Голдфуса, был предан изменником Рейно Хейханеном. Суд приговорил Р. Абеля к 30 годам тюремного заключения. Руководство советской разведки наметило операцию по его освобождению. Несколько лет шла кропотливая работа, проводимая большой группой сотрудников Центра, среди которых «оказался» и якобы родственник осужденного разведчика Дривс — Юрий Дроздов. Была налажена переписка членов семьи Абеля с его адвокатом в США Донованом через адвоката в Восточном Берлине. Поначалу дело развивалось вяло. Американцы вели себя очень осторожно, тщательно проверяли адреса родственника и адвоката.

Ситуация резко изменилась сразу после того, как советские ракетчики сбили под Свердловском шпионский самолёт У-2, пилотируемый лётчиком-шпионом, гражданином США Гарри Пауэрсом. Тогда и обострилась заинтересованность американцев в обмене своего пленного лётчика на Рудольфа Абеля. Контакты по этой деликатной проблеме наконец активизировались и обмен состоялся на знаменитом мосту Глиникер-брюкке в Берлине. Это была настолько уникальная операция в истории современных разведок, что даже президент США Дж. Кеннеди признался позднее в письме адвокату Донована, что спецслужбам удалось сделать то, в чём оказались беспомощными даже дипломатические усилия.

После результативной работы резидентом советской разведки в Китае и США Юрия Дроздова назначают начальником нелегальной разведки СССР, которую он возглавлял 12 лет.

Часто в прессе муссируется вопрос, чья разведка в мире сильнее? Юрий Иванович ответил на него следующим образом:

— Будь наша разведка слабее, то американские аналитики не отзывались бы так лестно о работе нашей нелегальной разведки. В своё время в США арестовали двух советских разведчиков. Но мы организовали их обмен на угонщиков самолёта. И вот два случая, связанных с этим. Наш сотрудник, который проводил переговоры об их освобождении, увидел в кабинете одного из офицеров ФБР рядом с портретом Гувера портрет Ю. Андропова. На его недоуменный вопрос хозяин кабинета ответил: «А что тут такого? Это руководитель сильнейшей разведки мира». Когда же проходил обмен, дежуривший в аэропорту Кеннеди сотрудник ФБР сказал: «Таких ребят на подонков меняем!» Американцы очень высоко оценили профессионализм наших разведчиков.

Нелегалы за рубежом работают по чужими именами по полтора десятка лет и больше. Есть и негласный рекорд — 42 года в чужом обличье.

Так, некто Георгий проработал в США 15 лет, создал там предприятие и стал главой этой фирмы, выпускающей детали для американской ракеты «Трайдент». Вычислить его спецслужбам США было практически невозможно. В создании ракеты участвовало около двух тысяч фирм. К сожалению, он рано ушёл из жизни. Нелегально проработать на чужбине 15 лет, вынести страшные нагрузки, огромное психологическое перенапряжение — это не каждому по плечу. Он возвратился на Родину и умер от перитонита: поехал к родственникам в Ленинград и там… закончил свой земной путь.

А есть и те, кто проработал в нелегальной разведке за рубежом 42 года. В 1913 году 2-е бюро Генерального штаба российской армии забросило в Юго-Восточную Азию двух молоденьких офицеров с задачей проникновения в Тибет. Тут началась Первая мировая война, потом Вторая. Ну и после восстановились отношения, скажем, с Бирмой. И однажды представителя нашего посольства вызывают на встречу. Он приходит, а его ждут два монаха. Убеждаются, что перед ними разведчик. И докладывают: были вывезены для проникновения в Тибет. Задачу эту решили, соответствующее место в существующей буддистской иерархии заняли. Из-за революций и войн по независящим от них причинам связи не было, войти в контакт не могли. Возможность появилась только сейчас. И оба монаха просят: мы хотели бы доложить нашему российскому командованию о ходе выполнения задания.

Их, конечно, выслушали. Это были уже старики. От них поступила очень интересная информация. К сожалению, они несколько расшифровались перед англичанами.

Англичане интересовались чуть ли не всеми, кто занимал хоть какое-то место в буддистской иерархии. Двое наших выдержали. Эта история говорит о традиционной верности присяге, раз и навсегда избранному долгу.

Следует заметить, что с английской разведкой у нас давно ведутся счеты. Был такой предатель Гордиевский. Он сбежал к англичанам. Первыми, кого он предал, были два наших нелегала — супруги К. и Х. Приехали они в одну из стран и столкнулись с ситуацией, которой там

никогда не бывало. Для нас это оказалось в какой-то степени непонятным. Изучение законодательства показало, что никаких изменений нет и не было. Значит это только одно — произошла какая-то утечка. Х. заметил за собой слежку. Возникшее напряжение, боязнь за двоих детей, за беременную жену были столь велики, что у нелегала началось психическое расстройство. Человек сломался.

Х. почувствовал за собой наблюдение, оснований для которого не было. Естественно, начинается анализ: как, почему, из-за чего? Конечно, все это сказалось на нелегале, много лет там проработавшем.

В сложившейся ситуации К. взяла всё на себя. Она была на девятом месяце беременности. Оценив обстановку, она прекратила всю оперативную работу, уничтожила улики. Ей надо было разыграть соответствующую ситуацию, чтобы они смогли уйти через третью страну. И К. увезла заболевшего мужа лечиться — якобы на юг. А сама сумела перевезти всю семью в другое государство. Мужа положила в клинику, сама — в роддом. Родила 3-го ребенка и вскоре нашла силы перебраться к нам: и больного супруга, и троих детей вывезла, спасла. В конечном итоге Х. выздоровел, а К. наградили очень и очень скромно.

Спецслужбы многих стран работают неплохо. Однажды в результате изучения прибывших в Канаду иностранцев был прихвачен наш нелегал. Никаких ошибок он не совершил. В результате каких-то обстоятельств он попал в поле зрения контрразведки. Нелегала взяли под наблюдение и с профилактической целью задержали его. Просидел он полгода за использование чужих документов, и затем был выдворен из страны. Эта история едва не закончилась трагически. Канадские инспекторы уже были в квартире нашего нелегала, когда туда вдруг пришла его невеста Люси, тоже наша сотрудница. И неизвестно, как бы развивались события дальше, если бы взяли и её.

Женское обаяние и доставшееся в наследство от бабушки-разведчицы хладнокровие позволили разыграть искреннюю сцену из цикла «ревность». Растроганные контрразведчики отпустили девушку. О бабушке пока умолчим. А её «жених» вернулся в страну, из которой въехал в Канаду, и мы помогли ему спокойно вернуться домой.

Проводимый анализ показал, что и в первом и во втором случае было предательство.

Коль затронули мы эту тему, то несколько слов о предателях.

Известно, что, работая в середине 70-х резидентом в США, Юрий Иванович одним из первых заподозрил в предательстве не кого-нибудь, а заместителя Генерального секретаря ООН, тогда ещё советского гражданина Аркадия Шевченко. Но министр иностранных дел той поры А.А. Громыко взял своего приятеля под защиту — и дипломат в ранге посла ушёл на Запад. Жена Шевченко не пожелала оставаться с мужем и вернулась в СССР.

Несмотря на запреты сверху, мы вели работу по нему, потому что люди, которые нарушают правила нормального поведения, сами себя разоблачают, хотели бы они того или нет.

Судя по последним откровениям в некоторых российских и

зарубежных изданиях, есть сейчас люди рангом и повыше Шевченко, которых можно подозревать. Только анализ, а не какие-то подозрения подтверждают, что подобные лица имеются на самом серьёзном уровне. Недаром же американцы, бывшие сотрудники спецслужб, слегка размягчившись спиртным после щедрого московского приёма, бросали фразу: «Подождите, если когда-нибудь всё будет рассекречено, то вы ахнете, когда узнаете, какую мы имели агентуру у вас наверху!»

— У меня нет сомнений, — говорит Юрий Иванович, — что, анализируя целый ряд событий с участием Калугина, с которым приходилось соприкасаться и мне, растёт моя уверенность в том, что разведчики, обвиняющие его в предательстве, правы.

Я с ним знаком. Как-то проводили мероприятие по переброске нелегалов в одну страну. Неожиданно их арестовали. А по существовавшим тогда правилам мы визировали телеграмму об этом у начальника Управления внешней контрразведки Калугина. Ничего вроде бы лишнего в телеграмме не было сказано. Но по оплошности были упомянуты профессии нелегалов и какие иностранные языки они знают. Этого оказалось достаточно, чтобы их вычислить: американцы в течение шести месяцев вели поиск и нашли. Поймите: утверждение Калугина, что в своих книгах он рассказывает только эпизоды, не называя фамилий и стран, не выдерживают никакой критики. Я могу привести массу примеров, когда по самым крошечным зацепкам можно с учётом сегодняшних возможностей, которые существуют в мире, отыскать любого человека. Более того, мы находили лиц, которые годами считались бесследно пропавшими. Надо только внимательно изучать чужие законодательства, особенности перемещения людей по странам и континентам… Особых трудностей тут быть не может.

Теперь, что касается Виталия Юрченко. Я с ним работал, встречался в США. Мы здоровались, иногда сидели рядом в столовой. Моё отношение к Юрченко, — продолжает Юрий Иванович, — отрицательное. Может, у других оно иное. Но, зная возможности американцев, многие его объяснения представляются мне неправдоподобными. Дело в отношении его остается подвешенным. Таких дел много, только каждое из них ждёт своего часа. Одно досье, по-моему, на нашего шведского агента было рассекречено русской разведкой где-то лет через 400».

В разведке случаются сложнейшие ситуации. Например, с полковником Максимовым, который по нашему заданию дал «завербовать» себя канадской разведке. Когда его дело расследовалось, он был совершенно спокоен. Хотя после одной операции ему на определенном этапе жизни пришлось пройти через немалые трудности. Максимов рисковал головой и всеми остальными частями тела, а потом ещё попал под подозрение у своих же.

К сожалению, такое бывает. Это не единичный случай. Людям тогда говорят: всё понимаем, но надо потерпеть. Иногда наши разведчики попадают в ещё более двусмысленное положение. После предательства Гордиевского нашего нелегала Мартынова за рубежом

бросили в тюрьму. Сидел и у американцев, и у аргентинцев. Когда вернулся в Союз, ему у нас даже жить пришлось в другом городе. Здесь на его проверку ушло около десяти лет. (Очерк о нем читайте в первой книге «Разведчики-нелегалы СССР и России» М., ООО «Родина», 2006.).

С ним кропотливо работали, выслушивали. Ну, представьте, где-то на полтора года нелегал выпал из поля зрения. Да, Мартынов вместе с женой и двумя детьми сбежал из охраняемой американской конспиративной квартиры в Вашингтоне, где их держали под арестом. Разве это не настораживает?

Человек был помещен на охраняемую конспиративную квартиру. Значит, их спецслужбы с ним ежедневно работали, склоняли к сотрудничеству, выдавливали сведения. Пришлось всё тщательно проверять. Потом мы восстановили Мартынова на работе, вернули все воинские награды.

Выплатили полностью все деньги — и в рублях, и в валюте. Но до того необходимо было снять все подозрения, убедиться, что наш вернувшийся разведчик-нелегал не перевербован.

Обидно, конечно, что предательство одних может вот так, в кривом изгибе, изуродовать жизнь других людей. Мы всегда находили предателей, и в этом нам помогали наши разведчики-нелегалы. Но мы не были исполнителями смертных приговоров. Не наша эта задача. Пусть этим занимаются те, кому положено.

И в прошлые времена и сегодня, видимо, существует институт судебных исполнителей. Однако тут возникает серьёзная дилемма: чтобы карать, кто-то должен взять на себя ответственность за решение. Пока же кара никого не настигла. «Я, например, — заявляет Юрий Иванович, — знаю, что ни один из трёх генеральных секретарей ЦК, что сменились за 12 лет моей работы на посту начальника Управления „С“, никогда об этом разговора не поднимал. Не принято ни единого решения. Ибо такой поворот влечёт за собой серьёзнейшие последствия. А вот о наших тогдашних противниках по „холодной войне“ такого не скажешь.

Они не только карали, но даже со страшной жестокостью: удаляли внутренние органы, чтобы скрыть использование ядов… Но при отравлении яд проникает и в костную ткань. А кости из трупа ведь не так просто изъять.

Многие предатели сами себе укорачивают жизнь. Тот же Шевченко окончательно спился и скончался от цирроза печени. Или возьмите другого перебежчика, сбежавшего в 1971 году. Олег Лялин бросил свою жену с ребёнком и сбежал с женой сотрудника торгпредства СССР в Лондоне. Он стал в конце концов алкоголиком и вскоре скончался. Сбежавший в Иране Кузичкин живет сейчас в Англии. Совершенно спившийся человек. Такова судьба многих предателей. Они обесчестили себя. Им и нести этот крест».

Отделываю следует сказать о секретном подразделении, известном как группа «Вымпел», созданном 19 августа 1981 года. Ю.И. Дроздов, как начальник нелегальной разведки КГБ СССР и отец-

основатель «Вымпела» накануне 25-летнего юбилея Управления «В» Центра специального назначения ФСБ России, рассказал корреспонденту «АиФ» некоторые подробности из истории «Вымпела».

«В середине 70-х был сформирован 8-й отдел Управления „С“ — нелегальной разведки, который отслеживал всё, что касалось спецназа войск НАТО и, естественно, готовил спецрезервистов из числа кадровых сотрудников КГБ. Безусловно, они были профессионалами своего дела. Но во время штурма дворца Амина в Кабуле 27 декабря 1979 года, стоя на командном пункте и наблюдая за действиями бойцов спецназа, я подумал о том, что надо создать для подобных операций специальное подразделение. Когда возвратились в Москву, я предложил идею председателю КГБ СССР Ю.В. Андропову. И только 19 августа 1981 года после всестороннего взвешивания всех вопросов на закрытом заседании Совмина и Политбюро ЦК КПСС было принято решение о создании совершенно секретного отряда специального назначения для проведения операций за пределами СССР в „особый период“».

В декабре 1979 года руководством КГБ Ю.И. Дроздов был направлен в Афганистан, чтобы на месте посмотреть, как работают сотрудники нелегальной разведки. Спустя какое-то время он был информирован о готовящейся операции по взятию дворца Тадж-Бек, резиденции Х. Амина, находящейся на горе в нескольких километрах от Кабула. Министр иностранных дел Демократической Республики Афганистан Амин к тому времени захватил власть в стране, устранив премьер-министра Н. Тараки, устроил репрессии и вёл за спиной Советского Союза переговоры с ЦРУ.

Вначале чёткого плана штурма не было. 24 декабря состоялось совещание, на котором шло обсуждение будущей операции. Присутствующие говорили о сложности взятия дворца, о невозможности провести операцию внезапно. Дроздов возразил по этому поводу и высказал своё мнение. Об этом доложили в Москву и исполнение поручили Дроздову. Так Юрий Иванович стал одним из руководителей операции «Шторм-333».

Штурмовые отряды состояли из разведчиков-диверсантов. Была проведена разведка огневых точек афганцев вокруг Тадж-Бека. Спецназовцы ночью пробирались к объекту и потом целый день там лежали в расщелинах, маскируясь и оценивая обстановку. Обо всём докладывали руководству и ждали соответствующего сигнала.

В это время в центре Кабула группа разведчиков обнаружила колодец с узлом связи, куда под носом охраны буквально за 10 минут до начала штурма опустили мощное взрывное устройство, и после взрыва с дворцом Амина связь была прервана.

Штурм дворца Тадж-Бек длился 43 минуты. В этом бою из 60 человек из подразделений КГБ было убито пять человек. Погиб в том числе и полковник Г.И. Бояринов. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Многие из разведчиков, кто участвовал в операции «Шторм-333», потом и составили костяк подразделения «Вымпел». Первым командиром «Вымпела» стал капитан 1-го ранга Эвальд Григорьевич

Козлов. Он был участником штурма дворца Амина и удостоен звания Героя Советского с Союза. В настоящее время Козлов в отставке.

В «Вымпел» зачисляли только специально отобранных добровольцев из числа разведчиков и контрразведчиков КГБ и офицеров Советской Армии. Из 100 человек оставались не более 12 кандидатов, из которых испытательный срок выдерживали лишь трое-четверо. 90% сотрудников знают иностранные языки, имеют по 2–3 высших образования, физическая подготовка для сотрудников планируется ежедневно и с большими нагрузками.

Стрельба из всего, что стреляет. Вождение всего, что движется. Обязательное обучение минно-взрывному делу.

Для проведения штурмовых операций для «Вымпела» специально создавалось самое современное оружие и снаряжение. Изучалась методика выживания: марш-броски через пустыню, ночёвки во льдах Арктики. Вымпеловцы были приучены собирать информацию, анализировать её, самостоятельно вырабатывать план и выполнять его. Эти качества и отличали их от других спецслужб.

В одно время в Ливане были захвачены в заложники граждане СССР. Переговоры с террористами не давали никаких результатов. И вдруг при невыясненных обстоятельствах погибают один за другим лидеры бандитов. Оставшиеся в живых получают ультиматум: если они не выпустят заложников, придётся выбирать, кто будет следующим, уже самим. Через некоторое время заложников отпустили.

Вымпеловцы высаживались в шторм на побережье чужой страны с подводной лодки, делали бросок через всю страну, захватывали «носителя информации» и на подлодке уходили невредимыми.

Те, кто служил в «Вымпеле», были профессионалами самого высокого уровня. Посудите сами. Например, во время учений на Калининской АЭС в 1992 году вымпеловцы прыгали с мотодельтапланов на крышу машинного зала реактора. Надо было пролететь на парашюте мимо проводов напряжением до полутора мегавольт — в случае попадания на них даже пепла не осталось бы от парашютистов. Бойцы прошли сквозь все заслоны и через 7 секунд после высадки освободили пульт управления электростанцией от «террористов».

Это было уже в те времена, когда власти не нужны были подобные специалисты для действий за кордоном, и группу переформировали на борьбу с терроризмом. В августе 1991 года был получен приказ о взятии Белого дома. «Вымпел» тогда на штурм не пошёл — воевать против своего народа отказались все как один. В октябре 1993 года опять поступил приказ о взятии Белого дома. Приказ отряд выполнил: вымпеловцы просто вывели оттуда людей. Им не простили такого поведения. Отряд переподчинили МВД.

112 человек подали рапорты об отставке. Узнав о распаде «Вымпела», в Москву прибыли представители крупнейшего в США агентства безопасности и предложили работу. Ни один вымпеловец не «клюнул» на американскую приманку. Бойцы верили, что нужны своей стране.

Сегодняшнее управление «Вымпел» участвовало в освобождении заложников в театральном центре на Дубровке в Москве, бесланских событиях, других операциях на Северном Кавказе.

Одним корреспондентом Юрию Ивановичу был задан вопрос:

— Как вы считаете, надо ли стране снова иметь подразделение, которое будет выполнять особые спецзадания за границей?

— Применить сегодня оружие, которое истребляет всё человечество, нельзя. Судя по документам наших «партнеров», сделать войну безопасной можно только с помощью асов-диверсантов, которые могут выводить из строя объект, не вступая с ним в бой, уничтожать противника, делая его неспособным наносить удары. Сейчас тот «Вымпел», который изначально создавался, нужнее чем когда-либо, я в этом твёрдо уверен.

Я люблю этих ребят, отважившихся избрать такую долю. Смелых, умных, находчивых, с орденами и звёздами Героев и без них, не имеющих права много говорить о себе, но живущих великой жизнью.

Таков он и сам — Юрий Иванович Дроздов, отдавший боевому служению Отечеству почти две трети жизни. Из них — 13 лет в Советской Армии и 35 — в разведке. Однажды, выступая перед молодыми разведчиками, он напомнил слова знаменитого генерала А. Брусилова: «Правительства меняются, а Россия остаётся, и все должны добросовестно служить ей по той специальности, которую однажды выбрали».

А в другой раз сказал: «Мне уже много лет. За плечами жизнь. За плечами моей страны — тысячелетия. Я — русский. Со времен скифов мы были доверчивы, гостеприимны, но не любили, чтобы нас ставили на колени. Мы очень терпеливы, но не дай бог перегнуть!..»

Вот такой он — Юрий Иванович Дроздов, начальник нелегальной разведки СССР и России.

Советский разведчик-нелегал — за решёткой в ЮАР

Жизнь в разведке полна опасностей, неожиданностей и невероятных событий. Она лишена, пожалуй, самого основного — домашнего очага и нормальной семьи. Люди, добровольно избравшие службу в разведке, никогда не жалуются на свою нелёгкую судьбу. Им есть что рассказать из своей бурной жизни, но условия секретности не всегда позволяют поделиться пережитым с близкими и знакомыми. Таковы жёсткие законы Службы внешней разведки (СВР).

Судьба свела Алексея Михайловича Козлова с разведкой в 1959 году. Однажды его пригласили на Лубянку — тогда ул. Дзержинского, дом 2. Спросили: где бы вы хотели работать? Только на оперативной работе — чтобы меньше было писанины. Предложили стать разведчиком-нелегалом. После недолгих раздумий Алексей Михайлович дал своё согласие.

После окончания средней школы Алексей Михайлович поступил учиться в Московский государственный институт международных

отношений (МГИМО). В 1958 году проходил практику в Дании, в консульском отделе посольства СССР. После окончания института ему предложили пойти на работу в органы государственной безопасности. Предлагали многим, но не все соглашались. «К примеру, — вспоминает А. Козлов, — со мной в группе учился Юлий Квицинский — будущий первый заместитель министра иностранных дел СССР, известные будущие послы. Но помню, когда в 1984 году я впервые после долгих лет работы за рубежом попал в Ясенево (штаб-квартира СВР РФ. Н.Ш.), чуть не каждого встречного обнимал и приветствовал, потому что знал их по учёбе на протяжении нескольких лет в МГИМО в Москве».

Итак, родившийся в далёком 1934 году Алексей Козлов после соответствующей специальной подготовки по сложной индивидуальной программе был готов работать разведчиком-нелегалом за рубежом.

Для разведчика-нелегала знание иностранных языков — основа основ. Это их второе оружие. Алексей Михайлович владел немецким, французским, итальянским и датским языками.

В 1962 году А. Козлов выехал на боевую работу в одну из западных стран. Предварительно по особой программе готовился в ГДР. Находясь в Лейпциге, он незаметно овладел саксонским диалектом. А вскоре, уже в Западной Германии, сидя в кафе, разговорился с сотрудником криминальной полиции. Вдруг тот спрашивает разведчика: вы, говорит, не из Брауншвейга? Нет, ответил нелегал, я — австриец. Полицейский покачал головой: странно, голову бы дал на отсечение, что вы саксонец. Пришлось Козлову убеждать криминалиста, что его мать — саксонка, отец — австриец. К счастью, молодого криминалиста в тот момент больше интересовали сидящие за соседним столом молодые и очаровательные барышни.

На какое-то время А. Козлов был направлен в Данию. Каждый разведчик-нелегал должен иметь какую-либо профессию прикрытия. Перед выездом за рубеж его могли быстро сделать слесарем по ремонту автомашин, мастером по наладке и ремонту бытовой техники и тому подобное. Козлова подготовили как чертёжника, хотя эту профессию он ненавидел всеми фибрами души. По складу ума он был гуманитарием. Но никуда не денешься, и ему пришлось согласиться стать чертёжником.

В Копенгагене А. Козлов пришёл в один технический институт, где в числе прочих готовили чертёжников. Срок обучения в институте — три года. В разговоре с ректором он сказал, что хотел бы закончить обучение за три месяца. Тот посмотрел на Козлова ошалело, но нелегал спокойно объяснил ему, что он чертить умеет и ему нужен только диплом.

Тогда ректор пригласил какого-то преподавателя, они поговорили между собой и решили так: Козлову придётся заплатить за все три года обучения. Но если у него получится сдать все экзамены за три месяца, ему выдадут диплом об окончании института. Козлов добросовестно посещал институт каждый день, а иногда и по нескольку раз в день. Регулярно выполнял все задания и получил-таки датский диплом.

Далее Козлову предстояло совершить обкатку по нескольким странам, выбрать одну из них, в которой он якобы жил несколько лет и где он мог, по легенде, заработать прилично денег как иностранец. По паспорту он был немец, но паспорт — липовый. Сначала ему предложили выехать в Ливан. Туда он шёл на теплоходе из Неаполя. В пути познакомился с девушкой, прекрасно владевшей английским языком. Она потом в течение шести месяцев преподавала ему язык, и получилось все довольно неплохо.

В Ливане разведчик заметил, что ливанцы-арабы довольно неплохо относились к немцам. Что касается Дании, откуда он прибыл, то о существовании Королевства Датского там мало кто знал.

Затем по заданию Центра нелегал выехал в Алжир. Предстояло устроиться на длительное оседание в этой стране. Там ещё находились французские войска, но президентом был уже Ахмед Бен Белла [1].

В этой стране почти не знали ни английского, ни немецкого, ни уж тем более датского. Через знакомого француза, говорившего по-немецки, устроился на работу техническим чертёжником.

В Алжире в то время подавляющее большинство арабов говорили только по-французски. Доходило до курьёзов. Когда президент Бен Белла решил переименовать все улицы и их названия вывели арабской вязью, беспорядок начался потрясающий. Ведь многие алжирцы не могли читать арабскую вязь. А Козлову пришлось выучить в Алжире и французский, а немного позже — и итальянский язык. Алексей Михайлович до сих пор без проблем говорит на всех этих языках.

К радости и счастью Алексея Михайловича, к нему в Алжир приехала жена. Поженились они в Москве перед самой командировкой. В Москве жена прошла спецподготовку. По приезде её в Алжир ей подготовили соответствующую легенду.

У А. Козлова были хорошие знакомые, пожилые французы. Кто-то из них уехал, кто-то умер. И у разведчика был адрес, по которому жена якобы могла жить в своё время. Жена приехала как немка, а французский выучила уже в Алжире. Надо сказать, что разведчику Козлову в этой стране повезло: спустя два года после получения независимости алжирцы стали уничтожать документацию на всех иностранцев, живших там до этого. Потом Козлов запросто мог говорить, находясь в других странах, что 20 лет прожил в Алжире, где зарабатывал много денег.

Вскоре жена Алексея Михайловича забеременела и им было предложено выехать в Западную Германию, чтобы там уже окончательно задокументировать свой брак. Ведь паспорта у них обоих были фальшивые. Сначала они заехали в Тунис, затем в Голландию, потом во Францию. После такого путешествия А. Козлов прибыл в Западную Германию, город Штутгарт. А жену пришлось оставить на границе во французском городе Страсбурге, потому что он не знал, как там сложатся у него дела.

Ему надо было в ФРГ найти работу, чтобы затем в этой стране прописаться. Штутгарт — город большой, в нём — десятки

[1] При Н.С. Хрущёве Бен Белла был удостоен звания Героя Советского Союза.

учреждений. Но на дворе был август, разгар летних отпусков. Козлову пришлось устроиться чернорабочим в химчистку: только туда и взяли. Причем обещали платить как квалифицированному рабочему и при добросовестном отношении к работе перевести в таковые. Так оно и произошло.

К счастью наших разведчиков, в то время в этом городе был довольно свободный режим. Они без труда получили внутренние удостоверения личности и официально поженились. Вскоре после этого они переехали в Мюнхен, где А. Козлов снова устроился на работу в химчистку. За время проживания в Мюнхене у супружеской пары родился сын, потом дочь.

После рождения детей они получили вместо внутренних удостоверений настоящие западногерманские загранпаспорта.

Через некоторое время разведчиков отозвали в Москву. После двухмесячного пребывания А. Козлов получил задание выехать на длительное оседание в одну из стран Бенилюкса. По прибытии на место назначения приступил к поиску работы — и как чертёжник, и как рабочий химчистки. Ушло на это шесть месяцев. Устроиться на работу было довольно трудно. Наконец он нашёл место в одной из гостиниц — в фирме химчистки.

Кстати говоря, к тому времени А. Козлов стал действительно квалифицированным рабочим, и вскоре его назначили руководителем фирмы. Разведчик подыскал подходящую квартиру и к нему приехала жена с двумя детьми. Сына устроили в детский сад, а дочку — в ясли. Между собой дети разговаривали только по-французски, а с родителями — только по-немецки. Русского языка они не знали. Так надо было на тот период.

Тем временем жена А. Козлова устроилась преподавателем немецкого языка в школу, аккредитованную при НАТО. Там учились в основном дети натовских сотрудников.

Вскоре А. Козлову предложили должность генерального директора фирмы химчистки. Через свои связи разведчик добывал ценную секретную информацию, в том числе и по блоку НАТО. Большую помощь ему оказывала в сборе информации супруга.

Случилось так, что в 1970 году супруга Козлова тяжело заболела и им пришлось возвращаться на Родину. После тяжелой и продолжительной болезни супруга А. Козлова скончалась. Положение разведчика в некотором плане изменилось. Какое-то время разведчик выполнял ответственные поручения в Центре. Но вскоре ему предложили работать самостоятельно по кризисным точкам. Это те страны, с которыми Советский Союз не имел дипломатических отношений и где периодически возникали кризисные ситуации. В 70-е годы это были в основном Ближний и Средний Восток — Израиль и арабские государства. Легализовался А. Козлов на жительство в Италии.

Нелегалу вскоре удалось установить хорошие связи с фирмами, выпускавшими материалы для химчисток — химикаты, машины… Через некоторое время ему предложили стать представителем фирмы

во многих странах, кроме самой Италии. Козлова это вполне устраивало. Это расширяло его оперативные возможности. Он был прописан в Риме, но находился там по два-три месяца. Остальное время приходилось на поездки по другим странам, это: Египет, Иордания, Израиль, Кувейт, Ливан, Саудовская Аравия и другие страны.

Для поездки по регионам нередко возникали определенные сложности. Если, скажем, в то время у человека в паспорте были израильские отметки, проставленные на КПП о въезде в эту страну, его не пропустили бы ни в одно арабское государство. В этом случае нашему разведчику пришлось идти в посольство ФРГ и решить каким-то образом эту проблему. В посольстве ему выдали новый паспорт-дубликат, с которым Козлов разъезжал по арабскому Востоку. То есть один паспорт был для Израиля, другой — для арабского мира.

Во многих арабских странах у разведчика были весьма полезные связи — родственники министров, в том числе и в Ливане, офицеры израильской армии, политики в Израиле и в Египте.

За время поездок по регионам происходили и курьёзные случаи у Козлова. Вот что он сам рассказывал: «Дело было в Иерусалиме. Захожу вечером в кафе. Беру 50 граммов водки, вернее, 40 — у них это двойная порция, и кружку пива. Огляделся вокруг, смотрю, сидят три старика за столом и одно место свободное. Подхожу, по-немецки спрашиваю: можно с вами посидеть? Евреи в основном все знают немецкий язык. Говорят, пожалуйста. Спрашивают меня: „Немец?“ Отвечаю — „да“. И один из них рассказывает мне: знаешь, во время войны я служил в советской военной разведке, и меня однажды забросили в немецкий тыл. И я, говорит, вам, сволочам, так дал прикурить! И с такой ностальгией, с таким уважением к советской разведке…

Или вот ещё такой эпизод. Как-то захожу в Тель-Авиве часов в 5 вечера в ресторан покушать. Заказал гуляш и кружку пива. Тут же рядом со мной усаживается парень в джинсах, в ковбойке, видно, что их клиент, потому что несут ему без заказа 200-граммовый графинчик со светлой жидкостью из холодильника, которая сразу начинает запотевать. Потом ставят перед ним тарелку с двумя кусками чёрного хлеба и ещё одну — с мелко нарезанной селёдочкой и всё это под кружочками белого репчатого лука. И так эта сволочь начала аппетитно хрустеть всем этим рядом со мной… Пребывание было небесполезным. Многого удалось тогда добиться, о чём до сих пор не имею права рассказывать. Получил я за это дело орден Красной Звезды».

В 1974 году А. Козлов впервые прибыл в Иран. Пришлось приезжать туда ещё при шахе. Иран нас очень интересовал. По этой стране Козлов мог ездить совершенно спокойно. У него там была масса друзей — и среди полиции, и в других кругах. От них он получал нужную нам информацию по этой стране и в целом по региону.

Так как А. Козлов действовал в одиночку, то информацию свою он передавал в основном через тайники в виде непроявленной плёнки. А самую срочную — в письмах, в тайнописи на определённые адреса,

которые разведчику давали в Центре. Три-четыре дня, и письмо поступало туда, куда и кому оно было адресовано.

До 1974 года у нас с Португалией не было дипломатических отношений. Но вот в этой стране совершилась революция. А Козлову ещё при фашистском режиме пришлось там побывать и собрать очень интересную информацию. Когда началась «революция красных гвоздик», Козлов снова прибыл в Португалию и прожил там пару месяцев. За это время объездил почти всю страну. Через свои связи ему удалось собрать много интересного материала.

За рубежом работа у разведчика несладкая. Ещё сложнее, когда он находится в одиночестве, вдали от своей семьи. Поэтому решением руководства разведки им разрешают иногда приезжать в отпуск (а это тоже довольно сложная операция).

Однажды и Козлову удалось добиться отпуска. Приехал в Москву. Жена — в больнице, дети в интернате жили. Весь отпуск Алексей Михайлович провёл с ними. Жену иногда отпускали из больницы домой.

Встречи за рубежом тоже были нечасто. Например, когда Козлов был в Италии в течение 10 лет, за это время у него было всего две встречи. Приезжали представители Центра. Вообще же личные встречи проходят чаще всего на нейтральной стороне.

Однажды, отправляясь в отпуск, Козлов прибыл из Тегерана в Копенгаген, где была запланирована встреча с советским резидентом. Встреча состоялась. Обменялись паспортами. Козлов отдал резиденту свой «железный», с которым колесил по всему миру, а резидент вручил ему другой, который потом можно было уничтожить.

Резидент поздравил нелегала с Новым годом и с награждением знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». И добавляет: «Поздравляет тебя ещё один общий знакомый, который находится здесь. Это Олег Гордиевский». Козлов спросил: «Откуда Гордиевский знает, что я здесь? Не вы ли ему сказали? Или показали ему вот этот мой новый паспорт?» Кстати, Гордиевский был тогда заместителем советского резидента в Копенгагене. Существует железное правило, согласно которому нельзя раскрывать нелегала, если на то нет острой необходимости, даже перед своими нелегалами. Когда же это правило не соблюдается… следует провал. Что и произошло с Козловым. О. Гордиевский его предал, когда сбежал в Англию, и не только одного его.

В 1977 году Козлову впервые поручили выехать в ЮАР — тогда страну апартеида. На всех скамейках в парках, на улицах надписи: «Только для белых». Магазины — только для белых, для чёрных ничего нет. Чёрные в 6 часов вечера садятся и уезжают в свои тауншипы. Тогда Советский Союз помогал Африканскому национальному конгрессу. Разведку же интересовало другое: тайные связи с Западом. Когда Козлов первый раз посетил Намибию, это была немецкая Юго-Западная Африка, колония ЮАР. Он объездил всю страну. Везде нужны были контакты. В то время в ЮАР добывался уже обогащённый на 80 процентов уран. И весь этот уран шёл напрямую в Америку. А ведь официально США, Англия и другие западные страны к тому

времени объявили ЮАР экономический бойкот. В Намибии Козлов общался только по-немецки. Потому что там даже чёрные говорили по-немецки не хуже самих немцев. А немцев там было очень много. Гостиницы все немецкие. Название отелей — чисто немецкие. И везде немцы-фермеры.

В 1978 году А. Козлов совершил поездку по приграничным, прифронтовым государствам — Замбии, Ботсване, Малави. Они вроде бы помогали Южно-Африканскому конгрессу, но все равно экономикой там заправляли юаровцы. В Ботсване, к примеру, алмазные копи находились в руках «Де Бирс».

В ЮАР советскую разведку интересовало прежде всего, есть там атомное оружие или нет. В научно-исследовательской лаборатории Пелендаба велись исследования в ядерной области. И у нас, и у американцев были подозрения, что и там создаётся атомная бомба. Потому что однажды в 1978 году удалось зафиксировать похожую на атомный взрыв вспышку в Южном полушарии неподалеку от Кейптауна. Тогда Козлова и направили в Малави — ведь это было единственное африканское государство, установившее с ЮАР дипломатические отношения. Алексей Михайлович прибыл в город Блантайр. Все белые в этих государствах очень быстро между собой сходятся. Появляется свежий европеец, тем более немец, его с удовольствием примут и поведают абсолютно все.

«Как-то разговорились про атомную бомбу, — вспоминает Козлов. — Я и говорю, надо же, думали, будто ЮАР её имеет, а оказалось, нет. И вдруг одна пожилая женщина оживляется: как это нет, мы же в декабре 1976 года обмывали её изготовление шампанским. Я тут же сообщил об этом в Центр. Как мне потом рассказывали, ночью вызвали даже начальников управлений, отдела и обсуждали мою информацию. Но документально это нельзя было доказать. Кстати, женщина эта мне представилась, сообщила, что работала секретаршей генерального директора базы Педендаба, ушла на пенсию и переехала в Малави. Позже эта информация нашла подтверждение».

В 1980 году Алексея Михайловича снова направили в ЮАР. Потом он прибыл в Намибию. И в городе Виндхуке заметил за собой наружное наблюдение. Козлов принял решение сразу лететь в ЮАР. После приземления в Йоханнесбурге в самолёте ему предъявили документ юаровской контрразведки, надели наручники, отвели в аэропорт, в специальную комнату, заставили раздеться до трусов. Затем притащили вещи, одели и повели в Преторию. Месяц провел он во внутренней тюрьме полиции безопасности (это контрразведка ЮАР). Допросы шли день и ночь. В первую неделю ему не давали спать ни секунды. Он засыпал прямо стоя, иногда даже падал. В кабинете следователя Козлов обратил внимание на висевший на стене портрет Гитлера. А сам следователь был поклонником Эрнста Кальтенбруннера. Допросы велись в основном в подвале.

Через неделю вдруг решили дать Козлову выспаться. Однако камера, где Козлов должен был спать, наполнялась звуками человеческих голосов. Как будто кого-то пытали рядом. Люди орали, скрежетали зубами, плакали, словно их избивали. Через каждые

полчаса в камеру заходила охрана для осмотра обстановки. Арестованный должен перед ними вставать.

Допрос вели на английском языке. На очередном допросе открыли чемодан Козлова. Достали радиоприёмник, который можно было купить в любом магазине. Вынули блокнот, в котором были копировальные листы. На одном листе они обнаружили «давлёнку». А «давлёнка» была на русском языке.

Приводят Козлова на очередной допрос. В комнате сидят эти два немца из Западной Германии и спрашивают: «А почему вы не потребуете кого-нибудь из западно-германского консульства?» Козлов ответил, что всё время требует представителя, но никто пока не приходил. Немцы спрашивают нелегала далее: «А вы знаете, почему вас арестовали?» Ответ: «Не знаю, я ничего не сделал». Тогда они дают Козлову фотографию жены: «Посмотрите, вам знакома эта женщина?» — а потом фотографию самого разведчика. Немец перевернул её, а на обороте написано: «А.М. Козлов». После этого разведчик сказал: «Да, я советский офицер, советский разведчик». И всё. Больше он ничего им не сказал за все время пребывания под стражей.

Через месяц Козлова перевели в центральную тюрьму в Претории. Посадили в камеру смертников. Было там несколько отсеков так называемого звездного типа. И в каждом по 13 камер. Но в том, куда поместили Козлова, он оказался один. Другие камеры были вообще пустые. А рядом виселица. По пятницам в 5 утра там проходили казни. Несколько раз Козлова водили посмотреть, как это делается. В тюрьме, между прочим, тоже был апартеид: тюрьма для чёрных, тюрьма для белых. Только вешали и тех и других вместе. Но и то делали различие. На последний завтрак перед казнью черному давали половину зажаренного цыплёнка, белому — целого. Казнили на втором этаже, потом люк опускался, казненный падал туда. А внизу стоял величайший мерзавец доктор Мальхеба. Он делал последний укол в сердце повешенному, чтобы человек умер окончательно. Потом тело выносили.

Вот что поведал о днях тюремных сам А.М. Козлов:

«Самым страшным для меня было то, что Центр не знал, где я нахожусь. Оказывается, они ещё три месяца слали мне телеграммы.

Шесть месяцев я провёл в камере смертников. Параша, кровать и стул. Комната — три шага на четыре. На стенах гвоздём нацарапаны последние слова прощания тех, кто там сидел и кого вешали до меня. Единственное, что приносили мне — еду. Завтрак — в 5.30 утра: кружка жидкости, напоминающая то ли кофе, то ли чай, а чаще воду, в которой мыли посуду, два куска хлеба и миска каши. Обед — в 11.00; ужин — в 3 часа дня. В общей сложности 4 куска хлеба, кусочек маргарина, джема и тарелка супа. Свет выключали в 22.00. К этому времени от голода у меня аж видения начинались. Вспоминал про отварную картошечку, помидорчики, огурчики. Помню, когда освобождали и взвесили, во мне оказалось 59 килограммов. А было — 90. Никаких газет, радио — ничего. Я не знал, что происходит в мире».

А. Козлова обвиняли в терроризме, статья девятая. Это означало,

что причину ареста ему сообщать не обязаны. Ему было сказано, что он не имеет права на адвоката и на общение с внешним миром.

Наконец 1 декабря 1981 года, через 6 месяцев, пришёл к Козлову начальник тюрьмы и заявил, что премьер-министр Бота официально объявил по телевидению и по радио, что советский разведчик Алексей Козлов находится в тюрьме под арестом. Начальник тюрьмы сообщил Козлову, что теперь, после официального сообщении Боты о деле Козлова, ему положено полчаса прогулок под охраной по тюремному дворику, и ещё разрешили курить.

Интересовались личностью А. Козлова и немецкие господа. Сначала они приезжали на допросы раз в три месяца. Потом раз в полгода. Приедут, помямлят, посмотрят растерянно и уедут.

А наш разведчик продолжал сидеть в той самой камере. И где-то к концу 1981 года у Козлова начала лопаться кожа на руках. Пригласили того самого доктора Мальхеба. Доктор осмотрел разведчика и прописал ему перчатки из искусственной кожи. Но и с перчатками кожа продолжалась лопаться. На сей раз таки пригласили начальника тюремного госпиталя. Был там такой майор Ван Роен. Он осмотрел больного и сказал, что это от недостатка хлорофилла. Дело в том, что в камере Козлова было одно-единственное окошечко под самым потолком. Поэтому дневной свет в камеру почти не попадал. И врач, по всей вероятности, порекомендовал сменить Козлову камеру. И нашего разведчика через полтора года после заключения поселили в так называемое штрафное отделение тюрьмы Претории. Там тоже были одиночные камеры. Но там хотя бы Козлов был не один. В других соседних камерах находились люди, которые ругались, смеялись, матерились. Но в этой камере всегда было солнце, и кожа на руках постепенно стала заживать.

Так Козлов просидел в тюрьме до мая 1982 года. Однажды пришёл начальник тюрьмы, принёс костюм, довольно приличный, рубашку и галстук. Козлов оделся, и его повезли к заместителю начальника контрразведки генерал-майору Бродерику.

Вот как потом А. Козлов вспоминал об этом эпизоде:

«Сидел передо мной такой интересный, вальяжный мужик. Он мне сразу сказал: передам тебя для обмена. И предупредил: тебя вначале передадут нашей национальной разведывательной службе. Не показывай им, что знаешь об обмене. После этого мой следователь, полковник Глой, о котором я уже упоминал, крепко пожал мне руку и сказал: ты извини за то, что с тобой произошло здесь; теперь мы знаем, что ты нормальный, хороший парень. Пожал мне руку ещё раз, и в моей руке оказался значок. Я разглядел его уже в самолёте. Это был значок полиции безопасности ЮАР с правом ареста..»

Привезли Козлова на огромную скалу, там, где монумент первопроходцам ЮАР — бурам, рядом с местом кровавой битвы между зулусами и белыми. Здесь, говорят, тебя и расстреляем. Козлов какое-то время постоял в раздумье. Потом запихнули его в машину и повезли в аэропорт. В Боинге-747 «Джумбо» летело всего человек восемь — разведчик Козлов и его охрана. Прибыли во Франкфурт-на-Майне в ФРГ.

Там пересадили нашего нелегала в вертолёт ведомства по охране границ Западной Германии и полетели дальше. Через какое-то время приземлились около КПП «Херлесхаузен». Там и начался обмен.

А.М. Козлов:

«Сначала привезли тех, на кого меня должны были обменять. Одиннадцать человек — 10 немцев и один офицер армии ЮАР, в свое время попавший в плен в Анголе во время рейда туда южноафриканской армии. Все одиннадцать с чемоданами. А мне вещей не отдали: у меня маленький кулёчек, в котором был кусочек зеленого мыла. Зачем я его взял из тюрьмы, так и не знаю. Потом ещё ремень матерчатый от тюремных брюк. Я его свернул и положил в кулёк, когда меня из тюрьмы выводили. Единственное, что там для меня было ценное, это машинка для свертывания сигарет, мне её подарили юаровские заключённые.

Доставили меня к какому-то ангару. Смотрю, внутри маячат две фигуры — Виктор Михайлович Нагаев, ныне генерал-майор в отставке, и Борис Алексеевич Соловов, начальник отдела безопасности в ту пору. Посадили меня в машину и поехали в Берлин. Километров 30 проехали в гробовом молчании. Подъехали к городу Айзенах. Молчим. И я вдруг заговорил: „Виктор Михайлович, я же вернулся на Родину“. Он соглашается: „Да, ну и что?“ Я ему: „Как ну и что? А отметить-то это дело надо?“ Он как шлёпнет себя по лысине: „А я не могу понять, чего же не хватает и почему мы молчим“. И водителю: „Ну-ка давай в первую попавшуюся харчевню по сто грамм, по кружке пива“. Как только шарахнули, так после этого до Берлина уже и не умолкали.

В Берлине мои товарищи приготовили хороший стол: икорочка, сёмга. Но я всю отварную картошку смолотил и всю селёдку. Мне потом наш представитель КГБ при МГБ ГДР Василий Тимофеевич Шумилов (ныне покойный. — Н.Ш.),сказал: „Ты, Лёшка, сожрал у нас весь представительский месячный запас селёдки.

Мои друзья дали мне денег, чтобы купить кое-какие подарки детям. Ведь меня дома долго не было…“

Возникает и напрашивается сам собой вопрос: как так долгое время никто не мог понять, почему меня арестовали. Обменяли меня в 1982 году. А когда в 1985 году сбежал в Англию Олег Гордиевский, тут всё и прояснилось.

Гордиевский был исполняющим обязанности резидента в Лондоне. А с Олегом я вместе учился в МГИМО. Он был на два курса младше, вместе работали в комитете комсомола. Я-то закончил раньше его, и он не знал, где я оказался. Но потом он работал в нашем документальном отделе — потому так и получилось. Всё дело в предательстве».

После обмена Алексей Михайлович возвратился домой, отдохнул пару месяцев, и за работу. Некоторое время работал в Центральном аппарате разведки. Потом позвонил Юрию Ивановичу Дроздову (в ту пору начальник Управления нелегальной разведки. — Н.Ш.) и попросился поработать за рубежом. Дроздов ему: «И как ты, собственно, это себе представляешь? Ты всем известен. Как можно

тебя снова куда-то посылать?» Затем Юрий Иванович поразмышлял и говорит: «Вообще-то ты же нигде не числишься в розыске, потому что нам тебя отдали. И потом, какой дурак подумает, что человек, только-только вынув голову из петли, опять собирается её туда сунуть. Поезжай».

На этот раз Козлов получил иной, чем прежде, паспорт. И после этого разведчик ещё десять лет работал на нелегалке вдали от дома…

А.М. Козлов:

«В 1997 году вернулся уже насовсем. Но до сих пор работаю. Встречаюсь с молодёжью. Побывал ровно в 30 регионах России — Владивосток и Находка, Мурманск и Омск, Томск, Новосибирск, Красноярск, Благовещенск, Хабаровск… У меня по 5–6 командировок в год. Звезду Героя Российской Федерации мне вручили в 2000 году. Формулировка была такая: за мужество и героизм при выполнении специальных заданий».

Советский разведчик Гарольд Ким Филби (1912–1988)

Накануне войны 1941–1945 годов работу лондонской резидентуры можно было назвать более чем успешной. В своё время эта разведточка ломилась от ценных источников. Наши агенты-англичане (К. Филби, Г. Бёрджесс и Д. Маклейн) после побега проживали в Москве. Они занимались научно-исследовательской работой, писали кандидатские и докторские диссертации и к прошлому относились философски.

Ким Филби нигде постоянно не работал, хотя временами давал консультации сотрудникам разведки. Жил незаметно, выступая под чужой фамилией. Оказалось, что на второй родине конспирация была не менее важна. А вдруг выкрадет мстительная английская разведка?

Кима Филби знали многие разведчики КГБ. Корифеи, работавшие с ним в Англии, либо погибли во время войны, как Арнольд Дойч, либо были репрессированы, как Теодор Малли, либо сбежали на Запад, как А. Орлов («Швед»), либо остались инвалидами после лагерей, как Дмитрий Быстролётов, либо были уволены из органов по «пятому пункту», как Анатолий Горский.

За границей бытовало мнение, что после бегства из Бейрута в СССР в 1963 году Филби стал чуть ли не ключевой фигурой в антибританском шпионаже.

С годами Кима Филби стали показывать в различных подразделениях КГБ и соответствующих министерствах социалистических стран. Советский народ, которому всю жизнь служил Ким, впервые увидел его по телевидению незадолго до его кончины.

Раскрытого агента, лишившегося доступа к секретам, весьма сложно использовать совсем в иной обстановке и при подозрительности, свойственной всем спецслужбам любой страны.

Итак, Гарольд Андриан Рассел Филби родился в 1912 году в

Индии. Его отец, известный арабист, сэр Джон Филби, дал сыну кличку «Ким» в честь юноши из романа великого Редьярда Киплинга, шпиона и солдата, стоявшего на страже интересов британской империи. Джон Филби оказал большое влияние на сына, начинил его знаниями, обеспечил учёбу в знаменитом Кембриджском университете. Сэр Джон презирал Англию, хотя верно служил Империи, выдвигал себя в парламент, получал награды и титулы. Отец Кима обожал путешествовать, активно участвовал в интригах в арабских странах, был советником короля Ибн Сауда и жил в Саудовской Аравии, не теряя связи с английскими властями. В конце концов принял мусульманство, женился на молодой арабке, родившей ему двоих детей, и одно время жил в ветхом домике с женой. Сэр Джон умер на 68-м году жизни во время посещения сына в Бейруте в 1960 году.

Мать Кима Дора, дочь скромного служащего, красивая женщина, любившая танцевать и не игравшая в бридж, всю жизнь стойко переносила все капризы и причуды мужа и умерла в 1957 году в Лондоне.

Ким Филби с ранних лет овладел хинди и арабским языками, уже потом немецким, французским, испанским, турецким и русским.

Решающими для последующей жизни Кима стали поездки в европейские страны, прежде всего в Германию и Австрию. В Вене Ким принял участие в работе МОПРа (Международная организация помощи рабочим). Там же познакомился с Литци Фридман, активистской австрийской компартии. Вскоре они поженились (впоследствии брак распался).

Главной работой Филби было поддержание связи с коммунистами, нелегально проживающими в Австрии, Венгрии, Чехословакии. Английский паспорт давал ему возможность беспрепятственного передвижения по многим странам Западной Европы.

В 1934 году обстановка в Австрии ухудшилась. Наступал фашизм. Литци, наполовину еврейке, а к тому еще и члену компартии, оставаться в Австрии было нельзя, не выручал и английский паспорт Кима. Супруги перебрались в Англию.

Ким рассказывал впоследствии: «В моей родной Англии… я тоже видел людей, ищущих правду, борющихся за нее. Я мучительно искал пути быть полезным великому движению современности, имя которому — коммунизм. Олицетворением этих идей был Советский Союз, его героический народ, заложивший начало строительства нового мира. А форму этой борьбы я нашёл в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этой борьбой я служил и моему английскому народу».

Заметим попутно, что к тому времени советская разведка уже держала Филби в поле своего зрения. Однажды знакомая Филби по Австрии Эдит Тюдор Харт предложила познакомить его с «очень важным» человеком, который может его заинтересовать. Ким на это предложение согласился без всяких колебаний.

Этим человеком оказался Арнольд Дойч — Стефан Ланг (о нем речь пойдёт отдельно). После очень недолгого разговора Дойч

предложил ему, как вспоминает Филби, стать «агентом глубокого проникновения». Филби согласился. С того времени, т. е. с июня 1934 года, в оперативной переписке он значился как «Зёнхен» (в переводе с немецкого — сынок. — Н.Ш.).

Первое, что попросил его сделать Дойч, это прекратить всякие контакты с коммунистами и даже людьми, сочувствующими им. То же требовалось и от его жены. Второе — внимательно присмотреться к своим друзьям по Кембриджу с позиции их пригодности к разведывательной работе.

В это время перед нелегальной резидентурой в Лондоне стояла долговременная задача: проникновение в английскую разведку — СИС, она же МИ-6. Прямого пути в разведку у Филби не было. Можно было проникнуть в МИ-6 через МИД. Но и туда ему дорога оказалась закрытой. В университете ему дали рекомендации, помня о его «левых» убеждениях в прошлом. Филби стал журналистом, помятуя о том, что английская разведка всегда проявляла интерес к людям этой профессии, как, впрочем, и другие разведки.

Тогда же к работе с Филби подключился резидент-нелегал А. М. Орлов. Будучи сотрудником журнала «Ревью оф Ревьюз», Ким стал давать Орлову кое-какую интересную информацию, в частности, касавшуюся Ближнего Востока. Как раз в то время он получил через своего университетского приятеля Уайли обзор деятельности Военного министерства и его разведки с характеристиками на некоторых его работников.

Примерно в то же время Уайли познакомил Филби со своим другом Тэлботом, редактировавшим «Англо-русскую газету». Но эта газета постепенно умирала вместе с ее подписчиками, и Тэлбот задумал новое издание — «Англо-германскую торговую газету», для чего ему понадобился новый редактор. Им и стал Ким Филби.

В 1936 году газета была закрыта, а у Филби и Дойча появился новый руководитель, резидент Теодор Малли, талантливый и преданный делу разведчик, который впоследствии был незаконно репрессирован. Дойч и Малли решили направить Филби в Испанию, где в то время развернулась Гражданская война. Поездка была нужна не только и не столько для сбора информации о положении в этой стране, сколько для расширения разведывательных возможностей Филби.

Перед ним была поставлена задача показать себя смелым, ярким журналистом, способным привлечь внимание британской разведки. Испания была в это время лучшим местом для демонстрации самых лучших качеств.

Филби поехал в качестве «свободного» журналиста за «свой» счет (в действительности за счет резидентуры). Ему дали адрес в Париже, на который он должен будет отправлять свои донесения. Чтобы оправдать затраты, он вынужден был продать часть своей богатейшей библиотеки. Другого выхода не было.

По возвращении в Лондон Кима взяли в редакцию газеты «Таймс» и предложили место постоянного корреспондента в Испании. Это был

громадный шаг вперед, можно сказать, прорыв. Стать сотрудником такой газеты — это мечта каждого журналиста!

Филби работал не покладая рук. Он добросовестно писал ежедневные статьи в «Таймс», готовил сообщения для нашей разведки. А для получения разведывательной информации необходимо было поддерживать дружеские отношения с военными и гражданскими деятелями франкистского режима, выезжать на фронт. Там он сильно страдал, глядя на тела убитых и раненых республиканцев, присутствуя на их казнях. Но приходилось скрывать свои чувства. И делал Филби это настолько умело, что генерал Франко наградил его орденом, который вручил лично. Однажды при артобстреле Филби чуть не погиб, когда проезжал на машине вдоль линии фронта.

Свою информацию для нашей разведки Филби передавал А. Орлову, в то время советскому резиденту в республиканской Испании. Для этого они встречались в небольшом французском приграничном городке.

По окончании испанской войны Филби вернулся в Лондон. А вскоре началась Вторая мировая война, и он был назначен главным военным корреспондентом при штабе английских войск. После падения Франции и возвращения в Лондон его вызвали в редакцию и сказали: «Вас просил зайти капитан Шелдон из Военного министерства». Так английская разведка сама вышла на Филби. Правда, помог ей Гай Бёрджесс, который в это время уже был ее сотрудником и порекомендовал Филби как достойного кандидата.

Филби сначала был зачислен преподавателем в разведывательно-диверсионную школу «Д», но вскоре понял, что, работая там, он так же далек от секретов СИС, как и будучи корреспондентом «Таймс».

Осенью 1940 года из-за отсутствия практических результатов секцию «Д» вместе со школой передали в ведение Министерства экономической войны. Большинство сотрудников было уволено, но Филби в числе немногих был оставлен во вновь организованной школе, получившей наименование «Станция-17».

Карьера Филби в СИС была головокружительной. Уже в 1941 году он получает ответственный пост в контрразведке СИС и занимается контрразведывательным обеспечением всех военных операций западных участников антигитлеровской коалиции в Европе. Наконец в 1944 году ему поручают возглавить особо важный отдел СИС «по борьбе против международного коммунистического движения». С назначением на этот пост Филби одновременно становится одним из заместителей начальника всей секретной службы Великобритании.

С 1949 по 1951 год Филби возглавляет миссию связи английской разведки в Вашингтоне, он координирует работу СИС с ФБР и ЦРУ США.

В силу занимаемого положения и личных связей Филби проникает в святая святых американских спецслужб.

Весной 1951 года в кабинете одного из руководителей ЦРУ состоялось важное совещание. Кроме Аллена Даллеса (директор ЦРУ) за столом сидел Фрэнк Уизнер, руководитель службы по проведению

сверхсекретных политических операций. Рядом с ним — его заместитель Фрэнк Линдзи. Ким Филби также должен был принять участие в разработке операции чрезвычайной важности. На английского гостя видного сотрудника британской секретной службы, считавшегося крупным экспертом по операциям против Советского Союза и других социалистических стран, ЦРУ возлагало особые надежды в этой акции. Филби ведь в своё время стоял у колыбели ЦРУ — американская разведка создавалась под руководством многоопытной британской секретной службы.

Англичанин был, как всегда, точен. Он прибыл минута в минуту. Сердечно приветствовав собравшихся, Филби занял своё место за столом совещания.

Центральному разведывательному управлению (ЦРУ) США было поручено разработать операцию по организации контрреволюционного мятежа в одной из балканских соцстран. Началом акции должна была стать заброска на территорию этой страны нескольких сот диверсантов. Непосредственным исполнителем операции был назначен заместитель Уизнера — Линдзи.

Ким Филби одобрил план, внеся в него существенные поправки. Аллен Даллес с подчеркнутым почтением слушал английского гостя. Он располагал о нем обширнейшей информацией. Даллесу было известно, что Филби набирался боевого опыта в Испании, что Франко лично прикрепил ему на грудь Красный военный крест. Знал Даллес о широких связях английского разведчика с правящими кругами гитлеровской Германии, о том, что Филби регулярно бывал до войны в Берлине, где запросто встречался с Риббентропом.

Благодаря информации, своевременно переданной советской разведке, одна из самых значительных операций ЦРУ закончилась драматически неожиданным провалом. Команда высаженных на берег диверсантов была встречена должным образом. Это была катастрофа. В штаб-квартире ЦРУ поселился траур. Все службы были поставлены на ноги. Были тщательно проанализированы все возможные гипотезы, связанные с провалом столь тщательно подготовленной операции. Все, кроме одной: Даллес, человек с воображением, мог представить всё, что угодно. Однако предположить, что в то августовское утро в его кабинете за столом напротив него сидел кадровый советский разведчик, он не мог даже в самом дурном сне.

А советский разведчик Ким Филби очередное задание Центра выполнил, как всегда, — блестяще!

К глубокому сожалению, в Центре в 1942 году возникло недоверие к Филби и всей «пятёрке». Всю поступавшую от них информацию было решено рассматривать не иначе, как дезинформацию. Основания? Во-первых, среди тех, кто с самого начала работал с ним, был «иностранный шпион» Малли и невозвращенец А. Орлов. Во-вторых, в 1942 году Филби не дал никаких материалов, характеризующих деятельность СИС в СССР, т.е. «подозрительно преуменьшал работу английской разведки против Советского Союза».

Однако глубокий анализ переданных Филби и другими членами «пятёрки» в 1944–1945 годах материалов полностью исключил

предположение о дезинформации. Подлинность переданной нам Кимом информации была подтверждена документальными материалами, полученными нашей разведкой через другие оперативно-технические и агентурные возможности. Это, в частности, относилось и к переданному нам Кимом Филби агентурно-наблюдательному делу СИС о связях и сотрудничестве британской и советской разведок.

В июле 1944 года за плодотворную работу и передачу нам этого дела К. Филби от имени наркома госбезопасности была объявлена благодарность. Отношение к нему и к его группе коренным образом изменилось. Всей «пятёрке», в частности, в 1945 году была установлена пожизненная пенсия.

К сожалению, всплеск недоверия к Филби имел место вторично в 1948 году, но тогда он сравнительно быстро сошёл на нет.

Ким Филби достиг цели, поставленной ему советской разведкой в самом начале его разведывательной деятельности: он стал не только сотрудником английской разведки, но и одним из ее руководящих работников.

В августе 1945 года на стол Филби попали бумаги о том, что некий Константин Волков, советский вице-консул в Стамбуле, обратился в английское консульство с просьбой предоставить ему и его жене политическое убежище. Он написал, что в действительности является офицером НКВД. В подтверждение пообещал сообщить некоторые сведения об отделе НКВД, в котором служил в Центре. Более того, сообщил, что знает имена трех советских агентов, работающих в МИД Англии, и одного начальника контрразведывательной службы в Лондоне.

Действия Волкова угрожали полным провалом Филби и его друзьям. Филби успел в срочном порядке проинформировать Москву. Но опасность была столь очевидной, что он решил лично отправиться в Стамбул. На его счастье, пока он добирался до места и не спеша согласовывал все вопросы с МИДом, с послом Турции, с постоянным представителем разведки, Волкова успели отправить в Москву в «очередной отпуск».

В 1951 году англичане стали подозревать в работе на советскую разведку заведующего отделом МИДа Англии Дональда Маклейна. Филби немедленно сообщил об этом в Москву.

По этому вопросу Филби направил в МИД Англии записку, в которой рекомендовал обратить внимание на некоторых бывших сотрудников английского посольства в Вашингтоне, и именно среди них искать источник утечки в 1944–1945 годах секретной информации по внешнеполитическим вопросам и атомной проблематике.

Последующая работа МИ-5 по предложению Филби позволила контрразведке заново переоценить имевшуюся в ее распоряжении информацию и прийти к выводу о том, что советским разведчиком мог быть Дональд Маклейн. Но в это время стало известно: Маклейн исчез! Эта новость подтвердила правоту Филби.

Но самого важного обстоятельства руководители английских

спецслужб еще не знали: Филби сам был советским разведчиком. Его докладная записка явилась результатом трезвой оценки острейшей ситуации, сложившейся вокруг его коллеги по «Кембриджской пятёрке» Дональда Маклейна. Ясно было, что провал Маклейна был стопроцентно неизбежен.

Поэтому, прежде чем дать рекомендации по поиску источника информации, Филби предпринял экстренные меры, чтобы предупредить Маклейна об угрозе ареста. Для его спасения он подключил к этому делу с согласия Центра другого своего единомышленника — Гая Бёрджесса.

Как уже известно, Филби, Маклейн и Бёрджесс входили в «Кембриджскую пятёрку», сотрудничавшую с советской разведкой. Прилагая все силы, чтобы сорвать арест Маклейна, Филби понимал рискованность этого шага для своей личной безопасности. Но он был готов дать необходимые объяснения следствию и умел, как говорят шахматисты, рассчитывать свои действия на несколько шагов вперед.

Приняв меры по спасению Маклейна, Филби направил свои соображения в СИС «медленной скоростью», т.е. дипломатической почтой. В случае возникновения подозрений о причастности его самого к делу Маклейна он таким образом обеспечивал себе отходные позиции, чтобы выиграть время для решения остальных задач, стоявших перед ним.

Дальше — больше. В высших английских кругах стало известно, что Маклейн, оказывается, исчез не один, а вместе с Гаем Бёрджессом, недавно вернувшимся в Лондон из Вашингтона, где он работал первым секретарем английского посольства в США.

В течение нескольких дней англичане шаг за шагом скрупулёзно анализировали обстоятельства дела и все имевшиеся сигналы. В результате руководством СИС было принято решение вызвать из Вашингтона в Лондон и самого Кима Филби. Они учли, что Филби поддерживал дружеские отношения с Бёрджессом, который по приезде в 1950 году на работу в Вашингтон некоторое время жил на квартире Филби.

В то же время решили не торопиться с вызовом Филби в Лондон. Директор разведки генерал Стюарт Мензис дал указание воздержаться от скоропалительных выводов, тем более когда они касались таких руководящих сотрудников СИС, как Ким Филби.

Спустя три дня английская резидентура в Вашингтоне получила подробную телеграмму из Лондона о бегстве Маклейна и Бёрджесса. Филби и его коллегам предстояло проинформировать о ней ФБР.

По возвращении в посольство Ким сказал, что поедет домой, чтобы выпить немного и отдохнуть. Известие об исчезновении Бёрджесса, между тем, подействовало на него как удар молнии.

В этой ситуации Филби решил, что пока ФБР и ЦРУ ещё не проанализировали случившееся в Лондоне, необходимо избавиться от имевшихся у него вещественных улик. Дома он упаковал фотоаппаратуру и несколько подготовленных для передачи в Центр плёнок со снимками документов, выехал за город и закопал все это в

месте, которое присмотрел для этих целей заранее.

Вернувшись домой, Ким стал анализировать предшествующий исчезновению Маклейна и Бёрджесса ход событий. Дело в том, что он сам предусмотрел план спасения Маклейна с участием Бёрджесса, но исключал его отъезд из страны. Центр, в свою очередь, информировал Кима о разработанном для него лично плане нелегального выезда из США в случае неблагоприятного развития ситуации. Филби однозначно решил для себя, что будет бороться до конца. Он, однако, понимал, что неожиданный побег Бёрджесса кардинально изменил его положение. Английская контрразведка вместе с ФБР теперь самым тщательным образом изучит его биографию. И каждый раз они будут сталкиваться с фамилией Бёрджесса. Они не пройдут мимо совместной учёбы в Кембридже, когда у них были про-коммунистические взгляды, причастности Бёрджесса к поступлению Кима работу в СИС, поездки Бёрджесса в 1948 году в Стамбул, где Ким в то время был резидентом СИС, и, например, факта проживания Бёрджесса в Вашингтоне на квартире у Филби. Ким после того, как вместе с Бёрджессом отработал и согласовал с Центром план по спасению Маклейна, перед отъездом Гая в Лондон в довольно жесткой форме предупредил его: «Смотри, не вздумай сам убежать».

Предлагая Центру план спасения Маклейна с помощью Бёрджесса, Филби исходил из того, что Маклейн во время последний командировки в Каир очень плохо себя чувствовал, имели место серьёзные срывы в поведении, и по возвращении в Лондон он находился в состоянии глубокой депрессии, на грани психического расстройства. Сказались годы нервной напряженной работы.

В этой связи Филби с Бёрджессом, наша лондонская резидентура и Центр пришли к выводу, с что самостоятельно бежать Маклейн не сможет и что ему нужен сопровождающий, который обеспечил бы конспиративный выезд ему из Англии. К тому времени Маклейн уже находился под оперативно-техническим контролем контрразведки и вряд ли сумел бы самостоятельно решить все вопросы выезда из страны. Более подходящей кандидатуры на роль сопровождающего, чем Бёрджесс, по мнению Филби, не было. Предлагая план спасения Маклейна при непосредственном участии Бёрджесса, Филби ни на минуту не сомневался в преданности Гая их общему делу и его способности действовать в экстремальной ситуации. Однако одного только не мог учесть Ким — что сам Бёрджесс был на грани нервного срыва в любой момент.

Отъезд Бёрджесса в Лондон в целом вписывался в план вывода Маклейна из-под угрозы ареста и сведения до минимума возможного ущерба. Бёрджесс немного злоупотреблял алкоголем, и его срыв ставил под угрозу всю предыдущую работу. Филби впоследствии неоднократно задавал себе вопрос: почему же все-таки Бёрджесс нарушил данное им слово и бежал в СССР вместе с Маклейном? Но до самых последних дней своей жизни он так и не смог найти для себя однозначного ответа.

Бегство Маклейна и Бёрджесса ещё более накалило обстановку в высших английских кругах. Затянувшееся молчание Лондона,

державшее Филби в напряжении, было прервано поступившей телеграммой, в которой его просили прокомментировать факт бегства Бёрджесса вместе с Маклейном и объяснить мотивы такого поступка. В ответной телеграмме Филби сообщил, что дружил с Бёрджессом на протяжении многих лет, но никогда не допускал мысли о том, что Бёрджесс мог вести двойную жизнь, и в силу этого не находит объяснений его поступку.

Характер запроса убедил Кима в том, что в Лондоне основательно расследуют не только дело Маклейна — Бёрджесса, но и вплотную занялись проверкой его возможной причастности к организации их побега. Подтверждением этого явилось полученное вскоре личное письмо заместителя начальника СИС Истона к Филби, направленное с прилетевшим в краткосрочную командировку в Вашингтон офицером СИС, специализировавшимся на дезинформационных акциях.

В написанном от руки письме Истон сообщал Киму, что вскоре он получит телеграмму с вызовом в Лондон, и рекомендовал не затягивать с отъездом.

Проанализировав все факты, Филби решил, что в Лондоне подозревают его не просто в причастности к побегу Маклейна и Бёрджесса, но и в принадлежности к советской разведке. По расчетам контрразведчиков, ощущение опасности должно было побудить его срочно связаться с представителями советской разведки в США, чтобы негласно покинуть Вашингтон. Если бы события развивались по этому варианту, то ФБР и МИ-5 не только предотвратили бы возможный побег, но и получили бы доказательства работы Филби на советскую разведку. Дальнейший ход событий подтвердил его опасения. Вскоре Ким получил телеграмму за подписью директора разведки Мензиса о необходимости прибытия в Лондон.

Выполнив указание СИС, Филби прибыл в Лондон. При посадке в автобус он заметил мечущегося и кого-то искавшего Бремера — высокопоставленного офицера административного управления СИС. По всей вероятности, это мог быть знак опасности, поданный Киму Истоном. Подписывая телеграмму о вызове Кима, Мензис дал указание Истону «подстраховать» прибытие Филби в Лондон, чтобы «ретивые ребят» из контрразведки не перехватили Кима и не наделали глупостей.

По прибытии домой Филби тут же позвонил Истону. Истон переспросил, кто звонит. После ответа Кима раздался вздох облегчения. Шеф попросил Филби немедленно приехать в СИС. Встретив Кима, Истон сказал, что директор МИ-5 Дик Уайт прямо сейчас хочет поговорить с ним по делу Маклейна — Бёрджесса.

Первая беседа с Уайтом проходила в присутствии Истона и длилась часа полтора. В основном речь шла о Бёрджессе и его отношениях с Маклейном. Уайт задал Киму также много вопросов, связанных с этим делом.

Попросив все изложить подробно на бумаге и передать Истону, Уайт на сей раз холодно попрощался с Филби, не подав ему руки. Кима такое поведение Уайта не смутило. Он понимал: первый раунд поединка с контрразведкой он выдержал и получил возможность к

дальнейшей борьбе. Ким был уверен в себе.

В это же самое время директор СИС генерал Мензис получил от директора ЦРУ резкое письмо, в котором, кроме близких отношений Филби с Бёрджессом, приводились давние показания предателя Вальтера Кривицкого о том, что ОГПУ направляло во франкистскую Испанию своего агента — тайного журналиста. Директор ЦРУ вспомнил и информацию Волкова о том, что начальник контрразведывательной службы в Лондоне — агент советской разведки, а также указал на некоторые неудачные, на его взгляд, совместные англо-американские разведывательные операции в период пребывания Филби в Вашингтоне. В конце письма шеф ЦРУ Б. Смит в категорической форме ставил вопрос о невозможности возвращения Филби в США в качестве представителя СИС.

Сообщив Филби о полученном письме, Мензис попросил Кима подать в отставку. Вскоре после отставки Мензис вновь пригласил Филби к себе и сказал, что начато официальное юридическое расследование обстоятельств побега Маклейна и Бёрджесса, которое поручено возглавить советнику Мильмо, работавшему во время войны следователем в контрразведке. Первый же допрос Филби советник Мильмо повёл напористо, задавал вопросы в безапелляционной форме. По всему было видно, хотел попытаться уличить Филби в работе на советскую разведку. Ничего не добившись, дальнейшие допросы Мильмо поручил продолжить опытному следователю МИ-5 Скардону. Однако все попытки последнего «разговорить» Филби успеха не имели. Дело кончилось тем, что Кима оставили в покое с небольшим выходным пособием.

Центр и лондонская резидентура в это время приняли все меры для того, чтобы выяснить судьбу Филби и оказать ему необходимую помощь. В результате проведенных оперативных мероприятий удалось установить, что Ким выдержал натиск контрразведки, но остался под плотным наблюдением. Но наша резидентура все же смогла конспиративно передать Киму деньги через связного, так как выходное пособие порядком истощилось и он оставался к тому же без работы.

Твёрдо отрицая причастность к делу Маклейна — Бёрджесса и тем более к советской разведке, искусно строя защиту, Филби ждал, когда его противники допустят просчет или ошибку, чтобы перейти от обороны в решительное наступление.

И в скором времени Филби удалось использовать появившуюся возможность, и он от обороны перешёл к наступлению и сумел добиться того, что в 1955 году министр иностранных дел Великобритании Гарольд Макмиллан во время дебатов в парламенте вынужден был публично снять все обвинения с Филби. Английским властям трудно было верить, что талантливый разведчик Филби, награжденный за особые заслуги орденом Британской империи, — шпион.

Добившись снятия обвинений, Филби вскоре при помощи своих старых друзей, продолжавших работать в СИС и заинтересованных в полной реабилитации Кима, выехал в Ливан в качестве внештатного

сотрудника разведки под прикрытием корреспондента английских газеты «Обсервер» и журнала «Экономист» на Ближнем Востоке. Вскоре от него в Центр стала поступать важная политическая и оперативная информация о работавших в этом регионе сотрудниках ЦРУ и СИС, их вербовочных устремлениях. Советская разведка, зная о подозрениях МИ-5, принимала особые меры по обеспечению личной безопасности Кима Филби.

Январским утром 1963 года на квартиру Филби в Бейруте позвонила секретарша резидентуры СИС и попросила его приехать в посольство. Ким в это время был болен и сказал, что как он поправится, сам позвонит. Спустя несколько дней Ким позвонил секретарше и сказал, что готов прибыть в посольство. В ответ он получил приглашение посетить ее на квартире.

На следующий день Ким был уже на квартире у секретарши и, к своему удивлению, застал там своего друга из СИС Николоса Элиотта, который предложил побеседовать с глазу на глаз. Предупредив сразу, что разговор будет неприятный. Элиотт при этом заявил: «Я должен тебе сказать, что твоё прошлое тебя догнало». Далее он пояснил, что от перебежчика Голицына и старой знакомой Филби — Флоры Соломон — контрразведке достоверно известно, что Ким работает на советскую разведку. Однако руководители СИС и МИ-5 уполномочили его предложить Филби освобождение от судебной ответственности в обмен на признание своей вины и выдачу всей интересующей их информации о сотрудниках советской разведки и известных Киму агентах. Филби, как мог, пытался убедить Элиотта, что это очередной навет и ему нечего добавить к тому, что он говорил следователям в 1951 году.

На следующий день Элиотт пригласил Филби с женой на обед, на котором кроме него была секретарша резидентуры СИС. Обед прошёл в дружеской обстановке. Прощаясь с Кимом, Элиотт сказал ему, что на следующий день возвращается в Лондон, и просил ещё раз обдумать их предыдущий разговор. О принятом решении Ким должен сообщить резиденту СИС в Бейруте — Питеру Лану. Вскоре Лан позвонил сам Филби и поинтересовался, не хочет ли Ким встретиться с ним по известному вопросу. Ким ответил, что у него ничего нового для Питера, пока нет. Если он что-нибудь надумает, то позвонит сам. Такой ответ Лану был продиктован необходимостью выиграть время.

Вечером у Кима состоялась встреча с сотрудником советской резидентуры, на которой он рассказал о сделанном ему Элиоттом предложении и необходимости в этой связи срочно выехать в СССР. Центр незамедлительно дал согласие на выезд в СССР Киму по предложенному резидентурой варианту.

В этой истории, между прочим, произошло интересное совпадение. В дни подготовки Кима к побегу Питер Лан взял 4-дневный отпуск и катался в горах на лыжах. В день возвращения Лана в Бейрут Филби удалось убыть из Ливана в Советский Союз. Анализируя впоследствии обстоятельства, позволившие выехать в СССР, К. Филби искал ответ на вопрос, чем объяснить демонстративную «беспечность» резидента СИС Питера Лана после столь строгого разговора Элиотта с Филби. Для Филби было

очевидным, что этой информацией о нем располагают и американские спецслужбы, так как Голицын бежал из Хельсинки в США. И если в данной ситуации американцы имели веские основания для ареста Филби, то СИС и консервативное правительство Великобритании, которое в это время возглавлял Гарольд Макмиллан, не были заинтересованы в таком развитии событий.

В 1961–1962 годах Англию захлестнула целая серия шпионских скандалов, и арест Филби мог бы привести к отставке правительства. Хорошо зная Кима Филби, руководство СИС понимало, что он ради обещанного иммунитета не пойдёт на предательство интересов советской разведки. Направляя в Бейрут Николаса Элиотта, руководство СИС исходило из того, что Филби правильно истолкует откровенную беседу с ним Элиотта и примет единственно верное решение — исчезнуть немедленно из Бейрута.

После того как полгода спустя Москва официально сообщила о пребывании Филби в СССР, Элиотт и еще несколько сотрудников СИС, поддерживавшие Кима, были без всякой огласки уволены. В отличие от 1951–1955 годов, после исчезновения Филби в 1963 году не последовало шумной кампании в прессе. Резидент СИС Питер Лан по возвращении из командировки был отмечен высокой наградой — орденом Святых Майкла и Джорджа.

Итак, Ким Филби прибыл в СССР, ставший для него второй родиной. После проведенного отпуска легендарный разведчик продолжил работу, которая была для него содержанием всей его жизни.

Выступая перед коллективом разведчиков на собрании, посвященном 100-летию со дня рождения Ф.Э. Дзержинского, Филби сказал:

«Большая часть моей жизни позади. Оглядываясь на прошедшие годы, я думаю, что прожил их не зря. Мне хочется от себя повторить слова Феликса Дзержинского, рыцаря революции, большого гуманиста: „Если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее так, как начал…“».

В период с 1963 по 1988 г. Филби жил нормальной полнокровной жизнью, женился, работал, путешествовал, отдыхал. Увлеченно трудился над воспоминаниями. Во время многочисленных поездок по стране встречался с коллективами сотрудников территориальных органов КГБ. Он был консультантом ПГУ КГБ СССР (внешняя разведка. — Н.Ш.).

Было у него и любимое дело, к которому он относился с особым старанием и любовью. Он вел учебные занятия с молодыми сотрудниками разведки. «Семинар Филби» — так назывались эти занятия — внес заметный вклад в разведывательную подготовку и воспитание молодых сотрудников внешней разведки.

Вот как описывает первое занятие в семинаре один из слушателей: «Декабрьский вечер. На конспиративной квартире в Москве молодёжь с трепетом ожидает появления легендарного разведчика. (Как признался потом Ким, он тоже волновался.)

Несколько вступительных слов, мгновенно снявших напряжение, и вот уже Ким увлеченно рассказывает о том, кем он собирался стать, поступая в Кембридж. Отвечая на вопрос о своих хобби, гость, в частности, сказал: „...С удовольствием перечитываю классиков английской литературы. Люблю хоккей (в качестве зрителя, конечно). И еще одно хобби: кулинария. Если сомневаетесь, приходите в гости“».

В 1980 году вышла на русском языке книга «Моя тайная война». Книга раскрывает мотивы его борьбы против фашизма и конфронтационной послевоенной политики Запада.

Незадолго до кончины Ким Филби в январе 1988 года дал интервью в Москве английскому писателю и публицисту Филипу Нойтли, в котором, подводя итог их беседы, сказал: «Что же касается возвращения на родину, то нынешняя Англия для меня — чужая страна. Здешняя жизнь — это моя жизнь, и переезжать я никуда не собираюсь. Это моя страна, которой я прослужил 50 лет! Я хочу быть похороненным здесь. Я хочу, чтобы мои останки покоились там, где я работал».

В своё время в СССР был создан хроникально-документальный фильм о советском разведчике К. Филби. В фильме принимает участие Юрий Иванович Модин. В советской разведке он служил с 1943 года, был последним «оператором» «Кембриджской пятёрки» и вошёл в историю как лучший куратор агентов внешней разведки КГБ СССР. Вся «пятёрка» подшефных Ю.И. Модина уже окончила свой земной путь. Последним ушёл из жизни в 1995 году Джон Кернкросс.

О своей работе с источниками-«кембриджцами» Ю.И. Модин говорит так: «Не могу сказать, что работать с ними было легко. По тем временам они давали наиценнейшую информацию. От них Советский Союз получал тысячи и тысячи секретных документов по внешней политике, ядерным исследованиям, военной технике, почти всю дипломатическую переписку крупнейших стран мира.

„Пятёрка“ информировала о секретных переговорах Англии и Франции с Германией перед началом Второй мировой войны и о попытках Германии заключить мирный договор с США в 1944–1945 гг. Проколов в работе с агентами быть не могло — такие вещи не прощались. И я, — пишет в своей книге Юрий Иванович, — очень горжусь тем, что в тюрьме никто из них не сидел. Это моё большое профессиональное достижение, и я горжусь этим».

Государство высоко оценило выдающиеся заслуги Кима Филби, наградив его орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны первой степени, Дружбы народов.

Ким Филби скончался 11 мая 1988 года, похоронен в Москве на Новокунцевском кладбище.

Бывший первый заместитель начальника внешней разведки В.А. Кирпиченко в своей книге «Из архива разведчика» пишет:

«На мою долю выпала печальная миссия быть 13 мая 1988 года председателем комиссии по организации похорон Кима Филби. Проводить его в последний путь пришли разведчики разных поколений, приехали из Англии его дети, собрались иностранные

корреспонденты.

Выступавшие на траурной церемонии рассказывали о жизненном пути знаменитого разведчика, о его неоценимых заслугах перед нашим государством, а я в последний раз всматривался в лицо Кима Филби. На нем уже не было привычной нам застенчивой улыбки. Но было ясно, что это было лицо благородного, интеллигентного и мудрого человека».

Когда в 1978 году были обнародованы сведения об истинной роли Филби, один из ответственных сотрудников ЦРУ заявил: «Это привело к тому, что чрезвычайно обширные усилия западных разведок в период с 1944 по 1951 год были безрезультатными. Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали».

А «Чикаго дейли ньюс» писала в 1968 году, что Ким Филби и его соотечественники Бёрджесс и Маклейн «дали русским такое преимущество в области разведки в годы „холодной войны“, результаты и эффективность которых были просто неисчислимы».

И, наконец, последнее. Когда британцы узнали, что высокопоставленный сотрудник их разведки МИ-6 Ким Филби долгое время работал на СССР, вся нация содрогнулась от отвращения. Разведчик, перешедший в постыдное качество «предателя», мгновенно превратился в бабника, алкоголика и совершенно опустившегося типа. Разве иначе он мог бы так «опустить» свою замечательную страну, вопрошали журналисты.

Но прошло немного времени, самолюбие нации восстановилось, и нынче мораль этой истории для подданных Её Величества звучит иначе: именно англичанин вошёл в историю как один из гениальнейших шпионов всех времен и народов. Разве по силам это было бы, скажем, какому-нибудь «макароннику» или «лягушатнику» (имеется в виду итальянец или француз. — Н.Ш.).

Вот он, состав гениальной «Кембриджской пятёрки».

1. Энтони Блант — (1907–1963).

2. Гай Бёрджесс — (1911–1963).

3. Ким Филби — (1912–1988).

4. Джон Кернкросс — (1913–1995).

5. Дональд Маклейн — (1913–1983).

* * *

К изложенному выше о разведчике К. Филби хотелось бы добавить несколько, на мой взгляд, интересных моментов, описанных в своей книге дочерью Кольманн — писательницей Барбарой Хонигманн.

В очередной книге Барбара сообщает некоторые подробности удивительной карьеры К. Филби, работавшего с 1930-х годов на советскую разведку.

К моменту своего появления в Вене осенью 1933 года Филби был убежденным марксистом. Он прибыл в Австрию служить делу прогрессивно настроенных людей, к сожалению, когда столкновения

профсоюзов с австрийским правительством фактически вылились в гражданскую войну. На одной из тайных встреч с коммунистами-подпольщиками в Вене он познакомился с Литци Кольманн, разведенной красоткой 23 лет, австрийской еврейкой.

«Он был на два года моложе меня, только что окончил Кембридж и был очень красив. Вел себя Филби как настоящий джентльмен. Тогда он был марксистом, — вспоминала Кольманн. — Он заикался, иногда больше, иногда меньше. Как и многие люди с дефектами, он был очарователен. Мы сразу же влюбились друг в друга».

В Вене они помогали укрывать венгерских и австрийских коммунистов. В конце концов, Когда коммунистическое восстание выдохлось, они бежали в Англию. В 1934 году Кольманн и Филби поженились.

Филби безуспешно пытался проникнуть на работу в МИД. При этом выбор им невесты огорчил его семью. «Его мать меня терпеть не могла. Она была в ужасе от нашего брака. Её единственный любимый сын женился на коммунистке, еврейке из Вены — какой кошмар!» — рассказывала Кольманн своей дочери, писательнице Барбаре Хонигманн.

Когда разразилась гражданская война в Испании, Филби был направлен туда в качестве корреспондента «Таймс».

Отношения Филби с Кольманн становились все более «открытыми». Филби имел множество романов. Но Кольманн тоже не отставала от него. Любовником Кольманн был голландский скульптор, и она часто устраивала вечеринки в своей парижской квартире. Когда началась Вторая мировая война, они вернулись в Англию как мистер и миссис Филби. А летом 1942 года их брак распался и Кольманн навсегда покинула Англию. После войны она поселилась в ГДР.

«Она входила в число евреек, составлявших костяк источников КГБ в Центральной Европе в этот период», — рассказал газете «Обсервер» биограф Филби Найтли.

После развода в 1942 году Кольманн неизменно отказывалась говорить о своих отношениях с Филби, не допуская к себе осаждавших ее квартиру в Восточном Берлине. Лишь в возрасте 80 лет, незадолго до смерти, она рассказала своей дочери эту историю.

А после войны Кольманн снова вышла замуж за левого немецкого журналиста, который во время войны жил в Лондоне. Их единственным ребёнком была Хонигманн. В своих мемуарах, «Одна из глав моей жизни», Хонигманн вспоминает, как она узнала о существовании другого мужа своей матери. Однажды она увидела имя Филби на двухтомнике стихотворений Шелли. Немногим позже в старой обувной коробке она вдруг обнаружила фотографию молодого Филби с курительной трубкой в руке. Когда она спросила свою мать, кто этот человек, Кольманн попросила дочь больше думать о занятиях балетом.

Уже в 1935 году Кольманн знала, что Филби работает на советскую разведку. Но она нигде и никому не обронила по этому поводу ни единого слова. И ее молчание после войны позволило Филби

попасть в высшие эшелоны британской спецслужбы. И почти два десятилетия Филби работал ещё на Советский Союз.

В 1951 году Филби попал под подозрение контрразведки после разоблачения членов «Кембриджской пятёрки» Г. Бёрджесса и Д. Маклейна. Но окончательно он был разоблачен как «третий» член «пятёрки» лишь в 1963 году, после чего срочно бежал в Москву.

Ее мать, подчеркивает Хонигманн, в любой момент могла пойти в британское посольство в Восточном Берлине и выдать Филби. Но Кольманн этого не хотела делать, хотя они больше никогда ни по каким делам не встречались.

В 1960-е годы Хонигманн ездила в Москву и встречалась с Маклейном, бежавшим в Советский Союз в 1951 году. Он не был счастлив после всего случившегося. Но потом все потихоньку улеглось.

Позже Кольманн разочаровалась в коммунистической системе, которой она отдала так много жизни. В 1984 году она уехала из ГДР в свою Вену с двумя маленькими чемоданами.

Перед смертью в 1991 году она изо всех сил стремилась оставаться в безвестности, говоря журналистам, которые узнали о ней из последнего интервью Филби, которое он дал незадолго до смерти в 1988 году, что ей нечего больше сказать.

Недавно Хонигманн, известная немецкая писательница, объявила, что написала мемуары о своей матери, в которых Киму Филби отведена второстепенная роль. «Я не хотела писать еще одну книгу о Филби, — заявила она. — Я долго вынашивала все это в себе и в конце концов решила: „Теперь об этом надо написать“».

* * *

А теперь о том, что поведал сам Ким Филби много лет спустя о перипетиях своей жизни в Англии, Бейруте и Москве.

Ким Филби прибыл в Советский Союз в январе 1963 года. Он бежал из Бейрута, о чем не знала даже его жена. Ситуация вокруг разведчика складывалась таким образом, что его могли арестовать со дня на день. Он это знал и чувствовал. Ким бежал один и первое время в Москве тоже находился один. Коллеги, работавшие с ним в Англии, либо погибли во время войны, как Арнольд Дойч, либо получили пулю в затылок от своих же сотрудников, как Теодор Мали, либо остались инвалидами после лагерей, как Дмитрий Быстролётов, либо были уволены из органов по «пятому пункту», как Анатолий Горский и многие другие.

Бейрут, 23 января 1953 года. 19 часов 30 минут. Ким Филби, корреспондент газеты «Обсервер» и журнала «Экономист» по Ближнему Востоку, должен заехать за женой Элеонорой, чтобы отвезти ее на прием, который устраивает первый секретарь посольства Великобритании Глен Балфур Пол. Но раздается телефонный звонок, и ей сообщают, что вначале Филби зайдет на почту и отправит телеграмму, а с ней встретится на приеме.

Элеонора, которая привыкла к специфике журналистской работы

мужа и знала о принадлежности Филби к разведывательной службе Великобритании, но не подозревала о его связях с КГБ, идет на прием одна.

Филби на прием так и не пришел. На следующий день она получает письмо, в котором Филби сообщает, что ему необходимо отправиться в длительную поездку по репортерским делам. Жене он оставил 2000 фунтов стерлингов наличными.

Об исчезновении Филби сообщалось удивительно мало. Только 29 марта Эдвард Хит от имени Министерства иностранных дел сделал заявление об этом. В начале июня британской разведке становится известно, что Филби находится в Москве, но английская общественность узнала о его местопребывании лишь 30 июня 1963 года, когда газета «Известия» сообщила, что он попросил политического убежища в Советском Союзе.

Следует отметить, что после побега коллег Филби Бёрджесса и Маклейна в СССР, Филби был уволен из СИС (разведка — Н.Ш.). Для него наступили довольно трудные времена. Но его друзья Николас Элиот и Джордж Янг (коллеги по СИС), подыскали ему работу в Бейруте. Там он работал на СИС под прикрытием корреспондента по Ближнему Востоку изданий «Обсервер» и «Экономист».

В июле 1963 года Филби планировал побывать в Лондоне, в пределах досягаемости для британского суда и секретных служб, если бы они вдруг захотели с ним разделаться. Однако руководство СИС решило направить Элиота в январе в Бейрут для личной встречи с К. Филби.

К этому времени многие подозревали Филби в принадлежности к СИС, поэтому сотрудники МИ-5 (контрразведка Англии. — Н.Ш.) наверняка контролировали его корреспонденцию. Должны были прочитать и его письмо Астору. Нет, тут что-то не так. СИС было известно, что Филби через несколько месяцев должен был приехать в Лондон, и все-таки ее руководители приняли решение заняться Кимом в Бейруте. Встаёт вопрос: почему?

Элиот, близкий друг Филби, привез с собой в Бейрут веские доказательства его измены. Сотрудник КГБ Анатолий Голицын, перебежавший на Запад, в Хельсинки, в декабре 1961 года предоставил информацию, наводившую на Филби. На самом деле веские доказательства поступили от Флоры Соломон, старой приятельницы Филби, служившей в фирме «Маркс энд Спенсер». Она была очень сердита на Филби за то, что он, по ее словам, посылал из Бейрута антиизраильские сообщения, и поведала об этом Ротшильду, добавив еще, что он коммунист и пытался завербовать ее для «важной работы в защиту мира».

В Бейруте Элиот ознакомил Филби с новыми доказательствами его вины и предложил ему дать согласие на сотрудничество со следствием в обмен на освобождение его от судебного преследования. Филби попросил предоставить ему время поразмыслить.

Заявление Флоры Соломон явилось для Филби полной неожиданностью. Он знал ее с детства. Она была другом его семьи.

Позже, когда Филби работал уже с русскими, он встречался с ней. В разговоре он делал вид, что симпатизирует фашистским идеалам. В то время она твердо придерживалась левых убеждений, но позднее, став произраильски настроенной, она, очевидно, очень изменилась.

Принять предложение Элиота Филби не мог категорически. Дело в том, что ему было предложено рассказать все, что он знал о КГБ, назвать тех, кто еще работал в Великобритании. Эллиот упомянул несколько имен, и некоторые очень встревожили Филби. Стало очевидным, что соглашение может быть аннулировано в любой момент, если Филби откажется назвать кого-либо. Пойти на такую сделку разведчик не мог.

По мнению Филби (а оно совпадало с мнением Центра), то обстоятельство, что встреча состоялась в Бейруте, а не в Лондоне, и что ему заведомо было сделано неприемлемое предложение, свидетельствует о намерениях английских спецслужб подтолкнуть Филби к побегу, ибо в это время британское правительство меньше всего хотело, чтобы разведчик Филби оказался в Лондоне, чтобы разразился скандал и состоялся судебный процесс.

Имеются данные, которые подтверждают, что такое толкование событий соответствует действительности. С тех пор как Филби после бегства Бёрджесса и Маклейна в 1951 году впервые попал под подозрение, СИС боролась за то, чтобы сохранить свои особые отношения с ЦРУ. Если бы Филби было разрешено вернуться в Великобританию, его бы арестовали и судили и СИС вынуждена была бы признать, что, уволив Филби по серьезному подозрению, впоследствии вновь приняла его на работу и послала в Бейрут. И, что еще хуже, сделала это, не проинформировав непосредственно ЦРУ.

Более того, в этот период консервативное правительстве Гарольда Макмиллана подверглось острой критике в связи с целой серией скандалов, связанных с безопасностью. В памяти общественности было свежо дело Джорджа Блэйка, сотрудника СИС, приговоренного к 42-м годам тюремного заключения за шпионаж в пользу русских. 13 ноября 1962 года было объявлено о создании специального трибунала для расследования дала Джона Вэссела, занимавшегося шпионажем в стенах Военно-морского министерства. В декабре была приговорена к двум годам тюремного заключения за передачу сведений своему любовнику-югославу старший сотрудник Центрального информационного управления. Дело Филби могло стать той последней каплей, которая решила бы судьбу подвергавшегося нападкам правительства.

Однако следует обратить внимание еще на одно обстоятельство в рассказе Филби о сделанном ему предложении. Он подчеркнул, что ряд имен подозреваемых, перечисленных Элиотом, встревожил его. Другими словами, британские службы в своих подозрениях в отношении этих людей не ошибались. Если это были агенты, позднее разоблаченные, как, например, Блант, Блэйк, Филби, вероятно, не стал бы упоминать об этом факте. Но, упомянув о нем, он тем самым посеял подозрения, что из встревоживших его лиц не все были раскрыты и некоторые еще действовали на тот период.

Бытует мнение, что Филби был якобы кем-то предупрежден о том, что в скором времени его могут арестовать. Филби по этому поводу заявляет следующее:

«Никакого предупреждения я не получал. Дело в том, что в течение 12 лет я готовился к подобной ситуации, так как знал: провал может произойти в любой момент. И когда этот день пришел, что мне оставалось делать? Говорили, что я колебался, но это неправда. Просто я задержался и немного выпил, чтобы показать окружающим, что ничего непредвиденного не произошло, и потратил немного времени, чтобы удостовериться, что пути для отступления по-прежнему надежны. А там — ищи ветра в поле. Как могли меня остановить? В Бейруте у меня были не только враги, но и хорошие верные друзья».

Тот факт, что британскому правительству потребовалось целых два месяца для того, чтобы сообщить об исчезновении Филби, и что о нем было объявлено не раньше начала июня, когда стало известно, что он находится в Москве, способствовал появлению многочисленных гипотез о маршруте его побега. Вероятно, самая правильная версия лежит на поверхности. В ночь на 23 января 1963 года в бейрутской гавани находилось советское грузовое судно, которому понадобилось не менее пяти дней, чтобы добраться до ближайшего советского порта на Черном море.

Итак, представьте себе Черное море, разгар зимы, пять часов утра, небольшой пограничный пост. Стол, несколько стульев, печка, которая топится углем. На печке кипит чайник, в воздухе плавает табачный дым. Филби ждут три или четыре милиционера и сотрудник госбезопасности, знающий английский язык. Его специально прислали из Москвы, чтобы встретить Кима Филби.

По завершении формальностей Филби извинился за свое прибытие. Сказал, что хотел остаться на Западе и продолжать работу, но попал в слишком затруднительное положение. Коллега из Москвы заметил, что Филби несколько волнуется. Он положил руку на плечо Филби и произнес следующее: «Ким, ваша миссия закончена. В нашей службе существует правило: как только тобой начинают интересоваться спецслужбы — это начало конца. Нам известно, что британская контрразведка заинтересовалась вами в 1951 году. А сейчас год 1963-й — прошло 12 лет. Дорогой Ким, за что же вы извиняетесь?»

По прибытии в Москву Филби начал излагать свои воспоминания и эмоции на бумаге. На это у него ушло что-то около трёх лет. Но потом, примерно году в 1967-м, положение изменилось. Ким вспоминает:

«Зарплату я получал регулярно, как и прежде, но работы становилось все меньше. Создавалось впечатление, что в КГБ не представляют, каковы мои потенциальные возможности. Я почувствовал разочарование, впал в депрессию, ужасно пил и, что еще хуже, начал сомневаться, правильно ли я поступил. Видите ли, я никогда ничего не принимал на веру».

«…Благотворно повлияла на меня встреча с Грэмом Грином, произошедшая несколько лет назад. Впервые за долгие годы нашей дружбы мы смогли откровенно говорить друг с другом. Обсудили

вопрос о сомнениях, имевший такое большое значение для нас обоих. О тех сомнениях, которые беспрестанно испытывали мы оба: он — как католик, я — как коммунист.

Пытаясь преодолеть это состояние, я начал путешествовать. Объехал весь Советский Союз, но мне не стало легче. Не знаю, как долго продолжались бы мои сомнения и депрессия, если бы в 1970 году все не начало меняться в лучшую сторону: я встретил женщину, которую ждал всю жизнь, — я встретил Руфу».

Досужие журналисты часто спрашивали Филби: «Когда вас завербовали русские? Расскажите о кембриджской шпионской группе?»

Филби: «Кембриджской группы не существовало. Это чепуха, выдуманная журналистами и авторами книг о шпионах. Я начал работать с русскими не в Кембридже. То же самое следует сказать о Бёрджессе и Бланте. В отношении Маклейна я точно не знаю, но сомневаюсь в этом.

Теперь о том, как все это начиналось. Когда я был девятнадцатилетним студентом, я старался сформировать свои взгляды на жизнь. Внимательно осмотревшись, я пришел к простому выводу: богатым слишком долго чертовски хорошо живется, а бедным — чертовски плохо, и пора все это менять.

Английские бедняки в то время считались фактически людьми низшего сорта. Я помню, как бабушка говорила мне: „Не играй с этими детьми. Они грязные, и ты можешь что-нибудь от них подцепить“. И дело было не только в недостатке денег. Дело в том, что им недоставало еды.

Как только я пришел к выводу, что мир устроен чертовски несправедливо, передо мной встал вопрос о том, каким образом можно изменить создавшееся положение. Я заинтересовался проблемами социализма. К этому времени я уже был казначеем общества социалистов Кембриджского университета и выступал в поддержку лейбористов во время предвыборной кампании 1931 года».

Свою речь на предвыборных митингах Филби начинал словами: «Друзья мои, сердце Англии бьется не в дворцах и замках. Оно бьётся на фабриках и фермах». Лейбористы потерпели тогда сокрушительное поражение, а премьер-министр Рамсей Макдональд вышел из партии, чтобы остаться на посту главы правительства, опирающегося на поддержку консерваторов и либералов. Этот шаг расценивался многими сторонниками лейбористской партии как предательство дела социализма.

Эти события заставили Филби расстаться с иллюзиями, однако он полагал, что это скорее поражение британских левых сил, нежели поражение левых сил вообще. Поэтому когда в Кембридже наступили каникулы, Филби отправился в путешествие по Европе, чтобы посмотреть, как обстоят дела у левых в других странах.

Положение там было столь же незавидным. В Германии подскочил уровень безработицы и с рабочим классом обращались так же плохо. Социал-демократы не производили сильного впечатления. «Однако

существовала прочная база левых сил — Советский Союз, и я понял, что надо внести свою лепту в то, чтобы эта база продолжала существовать во что бы то ни стало», — сделал для себя вывод Филби.

Некоторое время спустя в Вене Филби связался с нелегальным коммунистическим движением и стал коммунистом. В Австрии складывалась критическая ситуация, и нелегальным организациям были необходимы добровольцы. Филби начал помогать вывозить из страны разыскиваемых полицией социалистов и коммунистов.

Рассказ Филби о его пребывании в Вене отличается от общепринятой версии. До настоящего времени считалось, что он жил в доме польского еврея Исраэля Кальмана, состоял в любовной связи с его дочерью Литци, на которой впоследствии женился, и именно ею был втянут в кровавую схватку двух идеологий — фашизма и коммунизма. Согласно общепринятой версии, или Литци, или венгерский коммунист Габор Петер завербовали Филби для работы на русскую разведку.

Филби: «Моя деятельность в Австрии, видимо, привлекла внимание моих русских коллег, потому что сразу же по возвращении в Великобританию, весной 1934 года, со мной установили контакт и поинтересовались, не хочу ли я поступить на службу в советскую разведку. Это предложение я принял не колеблясь.

По оперативным соображениям я не назову имени, с кем я беседовал, однако замечу, что он не был русским, хотя и работал на русских. Он сказал мне, что восхищен моим решением. Вопрос состоял теперь в том, как наилучшим образом меня использовать. Мне не нужно было отправляться в путь, чтобы погибнуть где-то на чужих полях сражений или писать военные корреспонденции в „Дейли уоркер“. Меня ждали более важные битвы, которые предстояло выдержать, однако для этого требовалось проявить терпение. В течение последующих двух лет мне не давали практически никаких заданий — проверяли мою решимость.

Я знал тогда, что Бёрджесс и Блант начали работать с русскими, и не в Кембридже, а позже. Я не знал Маклейна до войны, но сомневался, чтобы он начал работать в Кембридже. Так что идея существования Кембриджской группы не выдерживает критики, но она породила массу нелепостей.

Люди годами искали вербовщика. Если существовала разведывательная группа в Кембридже, то почему бы не быть ей в Оксфорде?

Неужели иным руководителям никогда не приходило в голову, что кто-то, уже работавший с русскими, мог просто поговорить с другом, а затем порекомендовать его, как я в своё время рекомендовал Бёрджесса».

Если рассказ Филби правдив, то он дает ответ на один часто задававшийся вопрос: если советские чекисты столь активно действовали в Кембридже, то почему никто не заявлял: «Русские пытались завербовать меня, но я дал им отпор?» Теперь ответ будет таков: никто и не мог сказать, что его пытались завербовать русские

спецслужбы, потому что тот, кто делал это, просто осторожно зондировал почву во время беседы. И если его предложение отвергали, то дружеские отношения не позволяли сообщать о случившемся. В заявлении Филби содержится намек на то, что он и был тем человеком, который рекомендовал не только Бёрджесса, но и остальных, однако это всего лишь догадка.

Далее Филби утверждал, что не было никакой ячейки Коминтерна. Все они начали работать по одиночке. Связь с нами осуществлял Бёрджесс — единственный, кто знал всех. О том, что Блант, Бёрджесс и Маклейн тоже работают на русских, от Филби узнали позже. Бёрджесс написал Филби, кажется, в 1934 году о своём решении, и он поздравил его. С Маклейном Филби встречался только раз в 30-е годы. Потом он встретился с ним в 1940 году, когда вернулся из Франции. После падения Парижа Филби потерял контакт с русскими, и в Англии ему пришлось снова его устанавливать.

К тому же Филби уже знал о работе Маклейна, поэтому попросил его о помощи. О том, что Блант работает на русских, Филби не знал до 1941 года. Однажды Блант подошел к Филби (Ким даже перепугался) и напрямик сказал: «Я знаю, чем вы занимаетесь. Что ж, я делаю то же самое». По какой-то причине он потерял связь и нуждался в помощи для ее восстановления. Филби, естественно, оказал помощь коллеге.

Как уже давно стало известно, в 1961 году сотрудник СИС, который работал на русских, был арестован. Речь идет о Джордже Блэйке. Он был приговорен к 42 годам тюремного заключения, но спустя пять лет совершил сенсационный побег из тюрьмы «Уормвуд скрабз» и был тайно переправлен в Москву.

В 1949 году Филби получил важное назначение в Вашингтон в качестве британского офицера связи при ЦРУ и ФБР. Планировалось, что Стюарт Мензис (бывший в то время шефом разведки) уйдет в отставку и передаст дела своему заместителю Джеку Истону лишь на короткое время. Тогда Филби попал бы в список ближайших кандидатов на должность шефа. Назначение же на работу в Вашингтон свидетельствовало о том, что он в этот список попал. Вряд ли Филби получил бы это назначение по той причине, что он не принадлежал к числу «хороших штабных работников», в отличие от Мензиса. Но у Филби был верный шанс стать заместителем или помощником руководителя Секретной службы.

«Во всем виноват Бёрджесс, черт побери, — говорит Филби, — и его решение бежать в Москву вместе с Маклейном. Это навлекло на меня подозрения, поскольку он жил в Вашингтоне у меня на квартире. Я считал, что будет лучше, если я смогу в определенной степени контролировать его поведение.

Предполагалось, что он только поможет бежать Маклейну из Лондона. Но у меня, должно быть, появилось предчувствие, поскольку перед его отъездом из Вашингтона в Лондон я сказал ему: „Смотри не убеги вместе с Дональдом“».

Еще до побега Филби в Советский Союз среди сотрудников СИС бытовало мнение, что шеф ФБР Джон Эдгар Гувер подозревал Филби. Он же распорядился прослушивать его телефоны с того момента, как

Ким прибыл в Вашингтон.

Филби: «Удивительно, как много объявилось людей после моего прибытия в Москву в 1963 году, которые уверяют, что всегда подозревали меня. Некоторые рассказывают просто изумительные истории. Говорят, Мензис подозревал меня до того, как я отправился в Соединенные Штаты. Однако могу вас заверить, что если бы возникло хоть малейшее подозрение в моей политической благонадежности, то я бы никогда не получил назначения в Вашингтон.

Гувер подозревал меня не больше, чем любого англичанина. Да, ФБР установило подслушивающую аппаратуру в моем доме. Мой предшественник Питер Двайер предупредил меня, что ФБР будет прослушивать мои телефоны первые три месяца, точно так же, как оно прослушивало его телефон. Но ФБР ничего не узнало. Все рухнуло из-за бегства Бёрджесса вместе с Маклейном в Москву».

Три года ФБР пыталась найти ключ к шифру, использовавшемуся русскими в радиопередачах, которые велись из советского консульства в Нью-Йорке на Москву в 1944–1945 годах. Весной 1949 года работа дала первые результаты: была получена информация о том, что в начале 1945 года в английском посольстве укрывался русский агент по кличке Гомер, занимавший достаточно высокое положение, чтобы иметь доступ к телеграфным посланиям, которыми обменивались Черчилль и Трумэн. Гомер передавал содержание этих телеграмм в Москву.

Работая в паре, ФБР и МИ-5 постепенно сужали крут подозреваемых. Филби, как офицер связи с ФБР, был осведомлен о начавшемся расследовании и понимал, что Маклейн, он же Гомер, будет вскоре разоблачен. Он сообщил об этом в КГБ, и срочно был подготовлен план бегства Дональда Маклейна.

Филби: «Для КГБ это обернулось большими неприятностями. Мы могли сделать одно — разработать план, как выйти сухими из воды, если всё рухнет. От заранее разработанного плана вывоза Маклейна из Лондона пришлось отказаться, так как МИ-5 установила за ним наблюдение. В соответствии с новым планом Бёрджесс должен был согласовать все в Лондоне и побудить Маклейна к уходу».

В четверг, 24 мая 1951 года, на встрече сотрудников СИС, МИ-5 и Министерства иностранных дал было решено обратиться к министру иностранных дел Герберту Моррисону за разрешением допросить Маклейна в следующий понедельник. Моррисон подписал разрешение в пятницу. А поздно ночью Бёрджесс и Маклейн пересекли пролив и начали свое долгое путешествие в Москву. Выбор времени бегства позволял властям полагать, что третий человек предупредил их о предстоящем допросе. Подозрения пали прежде всего на Кима Филби, но Питер Райт и другие считали, что это должен быть Роджер Холлис.

Филби: «Не было никакого предупреждения, если не считать того, что я послал Бёрджессу записку, где указал, что охота на Гомера уже активизируется. Надо действовать немедленно. Убегая, он в спешке оставил письмо в своей квартире, и Бланту пришлось здорово покрутиться, чтобы добыть его раньше, чем оно попадет в чужие руки».

Сам по себе напрашивается вопрос, почему с Маклейном ушёл и Бёрджесс.

Филби: «Он дошел до предела, был близок к нервному срыву, ближе, чем кто-либо предполагал. Его карьера в Англии закончилась, что делало его малополезным для КГБ. Мы все так беспокоились о Маклейне, что не обращали внимания на Бёрджесса. А он был в состоянии сильнейшего стресса.

Перед отъездом из Вашингтона Бёрджесс случайно встретился со своим американским знакомым Майклом Стрейтом, который знал о том, что Бёрджесс работает на русских, и угрожал выдать его сотрудникам безопасности».

Филби продолжает: «С позиций сегодняшнего дня очевидно, что не только бегство Бёрджесса, но и бегство Маклейна было ошибкой. Я знал, какие улики имели против Маклейна, и был уверен, что на их основании его вину доказать будет невозможно. Он мог бы выкрутиться, пригрозив возбудить дало против Министерства иностранных дел. Они бы наверняка отступили. А затем, когда через пару лет все бы улеглось, он мог бы поехать в отпуск в Швейцарию и оттуда в Москву».

В Москве Бёрджесс не сразу адаптировался. Он доставлял здесь руководителям определенные хлопоты. Они делали для него все, что могли, но он не успокаивался. В России он хотел заниматься одним — возглавить английский отдел КГБ. Но шансов получить эту работу из-за различных бюрократических препон и ряда других причин у него не было, и это его огорчало. Он и Маклейн без дела слонялись по Москве, а журналисты преследовали их.

И вот было принято решение помочь им начать новую жизнь, отправить их в Куйбышев. Маклейн получил преподавательскую работу и зажил нормально, а Бёрджесс по-прежнему катился вниз.

Через пару лет преподавательская работа Маклейну наскучила, и он направил Молотову письмо, в котором попросился в Москву. И Молотов подыскал ему работу в сфере внешней политики. На этом поприще Маклейн преуспел, написал хорошую книгу «Внешняя политика Великобритании после Суэца». Британская пресса по-прежнему проявляла к нему интерес.

Что касается Гая Бёрджесса, то ему так и не удалось приспособиться к новым условиям жизни. Он продолжал катиться по наклонной плоскости. При жизни Филби так и не удалось встретиться с ним. Сотрудники КГБ делали все, чтобы они не встречались во избежание взаимных упреков в случившемся. «Жаль, что мы не повидались с ним перед его смертью, — говорил Филби. — Он был неплохим другом».

Через три недели после исчезновения Бёрджесса Маклейна Филби отозвали из Вашингтона в Лондон. Против него не было улик, но тот факт, что он проживал в одном доме с Бёрджессом, по мнению некоторых американцев, его компрометировал. Филби пользовался репутацией первоклассного контрразведчика. Как же он мог жить вместе с советским агентом и ничего не заподозрить? К числу

подозреваемых Филби относился директор ЦРУ генерал Уолтер Беделл-Смит. Из всех западных разведчиков Беделл-Смит, несомненно, обладал самым острым умом.

Что же касается знаменитого Джеймса Джезуса Энглтона, высшего офицера контрразведки ЦРУ, то не подозревал ли он Филби в течение какого-то времени?

Филби: «Впервые я встретился с Энглтоном в 1943 году. Потом мы иногда встречались в обществе. Но затем его направили в Италию, и я потерял с ним контакт. Но в Вашингтоне мы были довольно близки. Пожалуй, обедали раза три и разговаривали по телефону раза три-четыре в неделю.

Не думаю, чтобы у Энглтона возникли подозрения в отношении меня до бегства Бёрджесса и Маклейна, но даже тогда он меня сразу не подозревал. Он позвонил мне в тот день, когда я должен был возвращаться в Лондон, и назначил встречу. Мы немного поболтали, и он спросил, как долго я буду отсутствовать.

Когда я ответил, что приблизительно неделю, он попросил меня об одолжении — передать конверт главе Представительства ЦРУ в Лондоне. Он сказал, что пропустил почту, а ему очень хотелось, чтобы конверт как можно скорее попал в Лондон. Невероятный поступок для человека, который тебя подозревает, не правда ли?.. Если, конечно, в конверте не лежал чистый лист бумаги. Вероятно, он начал подозревать меня после того, как мне не удалось вернуться в конце недели, как я ему обещал».

В Лондоне руководители МИ-5 несколько раз беседовали с Филби, но поползновений уволить его до получения СИС письма от ЦРУ, подписанного генералом Беделлом Смитом, о том, что американцы не хотели бы видеть Филби в Вашингтоне, не предпринимали. Мензис, глава СИС, попросил Филби подать в отставку, предложив выплатить 4000 фунтов стерлингов.

Для Филби и КГБ это был, вероятно, момент величайшего разочарования. План сделать его главой британской разведки провалился. Уволенный из СИС, он больше не был нужен русским. Агент в изоляции! Но так ли это?

Филби никогда не был шпионом типа Джеймса Бонда. Хотя в начале войны он какое-то время преподавал методы саботажа и подрывной деятельности слушателям, подобранным СИС, его талант раскрылся по-настоящему в научном анализе информации. «Идеальным разведчиком, — говорил он, — является человек, который спокойно сидит дома у себя и просто думает».

Так, во время войны его работа в интересах Британии заключалась в выяснении дальнейших планов немцев (помимо других источников он использовал сверхсекретные материалы, полученные в результате дешифровки перехваченных немецких радиограмм) и обдумывании путей срыва этих планов, особенно на территории нейтральных Испании и Португалии.

Филби: «Ну, например, в 1943 году я получил однажды дешифрованную радиограмму, в которой говорилось о том, что

адмирал Канарис, глава немецкой разведки, намеревается посетить Испанию. Он собирался совершить поездку от Мадрида до Севильи с остановкой в городке под названием Мансанарес. Я хорошо знал этот городок еще со времен гражданской войны в Испании и догадался, что единственным местом, где мог остановиться Канарис, была гостиница „Парадор“.

Я направил Феликсу Каугиллу, своему непосредственному начальнику, меморандум, в котором предложил известить на тот случай, если они захотят организовать операцию против Канариса. Насколько я знал „Парадор“, подбросить пару гранат в спальню адмирала особого труда не составляло.

Каугилл одобрил мое предложение и направил мой меморандум начальнику СИС, которым в то время был Стюарт Мензис. Через пару дней Каугилл показал мне резолюцию: „Акции против адмирала не желательны“.

Через некоторое время при встрече с Мензисом я напомнил о своем меморандуме. „Шеф, — сказал я, — меня озадачило ваше распоряжение по этому вопросу. Игра, несомненно, стоила свеч“. Мензис улыбнулся в ответ: „Мне всегда казалось, что мы сумеем использовать адмирала“. Только позднее я узнал, что он поддерживал связь с Канарисом через посредников в Швеции».

Об этой истории можно рассказывать больше, чем рассказал Филби. Немецкий народ не на все 100 процентов поддерживал Гитлера. Существовал неформальный альянс политиков и военных, которые стремились предотвратить новый мировой конфликт и надеялись найти поддержку в Великобритании. Естественно, они должны были защищать себя, и поэтому для контактов использовали секретные каналы.

Ни одно британское ведомство не стремилось к сделке с немцами с большим энтузиазмом, чем британская Секретная служба. Она засыпала Министерство иностранных дел сообщениями о разногласиях в Германии и высказывала мнение, что обстоятельства могут сложиться так, что появится шанс быстро положить конец войне. При поддержке СИС была выработана официальная линия — способствовать расколу в Германии, «а затем посмотреть, что произойдет».

По мнению СИС, британское правительство могло бы пойти на соглашение с немцами, даже не предусматривающее в качестве обязательного условия устранения Гитлера. Это объяснялось тем, что в СИС и в определенных кругах британского истеблишмента разделяли немецкую точку зрения, будто обе страны вели не «ту» войну! Будто в «той» войне Германия и Великобритания должны были вместе воевать против Советского Союза.

По мере продолжения войны эти группировки вынуждены были отойти на задний план, так как Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз объединились для борьбы с немецкой угрозой.

Однако, Когда события на фронте начали складываться в пользу союзников, люди, выступавшие в Германии за сепаратный мир с

Великобританией, возобновили попытки сближения с англичанами. Канарис был одним из инициаторов.

Великобритания, должно быть, ожидала этого, так как аналитик Стюарт Хэмпшир, временно работавший в СИС и специализировавшийся по Германии, и отдел СИС во главе с историком Хью Тревором-Руопером представили документ с разъяснением обстановки, при которой такие попытки окажутся вполне рациональными, и с предложением на этот раз отнестись к ним со всей серьёзностью.

Такие попытки сближения почти наверняка должны были осуществляться через нейтральные страны, включая Испанию и Португалию, которыми и занимался в СИС Филби.

Поэтому документ о положении в Германии, прежде чем его можно было направлять адресатам, в том числе американцам, предстояло одобрить Киму Филби.

Будучи русским агентом, он сразу оценил грозящую опасность. Новоявленные «антинацисты» в Германии не хотели прекращать войну с Россией. Они стремились ликвидировать Гитлера, помириться с западными союзниками, а затем завершить вторжение в Советский Союз.

Именно на этот случай русская разведывательная служба внедрила Филби в СИС. Его функции были абсолютно ясны. Он должен был использовать своё положение для того, чтобы помешать любому сговору с Германией, за исключением безоговорочной капитуляции. К счастью для Москвы, Филби пользовался достаточным влиянием, чтобы выполнить эту задачу. Он проинформировал руководство КГБ об этих тревожных событиях и решительно блокировал распространение «мирного документа», заявив, что он носил гипотетический характер.

Да, Москва действительно чаще всего задавала Филби именно этот вопрос. Ее беспокоило, что война могла стать войной только против России. Пожалуй, главной причиной действий Филби в этом направлении являлось то, что полное поражение Германии было для него делом принципа. Филби ненавидел войну. После войны Филби признал, что не все немцы виноваты в происшедшем.

Однако попытки заключить сепаратный мир продолжались. Отто Йон, адвокат «Люфтганзы», действовавший от имени адмирала Канариса, в марте 1943 года установил контакт с агентом СИС в Лиссабоне и сообщил, что Канарис согласен провести встречу на высоком уровне. (Некоторые до сих пор утверждают, что такая встреча с Мензисом, начальником СИС, состоялась, но доказательств этому нет.)

Канарис принял участие в заговоре с целью убийства Гитлера и 9 апреля 1945 года был повешен. Отто Йон после войны стал начальником службы безопасности Западной Германии. В 50-е годы его имя замелькало в заголовках газет, когда он, оказавшись в Восточном Берлине, неожиданно выступил против Запада. Однако через год он бежал в Западный Берлин, где заявил, что коммунисты его похитили.

Роджер Холлис, генеральный директор МИ-5 в период с 1956 по 1965 год, умерший в 1973 году, был обвинен Питером Райтом и другими в том, что является тайным агентом советской разведки.

Подозрения в отношении его возникли, когда Игорь Гузенко, шифровальщик посольства СССР в Оттаве, обратился к канадским властям с просьбой предоставить ему политическое убежище.

Информация, предоставленная Гузенко канадским властям, повлекла разоблачение нескольких советских агентов в Канаде и обвинение 20 канадцев в преступлениях, связанных со шпионской деятельностью. Гузенко упомянул также псевдонимы двух британских шпионов, о которых он слышал: Алек и Элли. Алеком оказался Аллан Нанн Мэй, ученый из Кембриджа, а Элли — Кэй Уилшер, секретарь Верховного комиссариата Великобритании в Оттаве.

Однако позднее Гузенко сообщил, что существовал еще один Элли, который работал в Великобритании. Этот Элли в отличие от первого давал важную информацию. Гузенко слышал о втором Элли от своего коллеги.

С британским Элли связь поддерживалась только посредством сообщений, оставляемых в тайниках, одним из которых являлась трещина в надгробии. Работал он в «пятом МИ» (это могло означать МИ-5, где работал Холлис, или пятый отдел МИ-6, возглавляемый Филби) и в его родословной было «что-то русское».

Когда поступали телеграммы от Элли, в шифровальной комнате всегда присутствовала женщина, которая читала расшифрованные сообщения и в случае необходимости относила их непосредственно Сталину.

С годами Гузенко менял что-то в своём рассказе, несколько раз с уверенностью заявляя, что Элли работал в МИ-5, в других случаях он был менее уверен и признал вполне вероятным, что Элли работал в контрразведке СИС. В некоторых интервью он заявлял, что полагает, будто Роджер Холлис и есть Элли. Но в одном из своих последних интервью перед смертью, последовавшей в 1982 году, Гузенко сообщил, что Элли, скорее всего, — Чарльз Эллис, офицер СИС австралийского происхождения, имевший русскую жену.

Питер Райт и его сторонники были уверены, что Элли — это Холлис, однако большая часть признаков в равной степени указывали на Филби или Энтони Бланта. Существовала также вероятность, что Гузенко, разочаровавшись, что первый Элли оказался столь мелкой фигурой, чтобы повысить собственное значение, выдумал второго Элли. В любом случае, несмотря на большое количество времени, затраченного на решение этой задачи, личность второго Элли так и не была установлена.

Элли же остался загадкой, и она, вероятно, никогда не будет разгадана. Элли вдруг появляется в телеграмме Гузенко, но ни до этого, ни после о нем не упоминается. Установить личность Элли пытались многие сотрудники британских спецслужб. Но результатов никаких.

Директор ФБР Эдгар Гувер был поражен, что британское

правительство в своей Белой книге 1955 года о побеге Бёрджесса и Маклейна не сочло нужным упомянуть о подозрительной роли Филби, и организовал в британской и американской прессе публикации, в которых назвал Филби «третьим человеком».

Но директор ФБР Гувер не учел антимаккартистских настроений в Великобритании, в свете которых Филби выглядел жертвой гонений. Не мог он также знать о неприязни, которую испытывали ко всевозможным секретным службам министр иностранных дай Гарольд Макмиллан и его советники. (Секретарь Макмиллана лорд Эгремонт считал разведку пустой тратой времени и денег и говорил, что будь его воля, он показывал бы русским протоколы заседаний кабинета два раза в неделю, чтобы «предотвратить все это искусственное и опасное гадание на кофейной гуще».)

Сам Макмиллан считал, что дело Филби — это результат столкновений между СИС и МИ-5, которые следовало уладить самим, поэтому он согласился в обмен на реорганизацию СИС и «общую чистку» выступить в палате общин с заявлением, фактически снимающим с Филби подозрения.

Это заявление способствовало укреплению мнения, что Филби — оскорбленный герой, пострадавший от МИ-5. Его старые друзья в СИС, не теряя времени, подыскали ему место сотрудника резидентуры в Бейруте, продлив, таким образом, его карьеру в КГБ на восемь ценных лет. И только в 1963 году, после побега Филби, стало ясно, что подозрения американцев на его счет были обоснованны.

* * *

Остаток жизни Ким Филби провел в Москве. Киму удалось, насколько это было возможно, много полезного сделать стране, которую он считал своей Родиной. Не это ли одна из причин, почему он ушел из жизни счастливым человеком?

Р.И. Пухова-Филби:

«…Человек необычайно совестливый, Ким не мог не думать о тех жертвах, которые вынужден был принести. Сожалел он и об утрате дружеских связей. Но, подводя итог своей жизни, он говорил, что „делал больше хорошего, чем плохого“.

В последние годы жизни Ким был счастлив. Он был окружен почетом и уважением, удостоен ряда государственных наград — орденов Ленина, Красного Знамени, Дружбы народов, Отечественной войны I степени, а также венгерских, болгарских и кубинских наград.

Прошло 16 лет после кончины Кима, боль утраты немного притупилась, и воспоминания отзываются во мне уже не только страданием…

Эти воспоминания помогают мне преодолевать одиночество. Меня окружают его вещи, за мной следят его глаза с портрета. Ким дал мне такое счастье, о котором я могла только мечтать, и я бесконечно благодарна судьбе за годы, прожитые с Кимом.

И теперь я нахожу утешение в том, что немного облегчила ему последние годы жизни, и счастлива, что он мог сказать: „Закат моей

жизни — золотой“».

Резидент в Москву не вернулся

По решению руководства Внешней разведки КГБ Георг находился в Соединенных Штатах. В ноябре 1969 года он прибыл по известному ему адресу и стоял у подъезда дома, ожидая удобного случая зайти в дом. Код дверного замка он не знал. В это время две школьницы перешли улицу и направились к дому. Когда одна из них открыла дверь, Георг вошёл следом за ними. Бросив взгляд на список жильцов, он ещё раз убедился, что нужный ему человек живёт в квартире № 703.

Дверь открыл пожилой мужчина среднего роста. Георг узнал в нем человека с фотографии 30-х годов. «Могу ли я поговорить с господином Александром Орловым?» — вежливо спросил по-английски Георг. «Да, конечно», — и хозяин, отступив в прихожую, протянул руку. Тут в коридор вышла высокая пожилая женщина. Она оттеснила хозяина и, закрыв его собой, спросила Георга, кто он и откуда. «Мария Владиславовна? Здравствуйте, я из Советского Союза. Пожалуйста, не волнуйтесь, — уже по-русски спокойно и с улыбкой сказал Георг. — Вот мой паспорт. Я хочу поговорить с Александром Михайловичем».

Женщина внимательно перелистала странички паспорта, подняла на Георга глаза и твёрдо произнесла: «Вы разведчик. Я уверена в этом. От советской разведки скрыться невозможно».

Орлов Александр Михайлович, он же: Никольский Лев Лазаревич, Николаев Лев Леонидович, Берг Игорь Константинович. Настоящие его данные — Фельдбин Лейба Лазаревич.

Под этими данными выступал человек, чья последняя должность в разведке была — резидент НКВД СССР в Испании, советник по вопросам безопасности при правительстве республиканцев в 1937–1938 годах. В историю же он вошёл под своим испанским псевдонимом — Орлов. Кстати, этот псевдоним порекомендовал ему сам Сталин в беседе с ним.

Настоящие фамилия, имя и отчество Орлова — Фельдбин Лейба Лазаревич. Он родился в 1895 году в городе Бобруйске в семье Лазаря и Гелы Фельдбин. Поступил на юридический факультет МГУ. Но Первая мировая война вмешалась в судьбу будущего разведчика и в 1916 году он был призван на службу в царскую армию, стал рядовым 104-го запасного полка. Затем 2-я студенческая школа прапорщиков и недолговременная работа в 1918–1919 годах в Высшем финансовом совете.

Первый раз на работу в ЧК он был принят в 1920 году. Служил следователем и оперуполномоченным особого отдела 12-й армии, начальником секретно-оперативной части Архангельской ЧК. Потом вдруг — причины в личном деле нет — вновь оказался на гражданской службе: в 1921–1924 годах работал следователем Верховного трибунала при ВЦИК и помощником прокурора уголовно-кассационной коллегии Верховного суда. В 1924 году он вновь возвращается на службу в органы госбезопасности — сначала в экономическое управление ОПТУ, а затем в погранохрану Сухумского военного гарнизона.

И вот, накопив богатый и разнообразный жизненный опыт, изучив немецкий, английский и французский языки, побывав в группе объединенных интернационалистов Лозовского и вступив в ВКП(б), в 1926 году он был принят в Иностранный отдел (ИНО) ОГПУ. С самого начала в разведке Орлов становится нелегалом, выступает как гражданин иностранного государства.

Итак, нелегальная работа во Франции в 1926–1930 годах. Затем, после трёх лет на руководящей работе в Центре, — новая командировка — в Австрию и Великобританию. В Англии Орлов возглавил большую нелегальную резидентуру, имевшую ценные источники информации, среди которых были Гай Бёрджесс, Дональд Маклейн и Ким Филби. Все они — англичане, достигшие впоследствии высокого положения в спецслужбах и Министерстве иностранных дел своей страны. О Киме Филби, ставшим легендой XX века, написаны десятки книг, снят не один фильм.

В марте 1937 года Александр Орлов был командирован резидентом НКВД в Испанию и одновременно советником по вопросам безопасности при республиканском правительстве. В Испании Орлов лично руководит работой такого крупного разведчика, как Ким Филби, бывшего тогда корреспондентом английской газеты, аккредитованного при ставке Франко. Ким Филби (1912–1983) получил испанский орден лично из рук самого генерала Франко.

Испанский Орлов — это человек в расцвете сил и творческих планов, напористый, изобретательный, смелый и решительный, готовый рисковать своей жизнью. Характер и способности Орлова отражены в кратком словесном портрете того времени: выше среднего роста, атлетического телосложения, нос слегка перебитый, лысеющая голова, волосы сильно поседевшие. Носит короткие усы. Очень решительные черты лица, походка быстрая, отрывочная резкая речь. Серые пристальные глаза. Уверенно владеет английским языком с американским акцентом. Хорошо говорит по-немецки. Более-менее свободно объясняется на французском и испанском.

Находясь в Испании, 20 октября 1936 года Орлов получил шифртелеграмму следующего содержания: «Передаю вам личный приказ „Хозяина“. Вместе с послом Розенбергом договоритесь с главой испанского правительства Кабальеро об отправке испанских золотых запасов в Советский Союз. Используйте в этих целях советский пароход. Операция проводится в обстановке абсолютной секретности. Назначаю вас лично ответственным за эту операцию. Розенберг проинформирован. Иван Васильевич». Так Сталин подписывал самые секретные сообщения. Речь шла о золотых слитках на сумму 2367 000 000 песет или около 783 миллионов долларов.

Орлов успешно справился с этой задачей. Его повысили в звании. В газете «Правда» был опубликован текст указа о награждении старшего майора госбезопасности Никольского Льва Лазаревича орденом Ленина за выполнение важного правительственного задания.

Через месяц после прибытия в Мадрид Орлов сообщил в Москву, что в Испании «единой службы безопасности нет». «Единственный выход, — рапортовал он в Москву, — прикомандировать наших

советников в местные спецслужбы в наиболее важных городах и военных центрах». Москва поддержала предложение Орлова. Вскоре в Испании начался процесс «сталинизации» республиканских органов власти. Пользуясь неограниченными полномочиями, Орлов показал себя типичным представителем власти. И это не могло не вызвать ответной негативной реакции со стороны республиканской власти.

Генерал Ян Берзин — один из главных военных советников при республиканском правительстве Испании, а до этого — руководитель советской военной разведки (он выводил Рихарда Зорге в Японию). В марте 1937 года он отправил наркому К. Ворошилову конфиденциальное письмо, в котором информировал о протестах республиканских лидеров по поводу репрессивных мер аппарата НКВД в Мадриде.

О перегибах Орлова знали и на Лубянке. «Берзин абсолютно прав, — признавал в беседах руководитель ИНО (внешняя разведка. — Н.Ш.) Абрам Слуцкий [2]. — Наши люди ведут себя в Испании некорректно».

В октябре 1937 года в Испанию прибыл Михаил Шпигельглас, заместитель начальника ИНО НКВД. Его приезд был вызван некоторыми текущими разведоперациями, к которым была причастна «легальная» резидентура в Париже. Но и к «хозяйству» Орлова он также проявил интерес. Детальное знакомство с испанской резидентурой было намечено на июль 1938 года, причём с заслушиванием годового отчёта резидента.

Вскоре Центром было принято решение провести встречу с Орловым и заслушать его отчёт на борту парохода «Свирь», который к тому времени должен был находиться в Антверпене. 9 июля 1938 года соответствующая шифртелеграмма за № 1734 ушла в Барселону к Орлову.

По признанию Орлова, шифровка, на первый взгляд, выглядела обычным, рутинным вызовом на встречу с одним из руководителей ИНО. Но когда Орлов прочитал её ещё и ещё раз, он понял, что это ловушка, в которую его пытаются заманить. Справедливости ради следует заметить, что настрою на то, что это — ловушка, способствовали безжалостные чистки, которые проводили в НКВД и, разумеется, в ИНО, Ягода и сменивший его Ежов. Главным объектом чистки были старые кадры, и прежде всего руководящего звена.

В июне 1937 года из Лондона был отозван сменивший Орлова резидент нелегальной резидентуры Теодор Малли, который знал, что с ним будет, но предпочёл расстрел бесчестью спасения жизни бегством. Его расстреляли как «германского шпиона».

В июле ещё один резидент НКВД в Париже, В.В. Смирнов (настоящая фамилия С. М. Глинский. — Н.Ш.) также был вызван в Москву и расстрелян за «государственную измену».

Феликс Гурский, ответственный сотрудник ИНО, выбросился из

---

[2]Абрам Аронович Слуцкий (1898–1938). Руководитель внешней разведки в 1935–1938 годах. 17 февраля 1938 года скоропостижно скончался от острой сердечной недостаточности в кабинете заместителя наркома внутренних дел М. П. Фриновского.

окна своего кабинета на Лубянке.

В общей сложности более 40 офицеров НКВД были отозваны в Москву в 1937 году из-за кордона и там расстреляны.

Отказался прибыть в Москву нелегал Рейсс (настоящие имя и фамилия — Игнатий Порецкий. — Н.Ш.). Получив роковой вызов в Центр в июле 1937 года, он вместе с женой и ребёнком бежал из Парижа в Швейцарию.

Его примеру последовал Кривицкий (настоящая фамилия — Гинзбург), перебравшись из Гааги в Париж, где попросил защиты и убежища у французских властей.

Знал Орлов и то, что его зять Кацнельсон, заместитель наркома внутренних дел Украины, репрессирован. Так что почва для волнений и подозрений у Орлова была. Оставалось лишь сделать выбор. И Орлов этот выбор сделал.

«Подтверждаю получение вашей телеграммы за №1743», — отрапортовал он в Центр. А 12 июля 1938 года, прихватив из кассы резидентуры 60 тыс. долларов, покинул свой кабинет в Барселоне и отправился, но… не в Антверпен. «Вместо этого, — писал он впоследствии, — я позвонил жене, договорился встретиться с ними в определенном отеле в Перпиньяне и бежал».

Перпеньян — это уже Франция. Затем Париж — Шербур — Марсель — Монреаль. Жизнь за океаном началась с того, что Мария, жена Лейбы, открыла сберегательный счёт в Монреальском банке за №300937 на имя Берг Марии Владиславовны.

В Москве первая реакция на исчезновение «Шведа» была бурной. Лубянка, как выразился Павел Суцоплатов, была буквально взбешена: «Я подписал так называемую „ориентировку“ по его розыску, которую надлежало передать по нашим каналам во все резидентуры».

В ориентировке указывалось, что причиной исчезновения Орлова и его семьи, скорее всего, является их похищение британской, германской или французской спецслужбами. Дело в том, что, по оперативным сведениям, подобные намерения высказывались представителями именно этих спецслужб. Допускался и такой вариант, как измена.

Когда же на Лубянке получили письмо от «Шведа» из Монреаля, — всё стало на свои места. И в личном деле «Шведа» в августе 1938 года появилась запись о том, что его «бегство рассматриваем как результат испуга и недоразумения». И далее: «Сам факт побега является антипартийным поступком, граничащим с предательством». Каких-либо документальных данных, свидетельствующих о том, что «Шведа» намеревались репрессировать — завлечь в ловушку, как выражался «Швед», и расстрелять, в его личном деле не было обнаружено.

В своих публичных заявлениях в США Орлов неизменно проводил мысль о том, что им были направлены два аналогичных по содержанию письма: одно — Ежову, другое — Сталину, что благодаря именно этим письмам ему удалось шантажировать «Хозяина» и таким образом

спасти жизнь себе и своей семье.

В Москве письма Сталину никто не видел. Никто и никогда. Если бы оно было, то наверняка оставило бы за собой какие-то следы: Когда, как и кем оно было переправлено в Советский Союз, как оно попало в к Кремль, как Сталин отреагировал на него и т.д. Бесследными никакие операции не бывают. Но это — не главное.

Главное, что Р. Орлов действительно решил шантажировать Москву: «Если Вы оставите меня в покое, я никогда не стану на путь, вредный партии и Советскому Союзу».

Орлов многое знал, многое мог выдать Западу. Главный же его козырь был — «Зёнхен», «Вайзе», вся «Кембриджская группа». Это было главное орудие его шантажа.

Однако внимательно ознакомившись с его письмом и зная его сущность, сущность Лейбы Фельдбина, в Москве пришли к выводу, что Орлов своим письмом загнал себя в угол. Каким образом?

Это лучше всего объяснил его заместитель в испанской резидентуре Наум Эйтингон. Уж он-то знал Лейбу как облупленного! Так вот Эйтингон, как пишет в своих мемуарах Судоплатов, «предложил, несмотря на измену Орлова, продолжать контакты с членами „кембриджской группы“, поскольку Орлов, проживая в Соединенных Штатах, не мог выдать своих связей с этими людьми без риска подвергнуть себя судебному преследованию. В 1934–1935 годах Орлов жил в Англии по фальшивому американскому паспорту, поэтому если бы американская контрразведка проверила „кембриджскую группу“, то Орлов мог не получить американское гражданство и был бы депортирован из США».

Точку зрения Эйтингона поддержал Судоплатов: «Я не верю, что причина, по которой Орлов не выдал „кембриджскую группу“ или обстоятельства похищения генерала Миллера, заключалась в его лояльности по отношению к советской власти. Речь шла просто о выживании».

Орлов, находясь в Испании, информировал Центр о произволе в стране, не имеющим прецедента в Европе (исключая фашистские страны). Естественно, Центру, где практика дел была близка к испанской, не очень нравилось получать такие письма от своего резидента. И это тоже послужило дополнительным стимулом для направления Орлову вызова на «Свирь».

Итак, совершив побег, Орлов прибыл с семьёй в Канаду. Находясь в Монреале, он отправил письмо Н. Ежову в Москву.

Вот текст этого письма в сокращенном виде.

«Ник. Ив. Ежову.

Я хочу объяснить Вам в этом письме, как могло случиться, что я после 19-ти лет безупречной службы партии и Советской власти, после тяжёлых лет подполья, после моей активнейшей и полной самоотверженной борьбы последних двух лет в условиях ожесточенной войны, после того, как партия и Правительство наградили меня за боевую работу в стране, где шла настоящая война, боевым орденом

Ленина и Красного Знамени, — ушёл навсегда от вас.

9 июля я получил от вас телеграмму, лишённую всякого оперативного смысла, в которой я ясно прочёл, что мне по диким и совершенно не понятным мотивам устраивается ловушка на специально посланном для захвата меня пароходе „Свирь“.

Эта бездарная в оперативном плане шифртелеграмма просто являлась плохой дымовой завесой для заготовленного для меня, человека ни в чём не повинного, коварной ловушки. Для меня стало ясно, что руководство отдела переусердствовало в „чистке“ аппарата и пыталось укрепить свою карьеру намерением выдать меня… за преступника, которого необходимо ухищрениями, кстати, очень безграмотными, заманить на пароход, как „врага народа“ и потом кричать „Ура!“ и ждать награждения, как за хорошо проведённую операцию. Таким образом я знал, что моя судьба предрешена и что меня ждёт неминуемая смерть.

Никогда Партия не требовала от своих членов бессмысленной смерти, к тому же ещё в угоду преступным карьеристам.

Но даже не это, не угроза беззаконной и несправедливой расправы остановила меня от поездки на пароход… Сознание, что после расстрела меня, ссылки или расстрела моей жены, моя 14-летняя больная дочь окажется на улице, преследуемая детьми и взрослыми как дочь „врага народа“, как дочь отца, которым она гордилась, как честным коммунистом и борцом, — выше моих сил.

Я не трус. Я бы принял и ошибочный, несправедливый приговор, сделав последний, даже никому не нужный, жертвенный шаг для партии, но умереть с сознанием того, что мой больной ребёнок обречён на такие жуткие муки и терзания, — выше моих сил. Помните, всегда, я не изменник Партии и своей страны. Никто и ничто не заставит меня никогда изменить делу пролетариата и Советской власти. Если вы оставите меня в покое, я никогда не стану на путь, вредный Партии и Советскому Союзу. Я не совершил и не совершу ничего против Партии и нашей страны.

Я даю торжественную клятву: до конца моих дней не проронить ни единого слова, могущего повредить Партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня.

Прошу вас отдать распоряжение не трогать моей старухи-матери. Ей 70 лет. Она ни в чём не виновата. Я последний из 4-х детей, которых она потеряла. Это больное, несчастное существо.

Швед».

Первая информация о том, где в США проживает Александр Орлов, была получена советской разведкой в 1964 году. Сведения эти были весьма расплывчатые, могли указать только направление его поиска. Тем не менее, такой поиск было решено предпринять. Цель — установить контакт с Орловым и попытаться получить от него сведения о работе американских спецслужб, которые к тому времени держали его под своей опекой уже около десяти лет, и, если он пожелает, помочь ему вернуться на Родину. Тогда имелись уже совершенно надёжные данные о том, что А. Орлов не выдал

американским спецслужбам ни одной служебной тайны. Поиски Орлова были поэтому трудные. Они, возможно, и не увенчались бы успехом, если бы в 1969 году от одного ценного источника не поступила информация — адрес и телефон Александра Орлова.

Тем временем в Центре, в Москве было принято решение отправить письмо от имени хорошего друга Прокотова Николая Архиповича Орлову А.М. через Михаила Александровича Феоктистова, который уже находился в Соединенных Штатах и работал под псевдонимом «Георг».

В своё время Центр получил информацию от неуказанного источника о том, что наш бывший генерал дал свидетельские показания на закрытом заседании сенатского подкомитета США. Расследование было предпринято Следственным отделом во исполнение запроса, полученного от заместителя начальника 1-го Главного управления. Следственному отделу не удалось обнаружить никаких доказательств «преступной деятельности» Орлова после его бегства из Испании семнадцать лет тому назад. Бывший генерал не подчинился указанию Центра, оставил свой пост в резидентуре в Испании, но за семнадцать лет в Центр не поступило никаких сведений о том, что хотя бы один из агентов и хотя бы одна из операций, о которых ему было известно в 1938 году, были выданы противнику. К числу ценных источников информации относились Филби и Блант, которые оставались неразоблаченными, пока Филби не бежал в Москву в 1963 году. Непрерывный поток информации от Филби, Маклейна и Бёрджесса и других кембриджских агентов был самым убедительным доказательством того, что Орлов сдержал своё слово.

Орлов не вызвал подозрений у КГБ и в 1957 году по делу разведчика-нелегала Фишера, который, несмотря на наличие у него паспортов США на имя Мартина Коллинза и Эмиля Голдфуса, назвался Рудольфом Ивановичем Абелем. В аресте Абеля в Нью-Йоркском отеле «Латам» 21 июня 1957 года был повинен его помощник, спившийся тип Рейне Хейханен. Он явился в посольство США в Париже и выдал своего начальника, о котором знал только, что его зовут Марк и что он полковник.

Шпионские принадлежности в личных вещах Абеля и показания Хейханена были более чем достаточным доказательством, чтобы убедить присяжных заседателей в виновности Р. Абеля. Он был приговорён к тридцати годам заключения, из которых отбыл всего пять лет в федеральной тюрьме Атланты.

В феврале 1962 года Абель был доставлен самолётом в Берлин для обмена на американского лётчика-шпиона Г. Пауэрса, сбитого под Свердловском.

Во время допроса следователи спрашивали Орлова, знает ли он Абеля. Тот ответил, что припоминает, как видел его в здании на Лубянке незадолго до 1937 года.

Не удалось установить, сообщил ли Орлов еще какую-нибудь информацию в отношении Абеля, поскольку его не приглашали для дачи свидетельских показаний во время суда над разведчиком.

Следует заметить, что, согласно документам НКВД, Орлов знал об Абеле значительно больше, включая тот факт, что он был британским подданным и что настоящее имя его было Уильям Генри Фишер. Из переписки «Шведа» (Орлова), в бытность его резидентом-нелегалом в Лондоне, в Центре есть письмо, написанное им собственноручно, из которого следует, что не кто иной, как Фишер, прибыл в Англию в качестве радиста нелегальной группы «Шведа». Но Орлов свято хранил эту тайну от американцев. Настоящее имя Абеля стало известно западным разведслужбам только в 1972 году, когда американский журналист обнаружил на одном московском кладбище надгробную плиту на могиле Абеля, на которой была написана и его подлинная фамилия — Фишер.

Несмотря на то, что протоколы допроса Орлова в ЦРУ не были раскрыты, его ответы на вопросы в 1965 году для французской службы безопасности и информация, полученная от тех, кто его допрашивал, указывают, что он никоим образом не выдал самые важные секреты. А знал он в общей сложности около 60 агентов и оперработников резидентур, включая и разведчиков-нелегалов. Оснований утверждать, что Орлов, став невозвращенцем, выдал противнику указанную выше агентуру или сообщил о спецмероприятиях, проведенных в то время нашими органами, не имеется. Отдельные агенты, вербовку которых он осуществлял и о которых хорошо знал, успешно работали до 1952–1963 годов, то есть до момента их вывода в СССР.

В начале своего очерка я уже упоминал, что для установления связи с Орловым Центр направил к нему кадрового сотрудника внешней разведки (оперативный псевдоним «Георг»), который лично не знал Орлова. Разговор с его женой Марией Владиславовной получился нервный. Александра Михайловича она так и не выпустила из комнаты. «Кроме Саши, у меня никого нет», — сказала она. И добавила, что их больная дочь умерла в возрасте 17 лет.

Далее от жены Орлова Георг узнал, что жили они многие годы очень бедно. Часто питались только овсяной кашей. Так продолжалось до 1953 года, когда была издана книга Орлова «Тайная история сталинских преступлений» и стали поступать гонорары.

К концу разговора лёд Марии Владиславовны растаял, но не настолько, чтобы она позволила личную встречу с Орловым. «Вы перепутали все наши планы, устроили у нас переполох, но вы мне понравились, — сказала она Георгу. Вот вам наш телефон. Он будет рад поговорить с вами».

Георг вышел из дома, с помощью нескольких профессиональных приёмов убедился, что за ним никто не следит, и по телефону-автомату набрал номер Орловых. Трубку снял Александр Михайлович. «Ах, милый, здравствуйте ещё раз, — взволнованно произнес он. — Извините, что я не смог принять вас. Скажите, вы мой коллега?» Георг ответил, что люди, которые знают и помнят Орлова, просили сказать ему спасибо за то, что он патриот, пожелать ему крепкого здоровья и благополучия в жизни. Александр Михайлович поблагодарил и сказал: «Давайте поговорим по телефону. Что вас интересует?» «Всё — ваша жизнь, здоровье, работа».

«Здоровье хорошее, но наша жизнь здесь неинтересна. Я нигде не работаю и не работал. В Америке людям такого плана, как мы, не верят и не доверяют. Вы, наверное, знаете, что я написал две книги. Первая о сталинских преступлениях. В ней я изложил только действительные факты, которые будут нужны для истории. Это крик души моей! О многом я знал лично, о других фактах мне рассказывал брат жены Сталина Павел Аллилуев, с которым я работал в Германии и был в хороших отношениях. Более того, что я написал в этой книге, я не знаю и придумывать не собираюсь. Моя вторая книга — „Руководство по контрразведке и партизанской войне“. Я представлял себе дело так, что в Советском Союзе её переведут и будут использовать как учебное пособие. Это была бы хоть какая-нибудь помощь моей стране».

Расчёты Георга на скорое свидание с Орловым в будущем не оправдались. Оно состоялось только в 1971 году. Александр Михайлович всё ещё испытывал недоверие к намерениям советской разведки, переехав вместе с женой в другое место, и, чтобы разыскать их, потребовалось определённое время. В конце концов Георг нашёл Орловых.

Дверь открыла жена Орлова. И снова повторилась прежняя процедура, так как Мария Владиславовна не узнала сразу Георга. Она попросила его стать лицом к стене и тщательно обыскала, осмотрела даже часы и обувь. В гостиной Георга ждал улыбающийся Александр Михайлович. Он дружески пожал ему руку и усадил на диван. Сам сел рядом. Начался разговор, который растянулся на целых пять часов. Орлов подробно рассказал, что произошло с его семьёй в 1938 году после получения той злополучной шифртелеграммы 1743.

Одной из причин столь неуклюжего отзыва, считал Орлов, явилось то, что он протестовал против расстрела без суда и следствия его друзей и помощников, и ряд других моментов, которые не нравились некоторым руководителям в Москве. Вскоре после этих событий и пришла та самая телеграмма.

Орлов был готов к любой участи, но судьба, ожидавшая его дочь, вынудила его к невозвращению на Родину. Он дал телеграфом ответ, что явится на пароход «Свирь», как только этого потребует Центр, сам же с семьёй выехал в Париж, где получил канадскую визу, а оттуда морем в Канаду. Из Канады он позвонил одному богатому родственнику в Нью-Йорк, и тот через своего друга, генпрокурора США, оформил ему разрешение на проживание в Америке. Орлов никогда и нигде не просил политического убежища. Не являлся до сих пор и гражданином США.

Находясь ещё в Канаде, Орлов написал письмо Ежову с объяснением причин своего ухода и отправил своего родственника с письмом в Париж, предварительно проинструктировав, как его доставить в советское посольство, минуя французскую охрану.

Для проживания в США Орлов избрал фамилию Берг. Федеральное бюро расследований (ФБР) в течение 15 лет даже не подозревало, что у него под боком находится, хотя и бывший, а всё же резидент советской разведки. Только после выхода первой книги

Орлова в 1953 году, его стали допрашивать агенты ФБР и выпытывать, кого он знает из советских разведчиков, работающих в США. Орлов неизменно отвечал, ему ничего об этом не известно.

На самом же деле Александр Михайлович знал много, ох как много, но не проронил об этом ни единого слова. Георгу он заявил, что не может предать людей, которые с ним работали во имя Родины, и тем более он не может предать людей, которых готовил, убеждал, продвигал, заставлял их рисковать собой и своими родными.

В ходе беседы было многое обговорено, но это должно остаться сугубо между советской разведкой и уже ушедшим из жизни Александром Михайловичем Орловым.

Расставаясь с Георгом, Александр Михайлович подарил ему свои книги, а прощаясь, обнял за плечи и сказал: «Мне бы человек двадцать таких молодцов, как ты, в то время, когда я работал, то теперь бы весь мир был уже советским, а во главе каждой разведки стояли бы советские сотрудники». Вот так, ни больше, не меньше. Сейчас это может показаться забавным, но в свои 76 лет Орлов остался немного авантюристом. Малых задач перед собой он никогда не ставил.

«Сияющим гигантом» назвал Орлова американский журналист Гордон Брук-Шепард в своей книге «Буревестник» (1978), где посвятил ему целую главу. Ужас, пишет он, охватил ФБР, когда в 1953 году с публикацией «Тайной истории сталинских преступлений» оно узнало, что уже 15 лет в США проживает бывший резидент Главного управления госбезопасности НКВД в звании генерала. «Спячка» Орлова закончилась.

Начались допросы, жесткие и грубые, что вызывало только сопротивление и ожесточение опытного разведчика. ФБР тщательно проверило весь баланс жалких доходов и более чем скромных расходов семьи Орловых за весь 15-летний период их проживания под фамилией Берг. Цель — выяснить, получал ли Орлов деньги от советской разведки. Благодаря этой работе, проделанной ФБР, стал известен факт довольно интересной ситуации.

Скрупулёзные следователи из ФБР опрашивали всех, кто мог бы хоть как-то контактировать с Орловым. Дошла очередь до человека, распространявшего в начале сороковых годов облигации военного займа в районе проживания Орловых. Тот вспомнил, что, зайдя к «мистеру Бергу» и увидев бедную обстановку квартиры, он не рассчитывал на успех своей миссии и был приятно удивлён, когда хозяин тут же подписался на 50 долларов, по тем временам сумму немалую. Так Орлов через союзника Советского Союза в войне с Германией хотел помочь своей Родине.

Тем временем настала пора прощаться. «Наше расставание было трогательным», — писал Георг, вспоминая как разволновались супруги, когда он прощался с ними в надежде скоро снова увидеть их. Мария, провожая его до лифта, вдруг сжала его руку. «Будьте верны себе и никогда, ни за какие миллионы, не предавайте свою страну. Родина — всё», — сказала она, и её глаза наполнились слезами…

Георг не знал тогда, что, закрывая дверь лифта, он прерывал

последнюю связь с супружеской четой Орловых. С неподдельной скорбью он узнал вскоре после своего отъезда, что Мария Владиславовна Орлова умерла от сердечного приступа 16 ноября 1971 года. Лишившись преданного друга, А. Орлов продолжал работу над книгой личных воспоминаний, Когда 25 марта 1973 года у него случился сердечный приступ. Его увезли в больницу, где он в течение двух недель поражал врачей упорством, с которым боролся за свою жизнь. Но смерть оказалась сильнее.

Последние страницы дела А. Орлова, хранящегося в ФСБ, содержат письмо, написанное им младшей сестре своей покойной жены. Первое и последнее письмо, написанное им в Советский Союз за 25 лет. В письме, в частности, он хотел знать, хорошо ли ухаживают за могилой матери Марии, Екатерины Ивановны, и предлагал заказать и передать в Советский Союз «надгробную плиту из польского гранита» с соответствующей надписью.

С позволения читателей вернусь ещё раз к беседе Георга с Орловым во время второй встречи. Позже Георг вспоминал, как в начале разговора Орлов упомянул, что когда-то жил на Кашенкином Лугу, а Феоктистов заметил, что сам хорошо знал эти места. Он рассказал Орлову, как в юности, ещё перед войной, был поклонником физкультуры и в порядке разминки делал пробежки в этой округе мимо старого колодца с «журавлём», а потом освежался холодной водой, которую доставали из колодца ведром, прикреплённым к длинному деревянному шесту. Эти воспоминания, по словам Феоктистова, рассеяли у Орлова последние подозрения относительно него.

После этого Орлов разоткровенничался и признался, что во время первого посещения Феоктистовым его квартиры в Анн-Арборе они с Марией думали, что тот, возможно, провокатор, что, может быть, он — сотрудник ФБР, явившийся под видом агента КГБ, чтобы выманить у него секреты советской разведки, которые он так и не выдал американцам. Их беспокойство немного развеялось, Когда Феоктистов правильно назвал имена его дядюшки и сестёр Марии, но у них всё-таки не было уверенности, что их не заманивают в ловушку.

«Американская разведка знает многое, но не всё», — сказал Орлов Феоктистову, заверив его, что после того, как он упомянул о колодце на Кашёнкином Лугу, у него «не осталось никаких сомнений», поскольку ни ФБР, ни ЦРУ никак не могло быть известно таких исторических и ныне уже не существующих деталей о старой Москве.

Как только последний лёд недоверия со стороны Орлова наконец растаял, Феоктистов услышал от него подробности обо всех событиях, которые хотелось узнать Центру. Орлов рассказал ему о главных операциях, в которых он участвовал в Европе, назвал Филби и четырёх Других кембриджских агентов, которые были завербованы до того, как он получил назначение в Испанию в 1936 году. По словам Феоктистова, Орлов в течение нескольких часов подробнейшим образом рассказывал ему обо всём, что произошло с ним и его семьёй после получения им той злополучной телеграммы из Москвы в июле 1938 года.

Орлов рассказал Феоктистову, что один из факторов, приведших к его отзыву из Барселоны в 1938 году, было его растущее несогласие с методами, применявшимися Ежовым. В частности, по крайней мере в трёх случаях возникли проблемы с проведением секретных операций НКВД в Испании после появления там Шпигельгласа и его «летучих групп» боевиков. Он вспоминал, как посылал в Москву протесты против осуждения по упрощенной процедуре и расстрела двоих из его бывших коллег и как высказывал возражения, с точки зрения профессионала, против операции похищения во Франции белогвардейского генерала Миллера.

Орлов был убеждён в том, что такая резкая критика была причиной того, что его кандидатура была намечена для ликвидации, потому что он уже скрестил шпаги с Ежовым. Этот случай, рассказывал далее Орлов Феоктистову, касался непосредственно Сталина, с которым он познакомился ещё в период 1921–1924 годов, когда тот был партийным секретарём, а Орлов — следователем в Верховном трибунале Всероссийского центрального исполнительного комитета. Очевидно, на Сталина произвёл впечатление его профессионализм при ведении нескольких важных дел, поскольку, когда он стал верховным правителем Советского Союза, он нередко приглашал Орлова в свой кремлёвский кабинет, чтобы посоветоваться с ним относительно деталей оперативной разведработы.

Близкие отношения, завязавшиеся на профессиональной почве у него с «Большим Хозяином», рассказывал он, явно вызывали раздражение у Ежова после его назначения Сталиным начальником НКВД. По словам Орлова, Сталин часто проявлял личный интерес к операциям НКВД и однажды спросил у Орлова совета относительно ежовского плана тайного вывоза в Москву видного европейского члена Коминтерна и его семьи. Заслушав варианты проведения предполагаемой операции, предложенные Орловым и Ежовым, Сталин решил, что план Орлова более безопасен. Не успели они выйти из кабинета «Большого Хозяина», как начальник НКВД, со злостью обернувшись к Орлову, сказал ему, что это ему «не будет поставлено в заслугу», поскольку операция всё равно будет проводиться по его собственному плану, иначе Орлову придётся «поплатиться за это».

Орлов сказал, что у него не оставалось выбора, кроме как подчиниться начальнику НКВД. Операция провалилась, и лидер Коминтерна был схвачен при попытке нелегального перехода границы и впоследствии умер в тюрьме. Сталин, естественно, пришёл в ярость и, подстрекаемый Ежовым, во всём обвинил Орлова, который, как он рассказал Феоктистову, решил написать ему, чтобы снять с себя ответственность за неудачу. Как он после узнал, его письмо так и не попало в руки «Большого Хозяина». Ежов перехватил его и тут же решил приказать ликвидировать Орлова при первом же удобном случае.

Когда в июле 1938 года была получена та роковая шифртелеграмма, в тексте которой ему предписывалось прибыть на борт парохода «Свирь», Орлов в отчаянии взвешивал все «за» и «против» своего бегства в Соединенные Штаты. Он был готов возвратиться и предстать перед Ежовым, подчинившись, подобно Т.

Малли [3], своей судьбе, но страх за жизнь больной дочери заставил его принять решение не возвращаться.

Далее Орлов поведал, что его диппаспорт облегчил переезд из Канады в США. Благодаря своему богатому, обладающему хорошими связями в политических кругах родственнику ему удалось заручиться помощью одного влиятельного друга и получить право на постоянное проживание в Соединенных Штатах. Он же организовал доставку письма Орлова в советское посольство в Париже на имя Ежова. Феоктистов сообщил также, что Орлов никогда не просил политического убежища в США, и что Орловы не собирались стать американскими гражданами. Им разрешили проживание на законных основаниях в Америке, когда конгресс принял особый законопроект о гражданстве.

«Мы так увлеклись нашим разговором, — вспоминал Феоктистов, — что не заметили, как пролетело более трёх часов». Давно прошло время для телефонного звонка, о котором разведчик договаривался с женой. Он посмотрел в окно и увидел свою машину. Неподалеку от машины на траве лежала жена, а рядом была дочь. Жена Феоктистова была на восьмом месяце беременности и, естественно, не могла долго находиться в машине в такую жару.

Когда Феоктистов сказал Орлову о состоянии жены, тот немедленно позвал Марию. Они настаивали на том, чтобы жена и дочь поднялись к ним в квартиру, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Феоктистов объяснил, что это противоречит разумной оперативной практике, и Орлов согласился с ним без возражений, чего нельзя было сказать о его жене. Феоктистов вспоминал, что ему было нелегко уговорить Марию не спускаться к его машине и что в это самое время раздался звонок в дверь. Это доставили торт, заказанный Орловыми. Мария принесла его в кухню и заявила, что Феоктистов должен немедленно отнести торт своей жене и дочери, а также захватить пакетик молока и немного яблок. Феоктистов провёл в обществе Орловых ещё два часа. В ходе этой части беседы они рассказали Феоктистову о каждом этапе своей жизни в Соединенных Штатах и точно перечислили, что они раскрыли и что не раскрыли ФБР и ЦРУ. Все эти подробности Феоктистов передал в Центр в отчёте на семнадцати страницах. Этот отчёт составляет последний раздел дела Орлова.

По словам Феоктистова, Орлов, с любовью вспоминавший Наума Эйтингона, своего заместителя в Испании, спросил также о Льве Миронове, бывшем коллеге по Экономическому отделу, который, как он утверждал в своей книге, пал жертвой сталинской чистки. Поэтому он был удивлён, узнав, что Миронов не только выжил, но и до 1964 года возглавлял Административный отдел ЦК КПСС.

«Не может быть, чтобы его не расстреляли, — прервал Феоктистова Орлов. — Не верю, что его не ликвидировали. Я был уверен, что его расстреляли. Он, вроде меня, слишком любил говорить

---

[3]Теодор Малли (1894–1938). Нелегальный резидент в Париже и Лондоне. В 1937 году отозван в Москву. Судим и расстрелян 20 сентября 1938 года. Реабилитирован в апреле 1956 года.

правду. А Ежов любил льстить Сталину и сообщал ему только то, что „Хозяин“ хотел услышать от него».

Орлов честно признался, что с момента своего разрыва с Москвой и до первого посещения Феоктистовым они с женой жили в страхе, что когда-нибудь КГБ отыщет их для того лишь, чтобы ликвидировать. Именно по этой причине они никогда не покупали машину, поскольку её регистрация позволяла обнаружить хозяина, к тому же, как сказал Орлов, он боялся, что в нее несложно было без труда заложить бомбу.

Орлов обратился к Феоктистову с просьбой попытаться найти и прислать ему экземпляр фотографии, которая была напечатана на обложке журнала Института права Академии наук, посвященного пятой годовщине Верховного суда СССР. Орлов объяснил, что на групповой фотографии был и он и что ему хотелось бы иметь её на память о былых временах. Он несколько раз заверил Феоктистова, что ни ФБР, ни ЦРУ так и не удалось получить от него никакой существенной информации о советских нелегалах и их связниках, хотя ему было невозможно показаться им совершенно не желающим сотрудничать. Орлов сказал, что сообщил следователям только безобидную историческую информацию, чтобы показать, что он не намерен ничего скрывать. Ничего из того, что он неумышленно мог раскрыть, заверил Орлов, не могло бы нанести ущерб оперативной стороне советской внешней разведке. Он стремился ограничить свою информацию теми аспектами, которые имеют чисто историческую ценность, как это было в случае с его показанием перед сенатским подкомитетом по внутренней безопасности в 1955 и 1956 годах.

Орлов с гордостью заявил, что овладел искусством ловко соединять факты с вводящим в заблуждение вымыслом. Этот способ он усвоил ещё в самом начале своей карьеры, когда узнал, что дезинформация может быть весьма эффективным оружием — как наступательным, так и оборонительным. По словам Орлова, ему было сравнительно легко провести ФБР и сенат, поскольку его американских следователей, по-видимому, больше интересовало получение общей картины, чем подробный анализ. По этой причине, как он понял, следователи ФБР и ЦРУ были заранее настроены верить ему на слово из-за того, что он написал о Сталине.

Если у Центра оставались какие-нибудь сомнения по этому поводу, сказал Орлов Феоктистову, то лакмусовой бумажкой при проверке его лояльности наверняка является тот факт, что он не сделал ни единого намёка и не раскрыл ничего относительно своей роли в создании нелегальных сетей НКВД в Европе и Великобритании перед Второй мировой войной. На оборотной стороне своего отчёта Центру Феоктистов от руки написал, что Орлов назвал ему пять британских агентов из «Кембриджской пятёрки», и это доказывает, что ему ещё многое было известно о советской разведывательной сети.

Феоктистов в своих первоначальных отчётах утверждал, что Орлов сохранил свою верность клятве, которую он дал как советский офицер разведки и которую, как показывают записи в его деле, он подписал 1 апреля 1924 года.

«Я, нижеподписавшийся сотрудник Экономического управления

ГПУ Никольский Лев Лазаревич, состоя на службе или будучи уволен, обязуюсь хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе ГПУ и его органов, и ни под каким видом их не разглашать и не делиться даже со своими ближайшими родственниками и друзьями. Неисполнение настоящего грозит мне ответственностью по 117 статье Уголовного кодекса.

(Подпись) Л. Никольский.

1 апреля 1924 года».

В отношении КГБ Орлов никогда не нарушал своей клятвы и не предал своей Родины во время своей продолжительной «битвы умов» с ФБР, а затем и с ЦРУ. Старый генерал неоднократно напоминал Феоктистову, что, будь он настоящим перебежчиком, каким его считали американцы, и выдай он все свои секреты об аппарате советской разведки сразу же по прибытии в США, с ним обошлись бы гораздо лучше.

Профессиональный разведчик, сказал Орлов Феоктистову во время одного из своих эмоциональных всплесков, случавшихся несколько раз во время их длительного разговора, имеет священную обязанность молчать, для того чтобы защитить тех, кто доверил ему свою жизнь.

Услышав это, Феоктистов понял, что перед ним находится один из замечательных представителей большевистской гвардии, который сохранил верность своим убеждениям, выкованным в горниле ленинской революции. Но Орлов также не оставил сомнений в том, что он никогда не смог бы возвратиться в СССР, поскольку Сталин предал идеалы, за которые он боролся, и за которые многие из его близких товарищей по НКВД поплатились жизнью во время чисток. К концу их продолжительной беседы Орлов с сожалением заметил, что, читая советскую печать, он обратил внимание, что государство после Сталина управлялось его бывшими приверженцами, людьми с нечистой совестью. Их поддержало поколение партаппаратчиков, которые играли второстепенные роли в больших преступлениях, предавших революцию. Теперь сама судьба требует, чтобы он уж лучше бы прожил свои последние годы в ссылке, чем рискнул бы утратить иллюзии относительно Советского Союза, не сохранившего верность тем идеалам, служению которым он посвятил свою жизнь.

Перед уходом Феоктистов сказал, что он уполномочен Центром спросить Орлова относительно документа, который предположительно все ещё находится у него. Речь, очевидно, шла о списке агентов и операций, который Орлов приложил к своему письму с угрозой разоблачения, написанному им в 1938 году Ежову.

Орлов сказал, что у него нет такого документа, а есть только зашифрованные записи, которые непосвященный человек не сможет понять и которые к тому же хранятся в тайнике. «Вам нечего бояться в этом плане», — сказал Орлов Феоктистову, добавив в доказательство своей истинной преданности, что он приготовил кое-что интересное для Центра. Он сделал кое-какие записи, а также продиктовал агенту КГБ длинный список фамилий и должностей американских официальных лиц, которые, по его словам, «могли бы представить интерес для нашей разведслужбы».

Прежде чем уйти от Орловых, вспоминал Феоктистов, он ещё раз предложил организовать их безопасное возвращение в Советский Союз. Он официально передал предложение Центра принять их назад, если потребуется, сохранив это в тайне. Феоктистов сказал, что «суть предложения» сводится к тому, что Орловы вернутся к генеральской пенсии в размере 300 рублей в месяц и просторной двухкомнатной квартире в Москве. Предложение включало гарантию их возвращения в США в том случае, если супруги передумают. Орловы ответили, что очень признательны за это предложение, но что принять его им мешает целый ряд факторов. Во-первых, их дочь похоронена в Соединенных Штатах, а они будут слишком стары, чтобы когда-нибудь навестить её могилу. Во-вторых, они считают, что им слишком поздно начинать новую жизнь, а именно это им придётся делать, если они вернутся в Россию.

«Я сказал им, что выбор за ними, но что предложение остаётся в силе», — рассказывал Феоктистов. Он заверил Орлова, что «ему нечего бояться, поскольку он всё ещё является советским гражданином и больше не считается перебежчиком».

Нет сомнения в том, что до 1938 года Орлов верно служил интересам своих хозяев в Кремле. Он сыграл известную роль в разработке как теории, так и практики создания тайных агентурных сетей, подобных кембриджской. Он во многом способствовал тому, что за КГБ упрочилась репутация органа, настойчиво внедряющего своих агентов в правительства западных стран. Документы из архивов российской разведки разоблачают миф о том, что Орлов, сбежав на Запад для спасения своей жизни, передал американцам некоторую информацию, вооружившую их в борьбе с коммунизмом.

Как теперь выяснилось, Орлов скрывал самую ценную часть своего наследства, отказавшись разоблачить Филби и других членов разведсети.

Таким образом, хотя активная карьера Орлова как оперативного офицера советской разведки, возможно, и закончилась в 1938 году, он продолжал вносить реальный, пусть даже и пассивный, вклад в операции КГБ периода «холодной войны», не раскрывая американцам всего, что было ему известно. Именно поэтому то, что приспешники Сталина попытались бы ликвидировать Орлова, если бы не его успешный шантаж, представляет собой нечто вроде парадокса. В то же самое время сам успех его шантажа стал основанием для того, чтобы этот сложный человек не выдал советские агентурные сети, которые он помог создать.

Если бы Орлов разоблачил агентурные сети советской разведки в 1938 году, он лишил бы Сталина жизненно важной информации, получаемой от таких агентов, как Филби, и от членов «Красной капеллы», которая играла важную роль во время Второй мировой войны. Если бы он выдал секретные сети, агенты КГБ, возможно, никогда не добыли бы секреты атомной бомбы. Роль Орлова в советской разведке была столь велика, что один бывший старший офицер ЦРУ называет его «единственным в своём роде, самым разносторонним, мощным и результативным офицером за семьдесят

три года советской разведслужбы».

«Орлов остался профессионалом до конца своих дней», — высказался о нем сотрудник ЦРУ, который знал его лучше всех и был убеждён, что он так и не рассказал всего, что ему было известно.

До своего смертного часа Александр Орлов был замкнутым человеком, который стал одной из многих жертв глубокой человеческой трагедии. Он умер одиноким изгнанником, предпочтя остаться непоколебимым приверженцем ленинского коммунистического мировоззрения.

Звезда нашла своего Героя

Этот очерк о разведчике-диверсанте А.Н. Ботяне пишу по праву «однополчанина». Вместе с разведчиком-боевиком, ветераном Великой Отечественной войны, ветераном Службы внешней разведки РФ я проходил службу (уже после войны) в одном из подразделений внешней разведки более двадцати с лишним лет.

У Алексея Николаевича весьма богатая биография, и уместить все её этапы в небольшом очерке невозможно. Уверен, что о человеке, отдавшем себя сполна служению Отечеству, защищавшего Родину в Великой Отечественной войне, будет написано ещё много книг.

Итак, Алексей Николаевич Ботян родился 10 февраля 1917 года в деревне Чертовичи тогдашней Вильненской области. Позже эта часть Западной Белоруссии отошла к Польше, и Ботян стал, таким образом, польским гражданином.

В начале 1939 года Алексей был призван на действительную службу в польскую армию, где дослужился до унтер-офицера. Когда фашистская Германия напала на Польшу (1.09.1939 г.), Алексей Николаевич сражался с гитлеровцами в составе зенитного дивизиона. Расчёт орудия, которым он командовал, сбил три фашистских самолёта «Юнкерс-88». Позже восточная часть Польши была занята частями Красной армии.

Распоряжением командования Красной армии польским военнослужащим предложили возвращаться в родные пенаты. Многие из тех, кто отправился домой, в итоге оказались в советских лагерях. К Алексею Ботяну же судьба оказалась более благосклонной.

Справедливости ради следует заметить, что А. Ботян сделал свою судьбу сам. Когда демобилизованным польским военнослужащим стали запрещать выходить на железнодорожных станциях из вагонов, разведчик Ботян, почувствовав неладное, смог покинуть вагон и вернулся домой. По окончании учительских курсов он стал преподавать в сельской начальной школе.

В 1941 году молодой учитель Алеша Ботян был направлен по комсомольской путёвке в спецшколу НКВД. Окончание учёбы в школе совпало с началом Великой Отечественной войны. Все долгих военных четыре года молодой чекист провёл в тылу врага: в составе разведывательно-диверсионных групп совершал рейды под Москвой, действовал в рядах партизан на оккупированной фашистами территории Белоруссии, Украины, Польши и Чехословакии.

За годы войны Ботян выполнял самые сложные задания, рискуя жизнью. Остановимся на основных трёх операциях, вошедших в учебники, по которым готовят новые поколения разведчиков-диверсантов: подрыв здания гебитскомиссариата в городе Овруч на Житомирщине, разгром гарнизона в польском городке Илжа и уничтожение склада с боеприпасами в городе Мовы-Сонч, недалеко от Кракова.

К 1943 году в тылу врага, на оккупированных советских территориях, было организовано мощное партизанское движение, которое всё больше и больше сковывало действия немецко-фашистских войск. Особенно большой размах действий партизан приобрели на Украине и в Белоруссии. Летом 1943 года нацисты стали готовить против народных мстителей крупные операции.

Январской ночью 1943 года три советских разведывательно-диверсионных группы (в одну из них входил рядовой Ботян) перешли линию фронта под Старой Руссой Новгородской области, чтобы в конечном счете выйти в один и тот же заданный район. Это указание Центра было выполнено. Через Псковщину, всю Белоруссию три десятка разведчиков-диверсантов организованно и без потерь прошли на юг до самой Украины.

А. Ботян: «На стыке Киевской, Житомирской и Гомельской областей, в Мухоедовских лесах нам надлежало организовать базу. Выкопали землянки, соорудили баню, организовали медпункт. И, едва обжившись, стали посылать группы по всем южным направлениям. Не то чтобы до Киева, до Винницы доходили. В это время пришло решение Центра: все три группы объединить под командованием самого опытного из нас — Виктора Алексеевича Карасёва (впоследствии стал Героем Советского Союза). И Карасёв назначил меня помощником начальника штаба отряда».

Карасёв уже в первые недели после заброски в тыл приглядывался к Ботяну и решил: рядовой-то рядовой, да незаурядный. Мыслит неординарно. Такой при планировании операции незаменим. Но не успел Алексей Ботян задержаться в штабистах. Заводной, решительный, азартный сорви-голова рвался в бой. И Карасёв решил оставить его в прежней должности разведчика-диверсанта.

Однажды Ботян возвращался со своей группой после успешной операции и их застал рассвет. Надо было где-то укрыться на день.

А. Ботян: «Переночевать в светлое время суток — это называлось у нас „днёвкой“. В таких случаях нас часто укрывали люди из нашей агентуры, широкую сеть которой мы создали за короткое время. Но в тот раз в деревне Черниговке мы заглянули в дом совершенно незнакомого человека. Хозяин — украинец, оказался бывшим старшиной Красной армии. По несуразной логике войны и не по своей воле вдруг оказался в одиночестве на занятой немецкими войсками территории. В плену не был.

Следует отметить, что немцы украинцев не особенно обижали и отпустили его. Ну и Григорий Васильевич Дьяченко вернулся домой к жене. И жил себе особенно не высовываясь…

На счастье партизан он оказался своим человеком. Григорий рассказал нам про обстановку в окрестностях деревни, что для нас было весьма важным. Во время второй нашей встречи он рассказал следующее: „Знаешь, у меня в Овруче у немцев работает дальний родственник в гебитскомиссариате. Они ему во многом доверяют“.

Надо сказать, что Овруч городишко сам по себе небольшой. Райцентр Житомирской области. Но немцы, исходя из тактических соображений, приподняли его статус. „Гебит“ по-немецки означает „область“. И охватывала эта „гебит“ в то время Житомирскую, часть Киевской области, и даже кусочек белорусской земли покрывала.

В городе Овруч, в комиссариате этого района была сосредоточена вся немецкая администрация. Немцы располагались в казармах, прозванных ранее „будённовскими“. По всем направлениям было выставлено охранение. По периметру застройки все было обтянуто колючей проволокой. Ни гранатами не закидать, ни кавалерийским наскоком не взять (к тому времени у нас уже было особое подразделение — конный эскадрон численностью около сотни человек).

Я срочно доложил Карасёву, что установил контакт с местным жителем Григорием Дьяченко. Нам надо вместе обсудить, как вести себя с Григорием, чтобы не спугнуть его. Решили провести с ним встречу втроём. Пришли к нему. Он был в хорошем настроении. В ходе беседы я сказал ему, что есть необходимость встретиться с твоим родственником. Только как это сделать? А он мне: запросто. У меня в округе все полицаи знакомые. Я скажу им, что ты мой родственник. В гости к родственнику поехали мы с Григорием. Перед поездкой он меня переодел. Дело в том, что деревенские „наряды“ от села к селу могут в чем-то хоть незначительно, но отличаться.

Нашёл мне Григорий какую-то куртку, штаны другие дал. Надел я белую длинную рубашку, какие местные мужики носили, подпоясался чем-то вроде кушака. А в кармане две гранаты. За поясом сбоку парабеллум. Я предпочитал этот пистолет другим. У него вся тяжесть была в рукоятке, и поэтому из него легко было целиться. Его недостаток — не всегда выбрасывал стреляную гильзу. Мог заклинить, а для этого нужно какое-то время, чтобы устранить неисправность. „ТТ“ был надёжным и мощным пистолетом, но тяжёлым. А это отражалось на меткости стрельбы. А для меня важнее всего было быстро и без промаха.

Подготовка была окончена, и мы с Григорием поехали. Я и сейчас помню, что родственника звали Яков Захарович Каплюк. Он работал в комиссариате кем-то вроде завхоза. На сотрудничество согласился не сразу. И человека надо было понять: всё-таки семья, двое малых детей. Он хотел быть уверенным, что после осуществления диверсионной операции при его участии он и его домочадцы окажутся в безопасности. Я не мог не взять на себя ответственность и дал гарантии. Он мне в конце концов поверил.

Каплюку мы передали в общей сложности около 140 кг взрывчатки. Он складировал её в подвале, тщательно маскируя и распределяя по точкам, которые мы ему определили, — чтобы взрыв

произвёл как можно больше разрушения. Осталось только ждать подходящего момента, чтобы произвести подрыв. И он не заставил себя ждать…

В Овруч из Берлина прибыли специалисты в составе двух-трёх групп для планирования карательных операций с целью ликвидации партизанского движения в крае. И вот когда в заминированном здании проходило секретное совещание высших офицерских чинов вермахта, раздался страшной силы взрыв. Мы с товарищем наблюдали эту картину с городской окраины. Вместе с нами в полном составе была семья Каплюка. Мы сдержали перед ним своё слово. И с лёгким сердцем могли отходить к своему месту базирования.

За организацию и проведение этой непростой операции меня представили к званию Героя. Вместе с асом-подрывником отряда Францем Дрогомерецким. Его за то, что к тому времени он успел пустить под откос уже более 25 немецких эшелонов с боевой техникой».

Почему же Звезда не нашла Героя вовремя? Да потому что где-то наверху ещё не совсем ясен был эффект «разорвавшейся бомбы». Алексей Николаевич объясняет это просто: результаты и последствия акции, вероятно, с ходу не до конца просматривались. Сложно было сразу во всём разобраться и оценить потери противника. Несколько позже стало ясно, что в подготовленной и проведенной Ботяном в Овруче акции были уничтожены до 80 гитлеровцев, в основном это были представители командного состава, в том числе и весьма высокого ранга.

Можно себе представить, жизни скольких сотен и тысяч партизан были спасены, когда вместе со зданием комиссариата взлетели в воздух и замыслы карателей. Воистину — большое видится на расстоянии.

Лишь двадцать с лишним лет спустя в Москве оценили ту операцию Ботяна. Хотя его бывшие командиры — Карасёв и Перминов — никогда об этом не забывали. Они сделали многое для восстановления справедливости, для подготовки повторного представления.

На дворе был уже 1965 год. Первый год правления Л. Брежнева. Естественно, ему хотелось с особой помпой отметить 20-летие Победы над фашистской Германией. Великий советский народ заслужил такой праздник. Вспомнили о незаслуженно обойденных почестями фронтовиках. К юбилею готовились наградные листы, составлялись списки представляемых к наградам. Была учреждена медаль «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Но тут у Ботяна появился «доброжелатель». Этот чиновник, в руки которого попало дело Ботяна, тянул резину. Проверял, перепроверял. Наконец, документы всё-таки ушли в Президиум Верховного Совета СССР. А там задали вопрос: «А где же вы были раньше? Указ о награждении уже подписан».

«Ну, махнул я тогда на это рукой. Главное жив, здоров», — вспоминает Алексей Николаевич. Так-то оно так. Но согласитесь,

плохо, Когда таких вот здоровеньких Героев хоронят заживо — где-нибудь под пыльными архивными бумагами. Печальнее этого бывает лишь, когда Героями становятся посмертно.

К счастью, боевой опыт Ботяна в архив не сдают. И это тоже большая награда. Бойцы нынешнего спецназа в курсе того, что операция Ботяна по уничтожению гитлеровцев в Овруче признана классикой разведывательно-диверсионной работы советских спецслужб. Эта операция входит в качестве хрестоматийного примера в учебники по дисциплине «Д». Нужно ли расшифровывать, о какой дисциплине идёт речь и где её постигают?

Вот один эпизод из истории отряда Ботяна, описанный командиром соединения советских партизан Иваном Золотарём в своей книге «Друзья познаются в беде». Дело происходило в Польше в 1944 году в окрестностях города Новы Сонч. Отряд Ботяна после выполнения очередной задачи готовился к выдвижению в Словакию.

Вот что, в частности, пишет И. Золотарь:

«Прошли сутки. Позади остались гостеприимный лес Бургера, река Попрад, железная дорога и шоссе. Отряд Алёши поднялся на гору Прегибу и недалеко от ее вершины встретился с группой советских военнопленных, сбежавших из гитлеровских лагерей смерти.

Увидев издалека приближавшихся вооруженных людей, экс-пленники решили спрятаться в густых зарослях. Но когда отряд Ботяна подошёл ближе и стали видны родные советские ППШ (пистолет-пулемет Шпагина. — Н.Ш.) и деггярёвские пулемёты, бывшие узники выскочили из укрытия и, приветливо помахивая руками, бросились навстречу партизанам.

Первым подбежал высокий, худощавый, скуластый человек, одетый в полинявшую гимнастерку нового образца, со стоячим воротником и вооруженный немецким автоматом.

— Отряд лейтенанта Алёши? — с ходу спросил он глуховатым голосом у Васи Толочко.

Тот посмотрел на него с подозрением, потом перевёл взгляд на Алексея, стоявшего рядом, как бы спрашивая, как ему отвечать.

— Я — Алёша, — опередил его Ботян и сделал шаг вперёд. — А вы кто такие?

Незнакомец вытянулся перед Алексеем по стойке „смирно“, лихо взял под козырёк.

— Товарищ лейтенант! Группа советских военнопленных, сбежавших из немецко-фашистских лагерей в количестве 20 человек желает вступить к вам в отряд для продолжения борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Докладывает бывший командир батальона 385-го полка 112-й стрелковой дивизии старший лейтенант Тулешов, — чётко отрапортовал он и замер в ожидании.

— Откуда же вы узнали о нашем отряде? — поинтересовался Алёша.

— От аковцев из отряда Мака и от польских крестьян. О вашем

отряде и о вас лично, товарищ лейтенант, здесь в горах всюду говорят.

Алексей качнул головой, усмехнулся.

— Слыхали, братцы? — обратился он к своим помощникам.

На „привале“ Ботян долго беседовал с Тулешовым (он казах, родом из-под Алма-Аты). Саша Тулешов произвёл на Ботяна и его товарищей хорошее впечатление. Алёша дал Тулешову пару недель, чтобы за это время вооружиться (почти все люди были без оружия) и тогда Ботян сказал, что примем всех вас в наш партизанский отряд…»

Главным маршрутом в жизни разведчика-диверсанта Ботяна оказался путь, пролегавший по захваченной врагом территории от Старой Руссы до самого Кракова. Эта дорога и определила основной вектор его судьбы!

Задача перед отрядом Карасёва была поставлена в начале 1944 года. Краков немцы превратили в своего рода столицу побеждённой страны. Там находилась резиденция гауляйтера [4] Ганса Франка, главного палача польского народа. Путь неблизкий. Если бы разведчиков перебросили по воздуху (но это было очень опасно!), задача, возможно, упростилась бы. Многие из разведчиков прошли парашютную подготовку. У Ботяна, например, за плечами было 27 прыжков с парашютом. А пешим порядком предстояло пробиваться сквозь заслоны неприятелей всех мастей: от бандеровцев на Западе Украины, головорезов из украинской дивизии СС «Галичина» после форсирования Буга, аковцев — отрядов Армии Крайовой (Отечественной армии, во главе которой стояли люди пилсудчиковой закалки). Подчинялись они указаниям из Лондона, куда сбежало польское правительство Миколайчика. Очень враждебно относились к советским.

А. Ботян: «Командир одного из отрядов сначала удивился, услышав из моих уст польскую речь. Я по-польски говорил совсем неплохо. Так мой партнёр по переговорам весь вскипел: „Ты есташ поляком!“ Всё не верил, что я белорус, хотел выяснить, за сколько я Советам продался». Следует отметить, что поляк так и не разобрался с Ботяном, кто же он был на самом деле.

Алексей Николаевич, в общем, счастливый человек. Ему ведь при жизни поставили памятник в Польше. В небольшом городке Илжа Родонского воеводства установили обелиск. На нем бронзовая табличка: «Отсюда в ночь с 14 на 15 мая 1944 года вышли в бой с немецко-фашистскими оккупантами отряды Армии Людовой и разведывательно-диверсионная группа лейтенанта А. Ботяна — Алёши».

Конечно, обелиск поставили не ему одному. Но фамилия-то на бронзовой плите только одна…

В районе Илжи действовал небольшой отряд Армии Людовой — три группы по сто человек каждая. Их командование решило взять город. Первым делом следовало освободить сидевших в местной тюрьме подпольщиков. Во-вторых, нападение на немцев должно было

[4]Гауляйтер — национал-социалистский руководитель области в фашистской Германии.

произвести довольно сильное психологическое воздействие на население: Сопротивление действует! Но собственных сил у партизан было маловато. И тогда поляки обратились к Алёше. Разведчик долго размышлял. Его задача была выйти к Кракову. А вдруг с него же шкуру спустят…

А. Ботян: «И всё же я со своим заместителем решили: поможем. Провели разведку. Ближайший сильный гарнизон немцев находился в 15 км от города. В Илже размещалась полиция, верой и правдой служившая гитлеровцам. Немцев оказалось не так уж много. С наступлением темноты мы спустились с гор. Поляки показали нам немецкую казарму. Подошли поближе. Я дал команду на пару очередей из автомата. Если немцы станут выбегать — стрелять на поражение! Но перепуганные немцы даже не высунули своего носа.

Пока мои ребята блокировали казарму, польские партизаны выводили своих товарищей из тюрьмы, громили почту, банк, опустошали немецкие склады. Целую ночь город был в наших руках.

Под обломками здания нашли смерть около 80 гитлеровцев, в том числе гебитскомиссар Венцель, гестаповец Зиберт и все члены его группы, приехавшие с ним из Берлина в качестве различных „специалистов“».

За проведённую операцию все её участники были награждены государственными боевыми наградами, в том числе Яков Каплюк и его жена. Алексей Ботян был удостоен ордена Красного Знамени.

За год до Победы, перед чекистами была поставлена задача организовать партизанское движение в глубоком тылу гитлеровцев на территории стран Восточной Европы. Тогда-то в район Кракова и была направлена группа разведчиков под командованием лейтенанта Ботяна. Разведчикам предстояло подготовить базу для целого партизанского соединения.

До Кракова Алёша со своей группой дошёл первым — в начале лета 1944 года, когда никого из наших там не было. По городу Ботян ходил довольно свободно. Все документы у него были выданы польскими властями. Группа Алёши готовила операцию по ликвидации гауляйтера Ганса Франка. Уже был подобран исполнитель акции возмездия — завербованный камердинер гауляйтера по имени Юзеф Путо. Через польского подпольщика ему были переданы пистолет с глушителем и английская мина со взрывателем химического действия.

Но палача Польши «спасла» Красная армия. Буквально накануне запланированного наступления её части прорвали фронт. И Франк спешно бежал в Ченстохово. Возмездие было отсрочено.

Куда более неотложной задачей в изменившейся ситуации стало обеспечение беспрепятственного и быстрого продвижения к Кракову наступающих советских войск. Этому должны были воспрепятствовать ставшие известными планы гитлеровцев. Гарнизон, прикрывавший Краков с юго-востока, располагался в нескольких десятках километров от города Новы-Сонч. Немцы намеревались заминировать город и при отступлении взорвать. Велась подготовка к подрыву Куровского моста, перекинутого через реку Дунаец в 7 км от города вниз по течению, а

также Рожнавской плотины, запрудившей Дунаец ещё на 10 км дальше к северу. Немцы уже завезли несколько вагонов взрывчатки в подвалы Ягеллонского замка, расположенного на северной окраине города. Старинную резиденцию польских королей, польскую святыню нацисты превратили в огромное вместилище смерти. Здесь они складировали снаряды, а в последнее время буквально завалили замок фаустпатронами, которыми надеялись остановить колонны советской бронетехники. Взрывчатки хватило бы не только на Новы-Сонч, но может быть, и на два Кракова.

Выбор у командира группы Ботяна был невелик. Либо, взорвав замок, спасти от разрушения целый город. Либо ценой разрушения города спасти историческую достопримечательность. Кто-то из разведчиков в ходе обсуждения заметил: «А вы думаете, немцы взорвут город, а замок сберегут для истории?»

Всем стало ясно, что выбора нет вообще. Но как проникнуть в замок, окруженный со всех сторон массивными каменными стенами и тщательно охраняемый? Попытка же пробраться в подвалы представлялась просто безумством, заранее обреченным на провал.

Разведгруппа Алёши нашла относительно простое решение. На Алёшу уже давно работал гестаповец.

А. Ботян: «Как мы завербовали его? Однажды два сотрудника гестапо решили расслабиться и отправились на охоту. Но на эту парочку нашлись другие охотники — мои бойцы. Приводят их. Разговаривать с нами они не пожелали. Для задушевных бесед не было времени. Время было ведь военное. Говорю бойцам — одного в расход. Только вывели его за дверь — выстрел. Второй гестаповец обмяк. Пошёл на сотрудничество. У этого гестаповца были свои люди в Ягеллонском замке. Мы воспользовались такой возможностью и заминировали склад со взрывчаткой. Жалко было замка. Всё-таки национальное достояние польского народа. Но поляки, между прочим, отстроили его заново. И зла на меня, по-моему, не держат».

Не хотелось бы ввязываться в дискуссию о том, кто спас Краков: Алексей Ботян или другой разведчик, проживающий в Киеве, прототип майора «Вихря» Евгений Березняк, который указом российского президента В.В. Путина награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Не следует умалять чьих-то заслуг. Но давайте вспомним последние эпизоды книги Юл. Семёнова. «Вихрь» подрывает кабель, «в котором была смерть Кракова». Он держит оборону два часа, отбиваясь от наседающих эсэсовцев. Восстановить кабель после этого для немцев не было бы проблемой. Но в это время эсэсовцы вдруг побежали — по шоссе неслись русские Т-34. Без Ботяна и его бойцов танки не успели бы вовремя.

Война для А. Ботяна в связи с некоторыми особыми обстоятельствами закончилась чуть позже Дня Победы. 20 мая 1943 года самолёт унёс его из-под Кракова в Москву. Месяц отпуска — и новое назначение. И тоже особое.

Долгое время считалось, что прототипом майора «Вихря» из одноимённого кинофильма о спасении Кракова являлся другой разведчик — Евгений Березняк, который проживает в настоящее

время в Киеве. Однако если внимательно проанализировать сценарий фильма, написанный замечательным писателем Юлианом Семёновым, то нельзя не заметить в нем «следов» и группы Березняка, и группы Ботяна, и ещё некоторых групп. Сам Е. Березняк никогда не считал себя единоличным прототипом майора «Вихря». Более того, в своей книге воспоминаний он констатирует: «Возможно, мы кое-кого разочаруем, но наша группа в день освобождения Кракова находилась далеко от города, продвигалась по приказу командования на Запад. Мы не знали, да и не могли знать, сколько групп, подобно нашей, действовали в районе Кракова и причастны к его спасению». Аналогичного мнения придерживается и Ботян. Юл. Семёнов при написании сценария ознакомился с некоторыми документами о действиях наших разведгрупп. Но к тому времени не все фамилии разведчиков были рассекречены. Вот в этом и произошло небольшое недоразумение.

Кстати, Евгению Березняку за участие в спасении Кракова присвоено звание Героя Украины и воинское звание генерал-майор.

После войны Алексей Николаевич долгое время работал в центральном аппарате советской внешней разведки. Несколько лет провел в резидентуре за границей. Потом снова служба в центральном аппарате внешней разведки КГБ СССР.

В соответствии с положением о прохождении воинской службы в 1983 году Алексей Николаевич был уволен в запас. Но он и сейчас продолжает передавать боевой опыт разведчика-нелегала молодым сотрудникам Службы внешней разведки РФ.

Венцом всех событий в жизни Алексея Николаевича стал день 9 мая 2007 года. Этого события разведчик ждал все послевоенные годы. Бытует такое мнение, что за последние годы он якобы уже потерял все надежды. Но друзья поддерживали его и вселяли в него уверенность, что ожидаемое событие должно свершиться! Много сил и энергии в это дело вложил сотрудник внешней разведки Кугучев В.Н. Большое ему спасибо от всех ветеранов и лично от Ботяна А.Н.

В декабре 2006 года на торжественном собрании ветеранов Службы внешней разведки в Центральном клубе я встретился с Александром Фёдоровичем Хлыстовым. Немного мы пообщались с ним, и он мне в доверительной форме сказал: «Алексею Ботяну будет присвоено звание Героя России. Вопрос решён окончательно».

10 февраля 2007 года Алексею Николаевичу Ботяну исполнилось 90 лет со дня рождения! Коллеги по службе, руководство СВР и друзья горячо поздравили Алексея Николаевича с замечательным юбилеем и пожелали ему доброго здоровья на долгие годы!

И опять тишина. Никто ничего не знает. Опять ожидания. Приближался большой праздник всех россиян — 62-я годовщина Победы над фашистской Германией. И наконец-то свершилось то, чего не только ждал Алексей Николаевич, но и все его родные, друзья и коллеги по службе.

Указом Президента России В.В. Путина от 9 мая 2007 года полковнику Ботяну А. Н. присвоено звание Героя России «За мужество

и героизм, проявленные в ходе операции в 1944 году по освобождению польского города Кракова и предотвращению уничтожения города немецко-фашистскими захватчиками».

В высшей степени справедливо, что высшую награду герою успели вручить ещё при жизни.

Сотни ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов Службы внешней разведки, участники партизанского движения на оккупированных нацистами территориях, Герои Советского Союза и России, известные политические и общественные деятели, выступавшие на протяжении долгих лет с ходатайством о присвоении А. Ботяну высокого звания Героя РФ разделяют чувство всеобщей радости и удовлетворенности по поводу замечательного торжества и желают Алексею Николаевичу долгих и долгих лет жизни.

В дни своего торжества, связанные с награждением Звездой Героя РФ, А. Ботян побывал у себя на Родине. Алексей Николаевич не может скрыть чувство удовлетворения, признательности и благодарности своим землякам, проявившим заботу и мудрость к памяти предков. Он не подчёркивает, но и не скрывает своей гордости за принадлежность к великому но душевной широте и щедрости белорусскому народу.

Герой России А.Н. Ботян рассматривает свой визит в Белоруссию как конкретный вклад в великое дело народной дипломатии на пути становления и укрепления союзного государства.

Именно эту мысль подчеркнул А. Ботян в беседе с первым заместителем председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси академиком П.А. Витязем. В ходе своего визита в Беларусь, многочисленных встреч и бесед с людьми разных профессий, положения и званий Ботян убедился в том, что Республика Беларусь обладает самым богатым природным ресурсом в мире — прекрасным народом, народом-тружеником, народом-созидателем, народом-победителем!

Советский разведчик Джордж Блэйк

Имя Джорджа Блэйка хорошо известно, тем не менее его история не перестаёт вызывать живой интерес.

Родился Д. Блэйк в Голландии 22 ноября 1922 года. Его отец — англичанин Альберт Бихэр, бывший сотрудник британской разведки. Мать — голландка Кэтрин, урождённая Бейдервеллен. В молодости Джордж собирался стать пастором протестантской церкви. Когда началась немецкая оккупация, вступил в движение Сопротивления. В 1940 году был арестован и заключен в концлагерь Шерп, откуда ему удалось бежать. В 1942 году, спасаясь от нового ареста, он бежал через Францию и Испанию в Англию. Там поступил на воинскую службу во флот, а оттуда в разведку. Тогда-то он и стал Блэйком.

Из личного дела Блэйка: «Прекрасное знание немецкого, английского, французского и голландского языков. Проверен в бою, показал себя с хорошей стороны, отважен и решителен, перспективен для работы в разведке».

Джордж постоянно восхищался ролью Советского Союза в войне

против фашизма, героизмом его народа. В 1950 году он оказался на войне в Корее. «Я видел, как американские бомбардировщики буквально стирали с лица земли корейские деревни, города… И я спрашивал себя: что нам нужно в этой войне? На чьей стороне я должен сражаться?» — вспоминал позднее Д. Блэйк.

Во время войны он оказался в плену в Северной Корее. Этот этап в его жизни стал решающим. Он сделал для себя окончательный вывод, на чьей стороне он должен быть. Именно там он добровольно стал агентом, а впоследствии штатным сотрудником советской разведки.

Здесь следует заметить, что его как кадрового разведчика Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС) Великобритании в своё время направили на учёбу на курсы русского языка при Кембриджском университете в Лондоне.

Занятия русским языком, чтение русской классики, общение с русскими людьми славянского факультета Кембриджа изменили отношение Блэйка к России и её народу. Вот что писал Блэйк по этому поводу в своей книге «Иного выбора нет»: «Вспоминая дни, проведенные в Кембридже, я теперь понимаю, что они были переломными, — мне открылись новые горизонты, я получил ключ к удивительным богатствам русской литературы, стал уже немного понимать русских людей, заинтересовался и полюбил их обычаи и традиции».

В одном из интервью середины 90-х годов Блэйк на вопрос: «Ради чего вы пошли на сотрудничество с нашей разведкой?» — ответил просто: «Во-первых, я боялся, что будет развязана 3-я мировая война, во-вторых, я верил в победу коммунизма. По этим причинам, кстати, с советской разведкой сотрудничали многие иностранцы».

Как человек, склонный к анализу, Блэйк сопоставлял свою позицию понимания мира и справедливости с тем, что происходило. «Холодная война», противостояние Востока и Запада поколебали идеологические устои Блэйка. Постепенно он пришёл к выводу о необходимости активного участия в противостоянии двух лагерей, но уже по другую сторону баррикад.

Он принял решение обратиться в советское посольство в Северной Корее, предложив свои услуги. Так в добровольном порядке и по идеологическим соображениям Джордж Блэйк стал на путь сотрудничества с советской разведкой, стал советским разведчиком.

Он категорически отказался от материального вознаграждения и твёрдо придерживался этого принципа в дальнейшем.

Здесь хотелось бы упомянуть молодого сотрудника управления КГБ по Приморскому краю Николая Андреевича Лоенко, который, находясь в командировке в Северной Корее, установил контакт с Блэйком. Вот его слова: «Фактически Джордж, наблюдая войны во всех их видах и размышляя над судьбами мира, сам пришёл к коммунистическому убеждению. Он сразу же поразил меня неподдельным интересом к нашей стране. Конечно, по своей эрудиции, уровню культуры Джордж превосходил меня, он хорошо разбирался в теории научного коммунизма. Мне оставалось ему только поддакивать.

Короче говоря, идеологически воздействовать на него я не мог, потому, что больше нажимал на общечеловеческие интересы».

Весной 1953 года пленение Блэйка закончилось, и вместе с другими находившимися в плену сотрудниками английской дипломатической миссии он вернулся в Англию. После радостных встреч с родными, опросов представителями военной разведки и СИС, носивших формальный характер, Блэйк получил дополнительный отпуск, а в сентябре 1953 года приступил к работе в Сикрет Интеллидженс Сервис. Он был назначен на должность заместителя начальника отдела «У» СИС. Эта служба занималась проведением операций по внедрению техники подслушивания и съёму информации в представительствах СССР и союзных с ним государств, а также в частных квартирах работников этих учреждений. Ряд операций проводились совместно с ЦРУ США.

Вскоре после этого сотрудниками лондонской резидентуры советской разведки была разработана и осуществлена операция по восстановлению связи с Блэйком. Последовали 10 лет его активной и неоценимой по плодотворности разведывательной работы. Простое перечисление того, что было сделано Джорджем Блэйком, заняло бы очень много места. От него было получено огромное количество секретных документов английской разведки, раскрывающих её подрывные устремления против Советского Союза.

Тут следует вкратце рассказать об одном нашумевшем в своё время деле, непосредственным участником которого был сам Блэйк. Речь пойдёт об операции английских и американских спецслужб под кодовым названием «Голд» (золото), известной советскому читателю как «Берлинский туннель».

Ночью 22 апреля 1956 года советские связисты, «осуществляя срочный ремонт» телефонного кабеля, обеспечивающего связь между Восточным Берлином и Москвой, наткнулись на ответвление. Они обнаружили туннель, ведущий в американский сектор Западного Берлина.

Наша сторона не пошла на уничтожение установленной американцами и англичанами аппаратуры перехвата телефонных разговоров, а на следующий день организовала пресс-конференцию, на которой обвинила американцев в возмутительном вторжении на территорию советского сектора Берлина и заявила решительный протест. Собравшихся журналистов пригласили на «экскурсию» в туннель.

За несколько лет до этого события, в один из декабрьских дней 1953 года, в Лондоне проходило секретное совещание представителей ЦРУ США и Сикрет Интеллидженс Сервис Великобритании. В результате было принято решение о прокладке туннеля к линиям связи советских войск и линиям связи ГДР. Предприятие финансировали американцы: сложнейшее оборудование обязалась поставить английская сторона. В качестве заместителя начальника отдела «У» Джордж Блэйк принимал личное участие в этом совещании специалистов-разведчиков СИС и ЦРУ.

В берлинском районе Альтпиинике, где проходила граница

американского сектора Берлина, американские военные власти построили корпуса станции подслушивания. От них был прорыт пятисотметровый туннель, оборудованный по последнему слову техники, для подключения подслушивающей, усилительной и прочей шпионской техники к телефонным кабелям на территории Германской Демократической Республики.

Казалось бы, всё шло хорошо, если бы не одно «но». Хотелось глубже втянуть «партнёров» в эту игру. И хотя разговоры, ведущиеся по этой линии, подвергались строгому контролю с целью не допустить ухода на Запад действительно ценной информации, всё же иногда приходилось допускать «утечку», чтобы «партнеры» ничего не заподозрили.

Тем не менее, настало время, когда надо было кончать игру, но сделать это следовало так, чтобы Блэйк остался вне всяких подозрений. В один прекрасный день в апреле 1956 года американские военные разведчики, операторы аппаратов, подключенных к нашим линиям связи, вдруг услышали громкие голоса с противоположной стороны туннеля, со стороны ГДР. Операторы были так перепуганы, что бросились бежать, не успев ни снять, ни уничтожить аппаратуру. Туннель был вскрыт советскими и немецкими «связистами» под предлогом «обнаружения неполадок в каналах связи», что и «выявило» якобы подключенную аппаратуру. Эта дезинформация была запущена так умно, что даже специальная комиссия ЦРУ и СИС пришла к заключению, что это чистая случайность. Блэйка никто ни в чём не заподозрил, и он по-прежнему продолжал снабжать нас секретной информацией.

После скандального разоблачения, Когда все улики были налицо и играть в прятки отпала нужда, высокопоставленные деятели из ЦРУ всё же пытались утверждать, что мол, эта версия была самой результативной за последние годы. Тогда ни в Вашингтоне, ни в Лондоне не могли даже предположить главное — их акция оказалась обречённой ещё задолго до того, как были созданы чертежи этого «предприятия».

Само «обнаружение» туннеля было проведено искусно. Последовавшее за этим совместное расследование СИС и ЦРУ обстоятельств провала операции пришло к выводу о его чисто технических причинах. Об утечке информации не шло и речи. И только в 1961 году, после ареста Блэйка, СИС и ЦРУ стало известно, что советские власти были действительно ознакомлены с операцией «Туннель» ещё до того, как первая лопата вонзилась в землю. Блэйк сумел передать советской разведке сведения об этой операции американской и английской разведок ещё на стадии её первоначальной разработки.

В связи с предательством одного из руководителей польской разведки, М. Голеневского, английская контрразведка по косвенным данным вышла на Блэйка, и в 1961 году Блэйк был арестован и передан английскому суду. Судья пришёл к такому заключению: «Этот человек разрушил почти всё, что было создано британскими разведывательными службами с момента окончания Второй мировой

войны».

Первые беседы ещё на стадии подозрений ничего не дали сотрудникам отдела контрразведки Интеллидженс Сервис, которые вели допросы Блэйка. Они не располагали ни конкретными данными, ни вещественными доказательствами его сотрудничества с советской разведкой. Допрашивающие, сами того, видимо, не ожидая, нашли нестандартный психологический ход. Как бы желая облегчить признание Блэйка и тем самым его участь, они заявили, что он пошёл на сотрудничество с Советами только потому, что он сотрудник британской разведки. Дальше последовал шантаж, и Блэйк пошел на сотрудничество. Блэйк был возмущён таким предположением. Ему захотелось объяснить, что действовал он по убеждению, что никто его не пытал, не шантажировал, и он пришёл к русским по собственному решению и предложил свои услуги. Эта внутренняя реакция — возможно, кто-то и посчитает ее противоречащей элементарному здравому смыслу и инстинкту самосохранения — оказалась в итоге полным признанием.

Но в этом и есть весь Джордж Блэйк — благородный человек, не допускающий сомнений в искренности своих поступков и принятых решений. Эту черту характера он проявлял не один раз, не шёл на компромиссы, когда дело касалось убеждений, принципов.

Подтверждением этому служит и поведение Блэйка во время суда. Адвокат Джереми Хатчинсон, выступавший в качестве защитника Блэйка, спросил его разрешения заявить в своем обращении к судье о том, что подсудимый глубоко сожалеет о содеянном. Это могло бы смягчить приговор. Блэйк ответил отказом, так как это он считал неправдой, ни о чём он не сожалеет и уверен в правильности своего сотрудничества. И если бы не арест, то продолжил бы контакты с русскими.

Дело рассматривалось в суде Олд Бейли — Центральном уголовном суде в Лондоне, — который приговорил Блэйка к 42 годам тюремного заключения. Это было беспрецедентное в истории английской юриспруденции наказание за подобного рода преступление. Разум Блэйка отказывался принимать такой приговор. Он испытывал чувство как бы нереальности происходящего, так как его освобождение должно было произойти только в 2003 году, т.е. в следующем тысячелетии. Если бы суд назначил бы ему 14 лет, то это, по словам Блэйка, произвело бы на него «куда более ужасное впечатление, — сорок два года находились вне пределов понимания». Но самое интересное состоит в том, что подобный срок подтолкнул Блэйка к мысли о побеге (не забудем, что он уже один раз бежал из-под стражи).

Все, что произошло в дальнейшем, укладывалось в философию Блэйка, его жизненную позицию. Джордж сравнительно быстро вошёл в режим тюремной жизни. Вел себя примерно и после 5 лет получил «повышение»: из мастерской, где шили мешки для дипломатической почты, его назначили в тюремную лавку — там заключенные покупали нехитрые припасы. Его навещала мать, жена и другие родственники. Это, с одной стороны, облегчало его пребывание в тюрьме, но с другой

— было и большим моральным испытанием. Он чувствовал вину перед родственниками за то, что случилось, особенно перед женой, которая осталась одна с тремя сыновьями на руках.

Большой моральной поддержкой для Блэйка явились его беседы во время прогулок в тюремном дворе с советским разведчиком Гордоном Лонсдейлом, он же «Бен», он же Конон Трофимович Молодый, арестованный англичанами в результате предательства того же поляка Голеневского и осужденный на 25 лет в том же 1961 году.

Блэйк восхищался стойкостью и неизменно хорошим настроением, с которым Конон Молодый переносил выпавшие на его долю тюремные испытания. Вдвоём они часто обсуждали возможные пути оказаться наконец на свободе.

Конон Молодый вспоминал позже: «Однажды мы встретились с Джорджем на прогулке во дворе тюрьмы „Уормвуд Скрабз“, где я тоже отбывал наказание. Я ему сказал тогда: „Уверен, что оба будем праздновать 50-летие Октябрьской революции 7 ноября 1967 года в Москве“. Так оно и произошло. Оба они присутствовали на этом параде, а после парада пили „Советское шампанское“».

К. Молодый в 1964 году был обменян на агента английской разведки Гревилла Винна, арестованного по нашей просьбе в Будапеште за шпионаж и приговорённого к тюремному заключению в СССР, а Дж. Блэйк в 1966 году бежал из тюрьмы в Советский Союз.

Со временем Блэйк как бы втянулся в распорядок тюремной жизни и начал даже находить её терпимой. Чтобы поддерживать себя в рабочем состоянии, он возобновил занятия арабским языком, посещал занятия по английской литературе и класс любителей музыки, организованные в тюрьме по линии попечительства.

Смелый побег из тюрьмы был осуществлён Блэйком в духе традиций авантюрных романов Александра Дюма, разве что с применением современной техники. Тюрьма «Уормвуд Скрибз» славилась тем, что из неё никто никогда не бежал. Поэтому туда и помещали таких опасных преступников, как разоблачённые советские разведчики. Содержались там заключенные и не столь опасные. Среди них были два члена «Комитета-100» — Майкл Рэндл и Пэт Поттл, осуждённые на 18 месяцев тюремного заключения за организацию демонстрации у базы ВВС США в Уэзерсфильде. Так получилось, что они тоже посещали занятия по английской литературе и класс любителей музыки. «С самого начала между нами возникло, — вспоминал Блэйк, — полное взаимопонимание. Однажды, когда никто не мог нас услышать, они предложили помочь мне, чем смогут, если я решусь бежать. Я был очень тронут таким великодушием и ответил, что если смогу разработать конкретный план и буду нуждаться в их помощи, то обязательно дам им знать. Вскоре их освободили, и мы не успели ни о чём толком договориться».

Прошли годы, но друзья не забыли про Блэйка и регулярно присылали рождественские поздравительные открытки. Блэйк верил им, они ведь сами предложили помочь ему. Но прежде всего Блэйку требовался человек, который смог бы войти с ними в контакт и осуществить необходимые приготовления.

Таким человеком оказался Шон Берк, он посещал те же занятия по литературе, что и Майкл Рэндл, Пэт Поттл и Блэйк. Он их знал довольно хорошо.

Блэйк открыто пишет об участии этих трёх людей в его побеге, так как они сами публично признали это, описав в своих книгах. В противном случае он конечно же хранил бы молчание.

Блэйк с Шоном Берном попали в тюрьму примерно в одно и то же время и вскоре познакомились. Шон был привлекательным мужчиной, довольно крепкого телосложения, и производил впечатление человека уравновешенного и добродушного. Он попал в тюрьму за то, что послал по почте бомбу полицейскому, который обвинил Шона в растлении малолетнего мальчика.

Восьмилетнее заключение Шона подходило к концу. Он зарекомендовал себя как прекрасный издатель тюремного журнала. Отношения Блэйка с Шоном переросли почти в дружбу. Блэйк решил, что настало время действовать.

Во время одной из ежедневных прогулок Блэйк изложил Шону своё намерение бежать и спросил его, не мог ли он помочь ему. Он сразу согласился. Блэйк предложил ему подумать несколько дней, прежде чем дать ответ; но он сказал, что всё уже решил и готов взяться за дело. Шон относился к Блэйку с симпатией и считал его тюремный приговор чудовищным. По его словам, ничто не доставило бы ему такого удовольствия, как помочь Блэйку осуществить побег.

Блэйк с Шоном сразу же приступили к разработке операции. Главнейшим условием была надёжная связь. В общежитии, которое находилось на территории тюрьмы, в это время шёл ремонт. Там работали заключенные из сектора «Д», и среди них можно было найти кого-нибудь, кто согласился бы передавать записки. Блэйк с Шоном обратились к общему другу, которому оба симпатизировали и доверяли. Его звали Филипп, это был обаятельный человек, который в ответ на вопрос: «Какова ваша профессия?» — откровенно отвечал: «Вор». Они договорились, что, как только Шон выйдет из тюрьмы, он сразу же свяжется с Майклом и Питтом, с тем чтобы убедиться, что они по-прежнему готовы помочь Блэйку, и обсудить с ними дальнейшие действия.

Несколько недель спустя Шон был переведён в общежитие. Однажды вечером в начале ноября 1965 года Блэйк попрощался с Шоном, и последний приступил к работе. Первая часть операции началась.

Как только Шон оказался в общежитии и смог свободно передвигаться по Лондону до десяти часов вечера, он сразу же встретился с матерью Блэйка. В состоявшемся разговоре произошло недоразумение. Тогда Шон вместе с Майклом и Пэтом связались с матерью Блэйка. Была собрана сумма в 800 фунтов. На эти деньги в первую очередь был куплен автофургон для нелегального вывоза Блэйка из Лондона.

Оглядываясь назад, Блэйк благодарен своей сестре за то, что она дала безумно необходимую сумму денег Шону. Как потом стало явным,

без участия Майкла и Пэта и их друзей побег Блэйка не имел никаких шансов увенчаться успехом.

Однажды у Блэйка произошел неприятный случай. Один из его сокамерников позвал его в свою камеру и показал ему письмо Шона, начинавшееся словами «Дорогой Джордж!» и содержавшее некоторые детали, не оставившие ни малейшего сомнения в том, что готовится побег. Де Курси, в руках которого оказалось это письмо, оказался верен своему слову. Он выполнил данное Блэйку обещание. В свою очередь Блэйк тоже сдержал обещание и информировал его о том, как шли дела.

В результате этой путаницы, о которой Блэйк предупредил Шона, его осенила идея: из тех денег, что ему теперь платили за работу, он купил «уоки-токи». Этот аппарат он тайно передал Блэйку через связного. Блэйк довольно конспиративно пользовался аппаратом и в основном в позднее вечернее время. Хранил он аппарат в надёжном месте.

Между тем подготовка к побегу подходила к концу. Шон купил подержанный автомобиль и снял маленькую квартиру в пяти минутах ходьбы от тюрьмы.

Шон побывал в Ирландии и вернулся уже под другой фамилией. После его возвращения был назначен день побега: 22 октября, в 6.15 вечера. В это время уже достаточно темно, а большинство заключенных уйдут смотреть еженедельное кино.

В среду перед операцией у нас состоялся окончательный разговор. Выбранное для него время совпадало с часом побега. Шон сидел в машине, припаркованной у боковых ворот больницы Хаммерсмита на Артиллерироу, узкой улочке, отделявшей её от стены тюрьмы, там же, где он будет ждать меня в условленный вечер. Шон спрятал рацию в букете цветов, как будто он собирался навестить кого-то в больнице.

Побег был спланирован таким образом, что не было нужды прибегать к насилию, так что друзья решили однозначно: Шон не станет брать с собой оружие и ни в коем случае не применять силу.

В субботу, во время обеда, у нас состоялся закрытый разговор. Никаких неожиданных помех не возникло. Стекло в нижнем углу окна за день до этого было вынуто. В последний момент оставалось лишь выломать железную перегородку. Обстановка вокруг была спокойная. Кругом тихо. Это были самые тихие часы за истекшую неделю.

Блэйк зашёл попрощаться с де Куром. Он пожелал ему удачи. В оставшееся время принял душ. В окно Блэйк увидел, что пошёл дождь. Скоро начнётся смеркаться и видимость ухудшится. Всё шло как нельзя лучше.

Не торопясь Блэйк выпил чай и почитал газету. Было 6.15.

Вот как описывает Блэйк дальнейшее развитие событий.

«Из камеры моего друга я по рации вызвал Шона. Тот вскоре отозвался: он уже на месте, по ту сторону тюремной стены.

— Всё в порядке? — спросил я.

— Да, — последовал ответ.

— Мы уже можем выламывать перегородку?

— Да, действуйте.

Филипп, с нетерпением ждавший рядом со мной, тут же ушёл. Спустя три минуты он вернулся.

— Что-то случилось? — спросил я. — Ты очень быстро вернулся.

— Нет, всё отлично, можешь идти.

Перегородка так проржавела, что одного рывка оказалось достаточно, чтобы она вылетела. Я опять вызвал Шона, и он тут же откликнулся.

— Перегородка сломана, ты готов?

— Что, уже? Можешь идти, я готов, — послышался голос Шона.

Я спрятал рацию под свитер, мой друг пожелал мне удачи, мы обменялись рукопожатием, и я пошёл к стене. Оказавшись внизу, я вызвал по рации Шона. Он немедленно ответил.

— Я снаружи и жду лестницу, — доложил я.

— Подожди минутку, у меня некие затруднения, — ответил Шон.

Некоторое время я подождал. Вдруг вновь громко раздался голос Шона:

— Извини, произошла ошибка. Сейчас я всё улажу.

— Пожалуйста, поторопись, — в отчаянии прокричал я, — у нас не остаётся времени.

— Ещё минутку, — ответил Шон и снова наступила тишина.

Я напряженно ждал, готовый броситься к стене, как только через неё перелетит верёвочная лестница. Примерно через пять минут, показавшиеся мне вечностью, Шон опять вышел на связь. На этот раз голос его звучал твёрдо и уверенно.

— Будь готов!

Тут же в свете лампы я увидел, как лестница перелетела через стену. Я, низко пригнувшись, бросился к стене, вцепился в лестницу и полез вверх. По лестнице я перелез через стену и прыгнул вниз. Упал неудачно и почувствовал боль в голове и руке. На мгновение потерял сознание, но Шон схватил меня и затащил в машину. Сам сел за руль, и машина рванула с места. Сразу мы свернули на пустынную улицу. Ещё несколько поворотов, и машина остановилась. Вошли в дом. Мы с Шоном перетянулись и пожали друг другу руки. „Получилось! Получилось!“ — почти одновременно воскликнули мы. Пока всё шло хорошо.

Шон пошёл отогнать машину. Я умылся и переоделся в приготовленную мне одежду. После того, как я тщательно промыл рану на голове, стало ясно, что она поверхностная. Я посмотрел на беспокоившее меня левое запястье. Рука была изогнута под каким-то страшным углом и начала опухать. Видимо запястье все-таки было

повреждено.

Шон вернулся в 9.00. Он позвонил Майклу и Пэту и сообщил им радостное известие. Они ликовали. Шон принёс бутылку бренди, и мы выпили и начали смотреть выпуск новостей. „Чрезвычайное положение в западном Лондоне“, — объявил диктор, и на экране появилось моё бородатое лицо. Дальше пошёл комментарий о том, как был обнаружен мой побег из тюрьмы Уормвуд-Скрабс.

В тот вечер мы засиделись далеко за полночь. Наконец мы легли спать, однако ночь прошла беспокойно. Шон всё бормотал: „Господи, получилось!“ — и ворочался. У меня же болела голова и рука, и я был слишком возбуждён, чтобы уснуть.

Когда я проснулся утром, моё запястье распухло и страшно болело. После завтрака Шон отправился покупать газеты. Через полчаса он вернулся и сообщил, что собирается навестить Майкла и попросить его разыскать врача. Около полудня Шон возвратился с новостью, что друзья бросились искать врача. В семь часов вечера к Блэйку прибыл Майкл с врачом. Доктор сделал все необходимое и наложил гипс.

Ещё до ухода врача появился Пэт со своей женой. Они захватили с собой выпить, и, теперь, Когда мы были вместе, состоялось нечто вроде праздничного вечера.»

Через два дня Блэйка переправили на другую квартиру. Но поскольку в данной квартире был душевнобольной человек, Блэйку подыскали более надёжную квартиру.

Помимо не покидавшего друзей чувства опасности, ощущение ненадёжного прибежища, постоянную тревогу вызывал Шон. Склонность к выпивке была частью его натуры, а Блэйк, естественно, не имел возможности заметить это в тюрьме. По складу характера Шон был рубаха-парень, и его друзья содрогались при одной мысли о том, что он мог выболтать случайным посетителям бара, — ведь помимо своей неосторожности Шон буквально горел желанием крикнуть всем и каждому, что не кто-нибудь, а именно он вытащил Джорджа Блэйка из тюрьмы.

Вскоре друзья стали обсуждать самый трудный этап операции: как вывезти Блэйка с Шоном из Англии и куда именно. Вариантов было много, в том числе и пластическая операция Блэйка. Но после долгих раздумий друзьям пришла идея спрятать его в багажнике автофургона и самим вывезти в безопасную страну. Этот план давал больше шансов на успех, и Блэйк сразу же принял его. Друзья приобрели дормобил (туристский вариант легкового автомобиля в виде фургона), в котором соорудили спальное место в кухонном шкафу (тайник).

Возник вопрос, в какую страну ехать: Египет, Югославия, Швеция, Швейцария, ГДР… В сложившейся обстановке, хотя раньше никогда такой вариант не рассматривался, Блэйк предложил лучший выход из всех: ехать в Советский Союз. И Шон поедет с ним. Поначалу Шон отвергал предложение Блэйка. Но после долгих обсуждений всех вариантов Шон дал согласие поехать с Блэйком в Советский Союз и переждать, пока не утихнет шум и не угаснет интерес к этому делу. Но

как переправить Шона в СССР? Пэт предложил переклеить фотографию Шона на его паспорт. Примерно через неделю после благополучного прибытия в Восточный Берлин Блэйка Шон доберётся поездом до Парижа, а оттуда — самолётом до Западного Берлина. А там по своему британскому паспорту он перейдёт в Восточный Берлин через КПП «Чарли», обратится к часовому КПП советского военного городка в Карлсхорсте. О его пропуске договорится Блэйк с руководством Представительства КГБ при МГБ ГДР.

Когда переоборудование фургона было готово, можно было начинать путешествие. День был назначен —17 декабря. Друзья заказали билеты из Дувра в Остенде, и 17 декабря Майкл с семьёй заехал за Блэйком.

«Выехали мы, — пишет Блэйк, — после ужина. Сначала в тайнике мне было удобно, но потом стало не хватать воздуха. В пути мы остановились. Я вышел на свежий воздух — красота! Мне стало очень хорошо. И после короткой передышки я снова был готов вернуться в свой „тайник“.

Вскоре мы достигли Дувра, где сильно перенервничали при таможенном досмотре. Всё обошлось хорошо и мы въехали на паром. Через некоторое время мы прибыли в Остенде. Таможенный контроль мы прошли без проблем и поехали в хорошем настроении.

Издали я увидел огни восточно-германского КПП, недалеко от Берлина. Наше путешествие подходило к концу.

Я должен был выйти, а Майкл с женой и детьми поехали в Западный Берлин, а затем в Англию. Начали прощаться. „Спасибо за всё, что вы для меня сделали. Мы ещё отпразднуем это с шампанским. Верю, такой день настанет“, — сказал я. Они пожелали мне удачи, и мы вновь обменялись рукопожатиями. После того, как габаритные огни скрылись, я отправился на КПП. Я вышел из темноты в слепящий свет прожекторов и подошёл к пограничнику ГДР, стоявшему у опущенного шлагбаума.

Начальник пограничного поста ГДР помог мне связаться с советскими друзьями. Из Карлсхорста прибыли три товарища. Один из них спросил, что я собственно хочу. Я ему объяснил, кто я такой, и просил помочь мне поговорить с советскими товарищами из Карлсхорста. Но так как это был воскресный день, мне пришлось ждать до утра следующего дня. Ночью я хорошо поспал. После завтрака дверь комнаты распахнулась. На пороге, глядя на меня, стояли трое мужчин. В одном из них я сразу узнал Василия (В.А. Дождалёв — Н.Ш.), молодого человека, с которым у нас было немало приятных прогулок по лондонским предместьям. Увидев меня, он радостно воскликнул: „Это он! Это он!“ — и бросился обнимать меня. В машине по дороге в Берлин он объяснил, что это чисто случайное совпадение, что он оказался в Берлине. Василий, уже в чине генерала, был начальником отдела советской разведки и приехал в Берлин на служебное совещание. Он уже на следующий день собирался улетать, как вдруг среди ночи ему позвонил шеф КГБ в Берлине, знавший о нашей совместной работе в Лондоне, и сказал, что на восточно-германском КПП рядом с берлинским автобаном объявился человек,

именующий себя Джорджем Блэйком. Не мог бы Василий съездить туда и провести опознание?

В Берлине со мной обращались как с героем, — пишет Блэйк, — а немецких товарищей особенно радовало, что я выбрал именно их город в качестве убежища. Я получил целый гардероб одежды. Вскоре мне сказали, что через пару дней специальным авиарейсом я буду доставлен в Москву. Подождём немного.

В Москве меня поселили в большой комфортабельной квартире, а пожилая экономка помогала мне по хозяйству. Через две недели ко мне присоединился Шон Берк. Строго придерживаясь выработанного нами плана, ему удалось благополучно добраться до Восточного Берлина.

К сожалению, история Шона имеет печальный конец. Пока мы вместе с ним жили в Москве, наши отношения расстроились. Главной причиной стало абсолютное расхождение во мнениях по поводу его будущего. Если бы Шон мог осесть в Советском Союзе, это было бы идеальным вариантом решения вопроса. Он ни в чём бы не испытывал недостатка.

Но, как я вскоре понял, Шон об этом и слышать не хотел. Идея уехать в Советский Союз ему уже с самого начала не очень нравилась. Приехал он в Москву неохотно и теперь стремился как можно скорее покинуть Советский Союз.»

Блэйку, конечно, не хотелось идти против Шона. Ведь именно Шон организовал побег Блэйка из Уормвуд-Скрабс. Но Пэт, Майкл и Энн нашли деньги для всей операции, спрятали Блэйка и в итоге сумели тайно вывезти его из Англии. Он был перед ними в большом долгу. Блэйк делал всё от него зависящее, чтобы убедить Шона остаться в Советском Союзе или уехать куда-нибудь под чужим именем. Однако это не изменило его намерения уехать в Англию. Противодействие Блэйка очень обижало его, и он так и не простил ему, что тот не принял его сторону. Их отношения ухудшались, и им всё труднее становилось жить вместе.

Шон много работал над своей книгой, но никогда не показывал Блэйку, о чём он там писал. К тому времени уже было решено отправить Шона в Ирландию, так как он не был англичанином.

Шон предстал перед ирландским судом, который дал согласие на его выдачу англичанам. Но хорошие адвокаты помогли ему и Верховный суд Ирландии отменил приговор.

Примерно через год Шон издал свою книгу, в которой совершенно проигнорировал замечания Блэйка.

Думаю, не будет лишним заметить, что когда Блэйк находился ещё в тюрьме, его жена (у них было три сына) подала на развод. По этому поводу она советовалась с Блэйком и говорила, что нашла хорошего мужчину. Блэйк не стал возражать, и судом их брак был расторгнут.

К Блэйку неоднократно приезжала его мать. Жила у него иногда месяц-полтора. В 1968 году во время круиза по Волге Блэйк встретил

свою будущую жену Иду. Через год они поженились. От этого брака у него уже взрослый сын Миша. Он с раннего детства знал, что его отец работал на разведку. Он окончил физический факультет МГУ, работает по профессии и живёт в Москве.

В Москве Блэйк был дружен с Кононом Молодым (Гордон Лонсдейл) и они дружили до ухода Конона из жизни. Помимо Конона Блэйк поддерживал дружеские отношения со своими земляками Дональдом Маклейном и Кимом Филби, которые тоже тайно сбежали из Англии, опасаясь ареста и суда. Оба они уже умерли.

Примерно через два года после прибытия в Моску Блэйк устроился на свою первую работу — переводчиком голландского языка в издательстве «Прогресс». Однако это занятие его не слишком устраивало. Ещё на заре дружбы с Дональдом Маклейном последний предложил Блэйку перейти к нему в институт, где царила совершенно иная атмосфера. Благодаря его хорошим отношениям с Евгением Максимовичем Примаковым, в то время заместителем директора МГИМО, а также содействию КГБ его устроили в институт. Работа в МГИМО оказалась ещё одним важным шагом к тому, чтобы почувствовать себя полноценным членом общества и жить нормальной жизнью.

«Мы с Дональдом занимали соседние кабинеты, — пишет Блэйк, — часто виделись, вместе пили по утрам кофе, а днём — чай, который готовили сами.

Мои корни (мать, жена, три сына) остались в Англии. Долгое время мои сыновья, если и хотели меня видеть, то никак не проявляли своего желания. Но вот средний сын в возрасте 24 лет высказал твёрдое решение встретиться со мной.

Мы договорились, что летом он вместе с моей матерью приедет в ГДР, где мы и проведём три недели на одном из балтийских курортов. Встреча прошла на редкость удачно. Я поведал ему всю историю своей жизни так же, как изложил её в этой книге. Хотя, как и все члены моей семьи, он, возможно, и не одобрил то, чем я занимался, но понял мои мотивы и между нами не возникло разногласий. С самого начала нам было очень хорошо вместе: казалось, что мы знаем друг друга всю жизнь. Он отлично ладил с моей женой и своим русским сводным братом, говорившим по-английски свободно.

На следующий год два других сына, старший и младший, наверняка подбодрённые рассказами среднего, тоже решили приехать ко мне. Они приехали в марте на Белорусский вокзал. Вместе с Мишей я встречал их на платформе. Стоило им выйти из вагона, мы сразу узнали друг друга. Всю неделю мы без умолку проговорили. Всё прошло хорошо. При первой встрече на вокзале мы лишь обменялись рукопожатиями. Когда они уезжали, мы расцеловались.

С тех пор они каждый год приезжают в Москву, иногда со своими женами и детьми, регулярно звонят мне. Я часто брал их с собой путешествовать, показывая интересные места России.

Если своей свободой я обязан моим друзьям-англичанам, то почувствовать себя полноправным членом советского общества

помогли мне главным образом мои друзья из КГБ. С самого начала они делали всё возможное, чтобы максимально облегчить мне непривычную жизнь, впрочем, точно также, же, как они делали это для Кима, Дональда — любого из нас.

Помощь моих друзей была бесценной для преодоления бюрократических препонов, весьма осложняющих жизнь в этой стране. Не представляю себе, чтобы бы я делал без их помощи. Опять же благодаря им, начиная с 1973 года мне с семьёй было позволено выезжать каждое лето в одну из соцстран. Особенно хорошо нам запомнилось 90-летие моей матери, когда на балтийском курорте в ГДР собралась вся семья и немецкие товарищи устроили по этому поводу грандиозный праздник, причём, я уверен, больше ради неё, чем ради меня. В последние пять лет жизни моей матери мы не встречались. Хотя, несмотря на преклонный возраст, у нее было всё ещё хорошее здоровье и она сохранила ясность мыслей. Мы часто общались по телефону. Нам обоим было за что благодарить судьбу. Она умерла в возрасте девяноста восьми лет, скорее от старости, чем от какой-то определённой болезни. Проснувшись однажды утром, она выпила приготовленную моей сестрой чашку чая, и ее, к сожалению, не стало.

Я много ездил по стране. Однажды во Владивостоке, выступая перед коллективом ФСБ, я не мог не отметить, что наконец-то выполнил задание, данное мне английской разведкой ещё в 1948 году. Мне действительно удалось проникнуть в самое сердце дальневосточной службы безопасности и установить дружеские отношения с её руководством. В этот день я возложил венок на могилу полковника Лоенко [5], бывшего первым советским разведчиком, с которым я установил оперативный контакт в Корее в 1950 году.»

Джордж Блэйк активно участвует в жизни Ассоциации ветеранов внешней разведки, является почётным профессором Академии внешней разведки.

Время от времени руководство Службы внешней разведки приглашает меня посетить различные города РФ, где имеются региональные Управления ФСБ. Меня просят рассказать молодым сотрудникам о моей жизни и работе советского разведчика в надежде, что наша встреча поможет им в дальнейшей работе, а также с целью передачи опыта и традиций от старшего поколения разведчиков — младшему. Я с большим удовольствием делюсь воспоминаниями о замечательных разведчиках-нелегалах, с которыми имел счастье быть хорошо знаком.

Во время своих поездок я осознал, насколько огромной страной является Россия. У меня осталось особенно яркое впечатление о пребывании в Мурманске, а именно об осмотре атомной подводной лодки «Рязань». Моё посещение «Рязани» состоялось за несколько

---

[5]Начальник Управления КГБ СССР по Приморскому краю генерал-лейтенант К.А. Григорьев рассказал следующее: «В 1977 г. мы ехали на уазике по пустынной трассе. За Уссурийском наш служебный автомобиль на большой скорости врезался в военный грузовик. Когда мы оправились от шока, увидели: Николай Лоенко лежал в траве на обочине с зияющей черепно-мозговой травмой. Николай Андреевич был мёртв».

недель до трагических событий, произошедших с точно такой же АПЛ «Курск», а потому оно особо живо запомнилось.

Как я уже отмечал, в МГИМО некоторое время работал научным сотрудником советский разведчик Дональд Маклейн (бежавший из Англии в СССР, избегая ареста). В разговоре с Дж. Блэйком последний выразил желание стать сотрудником института, если это возможно.

Вот что по этому поводу пишет в своей книге «Годы в большой политике» Е.М. Примаков, бывший директор Службы внешней разведки РФ с сентября 1991 года по 1996 год:

«Я был причастен к тому, что Блэйк был принят на работу в наш институт. Дональд Дональдонович как-то мне сказал, что к нам хочет поступить на работу Джордж Блэйк, который передал нам чертежи тоннеля, прорытого американцами в Берлине к кабелям секретной связи военного командования Группы советских войск в Германии (ГСВГ). Ходатайствуя за своего друга, Дональд сказал, прищурившись: „Поверьте, хоть Блэйк и контрразведчик, но он умный“ (шутил).

Блэйк действительно оказался очень умным, способным и обаятельным человеком. Его с удовольствием приняли в институт. Перейдя на работу в разведку, я продолжал дружить с Георгием Ивановичем, так мы его называли в своих рядах».

Да, это действительно так, ведь как известно, Блэйк пришёл к сотрудничеству с советской разведкой исключительно на идеологической основе. Правительство Советского Союза высоко оценило вклад Блэйка в обеспечение безопасности нашей страны.

За большие заслуги перед нашей страной Джордж Блэйк награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, «За личное мужество», знаком «Почётный сотрудник госбезопасности», а также знаком «За службу в разведке» под №1 и многими медалями. 22 ноября 2002 года Дж. Блэйк отметил 80-летний юбилей. Он полон сил и творческой энергии. Написал несколько книг.

Закончить очерк об этом замечательном разведчике и человеке уместнее всего его же словами: «Сегодня я могу сказать, что моя жизнь сложилась хорошо, возможно, лучше, чем, по мнению многих моих коллег-разведчиков, я заслуживаю».

Джорджу Блэйку — 80!

Путь Блэйка к юбилею был не прост!

В разведке это каждый понимает —

Не богатырь, не двухметровый рост,

Но пласт международный поднимает!

Работает не ради живота,

Работает за правду, за идею!

Вот смысл его труда и высота!

Душа и сердце Блэйка не скудеет!

Сложна судьба разведчика, трудна,

Но Блэйк для нас давно разведчик века!

И хоть даётся жизнь всего одна,

Нет на земле счастливей человека.

За верность долгу Блэйка и за Честь!

За Преданность, за Смелость, за Удачу!

Такие люди, слава Богу есть!

И есть решение любой задачи!

За славный Юбилей и за любовь,

К Советскому Союзу и к России,

Давайте скажем Блэйку вновь и вновь:

Здоровья, счастья, друг, тебе и силы!

Владимир Данилов 22 октября 2002 года

Советский разведчик-нелегал Арнольд Дойч (1904–1942)

Более полувека секретные архивы КГБ хранили тайну замечательного советского разведчика-нелегала, имеющего неоценимые заслуги перед Советским Союзом, гордости советской разведки. Товарищи по работе звали его Стефан Ланг. Имя «Стефан» было и оперативным псевдонимом разведчика, которым он подписывал свои донесения в Центр. Впервые о Дойче было упомянуто лишь в 1990 году на страницах журнала «Курьер советской разведки» в связи с рассказом о деятельности созданной им группы наиболее ценных источников, получившей название «Кембриджская пятёрка», члены которой в 40–50-е годы работали в самых секретных ведомствах Великобритании и передавали советской разведке чрезвычайной важности информацию.

Арнольд Дойч (Arnold Deutsch) родился 21 мая 1904 года в Вене (Австрия) в семье мелкого коммерсанта, бывшего сельского учителя из Словакии. С 1910 года учился в начальной школе и гимназии. В 1923 году поступил на философский факультет Венского университета. В 1928 году окончил университет с дипломом доктора философии. Одновременно увлекался естественными науками, усиленно занимался физикой, химией, психологией.

С юношеских лет Арнольд принимал участие в революционном движении. В 1920 году стал членом Союза социалистических студентов, а в 1924 году вступил в компартию Австрии. В конце 20-х годов в Австрии и ряде других европейских стран начал стремительно набирать силу фашизм. Дойч являлся бескомпромиссным противником этой идеологии и был готов бороться с ней всеми силами. С 1928 года начал работать в подпольной организации Коминтерна. Выполняя поручения Коминтерна, выезжал в качестве курьера и связника в Румынию, Грецию, Сирию, Палестину, Германию, Чехословакию. Пароли, отзывы, явки, обнаружение слежки и уход от неё — Дойч прошёл эту школу, она немало ему дала для будущей ответственной

работы разведчика.

В январе 1932 года Дойч вместе с женой Жозефиной приезжает в Москву, переводится из КПА в компартию нашей страны, а спустя несколько месяцев, по рекомендации Коминтерна начинает работать в Иностранном отделе — ИНО НКВД (внешняя разведка. — Н.Ш.). Помимо родного немецкого и «рабочего» русского Дойч свободно владел английским, французским и итальянским языками. В те далёкие годы в ИНО работало всего лишь около 150 человек, половина из которых находилась в длительных загранкомандировках.

В то время разведка не располагала необходимой базой, да и временем, для тщательной подготовки своих сотрудников. Поэтому люди с опытом, как Дойч, представляли для разведки значительный интерес. Но для работы за границей разведчику необходимо в экстренном порядке пройти специальную подготовку по особой программе.

Данный вопрос был согласован по соответствующим направлениям и руководством было принято решение о направлении Дойча на спецподготовку по линии Иностранного отдела. В скором времени Дойч прошёл ускоренный курс подготовки разведчика-нелегала, а жена Жозефина освоила работу радистки.

В январе 1933 года супружескую пару направляют на нелегальную работу во Францию. Дойч, теперь уже «Стефан», становится помощником, а через некоторое время заместителем резидента советской нелегальной разведки в этой стране. С территории Франции он успешно выполняет специальные задания Центра в Бельгии, Австрии, Германии, Голландии.

Однако основная работа ждала «Стефана» ещё впереди.

Для советской разведки в то время большой интерес представляла Великобритания, дипломатические отношения с которой были восстановлены в 1929 году. Британские спецслужбы установили по отношению к официальным советским представителям жесткий контрразведывательный режим. За сотрудниками советских учреждений в Лондоне велась интенсивная слежка, их телефоны прослушивались, контролировалась почтовая переписка. Поэтому Москва приняла решение об активизации разведывательной работы в Англии с нелегальных позиций.

«Стефан» получает задание — обосноваться в Лондоне. В феврале 1934 года он переводится туда на нелегальную работу и для прикрытия становится студентом Лондонского университета, где совершенствует знания в области психологии.

Учёба в университете дала возможность заводить широкие связи среди студенческой молодёжи. Будучи одарённой от природы содержательной личностью, натурой притягательной, тонко чувствующей сущность и внутренний мир человека, «Стефан» пользовался этим даром так, как ему подсказывали его наблюдение и чутьё. В Лондоне у него в полной мере проявилась такая важная черта профессионального разведчика, как умение отбирать нужных людей и терпеливо готовить их для работы на нашу разведку.

«Стефан» сосредоточил свои разведывательные интересы преимущественно на Кембриджском и Оксфордском университетах. Его, как разведчика, в первую очередь интересовали студенты, которые в перспективе могли стать надёжными помощниками по разведывательной работе различных направлений.

Он был первым советским разведчиком, который сделал твёрдую ставку на приобретение перспективной агентуры. Его неоценимая заслуга состоит в том, что он сумел создать и воспитать знаменитую «Кембриджскую пятёрку» разведчиков, в которую входили: Ким Филби, Дональд Маклин, Гай Бёрджесс, Энтони Блант и Джон Кернкросс. Были у «Стефана» соратники и среди выпускников Оксфордского университета.

В одном из писем в Центр «Стефан» так писал о своих помощниках: «Все они пришли к нам по окончании университетов в Оксфорде и Кембридже. Они разделяли коммунистические убеждения. Это произошло под влиянием широкого революционного движения, которое за последние годы захватило некоторые слои английской интеллигенции, в особенности две крепости английской интеллектуальной жизни — Кембридж и Оксфорд».

80% высших государственных постов в Англии заполняется выходцами из Кембриджского и Оксфордского университетов, поскольку обучение в этих высших школах связано с расходами, доступными только богатым людям. Отдельные бедные студенты — исключение. Диплом такого университета открывает двери в высшие сферы государственной и политической жизни страны.

Помимо работы с перспективными источниками «Стефан» успешно решал и другие оперативные задачи. Так, в конце 1934 года им совместно с другим советским разведчиком-нелегалом Дмитрием Быстролётовым был привлечён к сотрудничеству шифровальщик управления связи британского МИДа, в результате чего советская разведка получила доступ к секретам британской дипломатии.

В сентябре 1937 года Арнольд Дойч возвратился из Лондона в Москву. Его деятельность была высоко оценена руководством Центра. В одном из документов того времени, в частности, говорилось: «За период нелегальной работы за границей „Стефан“ проявил себя на различных участках подполья как исключительно инициативный и преданный сотрудник нашей службы».

В другой характеристике говорилось: «Во время работы в Англии „Стефан“ зарекомендовал себя как особо ценный работник лондонской резидентуры. Им лично приобретено 20 источников, в том числе известная „Кембриджская пятёрка“. Большинство из них поставляют особо ценные разведывательные материалы».

Дойч был не только активным разведчиком, но и талантливым изобретателем. Находясь в Лондоне, он запатентовал 6 изобретений, включая тренажёр для обучения пилотов. Ему также принадлежало авторство ряда оперативных устройств и приспособлений, разработал несколько способов тайнописи.

В 1938 году Дойч, его жена и родившаяся в Лондоне дочь

становятся советскими гражданами. Однако период жизни в Москве замечательного разведчика оказался, пожалуй, наиболее тяжёлым и томительным. Он совпал с «чистками», начавшимися в разведке с приходом в уникальное ведомство — НКВД — Лаврентия Берия.

Долгое время Дойча не привлекали ни к какой работе — видимо, и некому было это сделать, так как его руководители один за другим либо расстреливались, либо оказывались в лагерях. Правда, его самого репрессии, к счастью, обошли стороной. Наконец, после 11 месяцев вынужденного бездействия Дойч становится научным сотрудником Института мировой экономики АН СССР, где с его знаниями и опытом он действительно мог принести и принёс немало пользы.

Сразу же после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз руководство внешней разведки принимает решение о направлении Дойча на нелегальную работу в Латинскую Америку. Постоянным местом резидентуры была определена Аргентина, поддерживавшая в те годы политические и экономические отношения с фашистской Германией.

В ноябре 1941 года группа Дойча была готова к отправке. Ее планировалось направить через Иран, Индию, страны Юго-Восточной Азии. Но после того, как в Пёрл-Харборе японская авиация нанесла сокрушительный удар по базе военно-морских сил США, этот путь стал опасным и от него решили отказаться.

К июлю 1942 года группа оказалась в Тегеране, откуда Дойч направил начальнику разведки личное письмо, крик души патриота, изнывающего от вынужденного безделья в дни, когда решалась судьба народов Советского Союза.

Вот текст этого письма.

«Уважаемый товарищ Фитин!

Обращаюсь к вам, к начальнику разведки и товарищу. Вот уже 8 месяцев я со своими товарищами нахожусь в пути, но от цели мы так же далеки, как и в самом начале. Нам не везёт. Однако прошло уже 8 ценных месяцев, в течение которых каждый советский гражданин отдал все свои силы на боевом или трудовом фронте. Если не считать трёх месяцев, проведенных на пароходе в Индии, где я все же что-нибудь да сделал для нашего общего дела, я ничего полезного для войны не сумел осуществить. А сейчас больше, чем когда-либо, время ценно. Мне стыдно „трудового рекорда“ во время Отечественной войны. Тот факт, что я лично в этом не виноват, меня не успокаивает.

Сейчас нам снова предстоит неопределенное выжидание. Этого я больше не могу совместить со своей совестью. Условия в странах нашего назначения с момента отъезда группы из Москвы изменились. Поставленные тогда перед нами задания, насколько я понимаю, сейчас частично нереальны. Даже в самом лучшем случае нам потребуется 3–4 месяца, чтобы добраться до места. К этому времени война кончится или будет близка уже к концу.

Цель этого письма — изложить свои соображения и просить Вас как начальника и товарища помочь мне сейчас перейти на полезную работу и наверстать потерянное время.

Прошу извинить за беспокойство, но я лишён возможности лично переговорить с Вами, а особые условия, в которых мы находимся, не дают мне другой возможности.

Разрешите мне вернуться в СССР и пойти на фронт для выполнения непосредственно для войны работы. Вы помните, что я уже был мобилизован от Политуправления РККА, откуда Вы меня сняли. Я могу работать для Вас, но очень прошу — не в тылу. Наконец, когда Красная Армия перейдёт немецкую границу — в Германию или Австрию, — для меня найдётся там предостаточно работы.

Если я нужен, пошлите меня на подпольную работу, куда хотите, чтобы у меня было сознание, что я делаю что-нибудь непосредственно для войны, для победы против фашизма…

…Сейчас идёт война, я коммунист и понимаю, что существует дисциплина, поэтому выполняю все Ваши указания беспрекословно. Но итог последних 8-ми месяцев и перспектива затяжной бездеятельности вынуждают меня обратиться к Вам лично и просить Вашего быстрого решения нашей проблемы.

С лучшим приветом „Стефан“».

Через несколько дней в Тегеране была получена телеграмма об отзыве Стефана Ланга и его группы в Москву. Был разработан новый, северный маршрут переброски «Стефана» и его группы к месту назначения. В нескольких словах следует рассказать о членах «Кембриджской пятёрки» Все они были аристократами: сын английского чиновника Ким Филби, сын министра Маклин, родственник фельдмаршалов Бёрджесс. Энтони Блант приходился родственником самой королеве. Джон Кернкросс своим скромным происхождением эти сословные «показатели» несколько портил, хотя учился в Кембридже. Причём учился настолько хорошо, что единственный из всех был удостоен чести получить работу в Министерстве иностранных дел без экзаменов.

«Кембриджская пятёрка» была самой выдающейся группой советских агентов в Англии. А последний оператор группы полковник в отставке Юрий Иванович Модин вошёл в историю разведки как лучший куратор агентов. И кто уж действительно может рассказать о них все или почти всё, так это Юрий Иванович. И он рассказал о «пятёрке» в своей книге, вышедшей, к сожалению, не у нас, а во Франции.

«Я прослужил в разведке 44 года, и чем занимается разведка, я знаю, — говорит автор. — И я точно знаю, что нам, разведчикам, распускать языки не с руки».

Однако Ю. Модин считает, что написать книгу о своей работе с «пятёркой» — его долг: «Англичанам было выгодно создать впечатление об этих людях как извращенцах, алкоголиках. Да, Блант и Бёрджесс были гомосексуалистами, но остальные не имели к этому никакого отношения. Пьяницы? Единственный, кто действительно злоупотреблял, был Бёрджесс. Блант вообще в рот не брал никакого спиртного».

«Все члены „пятёрки“ никогда не были советскими агентами: они

были привлечены для работы в секретной организации Коминтерна, которая вела негласную борьбу против фашизма. В русскую разведку их не вербовали».

«Это были революционеры, — утверждает Ю. Модин. — Идеалисты, они работали не ради России, а ради коммунистических идей, как бы мы эти идеи сегодня ни дискредитировали. Они смотрели на СССР как на бедную, отсталую в культурном плане страну, но видели в ней форпост мировой революции. И все они были большими патриотами».

Как можно быть патриотом и одновременно передавать секреты своей страны враждебной державе? Энтони Блант, например, пошёл в 1938 году в английскую армию добровольцем.

Давно известно, что, как правило, век у разведчика долгим не бывает. И первым из «пятёрки» был раскрыт Д. Маклин. К. Филби принял единственно правильное решение: Маклину нужно бежать. Поначалу тот категорически отказывался — через две недели у него рожала жена. Потом стал утверждать, что не может бежать через Францию — через Париж. С Парижем, мол, у него были связаны какие-то воспоминания, и он боялся не выдержать. Нужно было, чтобы его кто-нибудь сопровождал. Единственной кандидатурой в этом случае был Гай Бёрджесс, которому Филби бежать запретил: о том, что Гай и Ким большие друзья, знал почти весь аристократический Лондон.

Лондонская резидентура решила, что Бёрджесс провезёт Маклина через Францию, а потом вернется в Англию. Они переправились на континент, чуть не опоздав на прогулочный пароход («наверно, выпили где-нибудь по дороге», — говорит Ю. Модин). Взяли билеты на самолёт из Цюриха в Стокгольм с посадкой в Праге, где Маклин должен был остаться. Но Бёрджесс не захотел возвращаться в Лондон и последовал вместе с Маклином в Советский Союз, нарушив тем самым договоренность с Филби.

Ким Филби не мог простить этого Бёрджессу. Когда Ким прибыл в Москву (бежал, спасаясь от ареста в Бейруте) в 1963 году, он так и не пришёл к умирающему другу. Вернись Бёрджесс в Англию — и Филби мог бы стать руководителем британской разведки. После побега Маклина и Бёрджесса связь резидентуры с Кимом Филби и Энтони Блантом была временно законсервирована. Это «железное» правило, поскольку главное в работе с агентурой — обеспечение их безопасности.

Тем временем сотрудники резидентуры изучали обстановку вокруг них, велись соответствующие проверки и наблюдения. И только когда было установлено, что они оба находятся вне подозрения, в 1954 году резидентура возобновила связь с Филби и Блантом.

Это произошло во многом благодаря изобретательности Ю. Модина. Знаток живописи Энтони Блант однажды читал лекцию в Институте искусств. Придя в институт и дождавшись окончания лекции, Юрий Иванович подошёл к Бланту и сунул ему в руку открытку с репродукцией и спросил: «Что вы думаете об этой открытке?» А на обратной стороне открытки были написаны условия встречи с ним.

К глубокому сожалению, никого из замечательной «Кембриджской пятёрки» уже нет в живых. Все они англичане, но прах не всех покоится в Англии. Так было велено судьбой.

В конце 1941 года Кернкросс передал, наряду с другими материалами, документ чрезвычайной важности — доклад премьер-министру Черчиллю о проекте создания атомного оружия. В документе отмечалось, что это оружие можно создать в течение двух лет. Это был первый документ, полученный нашей разведкой, о практических шагах в использовании за рубежом атомной энергии в военных целях. Материалы были доложены Сталину. И надо отдать должное Иосифу Виссарионовичу, что он принял тогда по этому вопросу судьбоносное решение.

За успешное выполнение разведывательных заданий, связанных с добыванием информации о планах и приказах немецкого военного командования на советско-германском фронте, Кернкросс был награждён орденом Красного Знамени.

Бёрджессу после прибытия в СССР так и не удалось приспособиться к московской жизни. «Ему нужна была Англия, нужны были английские пивные, потому что без этих пивных для него и пиво — не пиво», — говорит его бывший куратор Ю. Модин. Бёрджесс много пил и умер в Москве в 1963 году от сердечного приступа в возрасте 76 лет.

Полагаю, что будет уместным остановиться ещё на одном важном, на мой взгляд, моменте.

«Три мушкетёра» — так называли коллеги между собой своих друзей: Филби, Маклина и Бёрджесса. Всех троих на заре их сотрудничества с советской разведкой знал А.М. Орлов. В своё время он работал в Англии, а затем был резидентом советской разведки в Испании в звании генерал-майора. К. Филби же был тогда в Испании корреспондентом лондонской газеты «Таймс». Орлов лично знал Филби и даже неоднократно лично встречался с ним.

В 1938 году А. Орлов, спасаясь от ожидавшей его ловушки в Антверпене на борту советского парохода «Свирь», куда ему было предписано прибыть для встречи с представителем Центра, вынужден был вместе с семьёй покинуть Испанию и стать невозвращенцем. Дело в том, что бериевская клика в каждом разведчике, находившемся в командировке за рубежом, видела шпиона. Много писалось надуманных доносов, устраивались провокации и т.д.

И на этой волне разведчика отзывали на родину, где его ждали неожиданные репрессии.

А.М. Орлов с женой и больной дочерью бежал из Испании в Америку в вынужденную эмиграцию, где позже все трое и закончили свою жизнь. Все они умерли в США естественной смертью.

Более 10 лет А. Орлов прожил в США под чужим именем (как Уильям Голдин, Александр Берг). О том, что в США проживает советский генерал, бывший резидент советской разведки в Испании, ФБР узнало лишь после того, как Орлов опубликовал свою книгу «Тайная история преступлений Сталина».

С присущей ему жестокостью ФБР взяло Орлова в разработку с целью привлечь его к сотрудничеству и заставить его выдать ФБР как можно больше агентов КГБ и кадровых сотрудников советской внешней разведки. В том, что Орлов, как генерал, работавший в центральном аппарате разведки Советского Союза, а затем занимавший пост резидента советской разведки в Испании, обладал большими секретами, они не сомневались. И главной задачей ФБР было заставить Орлова выдать им в первую очередь известных разведчиков из состава сотрудников советских учреждений на территории США, а также и в других странах, как в Америке, так и в Европе.

Филби узнал о судьбе Орлова из сенсационных разоблачений Сталина, опубликованных в журнале «Лайф», только 14 лет спустя. И надо заметить, что Филби не опасался предательства со стороны Орлова. По всей вероятности, он был уверен, хорошо зная Орлова, что тот не забудет о чести генерала. Даже если бы и два других кембриджских «мушкетёра» узнали в 1938 году, что Орлов ушёл на Запад, маловероятно, чтобы они проводили бессонные ночи, размышляя, не грозит ли им разоблачение. Они так высоко ценили «Большого Билла» (Орлова), что просто не поверили бы, что он может когда-либо предать их или идеалы ленинской революции.

Последующие события в мире и действия Орлова в США подтвердили, что он не выдал американцам ни одного ценного агента советской разведки. Подтверждением тому является и тот факт, что Филби, хорошо известный Орлову, работал на нашу разведку аж до 1963 года!

Сам Филби, опасаясь ареста, бежал в 1963 году из Бейрута, где находился в загранкомандировке в качестве корреспондента английских газеты «Обсервер» и журнала «Экономист» на Ближнем Востоке, в Советский Союз, который стал для него второй родиной.

Тут следует, однако, добавить, что в 1963 году на Запад ушёл некто Голицын, который знал Филби. Тогда из Центра Киму Филби сразу же был дан сигнал бежать из Бейрута по заранее разработанному для него варианту. Филби в срочном порядке был тайно переправлен в Москву на советском теплоходе «Долматов». Из Бейрута была вывезена и его богатейшая библиотека.

В заключение данного очерка следует отметить, что если не было бы Арнольда Дойча, не появилась бы «Кембриджская пятёрка». К сожалению, сам Арнольд не успел в полной мере раскрыть свой талант, данный ему природой.

Но из того, что стало известным (а что-то, безусловно, осталось «за кадром») о работе «Кембриджской пятёрки», становится понятным, что члены «пятёрки» отдали себя сполна работе на советскую разведку. Их самоотверженная работа на Советский Союз — яркий пример преданности своим идеалам. И весьма важным является то обстоятельство, что работали они абсолютно на идейной основе. Никто из них не получал от внешней разведки за свою опасную деятельность постоянного денежного вознаграждения.

В 1945 году Центром было принято решение установить Энтони

Бланту пожизненную пенсию в размере 1200 фунтов стерлингов в год. Когда ему сообщили об этом решении, Блант заявил, что искренне благодарен за проявленную заботу, но не мажет согласиться на это, поскольку в данный момент не испытывает нужды в какой-либо финансовой помощи.

Между тем был разработан новый вариант плана переброски группы Дойча, на этот раз Северным морским путём, с первым же караваном, отходящим из Архангельска в США 29 июля. Однако что-то помешало отправке. Дойч самолётом летит в бухту Провидения, откуда 29 августа отходит пароход «Эльно-2». Но злоключения продолжаются. Вместо Сиэттла караван судов, включающий «Эльно-2», оказывается 5 октября в бухте Диксон, в устье Енисея. Из состава каравана два танкера — «Донбасс» и «Азербайджан» — готовились к выходу непосредственно на восточное побережье США, Нью-Йорк, Филадельфию. Оттуда по утвержденному плану разведчик-нелегал должен был нелегально пробраться в Аргентину.

Так шёл Стефан Ланг к своей гибели.

Писатель Валентин Пикуль в своём романе «Реквием каравану PQ-17», рассказал об одной из трагедий минувшей войны — гибели союзного каравана в полярных широтах летом 1942 года. Судьба транспорта «Донбасс» оказалась и судьбой Стефана Ланга.

Англичане проводили операцию по ленд-лизу — поставку военных грузов союзников в нашу страну. Под конец 1942 года немцы провели в океане операцию «Хоффнунг» (надежда — нем.),в которой главную роль играл тяжёлый крейсер «Хиппер». Рано утром он разбил нашего охотника за подводными лодками «МО-78», а потом встретил транспорт «Донбасс», участвовавший в операции по ленд-лизу. Этот корабль, уцелевший даже в разгроме PQ-17, был погублен «Хиппером»... Впрочем, его экипаж и команду с охотника крейсер принял на борт — как пленных. Документальные материалы рассказывают, как развертывались эти события.

«Донбасс» шёл в составе знаменитого конвоя PQ-17. В морском бою у острова Медвежий 4 июня 1942 года огнем кормовой пушки был сбит летевший на малой высоте немецкий торпедоносец. Когда по приказу Британского адмиралтейства силы ближнего прикрытия и эскорта были отозваны и конвой брошен на произвол судьбы, «Донбасс» все же отразил новые атаки вражеских самолётов, подобрал 51 моряка с погибшего американского парохода «Даниэль Морган» и доставил в Архангельск ценный груз.

После того как Британское адмиралтейство решило временно прекратить движение союзных конвоев, было организовано самостоятельное плавание транспортов без охранения — дело весьма рискованное, хотя и диктовавшееся крайней необходимостью.

В такое самостоятельное плавание и вышел 4 ноября из становища Белужья Губа, что на Новой Земле, танкер «Донбасс», имея на борту 49 человек команды. В их числе находился и Стефан Ланг.

5 ноябре «Донбасс» сообщил, что на него совершен налёт вражеских самолётов, но он следует дальше. В ответ на шифрованные

радиограммы штаба Северной военной флотилии о необходимости возвращения в Белужью Губу «Донбасс» сообщил, что расшифровать радиограммы не представляется возможным.

В 12.22 7 ноября транспорт «Чернышевский» принял с «Донбасса» радиограмму о том, что он вновь подвергся атаке самолётов противника. Это была последняя весточка с танкера. Поиски корабля и его команды, производившиеся судами военно-морского флота, результатов не дани. Танкер и весь экипаж были объявлены погибшими.

Но, как оказалось, часть команды «Донбасса» спаслась и находилась в немецком плену.

Капитан «Донбасса» был В.Э. Цильке. Немцы держали его в плену в Норвегии, затем перевели в Гданьск, где наши войска его освободили. Впоследствии В.Э. Цильке работал капитаном-наставником в Черноморском морском пароходстве.

Гораздо позже, в 1986 году, капитан В.Э. Цильке рассказал: «… Уже стало темнеть, когда вновь прозвучал сигнал боевой тревоги. На горизонте показался военный корабль. Это был немецкий крейсер „Адмирал Шеер“, на счету которого числилось уже немало потопленных судов. Он довольно быстро приближался к нам.

Вспышка выстрела, и тотчас же возник столб воды у борта „Донбасса“. Противнику ответило бортовое оружие, а затем выстрелы зазвучали без перерыва. „Адмирал Шеер“ открыл огонь из орудий главного калибра. Он подошёл так близко, что бил почти без промаха. Танкер потерял управление, погасло освещение, прервалась связь. Пламя и чёрный дым охватили машинное отделение и кормовые надстройки, в топливных танках загорелись остатки нефти. Главные машины остановились. Судно превратилось в неподвижную цель. Стефан вместе с другими моряками лихорадочно пытались погасить пламя. Пушки и пулемёты „Донбасса“ продолжали яростно отстреливаться.

Противник, видя, что танкер не тонет и отчаянно сопротивляется, гитлеровцы выпустили по нему две торпеды. Взрывом Стефана отбросило на палубу. Он попытался подняться, но не смог — были перебиты ноги. Корабль разваливался пополам. Носовая часть танкера, где оставался Стефан, медленно, а потом быстрее стала погружаться в морскую пучину».

Таким образом, судьба танкера «Донбасс» оказалась и судьбой легендарного советского разведчика-нелегала Арнольда Дойча. Вечная ему память и слава.

О значении того, что сумел сделать Стефан Ланг, работая на советскую разведку, свидетельствуют официальные документы архива Внешней разведки КГБ СССР. Приведу некоторые выдержки из них.

«Во время работы в Англии Стефан Ланг зарекомендовал себя как особо ценный работник лондонской резидентуры. Им лично приобретено более 20 источников, в том числе известная „пятёрка“. Большинство из них передавали нашей разведке особо ценные материалы…»

«В период войны благодаря источникам, приобретённым С. Лангом, резидентура имела доступ практически ко всем секретным документам английского военного кабинета, к переписке Черчилля с Рузвельтом и другими главами правительств, переписке министра иностранных дел Идена с послами в Москве, Вашингтоне, Стокгольме, Мадриде, Анкаре, Тегеране и министром-президентом в Каире. Ким Филби первым передал сведения о подготовке немцами операции „Цитадель“» (наступление на Курской дуге). «Кто-то сейчас может сказать, что не „по-джентльменски“ было залезать в сейфы союзников и черпать оттуда секретные сведения. А разве, скажите, „по-джентльменски“ было со стороны английских спецслужб обладать этими сведениями и не передавать их союзникам?»

Дешифровка английской разведкой немецких радиограмм, о которых стало известно Филби, а через него — нашему командованию, спасла жизнь десяткам тысяч наших воинов.

От него регулярно поступала информация о намерениях немецкого командования использовать на советско-германском фронте новую технику, а также о планах нацистов заключить сепаратный мир.

В послевоенные годы от этих же источников поступала надёжная документальная информация о структуре, деятельности, кадрах и агентуре английской и американской спецслужб, о засылке на территорию СССР агентурных групп английской и американской разведок, в том числе о датах и месте их высадки.

С помощью «Кембриджской пятёрки» советская разведка в своё время получила доступ к телеграфной переписке МИД Англии со своими представителями, а также к секретным материалам англичан по вопросам послевоенного урегулирования, о содержании англо-американских переговоров по проблемам создания атомного оружия, к документальным материалам о позиции США, Англии и НАТО по многим вопросам международной жизни. Достаточно сказать, что только К. Филби, Г. Бёрджес и Д. Маклин за 17 лет сотрудничества передали советской разведке, по неполным данным, свыше 20 тысяч листов документов по политическим, экономическим, военным и оперативным вопросам!

Правда, это было уже позже, когда Дойча-Ланга уже не было в живых. Но начало этого великого для нашего Отечества дела положил именно он, Арнольд Дойч — Стефан Ланг.

Именно он сумел в своё время создать великолепную «Кембриджскую пятёрку» разведчиков, действовавшую на протяжении многих лет в самых высоких политических и разведывательных сферах Англии. Они пришли в разведку с его лёгкой руки, им «крещены» и им же подготовлены в профессиональном плане. К сожалению, никого из замечательной «пятерки» уже нет в живых. Последним ушёл из жизни в 1995 году Джон Кернкросс.

Путь разведчика Я.И. Серебрянского (1892–1956)

26 января 1930 года в Париже был похищен руководитель

закордонного Русского общевоинского союза (РОВС) генерал А.П. Кутепов. Операция была спланирована самым тщательным образом. Оперативная группа захвата состояла из опытных разведчиков-профессионалов. В её состав входили также надежные и проверенные на практической работе агенты из числа иностранцев.

Я. Серебрянский был командирован в Париж для руководства этой весьма ответственной операцией.

А теперь вернемся в то далёкое прошлое и начнем с самого начала. Кто же он, Яков Серебрянский?

Яков Исаакович Серебрянский, 1892 года рождения, рос, как и все выходцы из еврейской бедноты, не зная особого достатка. Когда мальчику исполнилось 6 лет, его отцу удалось получить место приказчика на сахарном заводе. Тут материальное положение семьи улучшилось и Яша поступил в 4-классное городское училище в Минске, которое окончил в 1908 году. В мае 1909 года Яша, которому едва исполнилось 17 лет, был арестован полицией за «хранение переписки преступного характера» и по подозрению в участии в убийстве начальника минской тюрьмы. В заключении он провел один год, после чего был выслан в город Витебск.

В августе 1912 года Яков был призван на службу в армию. Службу проходил рядовым Тамбовского полка в Харькове. После начала Первой мировой войны в июле 1914 года воевал на Западном фронте в качестве рядового 105-го Оренбургского полка. Но служба в действующей армии длилась недолго. В августе 1914 года во время Самсоновского прорыва в Восточной Пруссии Я. Серебрянский был тяжело ранен и после длительного излечения в госпитале демобилизовался и уже в феврале 1915 года поступил на работу электромонтером на газовый завод в г. Баку.

После Февральского переворота он становится активистом эсеровской организации, членом Бакинского Совета, сотрудником Бакинского продовольственного комитета. Избирается делегатом от партии социалистов-революционеров на 1-й съезд Советов Северного Кавказа.

В 1918 году Я. Серебрянский через своего друга Марка Беленького знакомится с его 18-летней сестрой Полиной, которая впоследствии станет его женой. Вскоре Бакинская коммуна пала, город заняли английские интервенты. Яков перебрался в иранский город Репшт, куда ранее, спасаясь от бедствий Гражданской войны, перебралась с родителями Полина. А в мае 1920 года в Персию вошли части Красной армии, преследовавшие отряды белогвардейцев и англичан.

6 июня 1918 года город Решт был провозглашен столицей Гилянской Советской Республики. Здесь Я. Серебрянский познакомился со знаменитым левым эсером Яковом Блюмкиным, который в 1918 году убил германского посла графа Мирбаха. В Гиляни Я. Блюмкин служил в штабе Персидской Красной армии. Он содействовал принятию Я. Серебрянского в только что созданный в ней Особый отдел. С этого времени началась служба Якова Серебрянского в ВЧК.

После поражения Гилянской Республики Я. Серебрянский возвратился в Москву, где в августе 1920 года был принят в Управление Особых отделов в качестве оперативного работника.

Что касается Я.Г. Блюмкина (1900–1929), то его судьба оказалась трагичной. Будучи нелегальным резидентом советской разведки на Ближнем Востоке, в апреле 1929 года в Константинополе он встречался с Львом Троцким. Связь с Троцким поддерживал через его сына Л. Седова. По возвращении в СССР в середине октября 1929 года был арестован. 3 ноября 1929 года Коллегия ОГПУ постановила расстрелять его «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти и за измену революционной чекистской армии».

Тем временем Я. Серебрянский становится секретарем Административно-организационного отдела ВЧК. Здесь он знакомится с начальником отдала Вячеславом Менжинским и начальником контрразведывательного отдела А. Артузовым. В августе 1921 года Яков увольняется из ВЧК и поступает учиться в Электротехнический институт. Проучившись всего несколько месяцев в институте, 2 декабря 1921 года Я. Серебрянский был арестован на квартире своего старого товарища, правого эсера Давида Абезгауза, где чекисты организовали засаду. Четыре месяца Яков провел в тюрьме. 29 марта 1922 года Президиум ВЧК, рассмотрев уголовное дело, освободил Я. Серебрянского из-под стражи, лишив его права работать в политорганах, а также в Наркомате иностранных дел.

Яков устроился на работу в качестве заведующего канцелярией Нефте-транспортного отдела треста «Москвотоп», однако в 1923 году был арестован по подозрению во взяточничестве. Находился под следствием по делу треста. В итоге обвинения не подтвердились. Я. Серебрянский был взят на поруки и освобожден из-под стражи. В октябре 1923 года он поступает на работу в газету «Известия».

В ноябре 1923 года Яков Блюмкин решением руководства ИНО ОГПУ назначается резидентом нелегальной разведки в Палестине. Он предложил Я. Серебрянскому поехать вместе с ним в качестве своего заместителя. В декабре 1923 года Я. Серебрянский был назначен особоуполномоченным Закордонной части ИНО ОГПУ, и в том же месяце он и Я. Блюмкин выехали в город Яффу в Палестине. Перед отъездом в Палестину обоих Яковов принял Менжинский. Перед ними стояла задача добывать информацию о планах Англии и Франции на Ближнем Востоке. Помимо этой наиглавнейшей задачи разведчики должны были также изучать местные революционные движения. Напутствуя разведчиков, Менжинский пожелал им делать за границей «все, что угодно и полезно будет для революции».

В июне 1924 года Я. Блюмкин был отозван в Москву, и резидентом стал Я. Серебрянский. Руководство ИНО ОПТУ поставило перед ним задачу создать глубоко законспирированную агентурную сеть, в первую очередь в боевом сионистском движении. Эту задачу Яков успешно выполнил. Кроме того, в течение одного года ему удалось привлечь к сотрудничеству с советской внешней разведкой большую группу эмигрантов из России, причем не только еврейских поселенцев на Земле обетованной, но и бывших белогвардейцев.

Я. Серебрянскому удалось завербовать Л.Н. Ананьева (он же — Кауфман), Ю.И. Волкова, Р.Л. Эске-Рачковского, Н.А. Захарова, А.Н. Турыжникова и ряд других лиц. В будущем они составят ядро руководимой им специальной группы, известной как «группа Яши».

В 1925 году Я. Серебрянского отозвали из Палестины и направили на нелегальную работу в Бельгию. В Москву он возвратился в феврале 1927 года и был принят в члены ВКП(б). В это время ему объявили решение Центра о направлении нелегальным резидентом в Париж, где он проработал до марта 1929 года. После возвращения в Москву 1 апреля 1929 года Я. Серебрянский был назначен начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ (нелегальная разведка) и одновременно руководителем Особой группы, которая в чекистском обиходе неофициально именовалась «Группой Яши». Это было независимое от руководства ИНО разведывательное подразделение, задачей которого являлось глубокое внедрение агентуры на объекты военно-стратегического характера на случай войны, а также проведение диверсионных и террористических актов против врагов советской власти. «Группа Яши» подчинялась непосредственно председателю ОГПУ В. Менжинскому, по инициативе которого и была создана.

Летом 1929 года руководство ОГПУ вышло в ЦК ВКП(б) с предложением о похищении и вывозе в Советский Союз председателя РОВС генерала А.П. Кутепова, активизировавшего диверсионно-террористическую работу на территории Советского Союза. Предложение было утверждено Сталиным. В декабре 1929 года Я. Серебрянский вместе с другими видными чекистами, заместителем начальника Контрразведывательного отделения ОГПУ С.В. Пузицким направлен в Париж для руководства операцией.

Тем временем события развертывались следующим образом. В связи с требованиями Кутепова к руководству РОВС усилить террористическую деятельность против СССР, в том числе с использованием химического оружия, ИНО ОГПУ летом 1929 года приняло решение организовать новые оперативные игры с РОВСом от имени легендированных организаций. Одна из таких организаций — Северо-кавказская военная организация (СКВО) — была успешно подставлена в Румынии генералам Штейфону и Геруа. Это позволило чекистам вскрыть каналы переброски в Советскую Россию боевиков, выявить их связи и подпольные организации на Северном Кавказе, Кубани и Дону. В свою очередь, чекистам удалось вывести за границу и внедрить в РОВС хорошо подготовленных агентов в филиалы этой организации не только в Румынии, но и Югославии и Болгарии.

Однако в более сложных условиях проходила работа непосредственно со штабом РОВС от имени Внутренней русской национальной организации (ВРНО). Она состояла в основном из числа бывших офицеров и с участием ОГПУ. По мнению А. Артузова, руководившего этой операцией, прямой выход членов ВРНО на Кутепова был проблематичен. Поэтому было решено первоначально ввести ВРНО в поле зрения редактора журнала «Борьба за Россию» С.П. Мельгунова, который поддерживал тесные связи с начальником канцелярии Кутепова князем Сергеем Трубецким. С. Мельгунов не только получал информацию по России, но и переправлял в СССР свой

журнал.

В 1928 году в Париж был направлен в качестве представителя ВРИО агент ОГПУ, бывший полковник царской армии А.Н. Попов, который через генерала П.П. Дьяконова встретился с С. Мельгуновым и проинформировал его о положении в России, целях и задачах ВРИО и поставил вопрос о необходимости расширения связей с эмигрантскими организациями за рубежом. Одновременно А.Н. Попов сообщил Мельгунову, что генерал Дьяконов является представителем ВРИО в Париже, и попросил его организовать встречу с председателем РОВС генералом Кутеповым.

А. Кутепов согласился встретиться с Поповым, но был категорически против встречи с П.П. Дьяконовым, которому он не доверял. Недоверие было, вероятно, вызвано тем, что в своё время в связи с Кронштадтским мятежом в советской печати были опубликованы телеграммы деникинской разведки, направленные из Лондона и подтверждавшие связь белогвардейцев с мятежниками. Их содержание было известно П.П. Дьяконову, что породило подозрения в его адрес. Это негативно отразилось на дальнейшем развитии оперативной игры.

Кроме того, несмотря на то, что впоследствии наладился регулярный обмен информацией между С. Мельгуновым и ВРНО через генерала Дьяконова и привлеченного к оперативной игре генерала Г. Г. Карганова, развить ее не удалось. В немалой степени это было результатом неудачного поведения самого А.Н. Попова. Изложенные агентом цели и задачи ВРНО живо напомнили генералу Кутепову операции чекистов «Трест» и «Синдикат», особенно после того как Попов сказал, что его организация решительно возражает против террористических актов на территории Советского Союза.

Усомнившись в подлинности ВРНО, Кутепов с пристрастием относился и к информации, которую сообщал ему генерал Карганов. Особенно с недоверием он относился к предложению Попова послать в СССР представителя РОВС для обсуждения дальнейших планов совместных действий. Подозрения А. Кутепова вызвали и тот факт, что засылаемые РОВС боевики для совершения террористических актов против Сталина, Бухарина, Менжинского, Крыленко, высших руководителей ОГПУ неизменно арестовывались чекистами и обезвреживались. Несмотря на объяснения Попова о том, что все это является результатом усиления охраны высших должностных лиц в СССР, генерал с маниакальным упорством продолжал требовать от ВРНО принятия практических мер по реализации принятого в 1927 году в предместье Парижа Шуаньи плана по заброске боевиков для осуществления террористических актов.

Поэтому летом 1929 года руководство ОГПУ приняло решение похитить и доставить генерала Кутепова в Советский Союз с целью организации показательного процесса над ним. Для этого была создана группа во главе с начальником 1-го (нелегального) отделения ИНО Яковом Серебрянским. Необходимость похищения генерала диктовалась еще и следующими обстоятельствами. В первых числах января 1930 года в Берлин из Москвы прибыли представители

легендированной организации ВРНО полковник Попов и полковник де Роберти, бывший в 1918 году начальником штаба генерала Кутепова в Новороссийске. Они через генерала Штейфона пригласили генерала Кутепова на встречу в Берлин. Такая встреча состоялась 17 января 1930 года. Первоначально в Берлин выезжал начальник контрразведки РОВС полковник Зайцев, с которым Попов и де Роберти встретились и договорились о приезде самого Кутепова.

На встрече представителей ВРНО с Кутеповым они, в отличие от своей прежней позиции, поставили вопрос о направлении в СССР нескольких групп надёжных офицеров РОВС для подготовки восстаний весной 1930 года и снова заявили, что хотели бы видеть генерала П.П. Дьяконова в качестве представителя ВРНО при РОВС в Париже. На следующий день во время обеда в ресторане полковник де Роберти, оставшийся ненадолго наедине с Кутеповым, сообщил ему, что Попов и он сам действуют по заданию ОГПУ и что никакой подпольной организации ВРНО на самом деле не существует и что цель операции чекистов — похищение генерала Кутепова.

Генерал Кутепов ничем не выдал обуревавших его чувств. По пути из Берлина в Париж он подробно рассказал полковнику Зайцеву о готовящемся на него покушении. По прибытии в Париж он известил об этом и князя С. Трубецкого, а также своего порученца М.А. Критского. После отъезда в Париж Кутепова П.П. Дьяконов без согласования с ним выехал в Берлин и обсудил с Поповым условия поддержания с ним связи и обмена информацией. Здесь их застало сообщение об исчезновении генерала А.П. Кутепова.

Похищение Кутепова было осуществлено за несколько минут до 11 часов 26 января 1930 года прямо посреди улицы в 7-м квартале Парижа, поскольку, по данным резидентуры ИНО ОГПУ в Париже, в 11.30 генерал Кутепов должен был присутствовать на панихиде по умершему генералу Каульбарсу в Галлиполийской церкви на улице Мадемуазель, что в двадцати минутах ходьбы от его дома. Однако до храма генерал не дошел. Парижской полиции стало известно, что около 11 часов дня А. Кутепова видел один белый офицер на пути к углу улиц Севр и бульвара Инвалидов, но дальше следы генерала терялись.

Накануне, 25 января, одним из сотрудников спецгруппы Серебрянского генералу Кутепову была передана записка, в которой ему назначалась кратковременная встреча на пути к церкви. При этом разведчики учитывали, что Кутепов на встречи, связанные с агентурной и боевой деятельностью РОВСа, всегда ходил один. Прождав некоторое время на трамвайной остановке на улице Севр, Кутепов продолжил свой путь к церкви. Сотрудники группы Серебрянского, в которую входили резидент ИНО ОГПУ в Париже Николай Кузьмин и нелегал Андрей Фихнер, а также агенты парижской резидентуры ОПТУ, выдававшие себя за французских полицейских, задержали А. Кутепова на улице Удино под предлогом проверки документов. Придравшись к каким-то неточностям, они предложили ему следовать в полицейский участок для выяснения личности задержанного. Генерал дал усадить себя в автомобиль, однако, услышав русскую речь, попытался оказать сопротивление. Ему

был сделан укол морфия, от которого А. Кутепов потерял сознание и вскоре скончался.

Он был похоронен в предместье французской столицы в саду дома, принадлежавшего агенту ОГПУ, французскому полицейскому, который принимал участие в операции по «секретному похищению» генерала Кутепова.

Предпринятые французской полицией и лично начальником контрразведки РОВС полковником Зайцевым меры по выяснению происшествия с Кутеповым положительных результатов не дали. Руководство РОВС и ближайшее окружение генерала терялись в догадках. Находившийся в то время в Париже генерал Штейфон, посетивший в тот же день квартиру Кутепова, писал 27 января генералу Геруа в Бухарест:

«Вчера неожиданно при невыясненных обстоятельствах исчез А.П. Кутепов. Он пошел утром в церковь, никуда не предполагая заходить, никому не назначал свидания и условился с женой, что после обеда в час дня он со всей семьёй отправится в город».

Наконец, спустя несколько дней, обнаружился свидетель похищения Кутепова. Это был дворник из клиники, расположенной на ул. Удино, по имени Огюст Стеймец. Он заявил полиции, что утром 26 января 1930 года около 11 часов он увидел в окно клиники большой серо-зеленый автомобиль, возле которого стояли двое рослых мужчин в жёлтых пальто, а неподалеку от них — такси красного цвета. Тут же на углу находился полицейский. Когда Кутепов, приметы которого О. Стеймец описал точно, поравнялся с серо-зеленым автомобилем, люди в желтых пальто схватили его и втолкнули в автомашину. В нее же сел и полицейский, который спокойно наблюдал эту картину. Автомобиль на большой скорости рванул в сторону бульвара Инвалидов. Вслед за ним отправилось и красное такси.

По указанию из Москвы Попов и де Роберти выехали из Берлина только в феврале, подтверждая тем самым, что их приезд в Берлин никак не был связан с происшествием. Более того, в своих письмах из Москвы на имя Зайцева они высказывали опасения за свою судьбу, так как не уверены, что их встречи с Кутеповым не станут достоянием ОГПУ, и попросили временно не писать им. ОГПУ вскоре стало известно о предательстве де Роберти. Он был арестован чекистами и после непродолжительного следствия в мае 1930 года расстрелян.

Почему все же советская разведка решила похитить генерала Кутепова? РОВС в Москве считали источником постоянной опасности. Агентурные данные свидетельствовали: стратегическая цель руководства РОВС — вооруженное выступление против советской власти. Конечно, в 1930 году рассеянные по Европе остатки Добровольческой армии лишь с большой натяжкой можно было рассматривать как непосредственную угрозу для нашей страны. В Москве по-прежнему считали, что в случае войны в Европе противник Советского Союза обязательно призовет под свои знамена и полки бывшей Добровольческой армии.

В конце 20-х годов руководство РОВС начало широко организовывать террористические акты внутри СССР. Гибли невинные

люди. Подготовкой террористов занимались отделения РОВС в Париже, Бухаресте, Софии и Белграде. Терроризм в России поддерживали 2-й отдел Генштаба французской армии, польская дефензива, румынская сигуранца, финская контрразведка, получая от РОВС в качестве платы информацию о политической и военной ситуации в СССР.

Внутри РОВС главными сторонниками террористической деятельности в СССР были генералы Кутепов и Геруа (руководитель отделения РОВС в Бухаресте). Геруа, в частности, предлагал убить нового посла Германии в Москве, выступавшего за улучшение отношений с СССР. Сохранилось письмо генерала, написанное в сентябре 1928 года: «Графа Брокдорфа-Ранцау следует убрать так же, как был устранен его предшественник граф Мирбах. У нас имеются указания и инструкции на подобный случай, подумайте об этом и сообщите свои соображения. В нашей дальнейшей переписке условимся обозначать Брокдорфа-Ранцау просто „Бра“. Если устранить этого „Бра“, в Германии некому будет поддерживать Советы, а без этой поддержки они падут».

Генерал Геруа разрабатывал план диверсий на нефтепроводах в Баку. Но эти планы заранее стали известны советской разведке. Вот почему основные усилия европейских резидентур советской разведки были сосредоточены на борьбе с РОВС и другими эмигрантскими боевыми организациями.

Кутепова Иностранный отдел ОПТУ не без оснований считал мозгом РОВС, главным генератором идей и бесспорным вождем эмигрантского офицерства. РОВС во многом держался на его энергии, инициативе и личном авторитете. Вот почему бесследное исчезновение генерала глубоко потрясло весь правый сектор эмиграции. На ноги была поставлена вся французская полиция, однако выяснить при этом ничего не удалось.

Преемником Кутепова на посту руководителя РОВС стал генерал-лейтенант Евгений Миллер, принадлежавший к кругам старого кадрового генералитета. Его добрым знакомым был генерал Николай Скоблин, который вскоре после похищения Кутепова дал согласие работать на советскую разведку вместе со своей женой Надеждой Плевицкой. Похищение Кутепова позволяло Н. Скоблину утвердиться в кадрах штаба РОВС.

В белоэмигрантских кругах Парижа исчезновение Кутепова приписали П.П. Дьяконову. Об этом прямо заявила белоэмигрантская газета «Возрождение». Впрочем, это не было какой-то сенсацией. Белую эмиграцию в Париже раздирали склоки, чем активно пользовались французские спецслужбы. Они имели в среде белой вооруженной эмиграции в Париже многочисленную агентуру. В погоне за денежным вознаграждением нищие аристократы, да и не только они одни, охотно клеветали на своих вчерашних однополчан, приписывали им прогерманские, пробольшевистские и прочие симпатии.

Что же касается Павла Дьяконова, то он подал в суд на газету «Возрождение». В ходе судебного процесса он сумел доказать, что не

только не имел никакого отношения к похищению генерала Кутепова, но даже не был лично с ним знаком. Суд, рассмотрев материалы следствия по делу «Генерал Дьяконов против газеты „Возрождение“», признал утверждения газеты необоснованными и постановил обязать ее принести соответствующие извинения потерпевшему.

В 1940 году гитлеровцы заняли Париж. В первые дни оккупации гестапо стало арестовывать лиц, сочувствовавших французскому движению Сопротивления. В числе арестованных оказался и Павел Дьяконов. Сорок три дня он провел в застенках гестапо, откуда был вызволен с помощью советского полпредства. Павлу Дьяконову было предоставлено советское гражданство и он в конце мая 1941 года вместе с дочерью возвратился в Москву. Не было предела его радости. Однако радовался он рано: через пять недель генерал и его дочь были арестованы по подозрению в шпионаже против Советского Союза.

Однако в судьбу Павла Дьяконова вмешался начальник разведки Павел Фитин. Он направил в следственные органы рапорт, в котором указал, что П. Дьяконов и его дочь известны Первому управлению НКВД, которое считает необходимым их освободить. В октябре 1941 года генерал и его дочь вышли на свободу. Поскольку на этом сотрудничество П. Дьяконова с внешней разведкой прекратилось, дальнейших сведений о его судьбе не имеется.

По завершении парижской операции по похищению генерала Кутепова Я. Серебрянский возвратился в Москву. 30 марта 1930 года за удачно проведенную операцию он был награжден орденом Красного Знамени. После этого он вплотную приступил к созданию автономной агентурной сети за рубежом. 20 июля 1930 года он был зачислен на особый учет ОГПУ в связи с выездом за рубеж. Всего им было создано 20 специальных нелегальных резидентур, которые привлекли к сотрудничеству с советской внешней разведкой «на особый период» около 200 агентов-боевиков. 13 июня 1934 года, т. е. через три дня после создания НКВД СССР, «группа Яши» была выведена из ИНО и напрямую подчинена наркому внутренних дел, получив название «Специальная группа особого назначения» (СГОН). При ней организуется школа разведчиков-нелегалов диверсионного профиля. Многие ее выпускники в годы Великой Отечественной войны стали крупными специалистами по проведению диверсий в тылу противника.

В 1931 году Яков Серебрянский находился в служебной командировке в Румынии, где был арестован румынской сигуранцей, однако вскоре был освобожден и продолжил свою нелегальную деятельность. В 1932 году с аналогичной миссией выезжал в США, а в 1934 году — в Париж. В 1935 году по поручению Г. Ягоды содействовал организации токсикологической лаборатории НКВД. В 1935–1936 годах находился в спецкомандировке в Китае и Японии.

После начала Гражданской войны в Испании Серебрянский, которому 29 ноября 1935 года было присвоено воинское звание старшего майора госбезопасности, со своей группой участвовал в нелегальных поставках оружия республиканскому правительству Испании. В сентябре 1936 года сотрудниками «группы Яши» при помощи агента «Бернадет» удалось закупить у французской фирмы

«Девуатин» 12 новых военных самолётов, якобы для некоей нейтральной страны. Машины были доставлены на приграничный аэродром, откуда под предлогом летных испытаний они были перегнаны в Барселону.

В ноябре 1936 года «группа Яши», в том числе разведчик-нелегал Б. Афанасьев, с помощью агента НКВД М. Зборовского, внедренного в ближайшее окружение сына Л. Троцкого — Сергея Седова, похитила и вывезла в Москву часть архива Троцкого. В отношении Седова также был разработан план по его похищению, который, однако, Я. Серебрянским реализован не был в связи со смертью Седова вследствие операции по поводу аппендицита.

А на родине разведчика шла вакханалия репрессий, которая вскоре коснулась и его. Летом 1938 года Яков Серебрянский был отозван из Франции и уже 10 ноября арестован вместе с женой по ордеру, подписанному непосредственно наркомом внутренних дел Л. Берией. Особое удивление и даже недоумение у Л. Берии вызвал состав «группы Яши», в которой числилось до 200 агентов. Дело в том, что в основном это были лица еврейской национальности, которые после прихода Гитлера к власти в Германии либо были вынуждены эмигрировать из страны, либо оказались в концлагерях. К 1938 году эта группа практически перестала существовать. Необходимо было вновь ее восстанавливать. Берия заподозрил И. Серебрянского в том, что тот «липует». В беседе с В. Деканозовым (руководитель внешней разведки. — Н.Ш.) он даже заявил без обиняков, что Серебрянский-де «устроил на казенное жалование свою еврейскую родню, которая оказалась ни к чему не годной», и теперь должен понести за это ответственность.

До 13 февраля 1939 года Серебрянский содержался под стражей во внутренней тюрьме на Лубянке. В ходе следствия, которое вел будущий министр госбезопасности Виктор Абакумов, а затем С. Мильштейн, разведчика подвергали интенсивным допросам. Первый допрос разведчика состоялся 13 ноября 1938 года. Ему предшествовала резолюция Л. Берии: «Тов. Абакумову! Хорошенько допросить!»

Спустя четыре дня в допросе Д. Серебрянского принял участие сам всесильный нарком внутренних дел Лаврентий Берия. Его костоломы старались вовсю: чекист был зверски избит и под пытками оговорил себя. Допросы, сопровождавшиеся пытками и истязаниями разведчика, продолжались. В результате этого допроса с пристрастием следствие составило 4 октября 1940 года обвинительное заключение. В нем, в частности, говорилось следующее:

«Яков Серебрянский — в прошлом активный эсер, при содействии разоблаченных врагов народа проник в органы советской разведки. В 1924 году, будучи в Палестине, был завербован для шпионской деятельности в пользу Англии. В 1933 году Серебрянский был завербован разоблаченным врагом народа Ягодой в антисоветскую заговорщическую организацию, существовавшую в органах НКВД. По заданию Ягоды Серебрянский установил шпионскую связь с французской разведкой, которую информировал о деятельности

советской разведки за кордоном, добывал сильнодействующие яды для совершения террористического акта над руководителями партии и советского правительства»…

7 июля 1941 года, Когда уже на просторах Советского Союза вовсю полыхала война, состоялся суд. Якова Серебрянского судила Военная коллегия Верховного суда. На суде Серебрянский свою вину не признал, заявив, что на предварительном следствии он оговорил себя в результате физического воздействия со стороны следователей. Однако суд проигнорировал его заявление и приговорил разведчика к расстрелу с конфискацией имущества. Его жена и надежный помощник Полина была осуждена на десять лет «за недоносительство».

После ареста Я. Серебрянского «группа Яши», как мы уже упоминали, прекратила свое существование. Однако война, принявшая неожиданно для Сталина трагический оборот, потребовала концентрации всех сил армии и народа для отпора врагу. В этих условиях органам безопасности приходилось перестраиваться на военный лад, а не заниматься ведомственными разборками и поисками внутренних врагов. Враг был налицо, и этот враг был невиданно жестким и могучим. В рамках НКВД было создано IV управление, в задачу которого входила организация зафронтовой разведывательно-диверсионной борьбы в тылу врага. Однако из-за репрессий Ежова и Берии разведчиков-профессионалов профиля Я. Серебрянского этому управлению не хватало. В сложившейся тяжелой ситуации П. Судоплатов обращается к Берии с просьбой освободить из заключения Я. Серебрянского и еще ряд чекистов. Ответ наркома его потряс. Как позднее вспоминал бывший начальник IV управления, Берия просто спросил его: «Они тебе действительно нужны?» — и, получив утвердительный ответ, сказал: «Ну, тогда бери их».

Решением Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 г. Я. Серебрянский и его жена были амнистированы. Они вышли из тюрьмы и были восстановлены в партии. 22 августа им были возвращены все ордена и награды. 3 октября после двухмесячного отдыха и лечения Я. Серебрянский по инициативе того же П. Судоплатова назначается начальником группы в IV управлении. В годы войны он занимается подготовкой и заброской в тыл врага различных оперативно-боевых групп и отдельных агентов для выполнения разведывательных задач. Принимал участие в вербовке взятого в плен советскими войсками германского адмирала Редера.

По окончании Великой Отечественной войны 1941–1945 годов министром госбезопасности в 1946 году был назначен Виктор Абакумов, который в предвоенные годы вел дело Я. Серебрянского и лично участвовал в его пытках. Якову ничего не оставалось делать, как выйти в отставку «по состоянию здоровья». Это было неприятно, но все-таки лучше, чем снова попасть в лапы Абакумова. Однако его боевой опыт долго оставался невостребованным, и в мае 1953 года сам Я. Серебрянский по ходатайству П. Судоплатова восстанавливается на работе в 9-м управлении МВД СССР в качестве оперработника негласного штата 1-й категории. Однако и на сей раз судьба была к нему неблагосклонна. После ареста Берии в июне 1953 года сам Я.

Серебрянский увольняется 7 июля в запас… Министерства обороны. 8 октября он вновь арестован как участник «заговора Берии».

В процессе следствия доказательств его причастности к «заговору» найдено не было. Но выпускать Серебрянского на волю власти не хотели, потому они пошли на более «хитрый» шаг. Было реанимировано фальшивое дело 1938 года. 27 декабря 1954 года отменяется решение об амнистии от 9 августа 1941 года, несмотря на то, что уже начинался процесс реабилитации жертв сталинских репрессий. Интенсивные допросы разведчика продолжались. Следователи, правда, мер физического воздействия не применяли, однако постоянно оказывали на разведчика психологическое воздействие, добиваясь от него признательных показателей. Такого поворота событий Яков Серебрянский не ожидал. На очередном допросе у следователя военной прокуратуры Царегородского 30 марта 1956 года его сердце не выдержало и Яков Серебрянский умер на 66-м году жизни.

В 1971 году председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов во время подготовки первого учебника истории внешней разведки узнал о героической и вместе с тем трагической судьбе Якова Серебрянского и распорядился провести дополнительное расследование. Его указание было выполнено.

13 мая 1971 года решением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор в отношении Я. Серебрянского от 7 июля 1941 года был отменен и дело прекращено по вновь открывшимся обстоятельствам. Через неделю он был реабилитирован и по делу 1953 года в связи с недоказанностью обвинений в его участии в «заговоре Берии». Но только спустя четверть века, 22 апреля 1996 года, Указом президента России Яков Серебрянский был посмертно восстановлен в правах на изъятые при аресте награды. Их возвратили сыну разведчика Анатолию Серебрянскому.

Член «Кембриджской пятёрки» Дональд Маклейн (1913–1983)

На советскую разведку в разное время, начиная с 1920 года, работали замечательные люди из числа иностранных граждан: Рихард Зорге, Рут Кучински, Шандор Радо, Вилли Леман, Рамон Меркадер, Африка де Лас Эрас, Китти Харрис, Клаус Фукс, «Персей», Арнольд Дойч и многие, многие другие славные разведчики.

Среди этой плеяды особое место занимает «Кембриджская пятёрка»: Ким Филби, Дональд Маклейн, Гай Бёрджесс, Энтони Блант и Джон Кернкросс. Всех их завербовал в своё время легендарный разведчик-нелегал Арнольд Дойч (австрийский гражданин, принявший советское гражданство).

Его жизнь трагически оборвалась 7 ноября 1942 года. На пароходе «Донбасс» он вместе со своей оперативной группой был направлен для работы в одну из стран Латинской Америки. В водах Атлантики «Донбасс» внезапно был атакован немецким крейсером «Адмирал Шпеер». От попадания торпеды пароход развалился пополам и пошёл ко дну. А. Дойч и его товарищи ушли на дно океана вместе с пароходом

«Донбасс», который перевозил грузы по ленд-лизу.

«Кембриджская пятёрка» начиналась с «трёх мушкетёров», как они сами себя называли: это Ким Филби, Д. Маклейн и Г. Бёрджесс. Несколько позже членами группы стали Э. Блант и Д. Кернкросс.

Неоценимая заслуга Арнольда Дойча состоит в том, что он сумел создать «великолепную пятёрку» разведчиков, действовавшую на протяжении многих лет в самых высоких сферах Англии. Все они пришли в разведку с его легкой руки, блестяще окончив университеты в Оксфорде и Кембридже.

«„Оксфордские кроты Сталина“, должно быть, прорыли такие же ходы в британское правительство, — писал английский исследователь Дж. Костело. Большинство из них унесли в могилу тайну своей подпольной работы на Москву. Но можно только представить, до каких служебных высот они доросли и к каким тайнам английских секретных ведомств имели доступ».

Все агенты «Ланга» великолепно сыграли свою роль, и принесли неоценимую помощь нашей разведке и нашей стране.

И все же «три мушкетера» из Кембриджа — Ким Филби, Дональд Маклейн и Гай Бёрджесс — заслуживают более пристального внимания. И о них надо сказать отдельно о каждом.

Почему же выбор К. Филби, а затем и А. Дойча пал именно на Дональда Маклейна?

Дональд Дюарт Маклейн родился в Лондоне 25 мая 1913 года.

Его отец — сэр Дональд, шотландец, видный политический деятель, член парламента, лидер «независимых либералов», затем заместитель спикера палаты общин, министр. Летом 1932 года он умер, отсюда и первая оперативная кличка Маклейна — «Вайзе» («Сирота»). Леди Маклейн, мать Дональда-младшего, — дочь судьи, очень религиозная женщина, поборница справедливости.

18-летний Дональд Маклейн, став студентом Кембриджского университета, сразу оказался в гуще политических дискуссий, вступил в Социалистическое общество студентов, приобрел репутацию «писателя и оратора», открыто объявил себя сторонником коммунистических идеалов, высказывал даже мысли о поездке в Россию, чтобы работать там простым трактористом или учителем.

Очень образно описал Маклейна в одном из своих писем в Центр резидент Малли: «Новые люди мне очень понравились. Они совсем разные, очень индивидуальные, но я думаю, что все они честны…

„Вайзе“ („Сирота“). Прежде всего верно, что он очень красив.

У него что-то женственное не только в чертах лица, но и в манере держать себя. Но он на полголовы выше меня (сам Малли был довольно высокого роста). Он скромен, умен, смотрит на все с точки зрения ИККИ (Исполкома Коминтерна. — Н.Ш.), дисциплинирован, но пока еще молод, неопытен и поэтому боязлив. Мы встречались с ним подальше от предместий в маленьком ресторанчике, но когда затрагивали щекотливые вопросы и называли имена — он весь дрожал

из боязни, что кто-нибудь может подслушать наш разговор. Он идеалист, и надо быть с ним очень осторожным, чтобы не разрушить этого его идеализма. На нас он смотрит, как на богов. При этом мы установили, что он действительно всем своим друзьям сказал, что порвал со всеми своими „грехами молодости“ и посвятил себя исключительно своей работе».

Как К. Филби, так и Бёрджессу, а затем и Маклейну пришлось публично отказаться от своих левых убеждений и связей после того, как Филби завербовал его в августе 1934 года.

Будучи сыном видного политического деятеля и светской леди, выпускником Кембриджа, Маклейн вращался в высшем обществе и располагал соответствующими связями. Среди друзей и знакомых его матери были пять министров, в том числе министр иностранных дел Саймон. Поэтому вначале планировалось внедрить его в МВД. Такую рекомендацию и направил Центр резиденту А.М. Орлову.

Однако обстоятельства сложились так, что внедрение Маклейна в МИД оказалось перспективнее. После успешной сдачи экзаменов, имея к тому же солидные рекомендации, Маклейн в начале 1936 года стал третьим секретарем Форин-офиса — Министерства иностранных дел Великобритании. По своей должности Дональд имел доступ ко многим серьезным секретным документами и вскоре стал важным источником ценной информации.

В мае 1936 года резидент Малли сообщил в Москву о том, что резидентура буквально тонет в материалах, передаваемых Маклейном, и требуется специальный сотрудник для работы только с ним.

В ответном письме Центр дал согласие выделить работу с Маклейном в самостоятельную линию и обещал прислать для работы с ценным источником опытного разведчика-нелегала Д.А. Быстролётова, как только тот уладит свои личные дела.

К сожалению, «личные дела» Быстролётова затянулись и были улажены только 18 лет спустя, когда после длительного тюремного заключения по ложному обвинению в шпионской деятельности он был освобожден и полностью реабилитирован. Но после освобождения из заключения Быстролётов в разведку так и не вернулся. Таким образом, был потерян ценнейший разведчик-нелегал, владевший 20 иностранными языками. Он умер в глубокой старости в 1975 году.

В это время с Дойчем произошел один довольно неприятный случай. Однажды он пришел взволнованный, в неурочный час.

— Я вынужден в срочном порядке уехать из Лондона. Передайте всем нашим друзьям, чтобы они не появлялись здесь у тебя до условного звонка по телефону каждому из них.

Китти добросовестно выполнила поручение разведчика-нелегала. Но уже через три месяца Дойч вернулся в Лондон. Причина внезапного отъезда заключалась в следующем.

А. Дойч вел записи своих расходов, в том числе выплат агентуре. Записи хранились в отдельном пакете, который он отдавал на хранение своей сотруднице «Стреле». И вдруг пакет исчез. «Стрела» клялась и

божилась, что не могла его потерять. Но Центр, куда Дойч успел сообщить о пропаже, дал ему команду немедленно покинуть Англию. Пришлось уехать. Работа с ценной агентурой приостановилась. По счастью, «Стрела», в который раз обыскивая свою квартиру, обнаружила злополучный пакет, завалившийся за обивку дивана. Об этом она срочно сообщила резиденту Малли, а тот в Центр. И вынужденный «отпуск» Дойча закончился.

Условные звонки по телефону делала Китти. Позвонив Филби, она просила к телефону мисс Ширли Стивенс, у Маклейна поинтересовалась часами приема доктора Уилсона, Бёрджессу просто два раза дунула в трубку. А затем вновь вошла в свою роль хозяйки конспиративной квартиры.

Через некоторое время обстоятельства сложились таким образом, что в начале 1938 года связь с Маклейном на определенный срок была законсервирована. После окончания срока «консервации» Маклейн продолжал добросовестно посещать место, известное ему, и обусловленные с Дойчем дни и часы.

И вот однажды это случилось. Он ожидал увидеть солидного, под стать ему ростом мужчину типа Малли, или интеллигента, похожего на Дойча, или волевого, быстрого в движениях А.М. Орлова, но к нему подошла милая, скромная женщина, которую он уже знал, и произнесла слова пароля. Честно говоря, он опешил от неожиданности, что не ускользнуло от ее внимательных глаз, но быстро собрался и произнес отзыв.

Они оба рассмеялись.

— Вы не ожидали увидеть леди? — с долей кокетства спросила Китти [6].

— Если откровенно, то да. Но это для меня приятная неожиданность. Наша работа иногда становится скучной и однообразной, а здесь есть возможность проявить себя джентльменом, — поддержал ее несколько игривый тон Дональд.

В ресторане во время беседы Маклейн заявил своей собеседнице:

— Китти, прежде всего я хочу, чтобы и вы, и наши товарищи в Москве знали, что я рад, что со мной снова связались. Я сделаю все, что от меня требуется. Мне хочется, чтобы наша с вами работа шла успешно. Вам надо снять квартиру в приличном районе, пусть это будет стоить дороже, но с точки зрения безопасности наших операций это более приемлемый вариант.

Когда они расставались, Дональд вдруг вспомнил:

— Да, передайте, пожалуйста, в Москву, что на службе у меня все благополучно, больше того, предлагается мое повышение в должности с перспективой направления в Париж. Поедете со мной? — шутливо спросил он, — ведь там тоже понадобится продолжать работу.

— Обязательно! — воскликнула Китти, а сама подумала: «Если сочтут нужным послать».

---

[6]Китти — агент-нелегал советской разведки, имевшая 17 имён-псевдонимов.

Китти жила пока в гостинице, а Дональд должен был приносить материалы, которые требовалось фотографировать. Поэтому в целях безопасности вторую встречу назначили у него дома.

Правила конспирации запрещают проведение встреч на дому у агента (но в жизни в порядке исключения это допускается в каждом конкретном случае, который надо обосновать. — Н.Ш.).

Тем временем Китти подобрала вполне подходящую конспиративную квартиру. Она чувствовала в ней себя хозяйкой и постаралась превратить комнаты в уютное гнездышко, куда Дональд приходил бы не только по обязанности, но и с радостью. Здесь они проводили самые приятные часы своих первых свиданий.

По своей должности 3-й секретарь Министерства иностранных дел Великобритании Маклейн имел доступ практически ко всей секретной документации. Мало того, что через него проходила вся переписка, непосредственно касающаяся его отдела — Западной Европы и его страны — Испании, он мог также официально знакомиться со многими документами министерства. К тому же, выражаясь казенным языком, бдительность в Министерстве была не на высоте. Уходя с работы, сотрудники оставляли секретные документы на столах: считалось не по-джентльменски заглядывать в чужие письма. Разрешалось также брать домой документы для ознакомления или для работы над ними. Короче говоря, для разведчика создавались идеальные условия. И Дональд не преминул ими воспользоваться.

В период работы на консквартире Китти он сумел передать огромное количество материалов, которые руководством советской разведки и страны оценивались как важные и очень ценные. Прежде всего, это были подлинные шифртелеграммы, независимо от их содержания. Ведь их расшифрованный текст соответствовал тому, который передавался шифром, что позволило, сопоставив их, раскрыть английский дипломатический шифр. Это было величайшим достижением Маклейна.

Однако целый ряд документов шифром не передавался: письма, доклады, отчеты, планы, т.е. наиболее ценную часть дипломатической документации Дональд приносил на консквартиру для фотографирования.

Некоторые документы вообще нельзя было вынести, но цепкая память Маклейна удерживала их. Кроме того, он был в курсе разговоров сотрудников, выступлений и устных указаний руководства и так далее. Он знал людей в Форин-офисе, подноготную многих из них и давал надежные «наводки», по которым проводились вербовки нужных людей.

Центр в своих сообщениях отмечал, что вся почта «Лирика» (псевдоним Маклейна. — Н.Ш.) - весьма интересная и представляет большую ценность.

В следующей почте от «Лирика» пришли семь пленок и 28 страниц машинописного текста, в том числе доклад агента СИС в СССР, доклад СИС о заседании Германского Генштаба и перехваченные СИС телеграммы из Испании, доклад Военного

министерства Великобритании, доклад МИД об английских поставках оружия Португалии, прибалтийским странам, Ираку.

В одном из ответных писем Центр обращал внимание на то, что интерес представляет следующее обстоятельство: среди перехваченных СИС телеграмм впервые оказались и американские. Это означало, что англичане начали шпионить за своими «естественными союзниками» — Соединенными Штатами.

Особняком стоит один документ, представленный Маклейном. Это был доклад о внешней политике Советского Союза, полученный СИС от своего агента, сотрудника Наркомата иностранных дел СССР. Следовательно, «коллега» Маклейна находился в это же время в советском внешнеполитическом ведомстве и работал на Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС). Резидент Малли направил этот доклад в Москву, откуда не замедлил поступить ответ, что приняты меры к обнаружению английского агента в нашем ведомстве.

Все это лишь несколько примеров из той кипы документов, которые Маклейн перетаскал на квартиру Китти. Ведь это был период, пожалуй, один из самых драматических в XX столетии, когда дипломатическая жизнь кипела, отражая события, происходящие в мире. Захват Абиссинии Италией, война в Испании, агрессия Японии в Китае, вторжение Германии в демилитаризованную Рейнскую область, аншлюс Австрии, подготовка к захвату Чехословакии.

Английские политики и дипломаты ведут непрерывные секретные переговоры в Берлине, Париже, Лондоне. Заключаются и рвутся соглашения и пакты. Европа все ближе и ближе подходит к самой ужасной из войн, которые знало человечество.

Естественно, что каждый поступавший от Дональда документ внимательно рассматривался в Москве. Иногда материалы разведки, когда их использовали неправильно, могли привести к катастрофическим для разведчика последствиям.

Был вот такой случай. Доклад, поступивший от Маклейна, дословно был зачитан на заседании Верховного Совета СССР главой правительств В. Молотовым. В стране, из которой поступил документ, началось немедленное расследование в поисках «источника» утечки документа, и только происшедшее там чрезвычайное событие (убийство главы государства и попытка переворота) отвлекли спецслужбы и спасли нашего человека от провала.

Был случай, когда и публикация материалов Дональда могла представить угрозу для его безопасности. Произошло это так. В печати появилось сообщение о том, что советский пароход «Комсомол», направлявшийся с грузами в Испанию, потоплен фашистским военным кораблём. Судьба экипажа оставалась неизвестной. Китти, прочитав об этом, горько плакала: ей вспомнились ребята с этого судна, на котором она ещё недавно шла в Ленинград, веселый помощник капитана «Ильуша» и другие молодые моряки, с которыми она «забивала козла» на палубе. Неужели они сейчас лежали на дне моря или томились в фашистском плену? О них ничего не было известно.

Резидент Малли получил телеграмму из Центра с просьбой

принять меры по выяснению судьбы команды «Комсомола». Он дал задание Маклейну. Одновременно решил послать на территорию Испании, занятую фашистами, доверительную связь Дойча — агента «Нелли». Она была опытным партийным нелегалом. Китти удалось уговорить ее съездить в Испанию. Маклейн в свою очередь получил информацию о положении команды «Комсомола», которая была передана в Москву и напечатана в прессе.

Вскоре из Центра поступило письмо о том, что телеграмма о судьбе «Комсомола» очень обрадовала, и с просьбой передать благодарность Маклейну и сообщить, не отразилось ли в какой-нибудь степени на его работе опубликование этих сведений в нашей печати.

К счастью, и на этот раз все обошлось благополучно.

Совместная работа Дональда и Китти протекала так. Дважды в неделю он, уходя с работы, брал с собой портфель, туго набитый документами. Опасно ли это было? Архиопасно, конечно. В одном из своих писем Дональд отмечал: «Согласно положению я имею право брать на дом документы, которые подлежат моей обработке. Я, однако, иногда беру документы, которые проходят через меня, и секретного порядка, а последний год и очень секретные, которые не касаются моей работы, а также и телеграммы. В случае… если бы я должен был обязательно показать, что находится в моём портфеле во время прихода и ухода с работы, было бы легко объяснить, что неразрешенные к выносу бумаги попали ошибочно, и ничего бы не случилось».

Конечно, выходя из министерства, он волновался и был в напряжении. Его заявление, что «ничего бы не случилось», было лишь бравадой, которой он попытался успокоить себя и руководство резидентуры. На протяжении многих лет чуть ли не через день носить с собой «бомбу с зажженным фитилём» — легко ли это было выдержать человеческим нервам?

Центр, понимая ценность разведчика Маклейна и важность того, что материалы от «Лирика» можно брать лишь при максимальной гарантии того, что опасность провала сведена на нет, указывал резиденту, что тот не должен допускать никакой погони за материалами в ущерб уверенности, что все «о’кей», не пренебрегать ни в коем случае соображениями конспирации в погоне за получением материалов от разведчика. В одном из писем Центр предупредил резидента: «Маклейн является самым ценным вашим источником — отсюда делайте соответствующие выводы».

Каждый вечер всегда элегантный, неизменно вежливый и улыбающийся молодой человек покидал здание Форин-офиса и направлялся к себе на Оукин-стрит. Дважды в неделю, а иногда и чаще, проводя некоторое время дома, снова выходил на улицу и брал такси. Доехав до какого-нибудь перекрестка, останавливал машину и, немного пройдясь, брал другую. Иногда, если казалось, что обстановка небезопасна, пересаживался в третью. Доезжал до соседней с Киттиным домом улицы и оттуда шел пешком. Дональд умел точно рассчитывать время и всегда ровно в полдесятого вечера подходил к ее дверям. Она уже ждала его, радостно возбужденная и

принарядившаяся.

— Добрый вечер, мисс, — приветствовал он ее, иногда букетиком цветов, иногда коробкой конфет.

Она приседала в шутливом книксене.

Так уж получилось, что их отношения развивались в двух направлениях — деловом и шутливо-дружеском.

— Ну что пчелка принесла сегодня? — вопрошала Китти, и Дональд, протягивая портфель, в тон ей отвечал:

— Много вкусного сладкого меда!

С прибытием Дональда сразу начали с работы. Дональд никогда не вмешивался в манипуляции Китти, он лишь бегло просматривал листы документов и некоторые из них, считая интересными, откладывал в сторону. Из-за этого однажды произошел скандал с Центром, когда резидент получил замечание за то, что «при фотографировании многие листы оказались пропущенными». Озабоченный и напуганный резидент тут же направил в Москву объяснение, что Маклейн отбраковывает материалы, не представляющие ценности, и заверение в том, что в дальнейшем будут фотографировать «все подряд». На это Центр возразил, что объяснение резидента его вполне удовлетворило и необходимости в фотографировании всех подряд документов нет, так как не стоит загружать почту неинтересными материалами и удлинять время съемки.

Комната для прислуги, где проводилась съемка, была темной и тесной. Перед работой Китти обычно переодевалась в легкий халатик и в нем манипулировала со своей техникой. Дональд стоял рядом, отбирал листы и наблюдая за работой. Фотографируя, она однажды почувствовала, что он вплотную приблизился к ней и обнял за плечи.

— Ты мне мешаешь, — не очень строго пробормотала она.

Дональд осторожно отстранился, а потом, когда она кончила работу, снова прижал и поцеловал ее в шею, в самые завитки волос.

Китти стояла неподвижно, наклонив голову и опустив руки.

— Милая, мне так хорошо с тобой, — шептал Дональд.

— Скольким ты уже говорил эти слова?

— Какая разница? Ведь все они были мне чужие, чужие по духу. Только с тобой я ощущаю полное единение. И души, и тела. Я это почувствовал сразу, когда мы встретились теперь, для этой работы. И ты вся такая, о которой я мечтал. Мне с тобой легко. Если бы ты знала девиц и дам моего круга: жеманство, дурацкие умные разговоры. А с тобой все просто. Я могу говорить о деле — хорошо, о пустяках — приятно, просто молчать — тоже. Меня ничто не тяготит. Я впервые испытываю это.

Его слова завораживали Китти. Она закрывала глаза. Многие годы она была в напряжении, а сейчас впервые расслабилась. Все эти конспирации, наружные наблюдения, вынужденные обманы, страхи, политика, метания по чужим странам, паспортные контроли, пароли и отзывы — все осталось где-то там, за этими стенами. Ей ничего не

угрожало, ей было просто хорошо, и с ней был человек, которого она любила. Она просто хотела его.

Но долг еще удерживал ее. Долг был еще сильнее страсти, ей казалось, что шаг навстречу ему все испортит в их отношениях и лишит ее возможности видеть его. Она слегка отстранилась:

— Не надо, милый. Пойдем лучше поужинаем.

— Китти, ты понимаешь…

— Я все понимаю, — она прикрыла ему рот ладоней, — все понимаю. Но не сейчас. Дай мне все осмыслить.

25 мая 1938 года Дональд и Китти отпраздновали вместе день рождения в ресторане «Ллойд». Расставаясь в этот вечер, они впервые поцеловались. Поцелуй Дональда был нежным и ласковым. Проводив его, Китти долго стояла у порога, прижавшись лбом к холодной двери. Ко дню рождения Дональд преподнес Китти шикарный букет цветов и подарок. Китти не могла долго ждать и тут же раскрыла пакетик и коробочку с кулоном.

— Ах, какая прелесть! — воскликнула она. — Надень мне его.

Дональд, довольный тем, что подарок понравился, застегнул цепочку на ее шее. До последнего дня своей жизни Китти никогда не расставалась с этим кулоном. На кулоне была надпись: «К. от Д. 24.05.37».

Настал момент, когда все было переговорено, все тосты произнесены. Лондон уже засыпал, одно за другим гасли окна, и каждое из них скрывало какую-то свою маленькую тайну или большой секрет. И за этим, которое уже не светилось, скрывалась маленькая тайна двух тянущихся друг к другу сердец и большой секрет их удивительной совместной работы.

Дональд подошел к Китти, поднял ее со стула и обнял. Она пыталась что-то сказать, но он закрыл ей рот поцелуем и повел к двери спальни…

Он ушел только в два часа ночи, обессилевший и умиротворенный. Китти, насытившаяся любовью и счастливая, лежала, вновь и вновь переживая восхитительные минуты близости. Спать не хотелось, и постепенно проза жизни стала проникать в ее сознание. Она понимала, что, несмотря ни на какие заверения, будущего у них нет. Кто он и кто она? Блестящий выпускник одного из самых престижных университетов мира, сын министра, и она, малограмотная, даже не знающая четырех правил арифметики, дочь сапожника?

Красавец, которому с радостью отдаст руку и сердце любая, самая высокопоставленная невеста Лондона, и она, уже начинающая увядать, на четырнадцать лет старше его, женщина? Что их объединяло, кроме той дикой страсти, которую она испытала сегодня, и общего дела, которому они вместе служили?

Тут ее мысли приняли другое направление. Китти была честным человеком и помнила слова своего учителя по правилам конспирации товарища Геннадия о том, что разведчик обязан докладывать обо всем,

даже о интимных сторонах своей жизни.

«В силах ли я это сделать? — размышляла она. Ведь никто об этом не узнает. А если я доложу, нас могут разлучить. Ведь любовь и долг страсть и разведку смешивать нельзя. Но это в том случае, если они противоречат друг другу…»

Вот примерно в таких размышлениях и прошла эта ночь.

Утром Китти приняла твёрдое решение и на встрече с резидентом доложила ему обо всем этом. Тот схватился за голову и первой же почтой информировал Москву. Там, к его удивлению и удивлению Китти, новость восприняли спокойно и вопрос об отзыве из страны не поднимался. Начальник внешней разведки заметил: «А почему бы и нет? И слава Богу! Нашему делу это никак не повредит».

В марте 1944 года Маклейн получил новое назначение в США — должность 1-го секретаря английского посольства в Вашингтоне. Руководство внешней разведки восприняло это известие о переводе Дональда в Соединенные Штаты положительно. Военный и политический центр западных союзников переместился в США. Американцы теперь задавали тон на всех направлениях: военном, политическом, экономическом, а также в области создания новых видов оружия (и в первую очередь — атомного!). В этих условиях иметь своего человека в таком важном учреждении, как посольство Великобритании, через которое осуществлялись контакты между руководством США и Англии, было исключительно важно в тот период.

Пост 1-го секретаря посольства выводил Дональда на уровень, который позволял иметь доступ ко многим секретам посольства.

По приезде Маклейна в США по указанию Центра с ним была установлена связь сотрудником «легальной резидентуры». После нескольких встреч руководство резидентуры сразу поняло, что к ним прибыл неординарный помощник. Он не только имел блестящие возможности и мог добывать очень важную информацию, но и был хорошо подготовлен в оперативном плане. В своём отчете о встречах с Маклейном оперработник писал: «„Гомер“ (псевдоним Маклейна) производит впечатление очень инициативного человека, не нуждающегося в том, чтобы его подталкивали в работе. Он прекрасно ориентируется в международной обстановке и понимает, какие вопросы представляют для нас наибольший интерес. С его стороны не чувствуется желания уклониться от работы с нами. Наоборот, он считает, что слишком редкие встречи не дают ему возможности своевременно передавать разведывательную информацию».

В ответ на полученный из резидентуры отчет о работе с источником из Центра была направлена телеграмма, где указывалось, что в США выезжает для работы с Маклейном специально выделенный для этого работник. Им оказался Анатолий Горский, который длительное время работал с источником в Англии и смог установить с ним очень хорошие отношения. Учитывая это, а также новое положение Маклейна, Центр решил не менять куратора. Так в октябре 1944 года Горский продолжил работу с Маклейном, чему тот был безмерно рад.

После приезда Анатолия Борисовича в США работа с источником значительно оживилась, информационная отдача во много раз увеличилась. За полугодие 1945 года только по телеграфу в Центр было передано содержание 190 секретных документов и 26 агентурных сообщений. Из этих материалов 146 были направлены тов. Сталину и другим высшим руководителям страны.

В США Горский работал с Маклейном всего один год. В ноябре 1945 года по указанию Центра он выехал в Москву. Связано это было с предательством агента резидентуры, который знал Горского как советского разведчика. С Маклейном стал работать другой сотрудник, принадлежность которого к разведке не была известна американским спецслужбам.

За время работы в посольстве в Вашингтоне Маклейн был назначен секретарем англо-американского комитета по атомной энергии, что давало возможность следить за ходом работ по атомной бомбе и новым аспектам в развитии атомной промышленности и научным исследованиям.

Послом Англии в Соединенных Штатах был в то время лорд Галифакс. Поскольку Дональд был прекрасным специалистом и заметно выделялся среди других дипломатов, его постоянно привлекали к подготовке материалов особой важности и срочности.

Самым интересным направлением его деятельности было участие в работе по координации американского Манхэттенского проекта (разработка атомной бомбы. — Н.Ш.). Он добывал некоторые материалы по научно-техническим вопросам. Но главным образом его возможности касались оценки тех или иных разработок, политических аспектов той или иной проблемы, противоречий, возникавших между англичанами и американцами. Его информация по этим вопросам оценивалась в Центре исключительно высоко.

Противоречия между США и Англией к тому времени обострились. Англичане отозвали своих ученых домой для работы над собственным атомным проектом. Маклейн продолжал в посольстве отвечать за поддержание связи с американской Комиссией по атомной энергии. Это давало ему возможность посещать некоторые атомные объекты и учреждения и наряду с выяснением вопросов, необходимых английским атомщикам, собирать нужную Советскому Союзу информацию.

В феврале 1947 года Дональд Маклин был выдвинут на должность содиректора секретариата по координации англо-американско-канадской политики в области ядерной энергии и тем самым получил еще более широкие возможности знакомиться с секретной документацией по атомной проблематике.

В октябре 1947 года у советской разведки произошел провал. Ну а поскольку обстановка осложнилась, Маклейн предложил временно прекратить с ним связь. Центр внимательно рассмотрел эту просьбу и рекомендовал резидентуре работу не прекращать, но усилить конспирацию и встречи проводить не чаще одного раза в месяц.

Отказ сделать перерыв в работе с Маклейном был связан с особым

характером информации, которая от него в это время поступала, в частности по атомной проблематике. Кроме того, важно было также получить данные и о подготовке США и Англии к конференции Совета министров иностранных дел, которая должна была через некоторое время состояться в Лондоне. Такие материалы имелись в английском посольстве к тому времени.

Летом 1948 года Маклейн получил повышение. Он был назначен советником английского посольства в Египте. Ему в это время было 35 лет. Это был самый молодой дипломат на британской дипломатической службе, занимавший такой высокий пост.

О нем говорили как об исключительно способном и блестящем работнике и прочили на высокие должности в Министерстве иностранных дел.

Когда он прибыл в Египет, резидентура внешней разведки в Каире была соответствующим образом сориентирована в отношении организации работы с ним. Однако плодотворной работы с Маклейном не получилось. Большие нервные перегрузки, которые он испытывал на протяжении последних лет, серьезно сказались на его здоровье. Он стал впадать в стрессовые состояния, начал злоупотреблять спиртным. В одном из писем в Москву он выразил желание переехать на жительство в СССР.

В 1950 году Маклейн вернулся в Англию. Через некоторое время он получил новое назначение. Он стал заведующим американским отделом Министерства иностранных дел. Центр разработал план по восстановлению связи с источником и продолжению работы с ним в Англии.

Однако в мае 1951 года обстановка вокруг Маклейна начала осложняться. Американцы, занимавшиеся радиоперехватом наших радиограмм, одновременно проводили работу по их дешифровке. Но им долго не удавалось это сделать. Проводили эту работу и англичане. И все же американцы были удачливее. Они по сообщениям в западной прессе сумели прочесть несколько отрывков из телеграмм, отправлявшихся нашей резидентурой из США. В июне 1950 года им удалось восстановить некоторые фрагменты шифртелеграммы, посланной в Москву в 1945 году резидентурой внешней разведки в США. В телеграмме сообщалось о секретных англо-американских переговорах. Американцы сообщили об этом англичанам. Английская контрразведка определила, что содержание этой информации было известно только восьми лицам. Пользуясь методом исключения, англичане установили, что сведения об этих переговорах советская разведка могла получить лишь от двух лиц, одним из которых являлся Дональд Маклейн. Английская контрразведка МИ-5 организовала негласное расследование этого дела и установила за Маклейном слежку.

Одновременно с английской контрразведкой за развитием событий внимательно следил Ким Филби — советский разведчик, работавший в английской разведке. В это время он находился в США, являясь представителем СИС в ЦРУ. Он своевременно получил от руководителя ЦРУ информацию и решил действовать без промедления.

В США в это время был Гай Бёрджесс — другой источник внешней разведки, который был связан с ним. Филби информировал его о надвигающейся опасности и предложил срочно выехать в Англию, поставить перед советскими товарищами вопрос о немедленном выводе Маклейна в СССР. Филби настаивал на том, чтобы Бёрджесс сопровождал Дональда до обусловленного пункта на континенте, а затем возвратился в Англию. Бёрджесс прибыл в Англию и занялся спасением Маклейна.

Руководство внешней разведки не замедлило с ответом. Резидент получил указание принять все необходимые меры к отправке в СССР Маклейна и согласился с предложением, чтобы Бёрджесс сопровождал его в пути.

Однако выехать из Англии было нелегко. Маклейн уже находился под плотным наружным наблюдением. Контакт с резидентурой поддерживался через Бёрджесса, а он, как сотрудник министерства иностранных дел, заходил в кабинет к Маклейну, заводил разговор на нейтральные темы, тем временем писал на бумаге, что тот должен делать немедленно. Эта предосторожность осуществлялась потому, что кабинет Маклейна наверняка уже прослушивался контрразведкой.

Вечером в пятницу 25 мая 1951 года Бёрджесс заехал домой к Маклейну, они объявили домашним, что заедут на часок в клуб. Дональд прошел наверх, поцеловал детей, жену, и они выехали из дома.

Поездка в клуб была лишь предлогом, на самом деле у Бёрджесса в кармане уже лежали два билета на пароход, отплывавший через полчаса во Францию. Они в последний момент успели сесть на судно, а через несколько часов были в Париже.

Отъезд прошел спокойно, наружного наблюдения не было, начинались выходные дни, и контрразведка, видимо, ограничилась техническим контролем. Как стало позже известно, контрразведка планировала провести допрос Маклейна в следующий понедельник. Но этому не суждено было сбыться. Из Франции путь разведчиков лежал в Швейцарию и Чехословакию. А в воскресенье они были в Москве. (Бёрджесс решил бежать вместе с Маклейном. Хотя Филби его предупреждал, что он проводит Маклейна до Чехословакии и возвратится назад в Англию, Бёрджесс обет нарушил, и Филби ему этого не простил. На его похороны Филби не прибыл.)

В судьбе Маклейна начался новый период. Он прожил в СССР почти 30 лет. Сначала его по соображениям безопасности поселили в Куйбышеве, где он жил до 1955 года. Затем он попросил перевести его в Москву или Ленинград. К нему приехала жена с детьми, семья получила советское гражданство.

После переезда в Москву Дональд сначала был сотрудником журнала «Международная жизнь», а затем перешел в Институт мировой экономики и международных отношений, где проработал до конца жизни. Одновременно он был консультантом во внешней разведке.

Будучи старшим научным сотрудником, Маклейн подготовил

несколько научных работ, защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертацию на тему «Внешняя политика Англии после Суэца». Она получила высокую оценку и была опубликована в СССР, Англии и США.

Талантливый исследователь британской и мировой политики, тонкий аналитик, он внимательно следил и за развитием обстановки внутри СССР. Маклейн направлял обращения в ЦК КПСС, КГБ, в которых излагал свои соображения по ряду аспектов внутренней и внешней политики советского государства.

В политической и экономической областях Маклейн был сторонником проведения реформ, направленных на децентрализацию руководства страной и демократизации общества в целом.

Так, он писал: «…мне представляется наиболее вероятным, что в следующие пять лет (это он писал в 1981 году) в результате благоприятных изменений в высшем руководстве мы окажемся свидетелями улучшения политического, культурного и нравственного климата в Советском Союзе и развертывания целого комплекса реформ, которые затронут самые важные сферы жизни советского народа».

Разведчик, ученый считал, что реформы должны раскрепостить производственные силы страны и дать сильный толчок развитию экономики, культуры, улучшению социальных условий жизни народа и в целом укрепить советское государство.

Что касается жизни Маклейна в СССР, то она складывалась интересно и благополучно. Творческая работа увлекла его. Он постоянно был занят исследованием интересовавших его проблем, подготовкой научных кадров, докладов и статей, участвовал в конференциях и «круглых столах». Однажды он сказал своему близкому другу Джорджу Блейку: «Вместо того чтобы стать алкоголиком, я стал работоголиком». Кстати: Д. Блейк — советский разведчик, был арестован и осужден в Англии на 42 года тюремного заключения. Из тюрьмы бежал и живет сейчас в Москве.

У Дональда было много друзей и знакомых из числа сотрудников своего института и других научных учреждений. Маклейн был внимателен к коллегам, и если кто-то обращался к нему за помощью, то никогда не получал отказа. Его мягкий характер и добрая улыбка вызывали ответную благожелательную реакцию. Он овладел русским языком, говорил и писал без ошибок.

В отличие от Дональда, жена и дети не могли адаптироваться к жизни в СССР, и Маклейн страдал от того, что вырвал их из привычной и родной для них среды.

В конце 70-х годов его сыновья, которые уже имели свои семьи, решили вернуться на родину. Дональд всячески старался помочь оформить документы, необходимые для их возвращения в Великобританию.

К несчастью, Дональд заболел раком. Он это знал, но, будучи мужественным человеком, старался сделать все для членов своей семьи, чтобы у них не возникло осложнений после его смерти. Один за

другим Союз покинули все члены его семьи. Он остался в одиночестве. Особенно скучал по своей маленькой внучке, к которой был сильно привязан.

Последние два года провел один. Его хозяйство вела домработница, добрый и отзывчивый человек. Не покидали его и друзья.

У Дональда была летняя дача. Он получал большое удовольствие, отдыхая в тени цветов, выращивал ягоды и овощи. Зимой он страстно любил лыжи и целыми днями пропадал на лыжне в подмосковных лесах.

Болезнь Дональд переносил мужественно. До последнего дня работал над коллективным трудом, который он редактировал.

Незадолго до кончины Дональда к нему в гости приезжали его младший брат Алан и старший сын Ферпос. Но болезнь прогрессировала, и в связи с резким обострением его поместили в одну из лучших клиник Москвы. Медицина оказалась бессильна, и 9 марта 1983 года замечательный разведчик закончил свой земной путь.

Гражданская панихида, состоявшаяся в актовом зале института, превратилась в трогательное прощание с человеком, которого уважали и любили. Проститься с Дональдом пришло много людей. Выступали академики, научные сотрудники, представители внешней разведки и люди, хорошо знавшие своего товарища.

Тело Маклейна было кремировано. Урну с прахом увез в Англию его сын Ферпос, чтобы, согласно завещанию отца, похоронить в семейном склепе на его родине.

В библиотеке Института мировой экономики и международных отношений висят портреты знаменитых ученых. Среди них — портрет Дональда Маклейна.

Легендарный советский разведчик поистине заслужил такое весомое уважение и великую честь.

Известный наш разведчик-нелегал Джордж Блэйк [7] (1922 г.р.) в своей книге «Иного выбора нет» писал, что уважение к этому человеку у сотрудников института и его друзей было настолько велико, что долгое время после его кончины у портрета Дональда всегда лежали живые цветы, которые приносили сотрудники, его друзья и поклонники.

«Нельзя сказать, — пишет в своей книге „Годы в большой политике“ бывший директор Службы внешней разведки РФ Е.М. Примаков, — что Маклейн не любил Британию, особенно Шотландию. Но он был патриотом Советского Союза, исходя исключительно из идеологических соображений».

Боевые и трудовые заслуги Дональда Маклейна перед нашей великой державой отмечены по достоинству советскими орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

---

[7] В настоящее время Джордж Блэйк живёт в Москве.

Советский разведчик А.М. Коротков (1909–1961)

В ночь на 22 июня 1941 года советское посольство в Берлине было на осадном положении. Война стала реальностью. Вход и выход из здания посольства был закрыт. Охранным отрядом командовал офицер СС Хейнеманн. Единственным человеком, кто мог выехать из посольства, был первый секретарь посольства В.М. Бережков (позже был переводчиком Сталина). Но он мог проследовать по строго определенному маршруту и обязательно в сопровождении Хейнеманна. Бережков, как дипломат, был выделен для связи с МИДом Германии и по вызову из этого министерства выезжал для переговоров, которые касались в основном вопросов процедуры обмена дипломатическим составом посольств.

В один из осадных дней из гаража посольства к парадному подъезду подали служебную машину «Опель-олимпия». За руль сел Бережков, рядом с ним, как обычно, уселся Хейнеманн, а на заднем сиденье находился третий пассажир. Машина тронулась на выезд. На этот раз путь лежал не на Вильгельмштрассе — в тот день советского представителя не вызывали в МИД, и поэтому машина проехала по городу и остановилась у большого универсального магазина. Пассажир вышел и на пожелание Хейнеманна «счастливого свидания» дружески махнул рукой. Машина тут же исчезла за поворотом.

Из машины вышел человек лет тридцати. Это был Александр Михайлович Коротков, заместитель резидента советской внешней разведки в Берлине. Он не торопясь прошёл по магазину, смешался с толпой покупателей, поднялся на лифте на третий этаж и через пять минут оказался у выхода из магазина уже на другую улицу. За эти минуты он прошёл короткий, но весьма надёжный проверочный маршрут внутри магазина, которым пользовался раньше, и, не обнаружив за собой слежки, сел в подошедший к остановке трамвай. Через несколько остановок он вышел, поднялся по малолюдному переулку вверх. Никаких признаков наружного наблюдения замечено не было.

Примерно через час «Опель-олимпия» подъехала к уже упомянутому универсальному магазину, Разведчик уже был на месте. Он не спеша подошёл к машине и через минуту занял прежнее место на заднем сиденье.

— Ну как, встретились? — обернувшись, спросил Хейнеманн.

— Да, все нормально, она была очень рада. Благодарю вас, возможно, больше не придётся увидеться с моей Гретхен.

— Что поделаешь, война, — вздохнул немец.

Машина въехала во двор посольства. Хейнеманн вышел.

Вылазка Короткова в город дала много. Она позволила разведчику провести инструктаж одного из руководителей антифашистской организации «Красная капелла» в отношении ее действий и поддержания связи в условиях военного времени.

Поездке А. Короткова в город предшествовала серьёзная

подготовительная работа. Сотрудники резидентуры обратили внимание на то, что офицер СС Хейнеманн, уже немолодой человек, был дружелюбно настроен по отношению к сотрудникам посольства. В беседах с В. Бережковым жаловался на трудности в связи с болезнью жены, высказывал беспокойство за судьбу сына, который заканчивал военное училище, говорил о денежных затруднениях в связи с лечением жены.

Посольство было заинтересовано в налаживании добрых отношений с начальником охраны. Особый интерес к Хейнеманну был также и у резидентуры. От него зависело многое. Поэтому Бережкову было рекомендовано руководством посольства проявлять повышенные знаки внимания к Хейнеманну и, в частности, приглашать его на кофе, на обед и т.д. Так велась работа по подготовке выезда оперработника в город.

Хейнеманн был общительным человеком, скоро он вместе с Бережковым завтракал, обедал, а инока и ужинал. Повар трудился вовсю, и на столе всегда были хорошая еда и напитки. Хейнеманн был доволен отношением к нему сотрудников посольства и со своей стороны старался не создавать особых неудобств для дипломатов.

В резидентуре пришли к выводу, что немцу можно дать деньги, поскольку тот остро нуждается в них.

В одной из бесед, когда речь зашла о деньгах и Хейнеманн сокрушался по поводу предстоящих расходов, Бережков предложил ему рейхсмарки.

— Я был бы рад вам помочь, господин Хейнеманн, — заметил как бы вскользь Бережков. — Я довольно долго работаю в Берлине и откладывал деньги, чтобы купить большую радиолу. Но теперь это не имеет смысла, и деньги все равно пропадут. Нам не разрешили ничего вывозить, кроме одного чемодана с личными вещами и небольшой суммы денег на карманные расходы. Мне неловко делать такое предложение, но, если хотите, я могу дать вам тысячу марок (на самом деле это были деньги резидентуры).

— Я очень благодарен за это предложение, — помолчав, сказал Хейнеманнн. — Но как же я могу так запросто взять такую крупную сумму? Мне совсем это неудобно.

Уговаривать немца долго не пришлось. Вскоре деньги были у него в кармане. По окончании беседы Хейнеманн ещё раз поблагодарил Бережкова и сказал:

— Я был бы рад, если бы имел возможность быть вам чем-либо полезным…

— Мне лично ничего не нужно, — ответил Бережков, — вы просто мне симпатичны и я рад вам помочь.

На следующий день оберштурмфюрер вновь вернулся к разговору о деньгах и снова поблагодарил дипломата, выразив сожаление, что не может его отблагодарить.

— Видите ли, господин Хейнеманн, как я уже говорил, мне самому ничего не нужно. Но один из работников посольства, мой приятель,

просил об одной услуге. Это чисто личное дело.

Бережков рассказал придуманную резидентурой историю о дружбе его друга с немецкой девушкой. Но ввиду того, что война началась внезапно, друг не смог попрощаться и хотел хоть на часок вырваться к ней. Немец задумался, затем предложил вариант выезда из посольства (что и было изложено выше).

Через пару дней Бережков договорился с Хейнеманном ещё об одной поездке его друга в город. За два часа Александр Михайлович провел встречу с другим руководителем «Красной капеллы», проинструктировал его о работе в период войны, передал условия связи с Центром, снабдил деньгами и явками на другие страны.

Коротков внимательно следил за поведением Хейнеманна (не окажется ли он провокатором), будучи трезвым аналитиком и проницательным человеком, почувствовал, что немец не пойдёт на провокацию, и твёрдо решил действовать. Это дало возможность, казалось бы в немыслимо трудных условиях, найти выход и решить сложнейшую разведывательную задачу.

Александр Михайлович, по отзывам хорошо знавших его товарищей, был одним из наиболее талантливых сотрудников внешней разведки, как говорится, разведчик с искрой божьей.

Ещё до войны он успешно работал за границей, в том числе в нелегальных условиях. В последние дни войны руководил опергруппой в Берлине, на которую помимо разведывательных функций была возложена организация работы по принятию союзными представителями капитуляции от немецкого Верховного командования.

Сразу же по окончании войны Коротков был назначен первым резидентом советской внешней разведки в Берлине. В дальнейшем он неоднократно выезжал за границу, главным образом в страны с кризисными ситуациями.

В дальнейшем А. Коротков вырастет от рядового оперработника до заместителя начальника разведки.

Александр Михайлович Коротков (1909–1961 гг.) родился в Москве в семье банковского служащего. Отца никогда не видел — жена ушла от него ещё до рождения Саши. Закончил школу-девятилетку и работал электромонтёром, отдавая свободное время теннису. В девятнадцатилетнем возрасте один из его партнёров, бывший секретарь Ф.Э. Дзержинского Герсон пригласил его на работу в ОГПУ в качестве… лифтёра. Красивый, высокий (рост 185 см), старательный парень был, как говорится, «замечен» и уже через год, в 1929 году, принят на службу в качестве делопроизводителя Иностранного отдела ОГЛУ. Отделом в то время руководил Михаил Трилиссер, которого сменил Артур Артузов. По долгу службы Коротков знакомился со многими секретными документами, однако ещё не был аттестован в качестве хотя бы младшего оперуполномоченного. Кандидатом в члены ВКП(б) стал лишь в 1932 году (членом — семь лет спустя). Тогда же был назначен оперуполномоченным. От общественных нагрузок не уклонялся. Будучи пионервожатым в

лагере, он познакомился с хорошенькой и умной вожатой Марусей Вилковыской, позже она станет его женой.

А. Коротков старательно изучал французский и немецкий языки. Немецким владел в такой степени, что мог отправиться за границу под видом иностранца. Его жена прекрасно владела немецким и другими иностранными языками. Поэтому появление «австрийской» семьи в Швейцарии ни у кого не вызывало подозрений.

Одним из первых заданий, с которым Александр Коротков успешно справился, было выяснение сущности «Гефы» — представительства германского Генерального штаба в Москве. Он установил, что если раньше, до Гитлера, оно действительно занималось вопросами сотрудничества штабов, то с 30 января 1933 года стало по-настоящему шпионской резидентурой. Его выводы, подкреплённые и другими источниками, дошли до самых верхов, и «Гефа» была прикрыта.

Затем Короткова стали готовить к работе за рубежом. Помимо иностранных языков он изучал быт и нравы европейцев, географию и экономику зарубежных стран, специальные дисциплины, в том числе и наружное наблюдение, в процессе занятий по которому за свой высокий рост получил первую оперативную кличку «Длинный».

В 1933 году его направили в нелегальную резидентуру Александра Орлова («Швед»), будущего руководителя «Кембриджской пятёрки», резидента в республиканской Испании, а затем беженца, тихо скончавшегося в США в 1973 году. А в 1933 году «Швед» организовал в Швейцарии группу нелегалов, задачей которой стало проникновение, ни много ни мало, в Генеральный штаб Франции.

Через два месяца Коротковы переехали во Францию. Александр Михайлович вошёл в состав нелегальной резидентуры, которая вела работу по сбору информации, связанной с военно-стратегической проблематикой. Приход Гитлера к власти в Германии оказал серьёзное влияние на военно-политическую обстановку в Европе. Перед резидентурой стояла задача получения сведений об оценке боевых возможностей французской армии и ее способности противостоять растущей мощи германских вооруженных сил, о складывающихся военно-политических группировках на Европейском континенте, а также характеристик новых видов вооружения и боевой техники. В это время Коротков поступает учиться в Парижский радиотехнический институт, который давал возможность не только расширить общеобразовательную и специальную подготовку, но и обеспечить надёжную легальную базу для разведывательной работы.

Примерно через год, выполнив поставленную Центром задачу, Коротков вернулся в Москву.

В 1937 году Коротков выехал в загранкомандировку уже по линии «легальной» разведки в Берлин под прикрытием стажёра советского посольства. Работал там успешно, приобрёл источника информации в одном важном объекте страны.

Летом 1938 года по решению Центра разведчик прервал свою работу в Берлине и выехал для выполнения разведывательного

задания во Францию. Эта поездка осуществлялась по нелегальному каналу с использованием иностранных документов. После выполнения задания в том же году он вернулся в Москву.

Прошло 10 лет с тех пор, как Александр Коротков впервые переступил порог здания ОГПУ на улице Дзержинского. Работа за рубежом многому научила, раскрыла такие его качества, как смелость, целеустремлённость, решительность, добросовестность. И вот неожиданность…

1 января 1939 года А. М. Короткова уведомили о том, что он уволен из органов государственной безопасности. Этому решению предшествовала беседа у наркома внутренних дел Л. Берии.

Как показал один из ветеранов разведки, работавший в тот период в отделе вместе с Коротковым, к Берии была вызвана группа работников отдела. Берия начал с того, что стал у каждого спрашивать, кем тот работает, как идут дела, есть ли трудности. Одновременно задавал вопросы по биографии. Когда очередь дошла до Короткова, Берия спросил его, был ли тот за границей. Александр Михайлович стал подробно рассказывать, Когда и в каких странах работал. Однако Берия прервал его и заявил:

— Раз был за границей, значит тебя завербовали.

Коротков побледнел и начал доказывать, что никто не сможет его завербовать, т.к. он патриот своей Родины и готов за неё отдать жизнь. Однако Берия повторил, что в разведке Коротков больше работать не будет. Присутствующие сотрудники пытались защитить своего коллегу, однако ничего не вышло.

Через пару дней появился приказ об увольнении А.М. Короткова из разведки. Однако комсомольцы отдела не согласились с принятым решением и направили делегацию к секретарю парткома с требованием пересмотреть дало. Комсомольцы заявили, что ручаются за преданность своего коллеги и полностью доверяют ему.

Сам Александр Михайлович написал рапорт, в котором изложил следующее:

«…Я считал, что шёл на полезное дело и ни минуты не колебался, подвергая себя риску поплатиться за это головой… Отчётливо понимаю необходимость профилактических мер, но… я не заслужил недоверия… Не вижу за собой поступков, которые могли быть причиной лишения меня чести работать в органах. Оказаться в таком положении беспредельно тяжело и обидно».

Обращение в партком молодых сотрудников и рапорт Короткова сыграли свою роль. Александр Михайлович был восстановлен в должности, а вскоре направлен на работу за границу. Случай по тем временам редкий, но довольно красноречивый. Перед сплоченными действиями коллектива спасовал даже Берия. Во второй половине 1940 года Коротков прибыл в Германию в качестве заместителя резидента «легальной» резидентуры в Берлине.

Молодость и энергия помогли Короткову справиться с тем огромным объёмом работы, который пришёлся на его долю: по

несколько встреч в день с агентурой, отчёты о состоявшихся беседах, подготовка телеграмм и оперативных писем в Москву и многое другое. В некоторых случаях приходилось выезжать на встречи с ценной агентурой за пределы Берлина. И, как всегда, Александр Михайлович тщательно готовился к каждому оперативному мероприятию.

Однажды возникла острая ситуация, которая поставила под вопрос дальнейшее пребывание Короткова в Берлине. Опытный агент Центра «Червонная» попала в засаду гестапо. Возникло опасение, что провалившийся агент может навести гестапо на след разведчика. Ему было приказано прекратить встречи с агентурой и срочно прибыть в Москву для выяснения ситуации.

Через некоторое время Коротков снова прибыл в Берлин. В числе первых он встретился с руководителем подпольной антифашистской группы Сопротивления «Корсиканцем» — Арвидом Харнаком, правительственным советником Министерства экономики.

Вопрос о выступлении Германии против СССР — дело решенное, сообщил «Корсиканец», едва обменявшись рукопожатием с Коротковым.

Информация о форсированной подготовке Германии к войне против СССР шла из Берлина в Центр непрерывным потоком, однако каким-либо заметным образом Москва на это не реагировала.

Обеспокоенный складывающейся ситуацией, Александр Михайлович 20 марта 1941 года направил личное письмо на имя наркома государственной безопасности СССР Л. Берии.

«Тов. Павлу (псевдоним Берии). Лично.

В процессе работы с „Корсиканцем“ от него получен ряд данных, свидетельствующих о подготовке немцами военного выступления против Советского Союза на весну текущего года. Анализ этих сведений даёт следующую картину.

В октябре 1940 года К. сообщил: „В ближайшее время предстоит военная оккупация немцами Румынии. Эта оккупация явится предварительным шагом против СССР, целью которой является отторжение от Советского Союза территории западнее линии Ленинград — Чёрное море, создание на ней полностью находящегося в немецких руках правительства. В остальной части Советского Союза должно быть образовано дружественное Германии правительство“.

Знакомый „Корсиканца“, принц З., имеющий связи в военных кругах, заявил ему, что подготовка удара против СССР стала очевидностью. Об этом свидетельствует расположение сконцентрированных на нашей границе немецких войск. Немцев очень интересует железная дорога Львов—Одесса, имеющая западную колею. Другой подисточник „Корсиканца“ Ц., знакомый с людьми из бюро Риббентропа и службы безопасности СС, ссылаясь на свой разговор с двумя фельдмаршалами, заявил, что Германия в мае выступит против СССР.

От других лиц „Корсиканец“ получил аналогичные данные. Например, немцы подготавливают карты расположения наших

промышленных районов; лица, владеющие русским языком, получили извещения, что в случае мобилизации они будут использованы в качестве переводчиков при военных трибуналах; двоюродный брат „Корсиканца“ сообщил, что в процессе зондирования почвы об отношении к Гитлеру военного руководства также сложилось впечатление о подготовке войны против СССР. Состоялся разговор с уполномоченным „Форшунгсамта“ (служба подслушивания Геринга). Он высказал личное мнение, что операции против Британских островов отсрочены, сначала последуют действия в районе Средиземного моря, затем против СССР и только потом против Англии. Как теперь сообщает „Корсиканец“, царит общее мнение, что операции против Англии отложены…»

Далее Коротков просил наркома дать указание соответствующему отделу проанализировать всю имеющуюся по этому вопросу информацию и дать оценку развития событий в Германии. О результатах анализа и радении руководства он просил сообщить в резидентуру телеграфом, подчеркнув, что время не терпит.

Однако ответ в резидентуру так и не пришёл. Письмо Короткова не получило заслуживающей оценки со стороны руководства НКВД и было списано в его личное дело.

В марте 1941 года Александр Михайлович по указанию Центра установил связь со «Старшиной», который входил в группу «Корсиканца». «Старшина» — Харро Шульце-Бойзен — оказался исключительно информированным человеком в военно-политических вопросах и убеждённым противником нацизма.

Он работал в 5-м отделе Института исследований, выполнявшего функции разведки в Министерстве авиации.

Харро Шульце-Бойзен произвёл хорошее впечатление на Александра Михайловича. Это был целеустремлённый, решительный офицер, который пошёл на контакт с советскими представителями по политическим убеждениям, понимая, что борьбу с фашизмом в одиночку не выиграть.

На основе полученной от «Корсиканца» и «Старшины» информации, а также используя материалы других источников, внешняя разведка регулярно информировала высшее руководство страны о нависшей над страной военной угрозе, ходе разработки планов военных действий и сроках немецкого наступления. Однако Кремль адекватной реакции не проявил. В немалой степени этому способствовало то, что фашистские специальные службы осуществляли большую работу по дезинформации СССР с использованием агентуры и технических средств, чтобы ввести советское руководство и командование Красной армии в заблуждение. К сожалению, это им удалось сделать.

Разведка, тем не менее, сумела принять ряд мер по подготовке агентурной сети в Германии к работе в условиях военного времени.

С началом войны связь с группой «Старшины» прервалась, т.к. немцы заняли все города, где находились принимающие радиостанции.

Надо было срочно восстановить связь, а также готовить новых

агентов для засылки в Германию.

Попытки переправить связных в Берлин по тем или иным причинам закончились безрезультатно. Пришлось обратиться за помощью к руководству Разведуправления Генштаба. Нелегал ГРУ Анатолий Гуревич («Кент») сумел из Бельгии добраться до Берлина и восстановить связь. Но произошла трагедия: шифровка, в которой для Гуревича сообщались адреса, фамилии наших агентов и пароли, была немцами расшифрована. Так начался крах берлинской «Красной капеллы». Шульце-Бойзен, Харнак, Шумахер и другие ее участники — несколько десятков мужчин и женщин — были схвачены гестапо и повешены или гильотинированы. Но до своей гибели они все же успели передать через «Кента» ценную информацию о планах немцев под Москвой осенью 1941 года и наступательных операциях лета 1942 года.

В марте—апреле 1941 года в берлинскую резидентуру было направлено указание руководства внешней разведки об организации прямой связи ценной агентуры с Центром. В этом указании, в частности, говорилось: «Создавшаяся обстановка требует принятия строгих мер по переводу основной, наиболее ценной агентуры на прямую радиосвязь с нами, т.е. создания нескольких нелегальных резидентур, которые могли бы осуществлять связь с Москвой по радио».

Однако времени на создание нелегальных звеньев внешней разведки, обучение её персонала работе на рации, закрепление этих навыков на практической работе не хватило.

27 июля 1941 года А.М. Коротков вместе с интернированным составом посольства покинул Германию. В турецком городе Эдирне советские сотрудники были переданы немцами представителям турецких властей и сотрудникам советского посольства в Турции. Через несколько дней Александр Михайлович был уже в Москве.

В августе 1941 года Коротков был назначен заместителем начальника немецкого отдела ГУГБ НКВД. В ноябре он уже стал начальником отдела, на который во время войны было возложено ведение разведывательной работы на территории Германии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Югославии, Греции.

Положение Короткова как начальника отдела было чрезвычайно сложным. Связь со многими источниками информации в Германии была с началом войны потеряна. Война с Германией сделала невозможным пребывание «легальных» резидентур в тех странах, которые выступили союзниками Гитлера против СССР (кроме Болгарии). В результате репрессий 1937–1938 годов из Германии и других европейских стран были отозваны разведчики-нелегалы. Многие из них были репрессированы.

А.М. Короткову приходилось прилагать в этих условиях огромные усилия, чтобы, по сути дела, воссоздать агентурный и нелегальный аппарат, решать возникающие сложные задачи, налаживать взаимодействие с соответствующими подразделениями НКВД, а в некоторых необходимых случаях — и с Разведупром РККА.

Немало агентурных групп, подготовленных под руководством Короткова, успешно выполняли задания в тылу врага. Для переброски разведчиков в Германию и соседние с ней страны использовался метод внедрения агентуры в среду трудоспособного населения, вывозившегося в Германию из оккупированных областей СССР на принудительные работы.

Ряд мероприятий по переброске и документированию нелегалов осуществлялся в контакте с английскими спецслужбами. Подготовленные в отделе Короткова нелегалы стали прибывать в Англию в начале 1942 года. Здесь их размещали на конспиративных квартирах, обеспечивали соответствующей экипировкой, документами и затем перебрасывали на территорию Германии и в оккупированные ею европейские страны. За время войны на вражескую территорию было заброшено таким образом около двадцати разведчиков. Однако следует отметить, что, несмотря на огромную работу по задействованию этого контингента, положительных результатов получено не было. Заброшенные в тыл противника разведчики бесследно исчезали. В дальнейшем их судьбу установить не удалось.

Александр Михайлович часто бывал на фронте, где на месте решал острые оперативные вопросы.

После освобождения Румынии, Польши и Югославии Коротков выезжал в эти страны для того, чтобы на месте детально разобраться в складывающейся военно-политической обстановке и организовать информационное освещение непростой политической ситуации в этих странах, включая послевоенное государственное устройство.

К концу войны на территории Германии уже действовало несколько оперативных групп, которые снабжали информацией руководство страны и командование Красной армии. По окончании войны оперативные группы, действовавшие на территории Германии, были объединены. В результате создалась первая послевоенная резидентура советской внешней разведки под прикрытием Аппарата военной администрации в Германии. Первым резидентом берлинской резидентуры в октябре 1945 года был назначен Александр Михайлович Коротков.

В жизни иногда происходят интересные вещи. Здесь, в Берлине, в должности заместителя резидента Александр Михайлович встретил тревожные дни начала войны 1941 года. Он твёрдо верил тогда, что мы победим, но и понимал, что впереди тяжёлые, кровопролитные годы бескомпромиссной борьбы.

Теперь, после победы, он снова в Берлине и в той же резидентуре, но уже в качестве ее резидента. Смешанные чувства одолевали его. С одной стороны, радость победы, а с другой — тяжёлый груз на сердце, горечь утрат боевых друзей, неизвестность судьбы многих, кто выполнял боевые задания за линией фронта. А сколько тревог пришлось пережить Короткову, когда заброшенный в тыл противника разведчик долго не выходил на связь! Немало было случаев, когда эти храбрые ребята так и не дали о себе знать.

По официальной должности прикрытия Александр Михайлович был заместителем политсоветника. Положение позволяло ему часто

общаться с маршалом Советского Союза Георгием Константиновичем Жуковым. Г.К. Жуков в ту пору был Главнокомандующим Группой советских войск в Германии — ГСВГ. Маршал почти всегда принимал вне очереди полковника Короткова, поскольку был уверен, что услышит от Александра Михайловича важные новости, которые он ежедневно докладывал Главнокомандующему.

Жуков с уважением относился к Короткову за его аккуратность, осведомлённость, надёжность и достоверность поступавшей от него информации. Порой данные поступали из таких сфер, что однажды маршал не удержался и спросил:

— Как же вам удалось забраться туда?

— А что делать, товарищ маршал, — отвечал Коротков, — волка ноги ведь кормят.

Жуков усмехнулся и сказал:

— Это правильно, волка кормят ноги, но разведчику, как я понимаю, к ногам нужна ещё и хорошая голова. Верно я говорю?

— Совершенно справедливо, товарищ маршал.

И оба рассмеялись.

А. Коротков проработал в Берлине до конца 1946 года. По возвращении в Москву он был назначен начальником одного из подразделений внешней разведки. Большое внимание он уделял организации разведывательной работы с нелегальных позиций. Под руководством Короткова были подготовлены десятки разведчиков-нелегалов. Александр Михайлович был «крёстным» таких видных разведчиков-нелегалов, как супруги Михаил и Галина Фёдоровы, Мария де Лас Эрас Африка, Михаил и Анна Филоненко, Конон Молодый, Леонтина и Моррис Коэн, Вильям Фишер (Рудольф Абель) и многие другие разведчики.

А. Коротков отчётливо понимал, что в период военных действий или крупномасштабных кризисных ситуаций эффективно вести разведывательную работу удастся в только с нелегальных позиций. В это время также был сделан значительный шаг и в плане теоретических разработок, и на путях более широкого применения нелегальных форм работы. Заслуга Короткова в этом деле огромна.

В марте 1957 года А. Короткова назначили уполномоченным КГБ при СМ СССР по координации с связи с МГБ и МВД ГДР. На его плечи легло руководство самым крупным подразделением советской разведки за границей, ориентированным на ведение активной разведывательной работы по НАТО. Помимо этого, аппарат осуществлял сотрудничество с органами безопасности ГДР, оказывал непосредственную помощь нашим военным разведчикам, действовавшим с территории ГДР. Были налажены хорошие отношения с начальником разведки ГДР Маркусом Вольфом.

Довольно интересно рассказывал о стиле работы Короткова один из руководителей нелегальной разведки Николай Алексеевич Корзников, длительное время работавший вместе с ним.

«При разработке важных операций, — говорил Корзников [8], — Коротков обязательно приглашал к себе в кабинет непосредственных исполнителей. Бывало, он закрывался с ними в своём кабинете и в деталях прорабатывал предстоящее мероприятие. Их можно было застать без пиджаков, с засученными рукавами, ползающими по топографическим картам на полу».

Коротков был доступен рядовым сотрудникам, регулярно общался с ними. Вместе с тем он был весьма требовательным начальником, иногда даже жёстким, особенно по отношению к тем, кто старался работать вполсилы, ленился, был неискренним. С сотрудниками, работавшими творчески и добросовестно, он всегда общался как с товарищами, был внимательным к их делам, служебным и личным.

В конце июня 1961 года Александр Михаилович прибыл в Москву на совещание руководящих работников КГБ. Одновременно он побывал в ряде правительственных учреждений для решения имевшихся проблем в берлинском аппарате. Утром 27 июня он посетил административный отдел ЦК КПСС на Старой площади. Вышел оттуда хмурый, недовольный беседой. Видимо, не во всём нашёл взаимопонимание. К тому же и отношения с председателем КГБ Александром Шелепиным желали тогда быть лучшими.

После посещения ЦК Коротков отправился на стадион «Динамо». Он ещё утром созвонился с Иваном Александровичем Серовым, бывшим председателем КГБ, и договорился поиграть с ним в теннис.

Занятие спортом, езда на автомашине, игра в теннис или в шахматы всегда помогали А. Короткову сохранять душевное равновесие и успокаиваться после частых волнений.

Он рассчитывал, что и на этот раз игра поможет ему вернуть бодрость, поднимет настроение. Во время игры он нагнулся за мячом — и острая боль пронзила сердце. Александр Михайлович тут же потерял сознание. Сразу бросились вызывать врача, чтобы оказать первую медицинскую помощь. И буквально через несколько минут его сердце перестало биться.

Один из сотрудников, близко знавших А.М. Короткова, услышав о случившемся, сказал: «Советская внешняя разведка потеряла одного из своих наиболее талантливых и неординарных разведчиков-профессионалов».

Боевой путь Александра Михайловича Короткова отмечен многими государственными наградами: орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, нагрудным знаком «Почётный сотрудник госбезопасности». Он был также награждён и иностранными орденами. В 1946 году правительство Югославии наградило его орденом «Партизанская звезда I степени», а в 1958 году правительство ГДР наградило орденом «За заслуги перед Отечеством» в золоте.

Похоронен А.М. Коротков на Новодевичьем кладбище в Москве.

---

[8] Полковник, заместитель начальника нелегальной разведки Н.А. Корзников.

Наум Эйтингон приказ Сталина выполнил

Как известно, первое покушение на Троцкого было совершено в ночь на 20 мая 1940 года. Руководил операцией С.М. Шпигельглас. Проведение операции на месте было поручено Науму Эйтингону. Группу нападения на виллу Троцкого возглавил художник Давид Сикейрос — псевдоним «Конь». Для усиления группы боевиков по указанию Берии из Москвы в Мексику в феврале 1940 года прибыл разведчик-нелегал И. Григулевич — псевдоним «Юзек». В его обязанности входило установить контакт с внедренным советской разведкой в охрану Троцкого агентом под псевдонимом «Амур». Он был завербован нью-йоркской резидентурой советской разведки и прибыл в Мексику в начале апреля 1940 года.

Настоящее имя агента-американца — Роберт Шелдон Харт. Установив контакт с «Амуром», Григулевич передал ему значительную сумму денег и договорился, что тот во время ночного дежурства откроет ему и его боевикам ворота виллы Троцкого.

В назначенное планом операции даты (в ночь на 20 мая 1940 года) 20 боевиков группы «Конь», переодетых в форму мексиканской полиции и армии и руководимых Григулевичем и Сикейросом, на четырёх машинах прибыли к вилле Троцкого. Группа была вооружена редкими по тем временам автоматами и другими спецсредствами. Как было обусловлено, Р.Ш. Харт по сигналу Григулевича открыл ворота виллы, и боевики в одно мгновение ворвались на её территорию. Они перерезали телефонные провода и стремительно проникли во внутренний двор. Штурмовая группа открыла шквальный огонь по дому, в основном по спальне Троцкого. Ошеломленная охрана не смогла оказать никакого сопротивления. Однако Троцкому и его жене удалось укрыться на полу под кроватью и они не пострадали во время обстрела.

Израсходовав все боеприпасы, нападавшие скрылись. Нападение длилось всего 20 минут. Прибывшая на виллу полиция установила, что ни замок ворот, ни одна из дверей не были взломаны. Было установлено также, что исчез охранник виллы Р. Харт. Примерно через месяц его труп был обнаружен захороненным в земле недалеко от населенного пункта Санта-Роса на земельном участке, принадлежавшем сообщнику Сикейроса — электрику Мариано Э. Васкесу.

Начальник секретной части мексиканской полиции полковник Санчес Салазар, расследовавший это дело, пришел к выводу, что Р. Харт был убит нападающими как нежелательный свидетель. Однако Троцкий не поверил и распорядился прикрепить при входе на виллу мемориальную табличку с надписью: «В память Роберта Шелдона Харта, 1915–1940 гг., убитого Сталиным». Однако, по свидетельству Н. Эйтингона, Р. Харт действительно был ликвидирован нападавшими как нежелательный свидетель.

Убил его шурин Д. Сикейроса Луис Ареналь двумя выстрелами из пистолета в голову, когда тот спал.

О неудавшемся покушении на Троцкого руководивший операцией

Н. Эйтингон доложил Берии. 8 июня 1940 года Берия направил на имя Сталина сообщение. В нем говорилось:

«В ночь на 20 мая 1940 года совершено нападение на виллу Троцкого. Наиболее полно обстоятельства освещает американская газета „Уорлд Телеграф“. Приводим выдержки…»

Через несколько дней Л. Берия и П. Судоплатов были вызваны к Сталину, которому доложили подробности покушения. Генсек был спокоен и предложил осуществить альтернативный план покушения. Он сказал, что акция против Троцкого будет означать полное крушение всего троцкистского движения, и предложил послать Эйтингону телеграмму с выражением своего полного доверия.

Итак, первая попытка убийства Троцкого не удалась. Он, однако, был обречен.

А сейчас поговорим о личности Троцкого и его взаимоотношениях со Сталиным.

Непримиримая борьба, которую Сталин вёл против Троцкого на протяжении 16 лет, закончилась физическим устранением политического противника генсека ВКП(б). По мнению большинства коммунистов того времени, Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн) был просто карьеристом, который ради достижения лидирующего положения в партии стал открытым врагом ленинизма, навязывая ВКП(б) чуждые ей взгляды и идеи, разрушал партию, созданную В.И. Лениным, что обостряло его борьбу со Сталиным и делало «демона революции» ещё и личным непримиримым его врагом.

Можно смело утверждать, что если бы Троцкий остался после Октября вне партии большевиков, как он был до этого все время, то вполне возможно, и не было бы всей «борьбы» в партии, не было бы и «сталинизма». Троцкий буквально «отравил» собой все отношения внутри партии, внес в нее брожение, как некий «грибок», — это совершенно несомненно для любого историка, объективно и внимательно изучающего историю партии большевиков на фоне всего российского революционного движения.

Борьбу «сталинизма» против «троцкизма» абсолютно нельзя рассматривать исключительно как соперничество между Сталиным и Троцким за лидерство в партии, как сегодня это пытаются сделать скрытые сторонники Льва Давидовича, называющие его «выдающимся революционером».

Троцкий настоящим революционером не был, а если и примкнул к революционному движению в России, то только потому, что в условиях царского режима головокружительная карьера, о которой он втайне мечтал, ему «не светила». Борьба между Сталиным и Троцким велась по одному, крайне принципиальному вопросу: возможно ли построение социализма в одной, отдельно взятой стране, к тому же такой относительно отсталой, как Россия? Сталин вслед за Лениным считал, что это вполне возможно. Троцкий же в противовес Ленину и Сталину выдвинул свою «теорию», согласно которой для победы социализма необходимо пожертвовать завоеванием Октября и стимулировать мировую революцию.

Как известно, Ленин считал, что на долю народа России выпал уникальный исторический шанс проложить дорогу к социализму остальным странам. Троцкий решительно противился этому видению всемирно-исторической роли российского пролетариата и его союзников. Вместо курса на мирное социалистическое строительство он выдвинул теорию «перманентной революции», что в тех исторических условиях было не просто глупостью, но и откровенным предательством идеалов Октября. «Революционный поход» против всемирной буржуазии мог неизбежно закончиться лишь объединением её усилий по удушению советской власти.

После смерти Ленина в январе 1924 года в созданной им партии разгорелась жестокая внутренняя борьба, вскоре вылившаяся в личное соперничество между двумя наиболее яркими её руководителями — Сталиным и Троцким. Сталин был убежденным марксистом, глубоко верившим в победу социалистической революции даже в условиях враждебного империалистического окружения. Одним из признанных руководителей партии он стал в 1912 году и вел партийную работу внутри России. Неоднократно подвергался арестам и высылкам в различные районы обширной Российской империи, пять раз совершал побеги из ссылки. Сталин хорошо знал психологию русского народа, верил в лучшее будущее России.

Троцкий же после поражения первой русской революции 1905 года жил в эмиграции в США, а в Россию возвратился лишь после февральского переворота 1917 года, и только после того, как Временное правительство сняло запрет на деятельность политических партий в стране.

Русский народ он презирал, а всю тысячелетнюю историю России рассматривал как «кучу гнилой картошки», не видя в ней ничего положительного. Он возглавил так называемую «группу межрайонцев», объединявшую разрозненные марксистские кружки, не примыкавшие ни к одной организации РСДРП, выжидая, кто из них одержит верх во внутрипартийной борьбе. Вскоре эта группа начала насчитывать восемь тысяч членов, Тогда как за Лениным в феврале 1917 года шло всего 12 тысяч человек. В партию большевиков Троцкий вступил только после возвращения в апреле 1917 года в Россию Ленина, когда стало ясно, что большевики имеют реальные шансы взять власть в стране.

С точки зрения «пролетарского происхождения» Сталин, отец которого работал простым сапожником, был более приемлем для широких масс. Троцкий же, отец которого был крупным земельным собственником и торговцем зерном, рассматривался в партии как выскочка, «барин» и белоручка. Вторым браком он был женат на дочери богатого европейского банкира Животовского из США Н. Седовой. Её отец объединил свой банк с банком семейства Варбургов, компаньонов и родственников известного расиста и русофоба Якова Шиффа, финансировавшего Японию накануне Русско-японской войны 1905 года и первую русскую революцию. Эта русофобская банкирская группа финансировала и приезд Троцкого в Россию после Февральской революции, поэтому участие его в революции носило довольно специфический характер. Аскетизм Сталина в личной жизни

общеизвестен. Троцкий же аскетизмом не отличался и любил, как говорится, хорошо пожить. В годы Гражданской войны он разъезжал по фронтам в шикарном царском поезде, ранее принадлежавшем императору Николаю II.

Повсюду его окружала толпа ординарцев, одетых в кожаные куртки и обвешанные оружием. К тому же несносный характер «демона революции», его откровенно карьеристские устремления оттолкнули от него даже прежних союзников.

С победой Октябрьской революции Троцкий стал наркомом по иностранным делам и отличился тем, что вопреки инструкциям правительства отказался подписать Брестский мир, заявив, что советская делегация мира не подпишет, но армию распустит. В результате кайзеровская Германия нашла предлог для наступления на Восточном фронте, что привело к оккупации значительной части территории России общей площадью свыше одного миллиона квадратных километров и к подписанию Брестского мира на других, грабительских условиях, ибо молодая Республика Советов только начала формировать свою армию и воевать с таким сильным противником пока не имела возможности.

С 1918-го по декабрь 1924 года Троцкий возглавлял Народный комиссариат по военным и военно-морским делам и одновременно являлся главой Реввоенсовета России. На фронтах Гражданской войны он «прославился» своей необычайной жестокостью. В частности, на Восточном фронте он ввел расстрел перед строем каждого десятого бойца подразделения, допустившего отступление перед превосходящими силами противника. Именно Троцкий был инициатором создания концентрационных лагерей в России в годы Гражданской войны. В них сажали представителей крупной и средней буржуазии, профессоров, священнослужителей, активных контрреволюционеров и т.п.

Правда, это был ответный шаг большевиков на зверства белогвардейцев, покрывших страну сетью таких лагерей. Чего, например, стоит лагерь красноармейцев на острове Мудьюг в Белом море, созданный командующим вооруженными силами Севера России генералом Е.К. Миллером [9], где порядки были не лучше, чем в Освенциме.

Троцкий связывал победу социализма в России с наличием мировой революции. Но поскольку после Первой мировой войны в Европе революционного подъёма не наблюдалось, он и его сторонники пытались искусственно стимулировать такой подъём, в частности, инициировав в 1923 году революцию в Германии. Затем, когда эта попытка полностью провалилась, Троцкий предложил превратить Советскую Россию в военный лагерь, милитаризовать ее экономику и бросил миллионы солдат на «освобождение» европейского пролетариата от «цепей империализма». Дальнейшие судьбы России и её народа «демона революции» не интересовали.

Люди того поколения отлично помнили, что по инициативе

[9]Генерал Е.К. Миллер был похищен в 1937 году в Париже, вывезен конспиративно в СССР, судим и расстрелян.

Троцкого ещё в 1918 году Совнарком издал декрет, по которому за антисемитские высказывания полагались жестокие кары, вплоть до расстрела. За русофобию же, выдаваемую троцкистами за «борьбу с национальными пережитками проклятого прошлого», никаких карательных мер не применялось.

Так, например, когда в 1920 году Польша вероломно нанесла Советской России удар в спину, когда Россия готовилась добить остатки армии Врангеля в Крыму и завершить Гражданскую войну на территории Европейской части России, бывший начальник Генштаба Б.М. Шапошников опубликовал в «Военном вестнике» статью об истоках этой войны. В ней он, в частности, писал, что Красная армия — интернациональна по своему составу и несет народам Польши освобождение от национального и социального гнета. Интернационализм русского народа он противопоставил национал-шовинизму пилсудчиков. Эта статья вызвала гнев всесильного в то время Троцкого, который запретил журнал и отстранил Б.М. Шапошникова, впоследствии ставшего маршалом Советского Союза, от занимаемой должности.

В годы Гражданской войны в России, сразу после покушения эсерки Каплан на В.И. Ленина, Троцкий вместе со Свердловым издают постановление ВЦИК о «расказачивании» на Дону и Кубани. Правда, «по политическим соображениям» вместо Троцкого под этим декретом свою подпись поставил Цюрупа. («Нельзя, чтобы столь важный декрет подписывали два еврея», — заметил Троцкий.) В результате физического уничтожения офицеров и солдат из числа казаков, служивших в Белой армии, погибли десятки тысяч человек. Фактически это постановление было политикой геноцида русского народа. Узнав после выздоровления об этом чудовищном решении ВЦИК, В.И. Ленин добивается его немедленной отмены. Трагические эпизоды расказачивания на Дону, которые проводил комиссар арестов и обысков Малкин, отражены в романе М. Шолохова «Тихий Дон». За это произведение скрытые сторонники Троцкого и его последователи до самой смерти писателя и даже после неё мстили гениальному художнику слова, обвиняя его в «плагиате».

Троцкий и Сталин имели своих сторонников и последователей в партии. Высокомерный Лев Давидович, называвший впоследствии Сталина «выдающейся посредственностью», недооценил изощренный интеллект и организаторские способности генсека ВКП(б). В результате Сталин, используя в борьбе за Кремль своё положение генерального секретаря партии, а также личные амбиции членов Политбюро Г. Зиновьева, и Л. Каменева, сумел к 1925 году свести влияние Троцкого в партии к минимуму. В январе 1925 года Троцкий был освобождён по собственному желанию от должности председателя Реввоенсовета Республики, а в октябре 1926 года на объединенном пленуме ЦК и ЦИК ВКП(б) выведен из состава Политбюро.

В конце весны 1926 года Троцкий объединился в единый блок с Зиновьевым и Каменевым, которые были недовольны укреплением позиций Сталина в партии и государстве, и создали конспиративный центр. Работа центра велась активно. Они проводили подпольные заседания, имели свою агентуру в ЦК ВКП(б), в ряде наркоматов, а

также создали специальную группу в армии. В неё входили комкоры Примаков и Путна, расстрелянные в 1937 году как участники так называемого «заговора генералов». Троцкий имел своих сторонников и в ОГПУ. Ещё в 1923 году, когда он навязал партии дискуссию о профсоюзах, обвиняя руководство ВКП(б), а вернее Сталина, в зажиме демократии, примерно 40% сотрудников ОГПУ голосовали за его платформу.

Окончательную победу над Троцким Сталин одержал в 1927 году. В октябре 1927 года на объединенном пленуме ЦК и ЦИК ВКП(б) Троцкий был выведен из состава ЦК, а 14 ноября 1927 года за организацию демонстрации оппозиции в Ленинграде в 10-ю годовщину Октябрьской революции он был исключен из партии. В декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) завершил идейный разгром троцкизма. Однако Сталин и его окружение понимали, что Троцкий и его единомышленники в партии постараются использовать против них своё самое главное оружие — обвинение в «антисемитизме» своих оппонентов. Вот почему, разъясняя причины исключения Троцкого из партии, в закрытом письме ЦК ВКП(б) отмечалось: «Мы боремся против Троцкого не потому что он еврей, а потому что он оппортунист».

Троцкий, тем не менее, не сложил оружия и продолжал рассылать свои воззвания и заявления. В январе 1928 года он был выслан в город Алма-Ату, где продолжал борьбу с партией, рассылая телеграммы, письма и воззвания к своим скрытым сторонникам внутри ВКП(б). 16 декабря 1928 года представитель ОГПУ В. Волынский официально предупредил Троцкого о недопустимости подобной подрывной работы. Но Троцкий продолжал игнорировать эти требования, и 20 января 1929 года ему было оглашено решение Специального совещания ОГПУ о высылке его за границу.

10 февраля 1929 года специальный поезд доставил Троцкого вместе с сыном и женой в Одессу. 13 февраля он взошёл на борт парохода «Ильич», доставивший изгнанника в Стамбул. Уже 16 апреля 1929 года его посетил нелегальный резидент ИНО ОГПУ Яков Блюмкин, заявивший «демону революции», что полностью отдаёт себя в его распоряжение, передав ему валютные средства резидентуры и кое-какие сведения о деятельности поезда Троцкого в годы Гражданской войны, необходимые ему для написания книги «Моя жизнь», которая была явным подражанием книге Гитлера «Моя борьба», вышедшей в 1923 году.

А теперь обратимся к личности левого эсера Я. Блюмкина, который на протяжении нескольких лет был в хороших отношениях с Троцким.

Яков Григорьевич Блюмкин родился в марте 1900 года в Одессе в бедной еврейской семье. Его отец умер, когда Якову было всего шесть лет. В 1908 году, как это тогда было принято в религиозных семьях, его мать отдала Яшу в иудейскую религиозную школу — Первую одесскую Талмудтору. Другого способа дать сыну хотя бы какую-нибудь «путёвку в жизнь» у нее не было. На этом и закончилось образование Якова. Проучившись в религиозной школе пять лет и не

имея средств продолжить образование, он поступил учеником в электромеханическую контору Карла Франка.

В 1914 году он примыкает к партии социалистов-революционеров, участвует в создании нелегального студенческого кружка. После Февральского переворота 1917 года работает эсеровским агитатором в Одессе, Харькове, Поволжье. В январе 1918 года вступает добровольцем в матросский «Железный отряд» и вскоре становится его командиром, участвует в боях с войсками украинской Центральной рады. В марте 1918 года отряд Блюмкина вливается в 3-ю Украинскую Советскую армию, а сам он становится сначала её комиссаром, а затем — помощником начальника штаба.

В мае 1918 года Блюмкин откомандировывается в Москву в распоряжение партии левых эсеров, которая входила в состав первого советского правительства. Вскоре по согласованию с ВКП(б) партия направляет его в ВЧК, где Я. Блюмкину поручается организовать отделение для борьбы с международным шпионажем. В связи с установлением дипломатических отношений с Германией и открытием 23 мая 1918 года в Москве германского посольства Я. Блюмкину поручается разработка его персонала. Характерно, что квартира Блюмкина находилась на расстоянии двух домов от германского посольства по Денежному переулку (ныне ул. Веснина). По подозрению в подрывной работе против Советской России Я. Блюмкин арестовывает брата посла Германии графа Роберта Мирбаха.

Левые эсеры, недовольные Брестским миром и установлением дипломатических отношений с Германией, принимают 4 июля 1918 года решение ликвидировать германского посла Вильгельма Мирбаха, что должно было послужить сигналом к восстанию в Москве. Убийство поела было возложено на Я. Блюмкина. Последний, используя свое служебное положение в ВЧК, изготовляет на служебном бланке фальшивое удостоверение о том, что ему поручается провести переговоры с германским послом по делу, имеющему непосредственное к нему отношение. Подпись Ф. Дзержинского на удостоверении была подделана, а настоящую печать ВЧК поставил заместитель Дзержинского, левый эсер Ксенофонтов.

6 июля 1918 года Блюмкин и его товарищи явились в посольство Германии и, предъявив удостоверение, потребовали личной аудиенции у посла под предлогом необходимости обсудить вопрос, связанный с арестом его брата. Вильгельм Мирбах согласился. В самом начале беседы Блюмкин и пришедший с ним фотограф ВЧК Андреев открыли стрельбу. Германский посол Вильгельм Мирбах был убит, а его сотрудники ранены.

Воспользовавшись возникшей суматохой, террористы выскочили через окно во двор посольства и скрылись на автомобиле. В Москве началось восстание эсеров. Был арестован Ф. Дзержинский, который вступил в переговоры с мятежниками. Через два дня эсеровский мятеж, заранее обреченный на неудачу, был подавлен.

Я. Блюмкин и Андреев бежали на Украину. 27 ноября 1918 года Верховный революционный трибунал рассмотрел дело левых эсеров. Я. Блюмкин был заочно приговорен к тюремному заключению сроком на

три года с применением принудительных работ. 16 мая 1919 года Блюмкин явился в ВЧК с повинной и был амнистирован.

В 1920 году Я. Блюмкин вступил в РКП(б) и был направлен на работу по военной линии. Летом того же года принимает участие в создании Гилянской Советской Республики в Северном Иране в качестве комиссара штаба Красной армии. В сентябре 1920 года его направляют на учёбу в Академию Генерального штаба. С 1922 года он работает в секретариате Реввоенсовета сотрудником особых поручений при Л. Троцком.

В 1923 году Я. Блюмкин вновь направлен в ОГПУ, однако связей с Троцким не прерывает. Принимает участие в подготовке к изданию первого тома трёхтомного труда Льва Давидовича под названием «Как вооружалась революция».

В 1924–1925 годах занимал должность помощника (второго заместителя) полномочного представителя ОГПУ в Закавказье, а в 1926–1927 годах работал главным инструктором Службы внутренней охраны (органы госбезопасности) Монголии. Близость к Л. Троцкому и быстрый карьерный рост вскружили голову Я. Блюмкину, который к монгольским коллегам стал относиться с большим высокомерием. В ноябре 1927 года по настоянию председателя Монгольской народно-революционной партии Дамбе-Дорчжи был отозван в Москву. Несмотря на протекцию начальника ИНО ОГПУ М. Трилиссера, оставался в резерве внешней разведки.

В 1928 году М. Трилиссер поручает Я. Блюмкину создание нелегальной резидентуры внешней разведки в Палестине и Сирии. В сентябре 1928 года Блюмкин с паспортом на имя персидского купца Якуба Султана выезжает из Одессы в Стамбул. Там он открывает магазин персидских ковров и успешно легализуется. В это время Блюмкин выезжает в Иерусалим, Вену, Париж. В марте 1929 года он находился в Берлине и там узнает, что Лев Троцкий выслан из СССР в Турцию. Блюмкин немедленно возвращается в Стамбул и 12 апреля встречается с сыном Троцкого Львом Седовым, а затем и с самим Троцким. Я. Блюмкин подробно рассказывает Троцкому, как организовать его личную охрану. Через сына Троцкого он регулярно передаёт секретные материалы и финансовые средства стамбульской резидентуры ИНО ОГПУ.

Располагая такими данными, «легальный» резидент информирует Центр об этих контактах Блюмкина с изгнанником.

В начале октября 1929 года Я. Блюмкина отзывают в Москву. Здесь он пытается объединить всех сторонников Л. Троцкого.

10 октября Блюмкин информирует видного троцкиста Карла Радека о своих контактах с Троцким в Стамбуле. Радек, находившийся в опале, немедленно сообщает об этой беседе Сталину. 12 октября Блюмкин информирует сотрудницу ИНО ОГПУ Лизу Горскую о своих контактах с троцкистами. Лиза рекомендует Блюмкину немедленно доложить о своих встречах руководству внешней разведки. Блюмкин отказывается, и 14 октября 1929 года Лиза ставит в известность об этом заместителя М. Трилиссера Михаила Горба. Последний рекомендует Лизе прекратить все контакты с Блюмкиным.

15 октября 1929 года Яков Блюмкин был арестован. Следствие по его делу вел заместитель начальника Секретно-политического отдела ОГПУ Яков Агранов, который впоследствии печально прославится участием в необоснованных репрессиях против чекистов. На допросах Блюмкин ничего не скрывал, надеясь на снисхождение. Однако чистосердечное признание не помогло Блюмкину, и 3 ноября 1929 года он был расстрелян.

20 февраля 1932 года Троцкий и его старший сын Лев Седов были лишены советского гражданства. Советское правительство стало оказывать давление на Турцию с целью его высылки из страны. Летом 1933 года Троцкий с семьёй выезжает во Францию и обустраивается в небольшом курортном городке Сен-Пале. Здесь он становится объектом слежки белогвардейской эмиграции. Летом 1933 года руководство Русского общевоинского союза (РОВС) во главе с генералом Евгением Карловичем Миллером рассматривает вопрос об организации убийства Троцкого во время его поездки в курортный городок Руайян в устье реки Дордонь. В том же городе на лечении находился и нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов. Было решено убрать обоих. Однако в дело вмешиваются французские масоны и предупреждают Троцкого, которого сторожили четыре кольца охраны, о готовящемся покушении. Они также оказывают давление на французские власти с тем, чтобы те подвергли аресту белогвардейских террористов. Так масоны спасли «демона революции» от рук террористов.

Известно, что Троцкий до революции был масоном и входил во французскую ложу «Ар э травай» («Искусство и труд»), однако вскоре порвал с масонством. На IV конгрессе Коминтерна он выступал с докладом о несовместимости членства в масонской ложе с пребыванием в коммунистической партии, как это имело место во Французской компартии. Характерно, что председатель Коминтерна Г. Зиновьев, создавший впоследствии единый антисталинский блок с Троцким, при голосовании по этой резолюции воздержался.

Оказавшись за границей, Троцкий развернул борьбу не против империализма и фашизма, а против СССР и коммунистического движения, которых он рассматривал как своих основных политических противников. В конце политической карьеры Лев Давидович по своим политическим взглядам был ближе к Европейской фашистской партии (ЕФП), возникшей в Палестине в предвоенные годы, нежели к международному коммунизму. Он, в частности, допускал возможность компромисса с нацизмом. Как известно, ЕФП связывала создание «Европейского национального очага» в Палестине с победой фашистского блока над антигитлеровской коалицией. Что же касается Троцкого, то он связывал своё возможное возвращение к власти в «обновленном» СССР с поражением Советского Союза в войне с нацистской Германией, когда его сторонники в СССР призовут его возглавить страну.

Тут следует сразу оговориться: Троцкий никогда не был агентом гестапо, хотя разведслужбы всего мира, естественно, проявляли интерес к его сторонникам. Он не убивал ни Кирова, ни других советских руководителей, не занимался террором внутри СССР и не

совершал диверсий и отравлений. Все это ему приписывалось сторонниками Сталина в стремлении дискредитировать главного политического оппонента вождя.

В то же время Троцкий за границей не был безобидным «теоретиком» марксизма, который пишет трактаты «об их морали и нашей» (у Троцкого была и такая работа, в которой он выступает против буржуазной и сталинской морали). Он вел активную подрывную работу против СССР и всего коммунистического движения в целом, пытаясь организовать подчиненное ему политическое движение в мировом масштабе. Когда в начале 30-х годов в результате коллективизации в СССР резко обострилась внутриполитическая борьба, сторонники Троцкого активизировали свою деятельность. В то время на территории СССР действовали по крайней мере две нелегальные троцкистские организации. Одна из них, возглавляемая И. Смирновым, была разоблачена органами ОГПУ и обезврежена. Вторая группировка, так называемая «группа О», известна гораздо меньше. В ее состав входили Осиновский, Гавен, Константинов, Кочерец, Переверзев и другие скрытые троцкисты. Группа имела своих информаторов в ОГПУ, одним из которых, по некоторым данным, был начальник Секретно-политического отдела ОГПУ, а в 1936–1937 годах нарком внутренних дал Белоруссии комиссар госбезопасности 2-го ранга Г. Молчанов.

Находясь в эмиграции, Л. Троцкий принимал немалые усилия к тому, чтобы расколоть, а затем возглавить мировое коммунистическое движение в условиях нарастающей угрозы нацизма. Особенно опасной для СССР его деятельность была в Европе, в том числе в Германии в начале 30-х годов. Там антисталинскую оппозицию возглавил тогда один из организаторов (в момент Лейпцигского процесса) контрпроцесса над нацистами в Лондоне, видный деятель Компартии Германии В. Мюнцебергер. К тому времени небольшие троцкистские группировки действовали в США, Голландии, Франции, Италии и Испании. Одной из наиболее многочисленных троцкистских сект становится «левая оппозиция» в Греции.

В Испании один из основателей Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ), Андреас Нин, бывший в годы Гражданской войны в России личным секретарём Троцкого, во время войны с мятежом Франко в Испании не раз приглашал «демона революции» приехать в эту страну, чтобы «возглавить революцию». На состоявшихся в Испании 16 февраля 1936 года парламентских выборах победили партии Народного фронта, в который входили коммунисты, анархисты, социалисты и члены партии ПОУМ. Если франкисты, потерпевшие поражение на выборах, были едины в своём стремлении свергнуть вооруженным путём законное правительство, то партии Народного фронта по вине поумовцев и анархистов раздирали серьёзные противоречия. Лидер партии Андреас Нин в 1921 году был в России и с тех пор стал близким соратником Троцкого.

Будучи председателем Профинтерна и членом Исполкома Коминтерна, А. Нин неоднократно выезжал на нелегальную работу в Германию, Италию, а после высылки Троцкого возвратился в Испанию. Здесь он получил пост министра юстиции в автономном правительстве

Каталонии. Когда же франкисты развязали гражданскую войну в Испании, Нин и его сторонники отвергли линию Коминтерна на укрепление Народного фронта и взяли курс на осуществление социалистической революции, создание рабоче-крестьянского правительства, установление диктатуры пролетариата и создание Советов. Когда правительство Народного фронта отвергло эту авантюристическую политику, ПОУМ развернула открытую борьбу с ним. Разумеется, такая политическая линия могла привести лишь к поражению республиканцев в Испании.

В мае 1937 года в Каталонии произошло вооруженное выступление сторонников ПОУМ и анархистов. Троцкистские газеты в Барселоне от 5 мая призывали население к вооруженному восстанию против республиканского правительства. Барселонский мятеж троцкистов был подавлен лишь тогда, когда в город были введены части штурмовой гвардии из Валенсии и других регионов страны. В результате провокационной вылазки троцкистов было сорвано тщательно подготовленное наступление республиканских войск на Северном фронте.

О том, что ПОУМ готовит мятеж против законного правительства Испании, советская разведка узнала ещё в декабре 1936 года от своих агентов, внедренных в эту партию. А в начале 1937 года подтверждение этой информации пришло от агента берлинской резидентуры НКВД «Старшины» (Харро Шульце-Бойзена), который сообщил, что агенты гестапо проникли в троцкистские круги в Барселоне с целью организовать в ближайшее время путч. В 1942 году, когда «Старшина» и другие члены подпольной антифашистской организации, окрещенной нацистами «Красная капелла», были арестованы, передача им этой информации советской разведке фигурировала на суде в качестве доказательства его «подрывной работы» против Третьего рейха.

После провала путча А. Нин был арестован и помещен в тюрьму. Впоследствии возглавлявший в Испании резидентуру ОГПУ Александр Орлов разработал и осуществил операцию «Николай» по дискредитации связей ПОУМ с франкистами и нацистами. Им же была проведена операция по физической ликвидации А. Нина. Партия ПОУМ была объявлена вне закона. Сам А. Нин был вывезен из тюрьмы и расстрелян боевиками Орлова на шоссе около населенного пункта Алькала-де-Аренас.

Троцкий откликнулся на ликвидацию своего сторонника статьёй «Убийство А. Нина агентами ОГПУ», которая была опубликована в «Бюллетене оппозиции». В ней он писал, что Нин является старым и неподкупным революционером… «Он защищал интересы испанского и каталонского народов против агентов советской бюрократии».

В Китае на троцкистских позициях стоял бывший секретарь ЦК КПК Чон Дусин. Наконец, идеи Троцкого оказали большое влияние и на маоистское руководство Китая, которое в начале 60-х годов XX столетия пыталось расколоть международное коммунистическое движение и развернуло бешеную антисоветскую деятельность во всемирном масштабе, рассматривая ее как своеобразную «плату» за

восстановление дипломатических отношений с США.

Следует упомянуть также и о том, что Троцкий активно сотрудничал с «Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности» палаты представителей конгресса США (так называемый «Комитет Дайса»).

В октябре 1939 года этот «пламенный революционер» дал показания на ряд лидеров компартии США, обвиняя их в антиамериканской деятельности. Оказавшись в Мексике, Троцкий стал передавать представителям госдепартамента США «конфиденциальные меморандумы» на известных ему деятелей международного коммунистического движения, активистов Коминтерна, агентов советской внешней разведки в США, Франции, Испании, Мексике и других странах. Таков был вклад Троцкого в «мировую революцию».

Безусловно, антисоветская деятельность Троцкого для западных спецслужб была «даром небес», а троцкистская оппозиция — благодатной агентурной базой. Видный руководитель испанской троцкистской партии ПОУМ Хулиан Горкин был завербован ФБР США, а по прибытии во Францию в 1938 году предложил свои услуги генеральному директору французской контрразведки ДСТ Вибо, заявив, что имеет разведывательную сеть во всём мире. Услуги троцкиста были, разумеется, приняты с благодарностью и щедро оплачивались.

Как известно, от второго брака Троцкого (жена Наталья Ивановна Седова) у них было два сына: Сергей и Лев. Сергей в своё время в Москве дружил с сыном Сталина Яковом Джугашвили. Тогда Сергей работал преподавателем в МВТУ. В 1935 году Сергей был арестован, и спустя некоторое время стало известно, что он погиб. Данные об обстоятельствах смерти отсутствуют.

Второй сын, Лев Львович, с женой уехал с отцом за границу. Некоторое время они находились в Турции. Затем из Турции Лев Седов перебрался в Берлин, а в 1935 году — во Францию. Проживая во Франции, он являлся объектом внимания советской внешней разведки по троцкистской линии. Здесь он не только издавал «Бюллетень оппозиции», но и поддерживал связь со сторонниками Троцкого в СССР и других стран.

Лев Седов был одним из основных организаторов так называемого IV Интернационала, учредительный съезд которого состоялся 3 сентября 1938 года под Парижем. На съезде присутствовал 21 делегат из 11 стран мира, что говорит об истинном масштабе влияния троцкистов на международное коммунистическое движение.

Советская внешняя разведка внимательно следила за подрывной деятельностью Троцкого за рубежом и имела «своих людей» в его ближайшем окружении. Одними из первых были внедрены братья Соболевичусы, сыновья богатого еврейского торговца из Литвы. Позднее они стали известны как Джек Собл и Ричард Соблен. После высылки Троцкого из СССР в 1929 году они в течение трёх лет были ближайшими доверенными лицами изгнанника, получили доступ к шифрам и адресам сторонников Троцкого в СССР. Через них проходила

практически вся его переписка, материалы шторой становились известны разведке НКВД.

С 1936 года разработкой Седова и его окружения занималась группа разведчиков-нелегалов, возглавляемая болгарином Борисом Афанасьевым.

Лев Седов был активным сторонником и помощником Троцкого. Ещё подростком он сопровождал отца в его поездке по фронтам Гражданской войны в специальном поезде.

После второго процесса над Каменевым и Зиновьевым норвежское правительство было вынуждено интернировать Троцкого по требованию советских властей. Седов публикует «Красную книгу», в которой разоблачает фальсификаторский характер судилищ, подписав тем самым себе смертный приговор.

В 1934 году резидент советской разведки в Париже Станислав Глинский (псевдоним «Пётр») завербовал ровесника Седова — Марка Зборовского (псевдоним «Мак»), родившегося в состоятельной еврейской семье в украинском городе Умань. В 1920 году семья эмигрировала в Польшу. В 1935 году Зборовский познакомился с Седовым через жену последнего Жанну Молиньс. Спустя несколько месяцев «Пётр» сообщает в Москву: «„Мак“ стал работать в „Международном секретариате троцкистов…“

В настоящее время источник встречается с „Сынком“ (псевдоним Л. Седова) чуть ли не каждый день. Этим самым считает выполненной вашу установку на продвижение источника в окружение Льва Давидовича».

Первоначально у «Сынка» были определенные подозрения в отношении связей «Мака» с НКВД. Однако впоследствии резидентуре удалось их развеять. В оперативном письме в Центр резидент писал: «Седов извинялся перед „Маком“ за то, что в начале их знакомства подозревал его в том, что он агент советской разведки. Зборовский (в троцкистских кругах псевдоним „Этьен“) получил доступ к документам Седова и имел возможность информировать резидента Глинского о всех действиях, планах и намерениях Троцкого и его сторонников». Поскольку «Мак» имел непосредственное отношение к выпуску «Бюллетеня оппозиции», советская разведка регулярно получала номера журнала.

В конце 1936 года «Мак» принимал участие в похищении и отправке в Москву архива Троцкого. «Демон революции» поручил своему сыну разделить архив на три части и одну из них передать в парижский филиал голландского Института социальной истории, которым руководил в то время меньшевик Николаевский. Зборовский, принимавший участие в доставке в Институт архива Троцкого, немедленно информировал об этом резидента. Спустя несколько дней на Институт был совершен ночной налёт, в ходе которого были изъяты все материалы Троцкого, и вскоре они были переправлены в Москву. Сам Зборовский по-прежнему оставался вне подозрений у Седова.

В одном из донесений резидента в Париже в Центр во время первого московского процесса над троцкистско-зиновьевским блоком в

1937 году сообщалось, что «Сынок» предложил «Маку» поехать в СССР на нелегальную работу. Но Зборовский под благовидным предлогом отказался от такого предложения.

В 1937 году Сталин был информирован внешней разведкой о том, что Лев Седов по указанию Троцкого приступил к работе по организации первого съезда IV Интернационала. В этой связи НКВД получил задание похитить «Сынка» и доставить его в Москву. Осуществить операцию по его похищению было поручено Якову Серебрянскому. План похищения был детально разработан и предусматривал два варианта его доставки — морским путем и по воздуху. С этой целью в середине 1937 года «группа Яши», так в оперативной переписке именовалась СГОН (Специальная группа особого назначения), в которую входили «люди Серебрянского», приобрела рыболовецкое судно и сняла на окраине одного из морских портов Франции небольшой домик, в котором поселилась «семейная пара» разведчиков-нелегалов.

По второму варианту «группой Яши» был закуплен самолёт и надёжный агент-лётчик стал готовиться к перелёту по маршруту Париж — Токио. Всего в этой операции участвовали семь человек, включая жену Якова Серебрянского. Однако, поскольку Зборовскому так и не удалось завлечь Льва Седова и его жену в такое место, откуда их можно было бы легко похитить, приказа на реализацию этой операции не поступило.

В феврале 1938 года от «Тюльпана» (очередной псевдоним Марка Зборовского) поступило новое сообщение о высказываниях «Сынка». Однажды Седов заявил источнику: «Здесь режим в СССР держится на Сталине, и достаточно его убрать, чтобы всё развалилось». Для Сталина этого было достаточно, чтобы отказаться от плана похищения Троцкого и его сына с целью организации «показательного процесса» над ними. Генсек отдает приказ Л. Берии ликвидировать обоих.

10 февраля 1938 года Седов был госпитализирован по поводу острого приступа аппендицита. Поскольку для госпитализации во французскую клинику нужно было предъявить паспорт, в котором указаны подлинные имя и фамилия владельца, то в целях конспирации было решено поместить его под именем французского инженера Мартена в частную клинику, принадлежавшую русскому эмигранту Симкову. Сразу же после госпитализации «Сынку» сделали операцию, и в течение четырёх дней отмечалось улучшение его состояния. «Мак» регулярно навещал больного.

Однако на пятую ночь послеоперационный период осложнился, и «Сынку» сделали повторную операцию. А 16 февраля 1938 года он скончался. Льву Седову было 32 года.

В марте 1939 года Сталин пригласил в Кремль наркома внутренних дел Лаврентия Берию и заместителя начальника внешней разведки Павла Судоплатова. Состоялся разговор о задачах закордонной разведки в условиях приближающейся мировой войны, Берия отметил, что в данных условиях главной задачей внешней разведки должна стать не борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией, а подготовка резидентур к войне и в первую очередь в

Европе.

Для получения разведывательной информации о планах и намерениях потенциальных противников СССР главную ставку внешняя разведка должна сделать на приобретение агентов влияния из деловых и правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выходы на руководство своих стран и терпимо относятся к коммунистам.

Нарком отметил также, что левое движение в мире расколото из-за попыток Троцкого подчинить его своему влиянию. Он предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом, поручив возглавить операцию по ликвидации Троцкого заместителю начальника внешней разведки П. Судоплатову.

Как позднее писал П. Судоплатов в своей книге «Разведка и Кремль», Сталин после некоторого раздумья заметил:

— В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Генсек выразил неудовлетворение тем, что разведывательные операции против Троцкого ведутся недостаточно активно. В 1937 году ликвидация этого главного политического противника Сталина была поручена Сергею Шпигельгласу, однако он «провалил важное правительственное задание».

Суровым тоном Сталин отдал приказ:

— Троцкий должен быть ликвидирован в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников из международного коммунистического движения. Им будет трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернув партизанскую войну.

Руководить группой боевиков по ликвидации Троцкого предстояло П. Судоплатову. Сталин подчеркнул, что группе будет оказана любая помощь и поддержка. О всех мероприятиях Судоплатов должен докладывать одному наркому Л. Берии. Вся отчётность по операции «Утка» должна вестись только в рукописном виде.

Кодовое название операции «Утка» дал Наум Эйтингон, который принимал в ней активное участие. Имелось в виду, что Троцкий распространяет ложные сведения о положении в СССР и ВКП(б), а такая информация в обиходе называется «уткой».

После смерти сына Троцкого — Льва Седова — главной целью НКВД оставался сам Троцкий. Будучи депортированным по требованию советского правительства из Норвегии в 1936 году, Л. Троцкий в начале января 1937 года по приглашению президента Мексики прибыл в эту страну вместе с женой Натальей Ивановной Седовой и внуком Всеволодом. Первоначально изгнанник обосновался на вилле известного мексиканского художника Диего Риверы, но вскоре их пути разошлись. Дело в том, что любвеобильный «демон

революции» завёл роман с женой художника, которому такое положение вещей, естественно, не могло понравиться, и он указал Троцкому на дверь. Троцкий в целях своей безопасности арендовал, а затем купил дом в предместье мексиканской столицы Койоакане, превратив его в маленькую крепость.

Уже в начале 1938 года С. Шпигельгласу удалось внедрить в секретариат Троцкого испанку Марию де Лас Эрас Африку (оперативный псевдоним «Патрия»). Вскоре в Мексику были направлены разведчик-нелегал Иосиф Григулевич [10] и испанец Виторио Видали («Марио»), участвовавшие в ликвидации лидера испанских троцкистов А. Нина. В апреле 1938 года они на советском пароходе убыли из Новороссийска в США. По прибытии установили связь с резидентом в Нью-Йорке, Петром Гугцайтом («Николай»). Через месяц они с поддельными паспортами отбыли поодиночке в Мексику.

Тем временем предпринимались попытки внедрить в окружение Троцкого Марка Зборовского. Однако после смерти Льва Седова Троцкий перестал ему доверять, и эти усилия разведки не увенчались успехом. Кроме них в начале 1938 года во Францию из Испании были направлены агенты НКВД Каридад Меркадер («Мать») и её сын Рамон, которому предстояло в будущем сыграть роль убийцы Льва Троцкого.

Однако все усилия внешней разведки по ликвидации Троцкого потерпели неудачу. В июле 1938 года из Испании в США бежал резидент НКВД в Испании А. Орлов, которому были известны некоторые детали операции «Утка». 27 декабря 1938 года он направил письмо Троцкому, в котором предупредил его о готовящемся покушении и дал приметы Марка Зборовского. Он также предупредил Троцкого, что покушение может совершить и испанец, выдающий себя за троцкиста. А. Орлов предложил Троцкому поместить объявление в местной газете, подтверждающее получение его послания. Троцкий послание получил и предложил автору прибыть для личных переговоров. Однако Орлов на встречу не явился, и троцкисты сочли это предупреждение специальной «провокацией НКВД».

О предупреждении А. Орлова Троцкому первой узнала парижская резидентура НКВД из донесений агента «Соседка», возвратившейся из США. Разработанную операцию пришлось отменить. С. Шпигельглас отдал приказ отозвать из Мексики «Патрию» и И. Гршулевича. «Марио» при пересечении мексикано-американской границы был арестован из-за небрежно оформленных документов и помещен в тюрьму. Вскоре усилиями нью-йоркской резидентуры он был освобожден и переправлен в Москву.

Пётр Гутцайт был отозван в Москву и 16 октября 1938 года арестован «как активный троцкист». 21 февраля 1939 года он был расстрелян. Был арестован и руководитель операции Сергей Шпигельглас, который был также расстрелян 12 февраля 1940 года. Были репрессированы и другие сотрудники внешней разведки.

---

[10] Григулевич И.Р. (1913–1988) — советский разведчик-нелегал. Будучи разведчиком-нелегалом, стал чрезвычайным и полномочным послом Коста-Рики в Италии и по совместительству в Югославии. После ухода из разведки стал писателем-историком, академиком.

Возвратившиеся в Москву «Патрия» и «Юзек» сообщили подробные сведения о системе внешней и внутренней охраны дома Троцкого, о порядке допуска туда посетителей и другие подробности. Выяснилось также, что в Мексике «Юзек» под свою личную ответственность стал подыскивать людей для использования в литерном мероприятии — так в те времена на чекистском жаргоне назывались операции по физической ликвидации противников режима. Одним из таких кандидатов был мексиканский художник левой ориентации Давид Сикейрос, воевавший в Испании на стороне республиканцев.

9 августа 1939 года П. Судоплатов и Н. Эйтингон разработали план операции «Утка», который был доложен Сталину и утвержден им в начале августа. Организатором покушения на Троцкого назначался Н. Эйтингон («Том»). Вместе с ним в Мексику должны были выехать Каридад Меркадер («Мать») и её сын Рамон Меркадер («Раймонд»).

Каридад Меркадер (девичья фамилия К. дель Рио) родилась в 1882 году в Сантьяго-де-Куба в семье губернатора острова. Её прадед был послом Испании в России. Отец Каридад первым в истории острова издал указ об освобождении чернокожих рабов и благодаря этому пользовался большим уважением в стране. Был издан специальный указ, согласно которому он и его семья могли до конца своих дней жить на Кубе. Но поскольку семья была испанской по происхождению, в начале XX века все семейство возвратилось в Испанию. Там Каридад закончила привилегированную школу.

Согласно нравам того времени, Каридад вела аристократический образ жизни, занималась верховой ездой, обладала хорошими манерами. Достигнув совершеннолетия, Каридад вышла замуж за миллионера, владельца текстильной фабрики Пабло Меркадера Мариино из Барселоны. Брак был счастливым, муж обожал её, и вскоре у них родилось четверо сыновей — Пабло, Рамон, Хорхе, Луис и дочь Монсеррат.

Однако в жилах Каридад текла свободолюбивая кровь её предков.

Она увлеклась модными в то время идеями эмансипации женщин, и её потянуло в политику. В итоге Каридад сблизилась с анархистами. Муж пытался повлиять на свою жену, но безуспешно. Вскоре она была помещена в психиатрическую больницу. Пройдя курс лечения, она вышла из больницы, бросила мужа с детьми и уехала во Францию. Там она пыталась завести свою ферму. Но занятия сельским хозяйством были неудачными, и тогда Каридад открыла собственный ресторан. И снова крах её предпринимательской деятельности.

Теперь Каридад решила основательно заняться политикой. В скором времени она вступила во французскую компартию. В 1934 году участвовала в восстании в Барселоне, а в 1936 году — в гражданской войне. В 1937 году была привлечена Н. Эйтингоном, бывшим в то время заместителем резидента ИНО в Испании, к сотрудничеству с советской внешней разведкой.

Её второй сын Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес родился 2 февраля 1914 года в Барселоне. Родители разошлись, когда ему было всего пять лет, и его мать вместе с пятью детьми обосновалась в

Париже. Рамон очень рано включился в революционное движение, а с началом гражданской войны в Испании в июле 1936 года он вместе с братьями Пабло и Хорхе пошёл добровольцем на фронт защищать республику от франкистов. Вскоре старший брат Пабло погибнет в боях под Мадридом, а Рамон, раненный в плечо, назначается комиссаром 17-й дивизии Арагонского фронта. Здесь он попадает в поле зрения резидента советской разведки в Испании А. Орлова, который привлекает его к сотрудничеству в феврале 1937 года. Рамон получает псевдоним «Раймонд».

Осенью 1938 года «Раймонд» по заданию разведки направляется в Париж, чтобы проникнуть в ряды американских троцкистов. При помощи агента НКВД Руби Вайль он знакомится с американкой троцкистской Сильвией Агелофф, родители которой родились в России, а старшая сестра ее была секретаршей у Троцкого. Сильвия иногда помогала ей и поэтому имела доступ в дом «демона революции». В момент знакомства «Раймонда» с Сильвией она принимала участие в подготовке учредительной конференции IV Интернационала.

«Раймонд» был представлен Сильвии как сын бельгийского дипломата Жана Морнара, работающего спортивным фотокорреспондентом. Он якобы происходил из состоятельной семьи и мало интересовался политикой. Поскольку «Раймонд» был исключительно красив, между молодыми людьми вскоре возник легкий роман. Но в феврале 1939 года Сильвия уехала в Нью-Йорк к своим родителям, а «Раймонд» остался в Париже.

Тем временем в Москве был разработан и утвержден план физической ликвидации Троцкого — «Утка». Было решено создать две независимых одна от другой оперативных группы — «Мать», под руководством Каридад Меркадер, и «Конь», которую возглавил Д. Сикейрос. Берия решил, что П. Судоплатов и Н. Эйтингон должны выехать во Францию, чтобы лично проинструктировать группу «Мать» и оценить на месте её возможности. В июне 1939 года они прибыли в Париж и провели тщательный инструктаж «Раймонда», после чего он с документами на имя канадского гражданина Фрэнка Джексона направился в Нью-Йорк через Италию. В США он должен был восстановить контакт с Сильвией Агелофф и через неё выйти на Троцкого.

С инструктажем второй группы возникли осложнения. К тому времени уже началась Вторая мировая война, во Франции был ужесточен контрразведывательный режим, и канадский паспорт Н. Эйтингопа требовал специальной визы для поездки в США. Резиденту НКВД в Париже Л. Василевскому было дано задание обеспечить Н. Эйтингопа необходимыми документами для поездки за океан. Потребовался почти месяц, пока был решен вопрос документов. Для начала Василевский через агента НКВД Моррисона («Гарри») поместил Эйтингона в психиатрическую лечебницу под именем иракского еврея, страдающего психическим расстройством. Это давало ему отсрочку от призыва в армию. За соответствующую взятку французский чиновник выправил Н. Эйтингону заграничный паспорт. Американская виза была получена через нелегального сотрудника резидентуры НКВД в Швейцарии Штейнберга, который, боясь

репрессий, отказывался возвратиться в Москву. Несмотря на это, он помог с получением визы, и в октябре 1939 года Н. Эйтингон благополучно прибыл в Нью-Йорк.

В Нью-Йорке Эйтингон основал импортно-экспортную фирму, которая должна была использоваться как центр связи и одновременно служить в качестве легального прикрытия для «Раймонда». В целях организации регулярной связи с Мексикой в Нью-Йорк был направлен П.П. Пастельняк, официально числившийся сотрудником генконсульства СССР в Нью-Йорке под фамилией Кларин. Через месяц, в ноябре 1939 года, Н. Эйтингон выехал в Мексику. Несколько раньше туда прибыла из Парижа «Мать». Из Центра пришли зашифрованные инструкции, в которых давался совет не спешить, а операцию «Утка» провести только тогда, Когда успех её проведения будет полностью гарантирован.

По прибытии в Мексику Эйтингон установил контакт с группой Д. Сикейроса и организовал для неё надёжное прикрытие. Была установлена и прямая радиосвязь с Москвой. Эйтингон выяснил, что с внедрением Р. Меркадера в ближайшее окружение Троцкого пока ничего не получается, поэтому было решено совершить налёт на его виллу.

Как мы теперь знаем, налёт на виллу состоялся. И всё же первая попытка ликвидации Троцкого не удалась.

И всё же это свершилось. Троцкий был убит 20 августа 1940 года Рамоном Меркадером, которому удалось познакомиться с незамужней молодой женщиной Сильвией Агелофф-Маслов, разделявшей взгляды Троцкого. Меркадер, как мы уже знаем, познакомился с ней в Париже, представившись Жаном Морнаром. Сильвия готовила учредительную конференцию IV Интернационала и для этого приехала из Нью-Йорка. Меркадер часто с ней встречался, водил в театры, рестораны, тратил на нее большие деньги и постоянно говорил о своём намерении жениться на этой некрасивой женщине. Когда Сильвия после конференции возвратилась в Нью-Йорк, жених поклялся приехать к ней в ближайшее время.

Надо сказать, что своё слово он сдержал, но предстал перед ней не Жаном Морнаром, а на сей раз канадским гражданином Фрэнком Джексоном. Это обстоятельство он объяснил тем, что хочет избежать призыва в армию на своей родине — в Бельгии. Вскоре он уехал из Нью-Йорка, оставив Сильвии на жизнь три тысячи долларов. По тем временам это был полугодовой заработок служащего. Из писем любовника Сильвия узнала, что он в Мехико. У него там куча дел, и он не может без неё.

Сильвия выехала вслед за женихом в январе сорокового года. Они поселились вместе. Через неделю после приезда Сильвия стала помогать Троцкому. Фрэнк Джексон ежедневно отвозил Сильвию к дому на улице Вены, где находилась вилла Льва Троцкого, а по вечерам забирал её. Порой Сильвия задерживалась, и Джексон поджидал её у ворот, не предпринимая попыток войти не только на территорию виллы, но даже во двор. Охранникам нравилась скромность жениха Сильвии. Вскоре они привыкли к симпатичному

малому, который к тому же угощал их то американскими сигаретами, то конфетами. Так Фрэнк Джексон познакомился с внутренней охраной виллы, болтал с охранниками по-французски.

Троцкий знал о романе Сильвии с Ф. Джексоном. Когда жена Троцкого Наталья Седова сообщила мужу, что Сильвия собирается в Нью-Йорк, Лев Давидович предложил ей пригласить жениха в дом. Так Меркадеру удалось познакомиться с «демоном революции». Он пришел с подарком для внука Троцкого и тем самым завоевал его сердце. После этой встречи Меркадер виделся с Троцким двенадцать раз, проведя в его доме в общей сложности четыре с половиной часа. Перед отъездом в США Сильвия просила, чтобы в её отсутствие Меркадер не посещал Троцкого, поскольку он живёт в Мексике под чужим именем и в случае, если об этом узнает полиция, это может нанести вред Льву Давидовичу.

Меркадер не выдавал себя за сторонника Троцкого. Он стремился создать образ богатого и экстравагантного молодого человека, который ведёт рассеянный образ жизни, политикой не интересуется, является противником любой власти вообще и поэтому помогает Льву Давидовичу и его сторонникам.

Когда Сильвия уехала в Нью-Йорк, Меркадер 20 августа посетил виллу Троцкого, чтобы, как будто, показать ему статью. Несмотря на жаркую погоду, он был одет в костюм, а на руке держал плащ, под которым был спрятан ледоруб. Он вошёл в кабинет, Когда Троцкий склонился за столом над статьёй, и нанес ему удар ледорубом по голове. Троцкий вскочил, издав страшный крик. Сбежалась охрана и начала избивать Меркадера. Туг же вызвали врача, который приказал срочно везти Троцкого в больницу. На следующий день «демон революции» скончался. Меркадер был арестован мексиканской полицией.

На суде Меркадер не назвал своего настоящего имени, представившись бельгийским гражданином Жаном Морнаром. Своё покушение на Троцкого Рамон объяснил тем, что постепенно разочаровался в теории и практике троцкизма. А после того, как Троцкий высказал намерение направить его в Советский Союз для совершения диверсий и террористических актов, в том числе против Сталина, он принял решение устранить этого деятеля, который к тому же был против его брака с Сильвией.

Суд приговорил Меркадера к высшей по мексиканским законам мере наказания — двадцатилетнему тюремному заключению.

В тюрьме Рамон вёл себя мужественно, не жаловался и ничего не требовал. В резидентуре возлагали большие надежды на дипломатический вариант освобождения Меркадера. Была попытка воздействовать на президента Алемана, чтобы добиться от того амнистии заключенного. Но Мексика находилась в то время под сильным влиянием США, где троцкисты всё ещё пользовались большим авторитетом. Настоящее имя «Фрэнка Джексона» и «Жана Морнара» американским спецслужбам удалось установить лишь после того, как в 1946 году на Запад сбежал один из видных деятелей испанской компартии, приходившийся дальним родственником

Фиделю Кастро.

За утечку информации вину несёт и Каридад. Во время войны она находилась в эвакуации в Ташкенте (1941–1943 гг.). Там она рассказала своему знакомому, что Троцкого убил Рамон. Каридад была убеждена, что сказанное «под большим секретом» он никому не выдаст. Но…

Когда в Мексику доставили из испанских полицейских архивов досье Меркадера, личность «Жана» — «Фрэнка» была окончательно установлена, отпираться стало бессмысленно. При неопровержимых уликах он признал, что на самом деле является Рамоном Меркадером и происходит из богатой испанской семьи. В то же время он так и не признал, что убил Троцкого по заданию советской разведки, — во всех заявлениях Меркадер постоянно подчёркивал личный мотив этого убийства.

Относительно Рамона Меркадера Сталин произнес однажды решающую фразу: «…что касается товарища, который привёл приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжёлое для него время».

Товарищ ожидал своей награды, как и освобождения из заключения, долгие два десятка лет. Отсидев положенный срок, Меркадер вышел на свободу. В 1961 году закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Награду Р. Меркадеру вручил в Кремле А. Шелепин. В Указе Рамон значился под именем Лопеса Рамона Ивановича. Под эти именем он проживал в Москве вместе с женой Ракель Мендосой. Однако московский климат был губителен для него, и вскоре Рамон выехал на Кубу, где он и скончался в 1978 году в возрасте 65 лет (рак лёгкого).

Прах Рамона Меркадера покоится на Кунцевском кладбище в Москве. На могильной плите выбита надпись: «Герой Советского Союза Лопес Рамон Иванович».

За выполнение задания правительства (операция «Утка») Наум Эйтингон и Каридад Меркадер были награждены орденом Ленина. П. Судоплатов был удостоен ордена Красного Знамени.

Что же касается Сталина, то, несмотря на его опасения, сторонникам Троцкого так и не удалось создать «пятую колонну» во время войны с фашистской Германией и никто из них не сотрудничал с гитлеровскими оккупантами, скорее наоборот…

Ядерный триумф советской разведки

Советская разведка оказала неоценимую помощь при создании советского ядерного оружия. Академик И. Курчатов

29 августа 1949 года стал днём рождения советской А-бомбы. В этот день на Семипалатинском полигоне в Казахстане осуществлён взрыв первой советской А-бомбы, ставшей копией американской бомбы.

США сразу лишились монополии на ядерное оружие. И коварным планам США, намеревавшимся 1 января 1950 года осуществить ядерное нападение на СССР, не суждено было сбыться. Планы американцев были сорваны блестяще проведённой нашей разведкой операцией по похищению самой оберегаемой в США тайны — тайны создания атомной бомбы.

В конце 1938 года учёные открыли, что процесс распада урана может протекать в форме взрыва колоссальной силы. Именно тогда учёный-физик Альберт Эйнштейн написал президенту США Рузвельту письмо, в котором указал на возможное появление в скором времени бомбы нового типа, обладающей огромной разрушительной силой. Он высказал опасение, что Германия может первой создать такую бомбу. Рузвельт был потрясён этим сообщением и приказал держать в строжайшем секрете все работы по атомному проекту «Манхэттен».

Поступающая из резидентур советской разведки секретная информация по созданию А-бомбы в США и Великобритании в срочном порядке докладывалась главе государства и Верховному главнокомандующему И. Сталину.

При очередном докладе материалов, полученных советской разведкой от надёжных источников, Сталин внимательно выслушал Л. Берию и нахмурился. Однако ожидаемая гроза гнева по поводу «подрывных действий» наших врагов на Западе на этот раз не грянула.

Сталин в который раз прошёлся по кабинету. На сей раз вождь размышлял о чём-то своём, не обращая внимание на Берию, как будто его и не было на совещании. Потом сказал:

— Материалы разведки, кажется, высвечивают нам то, чем мы должны теперь заниматься. Второе письмо Флёрова с фронта убеждает меня в этом… Но перед принятием решения следует посоветоваться с учёными. Я попрошу тебя, Лаврентий, пригласить ко мне академиков Капицу, Семёнова, Хлопина, Вернадского. Назначим встречу на послезавтра и посоветуемся, как лучше решать эту важную проблему.

Ну а что же писал в письме Флёров с фронта И. Сталину, которое было получено в мае 1942 года?

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Вот уже 10 месяцев прошло с начала войны, и все это время я чувствую себя в положении человека, пытающегося головой прошибить стену…

…Знаете ли Вы, Иосиф Виссарионович, какой главный довод выставляется против урана? — „Слишком здорово было бы“.

…Если в отдельных областях ядерной физики нам удалось подняться до уровня иностранных ученых и кое-где даже их опередить, то сейчас мы совершаем большую ошибку…

На первое письмо и пять телеграмм ответа я не получил.

Это письмо последнее, после которого я складываю оружие и жду, когда удастся решить задачу в Германии, Англии или США. Результаты будут настолько огромны, что будет не до того, кто виноват

в том, что у нас в Союзе забросили эту работу…»

Только потом, когда в один пакет попали толстая тетрадь, обнаруженная в сумке убитого немецкого офицера, второе письмо Флёрова, с фронта, сообщение нашего агента К. Фукса из Лондона, Берия немедленно выехал в Кремль к Сталину.

Сталин после ознакомления с материалами разведки серьёзно задумался: «Как же так? Молотов говорил, что с послом Великобритании Стаффордом Криппсом была достигнута договоренность об оказании взаимной поддержки и помощи друг другу во всех военных разработках, и вдруг… Неужели английская сторона „забыла“ проинформировать нас об этом?»

На состоявшейся встрече с учёными-физиками Сталин дал поручение Берии подготовить специальное заседание ГКО по вопросу создания в СССР атомной бомбы.

Специальное заседание Государственного Комитета Обороны состоялось в октябре 1942 года. На повестке дня стоял один вопрос: о развёртывании в СССР исследований по созданию атомной бомбы на основании данных, полученных советской разведкой. На заседание были приглашены ученые А.Ф. Иоффе, Н.Н. Семенов, В.Г. Хлопин, П.Л. Капица и И.В. Курчатов.

Выступивший тогда академик Иоффе сказал:

— Для решения стоящей перед нами весьма сложной научно-технической задачи есть только один плюс — мы знаем, что проблема атомной бомбы решаема. Но минусов у нас гораздо больше. Англичане привлекли к урановым исследованиям крупных ученых со всего мира: Кокрофта, Чедвика, Ротблата, Симона, Фриша, Пайерлса, Линдеманна. Англия располагает солидными научными базами в Оксфорде, Бирмингеме, Кембридже и Ливерпуле. У нас их в настоящее время почти нет. Они эвакуированы и разбросаны по всей стране. Нашей промышленности нанесен войной значительный ущерб.

— И все же вы, учёные, не должны опускать руки, — прервал его Сталин. — Было бы, конечно, легче, если бы не шла война. На победу направлены сейчас все ресурсы страны. Вы должны это понимать, а не скулить. Безусловно, делать первые шаги по созданию отечественного атомного оружия будет трудно, но мы обязаны это сделать. Для этого потребуются усилия всей страны, большие материальные затраты. Необходимо будет поднять на ноги все НИИ и конструкторские бюро, срочно наладить промышленное производство новой научной и экспериментальной аппаратуры. Пока эта работа будет идти, товарищу Берии надо более эффективно использовать имеющиеся в его «шарашке» научные силы. Если вы, Лаврентий Павлович, сумеете бережно с ними обращаться, подкормить и подбодрить их, — Сталин при этом пристально посмотрел на Берию, — а главное, организовать их, то, я уверен, многое можно будет сделать и быстро и дешево…

По кабинету поплыл шумок. Сталин прислушался, но слов не расслышал и потому поднял руку, успокаивая присутствующих. Затем продолжил свой монолог в форме директивы:

— Я понимаю, что проект создания атомной бомбы потребует

принятия общегосударственной программы. Мы пойдём на это, несмотря на тяжелые условия военного времени. Риск будет вполне оправдан. Трагичность ситуации состоит в том, что когда надо сохранить мир, то нужно делать такие вещи, как у противника. Да, только ответное, взаимное устрашение поможет нам сохранить мир. Теперь я хотел бы услышать от вас, ученых, сколько времени потребуется для создания А-бомбы.

Академик Иоффе высказал мнение, что для реализации программы потребуется не менее десяти лет. Сталина такой срок явно не устраивал, и он с едва уловимым раздражением произнес:

— Нет, товарищи ученые, мы уже и так оказались в роли догоняющих. Но не по вашей вине. Надо вам как-то более правильно распределить свои силы и возможности. Мы со своей стороны готовы пойти на все, чтобы работа у вас шла более высокими темпами. Я думаю, что Лаврентий Павлович обеспечит вас недостающими научными сведениями. А сейчас мы должны определить среди вас «главнокомандующего». Я полагаю, что им должен быть крупный учёный-физик и хороший организатор.

Окинув взглядом притихших академиков, Сталин после небольшой паузы добавил:

— Я думаю, товарищ Иоффе справился бы с этой задачей. Человек он энергичный, умеет хорошо отличать второстепенное от главного, точно формулировать своё решение.

Но Иоффе неожиданно осмелился снять свою кандидатуру, сославшись на возраст, и взамен предложил Игоря Васильевича Курчатова — руководителя лаборатории, в которой было открыто явление распада атомов урана.

Сталин пронзительно смотрел долго на Иоффе, потом сказал:

— А я такого академика не знаю.

— Он, товарищ Сталин, не академик. Пока лишь профессор, — ответил Иоффе.

— У нас что, товарищ Кафтанов, нет для такого важного дела достойного академика?

Решив подыграть вождю, Кафтанов назвал Капицу, а потом опять предложил кандидатуру Иоффе.

— Тогда давайте обсудим кандидатуру товарища Капицы. Я знаю, он имеет высокую международную репутацию. Знаю, что работал у корифея ядерной физики Резерфорда… Давайте спросим его самого. Пожалуйста, товарищ Капица, вам слово…

Петр Леонидович встал и без колебаний заявил:

— Я согласен, но при условии — если мне позволят пригласить из Англии некоторых физиков-ядерщиков, а также инженерно-технических сотрудников и наиболее квалифицированных рабочих…

Сталин посмотрел на Молотова, медленно опустил веки, давая ему понять, что теперь он может высказать Капице отрицательный ответ. И Молотов безропотно повиновался заранее обусловленному сигналу:

— Ваши условия, Петр Леонидович, неприемлемы.

Снова поднялся А.Ф. Иоффе:

— Товарищ Сталин, я настаиваю, чтобы руководителем советского атомного проекта стал все же Игорь Васильевич Курчатов.

— Хорошо, товарищ Иоффе, но для веса вы сначала дайте ему звание академика… Товарищ Курчатов присутствует на этом заседании?

— Да, он здесь, товарищ Сталин.

— Покажите нам его.

За дальним концом стола робко встал высокий, плотный мужчина с черной бородкой.

Внимательно вглядевшись в него, Сталин сказал:

— Мы утверждаем вас, товарищ Курчатов, в качестве руководителя проекта. Можете подбирать себе научный коллектив. Не стесняйтесь, просите все, что вам нужно… В отдельной записке укажите, какие научные сведения вам хотелось бы получить из-за рубежа.

— Но разве это возможно? — Курчатов непонимающим взглядом смотрел на Сталина. — Все исследования за рубежом теперь строго засекречены. Исчезли даже публикации со страниц научных журналов…

— Это не ваша забота, товарищ Курчатов. У нас есть кому подумать об этом. — И Сталин в который раз перевел взгляд на Берию, потом снова на Курчатова: — Вы хотите что-нибудь сказать еще нам?

— Да, товарищ Сталин. Очень коротко. Единственный путь защитить нашу страну — это наверстать упущенное время и незаметно для внешнего мира создать в Советском Союзе достаточного масштаба атомное производство. А если у нас об этом раззвонят, то США так ускорят работу, что нам их будет не догнать…

Игорь Васильевич хотел еще что-то сказать, но Сталин не дал ему договорить:

— Нет, товарищ Курчатов, вы все же постарайтесь их догнать. А товарищ Молотов, который будет курировать ваш проект от имени правительства, поможет вам в этом. Окончательные сроки по завершению работы мы устанавливать пока не будем. Но нужно, товарищи, помнить: дамоклов меч уже занесен над планетой. Он угрожает всей человеческой цивилизации. Необходимо как можно скорее найти противоядие нависшей угрозе, противопоставить ей все самое лучшее и самое мощное, на что мы способны. И чем быстрее это будет сделано, тем лучше… В том числе и для вас, ученых.

Возвратившись с заседания Государственного Комитета Обороны, Л. Берия сразу же пригласил к себе начальника разведки П. Фитина:

— …Прошу вас, Павел Михайлович, в самое ближайшее время встретиться с товарищем Курчатовым и выяснить, чем конкретно разведка может помочь ученым в ускорении исследовательских работ

по урану. К вашему сведению, это указание товарища Сталина. А теперь мои указания по этой проблеме. Для обеспечения секретности исследовательских работ товарищу Курчатову необходимо подобрать опытного помощника по режиму. Статус его — уполномоченный Совета Министров СССР, по званию — не ниже полковника. Выделить одного из своих замов. Он будет вести переписку с Курчатовым, Кафтановым и Первухиным по атомной проблематике.

Таким образом, в феврале 1943 года было подписано распоряжение по Академии наук СССР о создании Лаборатории №2, под руководством И.В. Курчатова, где и будет вестись работа по созданию нового вида оружия — атомной бомбы.

По заданию партии и правительства СССР советская разведка добывала очень ценные научно-исследовательские материалы по атомной проблематике. Среди советских разведчиков в первую очередь следует отметить полковников В.Г. Фишера (Рудольф Абель), В.Б. Барковского, Л.Р. Квасникова, А.С. Феклисова, А.А. Яцкова.

Если атомную бомбу мы создали под руководством академика И.В. Курчатова, то отцом водородной бомбы стал академик А.Д. Сахаров. Кстати, оба академика, и Курчатов и Сахаров, являются трижды Героями Социалистического Труда.

Большую помощь в создании атомной бомбы советской разведке оказали Клаус Фукс, американская супружеская пара Моррис и Леонтина Коэн, Соня, «Персей» и др.

Доктор Эмиль Юлиус Клаус Фукс (1911–1988). Сын священника Клаус Фукс со студенческих лет участвовал в социал-демократическом движении Германии, но быстро разочаровался в нем, увидев, что оно не в состоянии дать решительный отпор набиравшему силы фашизму.

Клауса Фукса всё больше увлекает программа коммунистов — построение нового мира, и он с большим желанием вступает в КПГ (Коммунистическая партия Германии).

Решив спастись от ареста и преследования нацистов, Клаус бежит в 1933 году в Англию и там полностью отдаётся своему любимому занятию — теоретической физике.

К началу Второй мировой войны Англия была одной из лидеров в ядерных исследованиях. В отличие от Иосифа Сталина, У. Черчилль интуитивно понял важность ядерных исследований и активнейшим образом стал помогать своим учёным в этой работе.

Своими успехами Великобритания и Соединенные Штаты в значительной степени были обязаны участию в ядерных разработках физиков-эмигрантов, бежавших от Гитлера. Среди эмигрировавших в Англию был и немец доктор Клаус Фукс.

В Англии К. Фукс не скрывал своих прогрессивных взглядов. Он бывал на митингах в поддержку СССР, был членом правления общества культурных связей с нашей страной, помогал борющейся Испании. Английской спецслужбе МИ-5 это хорошо было известно, и К. Фукс постоянно находился в поле её зрения.

В июле 1941 года В. Молотов и посол Великобритании в СССР Ст.

Криппс договорились оказывать взаимную помощь и всяческую поддержку, в том числе и в новых военных разработках. Справедливости ради следует заметить, что англичане «забыли» проинформировать Советский Союз о важнейших разработках по созданию новейшего сверхмощного оружия — атомной бомбы.

К. Фукс решил восполнить этот пробел. К тому времени британские учёные дали своему правительству ответ на поставленные вопросы — атомная бомба может быть создана в течение ближайших лет, эффективность её будет фантастической, взрывчаткой может служить плутоний, который будет накапливаться в управляемом ядерном реакторе, или лёгкий изотоп «урана-235» — его можно добывать из природного урана разными методами разделения.

К. Фукс прекрасно понимал, какую угрозу для мира и человечества представляет монопольное владение таким оружием. Он, как и многие другие, считал, что это оружие нужно поставить под международный контроль, и уж во всяком случае секрет атомной бомбы должен быть передан союзнику — СССР, чтобы ни одна страна не имела возможности ядерного шантажа.

После долгих колебаний и раздумий осенью 1941 года Клаус Фукс обратился к знакомому эмигранту из Германии Ю. Кучински (брат советской разведчицы Сони) за советом — как он может помочь СССР?

Кучински порекомендовал ему обратиться в советское посольство в Лондоне. Клаус согласился с этим вариантом, предложенным Кучински, и вскоре посетил посольство СССР. Туда он прибыл совершенно открыто, не маскируясь, и там сообщил компетентному сотруднику, что у него имеется важная информация о новом сверхмощном оружии.

Советская сторона очень заинтересовалась информацией Фукса и предложила ему сотрудничать с нами. Фукс довольно охотно пошёл на контакт с советской внешней разведкой и проходил под псевдонимом «Чарльз».

Для связи с Чарльзом был назначен оперработник Семён Кремер и радистка Соня. Эту кличку Руфь Кучински получила от советского разведчика из Разведупра — Рихарда Зорге, когда она работала с ним в Шанхае.

В резидентуре была разработана схема связи Сони с Чарльзом. Как правило, Фукс и Соня ехали на велосипедах каждый своим путём в лес и там встречались в определенном месте. К. Фукс передавал ей из рук в руки письменную информацию. Это были или копии его собственных работ, или запечатленные его фотографической памятью сведения об атомном проекте.

Когда-то Соню звали Урсула, затем Руфь, Рут Вернер, но среди подпольщиков и разведчиков её помнят как Соню — советскую разведчицу немецкого происхождения в воинском звании полковник. Соня — немецкая еврейка, 1907 года рождения. С Р. Зорге она работала два года. Затем по решению Центра покинула Шанхай в 1934 году. Потом Чехословакия, Польша. Прошла в Москве курсы шифровальщиков, изучила азбуку Морзе и подрывное дело, и снова

Китай. В 1935 году Соню переводят в Англию, где к тому времени жили её родители. В Оксфорде она познакомилась с Клаусом Фуксом, который уже работал с профессором Рудольфом Пейрлсом, также бежавшим от фашистов из Германии. Р. Пейрлс возглавлял тогда проект «Тьюб Элойз» по созданию А-бомбы.

Соня встречалась с Фуксом всего шесть раз в течение нескольких месяцев, до 1943 года. К тому времени от Клауса поступило документов «на книгу листов в триста».

«Однажды из любопытства, — вспоминала Соня, — я взглянула на формулы, но, будучи профаном, ничего не поняла в „иероглифах Фукса“, написанных чрезвычайно мелким почерком. Я не догадывалась о том, что документы представляют собой проект атомной бомбы, но понимала, что это очень важная информация».

Полученные от Фукса материалы Соня передавала С. Кремеру, агенту советской разведки в Лондоне во время войны. Они встречались в семи милях от Оксфорда в лесу. Вместе были всего несколько минут, и Соня срочно уезжала домой, с облегчением думая, что с этой минуты больше не несёт ответственности за секретные документы. Через 24 часа Сталин уже имел копию британского проекта А-бомбы.

В 1947 году Соне было приказано прервать разведдеятельностъ. Её разоблачил Аллан Фут, бывший член её женевской разведывательной сети. Соня вынуждена была покинуть Англию в 1950 году, вскоре после того, как К. Фукс был арестован. Она закопала свой радиоприёмник и отправилась в аэропорт Хитроу с дочерью Ниной и Питером, её младшим сыном. Через несколько часов самолёт приземлился в аэропорту Темпельхоф в Западном Берлине.

Соня поселилась в ГДР. Её дети сделали неплохую карьеру. Майкл, которому в 1990 году было уже 60 лет, работал в театре. Нина преподавала в средней школе. А Питер увлечённо занимался философией и имел уже некоторые успехи.

Сама Соня работала в различных учреждениях: сначала в прессе, потом в системе внешней торговли. В 1956 году она оставила работу и занялась литературным творчеством. Её литературным псевдонимом стал «Рут Вернер».

Соня отдала разведке двадцать лет, жила в огромном напряжении, рисковала всем, в том числе и своей жизнью. Нужны ли были эти жертвы? Соня, абсолютно преданная коммунизму, отвечала: «Да».

За заслуги перед Советским Союзом Указом Президиума Верховного Совета СССР она была награждена орденом Красного Знамени. Эту дорогую для неё награду за работу с Р. Зорге она всегда хранила как зеницу ока в своем комоде.

Спустя 50 лет, уже в возрасте 84 лет, она вновь решила поехать в Великобританию по поводу выхода в свет её автобиографии «Донесения Сони». По поводу приезда Сони в Англию дискутировали британские парламентарии. Предлагали арестовать её прямо в аэропорту, как нанесшую ущерб безопасности Англии.

Однако генеральной прокуратурой было решено: «На данном

этапе следует воздержаться от возбуждения общественного интереса и не предпринимать ни в коем случае никаких акций против Сони и её мужа Бертона».

Сама Соня, узнав о возможности быть арестованной при выходе из самолёта, вынуждена была высказаться в решительной манере: «Мне плевать на то, что со мной может случиться. Мне и жить-то, может, осталось с полчаса... Мне всегда нравился британский народ и я не совершала никаких противодействий относительно Англии».

Соня — Урсула Кучински — Рут Вернер (1907–2000) умерла в Берлине летом 2000 года.

На начало 1943 года в разработке атомной бомбы впереди шла Великобритания. Но бушевавшая в то время в Европе война, развязанная фашистской Германией, нарушала весь процесс мирной жизни и могла сорвать планы англичан по созданию А-бомбы.

И уже в августе 1943 года, встретившись в Квебеке (Канада), Рузвельт и Черчилль подписали секретное соглашение о совместных работах по созданию атомного оружия. Клаус Фукс, известный своими теоретическими трудами в области атомной энергетики, был включен в группу британских учёных, которым предстояло вылететь в Лос-Аламос для совместной работы с американскими коллегами в рамках «Манхэттенского проекта» (так в США назывались работы над А-бомбой).

По решению Центра для поддержания связи с К. Фуксом был выделен агент-связник нью-йоркской резидентуры. В первых числах февраля 1944 года он установил контакт с Фуксом и стал получать от него секретную информацию о ходе работ США и Великобритании по «Манхэттенскому проекту».

Главной задачей нашей разведки было информировать советских учёных о реальных результатах ведущихся работ по созданию атомного оружия. И она была успешно решена благодаря, во многом, Клаусу Фуксу и другим источникам. В апреле 1945 года советской разведкой была получена информация о конструкции американского атомного реактора, разработанного учёным-физиком, специализировавшимся в области атомной энергии, Энрико Ферми. 25 декабря 1946 года в СССР состоялся пуск советского атомного реактора «Ф-1».

С весны 1944 по январь 1945 года К. Фукс работал непосредственно в секретном атомном центре США в Лос-Аламосе, где трудились 45 тысяч гражданских лиц и несколько тысяч военнослужащих. Здесь созданием первой атомной бомбы занимались 12 лауреатов Нобелевской премии в области физики из США и стран Европы. Но даже на их фоне К. Фукс выделялся своими знаниями, ему поручалось решение важнейших физико-математических задач.

От К. Фукса поступали сверхценные сведения не только теоретического, но и научно-практического характера. Так, в январе 1945 года он передал информацию по урановой бомбе и одновременно сообщил о начале работ в США по созданию плутониевой бомбы.

Разумеется, Клаус Фукс не был единственным источником советской внешней разведки по атомной тематике. Летом 1944 года

неизвестный человек передал в советское генконсульство в Нью-Йорке запечатанный пакет. При вскрытии пакета оказалось, что в нем находятся совершенно секретные материалы по атомной проблематике. Однако установить имя визитёру резидентуре сразу почему-то не удалось. Центр, получив эти материалы, оценил их как «исключительно представляющие для нас интерес» и одновременно здорово и по делу отчитал резидента за то, что не принял мер по немедленному установлению контакта с посетителем.

Ценную документальную информацию по созданию в США атомной бомбы удалось получить молодому тогда сотруднику резидентуры Александру Феклисову. Добытые Феклисовым материалы были достойно оценены в Москве. Заместителем руководителя нью-йоркской резидентуры по линии научно-технической разведки был в ту пору Леонид Квасников.

В начале июня 1945 года состоялась очередная встреча с Клаусом Фуксом. Агент передал подробную документальную информацию по устройству А-бомбы. Клаус проинформировал также советскую разведку, что в июле 1945 года состоится испытание первой американской атомной бомбы. Эти сведения были исключительно важными и в виде спецсообщения были доложены Сталину.

6 и 9 августа 1945 года американская авиация сбросила две атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. В Москве поняли, что это предупреждение адресуется прежде всего Советскому Союзу, и сделали из этого выводы о необходимости ускорения работ по созданию собственного атомного оружия.

Тем временем предстояло возвращение К. Фукса в Англию, и на встрече ему были переданы условия связи в Лондоне с представителем резидентуры советской разведки.

До осени 1947 года советская разведка не имела связи с Фуксом. В сентябре 1947 года в Лондон в качестве заместителя резидента по научно-технической разведке прибыл Александр Феклисов, который получил задание восстановить связь с учёным-физиком.

В конце того же месяца связь с Фуксом была восстановлена. На этой встрече Клаус сообщил оперработнику, что учёные Чикагского университета Ферми и Теллер работают над созданием ещё более разрушительного оружия — водородной бомбы, и разъяснил принцип её устройства. По заданию резидентуры в дальнейшем он собрал и передал нам подробные сведения о конструкции водородной бомбы: принципиальную схему и теоретические выкладки по её созданию, которые были разработаны учеными США и Англии.

Как позже стало известно, американцы не остановились на атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Они тут же забыли о невинно погибших в атомном аду японцах и пошли ещё дальше. Они замахнулись на своего союзника по антигитлеровской коалиции — Советский Союз.

В то время в стенах Пентагона уже зрел дьявольский план, который предусматривал нанесение атомных ударов по городам и промышленным объектам Советского Союза.

Американские ястребы, впавшие в эйфорию в связи с успешной бомбардировкой японских городов Нагасаки и Хиросима, недооценивали возможности Советского Союза в этой области. Считалось, что СССР, сильно ослабленный в результате войны, не скоро будет в состоянии повторить достижения США. Руководитель «Манхэттенского проекта» генерал Гровс докладывал специальной комиссии американского Конгресса: «Для того, чтобы нас догнать, Советам потребуется в лучшем случае 15 лет».

Более оптимистично оценивал возможности СССР непосредственный создатель атомной бомбы Р. Оппенгеймер. В ответ на вопрос о том, сможет ли Советский Союз создать это оружие, ответил: «Они преодолеют отставание через четыре года». Он оказался прав: в 1947 году Советский Союз на весь мир объявил, что отныне для него не существует секретов в ядерной сфере, а в 1949 году была испытана первая советская атомная бомба.

Сталин постоянно интересовался ходом работ по созданию атомной бомбы. Летом 1949 года он вызвал к себе И.В. Курчатова для доклада. Игорь Васильевич положил перед Сталиным отчёт о ходе работ. Сталин не стал его читать, а лишь раздраженно заметил:

— Мне не бумажки нужны! Мне бомба нужна.

Берия, со своей стороны, торопил учёных, оказывая на них давление. Это привело к конфликту между ним и Курчатовым, который пожаловался Сталину на всесильного министра. Сталин приказал Берии не трогать учёных и предоставить им полную свободу в работе. Берия вынужден был подчиниться против своей воли. И вот настало 29 августа. На эту дату было назначено испытание первой советской атомной бомбы. На Семипалатинском полигоне никто не спал в эту ночь. Сам Лаврентий Берия метался между объектами, лично наблюдая за сборкой первого отечественного атомного устройства.

Утром Берия лично проводил «изделие» до лифта, который должен был поднять его на стальную вышку. По ходу он раздраженно сказал Курчатову, руководившему этими работами:

— Ни черта у вас не выйдет!

— Как не выйдет? — удивился учёный. — Обязательно выйдет.

Все присутствовавшие на полигоне зашли в укрытие. Начался отсчёт времени. Ровно в 7 часов утра раздался взрыв. Небо над полигоном осветила яркая вспышка, затмившая солнце. Стальная 70-метровая вышка через секунду испарилась. По полигону прокатился оглушительный гром. Курчатов выскочил из укрытия наружу с криком: «Она, она!» Его вернули обратно в укрытие.

Берия, не веривший в успех эксперимента, расцеловал И. Курчатова и Ю. Харитона, руководивших работами по сборке бомбы.

— Было бы большим несчастьем, если бы ничего не вышло, — сказал Лаврентий и побежал докладывать Сталину.

Сталин ещё спал.

— Это очень важно, — сказал Берия в трубку помощнику Сталина

генералу Поскрёбышеву. — Буди его немедленно!

Полусонный Сталин, лёгший спать по обыкновений очень поздно, наконец взял трубку:

— Что тебе нужно?

— Товарищ Сталин, важная новость, всё успешно, взрыв такой же, как и у американцев! — прокричал в телефонную трубку Берия.

— Я всё уже знаю, — ответил генсек и повесил трубку.

Берия был взбешен: кто осмелился раньше его доложить Сталину об испытании? Первоначально его подозрения пали на советских учёных, однако вскоре они отпали.

В начале сентября 1949 года американцы получили от своей военной разведки фотоснимки верхних слоёв атмосферы над территорией Советского Союза. На фотографиях отчётливо просматривался грибовидный след от атомного взрыва. На основании анализа проб воздуха в атмосфере комиссия доложила президенту Трумэну, что в Советском Союзе произвели взрыв плутониевой бомбы. В США это вызвало состояние шока. «Невероятно, но Россия ликвидировала отставание, вызванное годами войны»; «Советская атомная бомба положила конец американской ядерной монополии»; «Рушится одна из главных подпорок „холодной войны“; „Большевики украли бомбу!“ — такими заголовками запестрели западные газеты.

Американская администрация была потрясена тем, что их страна неожиданно утратила военное превосходство и потеряла монополию на атомное оружие, которая, по заверениям Трумэна, должна была продержаться по крайней мере 10–15 лет.

Президент США в обращении к американскому народу старался дать понять, что в России произошла авария с ядерным устройством, причём он ни разу даже не употребил слово „бомба“.

А в это время в Кремле торжествовал Сталин: обрадованный успешным испытанием изделия, он затребовал у возвратившегося с полигона Берии список учёных, особо отличившихся при создании атомной бомбы.

— Список, товарищ Сталин, давно уже готов.

— А почему давно?

— Этот список я составил заранее, так, на всякий случай…

— Это как понимать? — прервал его вождь.

— Очень просто. Если бы бомба не взорвалась, то мы строго спросили бы с каждого, кто попал в этот список. Вплоть до расстрела…

— А кто же тогда должен был делать вторую бомбу?

— Для этого была подобрана вторая, запасная команда учёных.

— Значит, получается так: или грудь в крестах, или голова в кустах.

— Значит, так, товарищ Сталин. В ход вступала двойная бухгалтерия: или расстрел, или звание Героя…

— Ну а ты, Лаврентий, в том списке тоже есть? — спросил вождь.

— Да, есть.

— Под каким номером ты там идешь?

Берия насторожился, совершенно не понимая, зачем он это спрашивает.

— Под первым, товарищ Сталин. Как положено, по алфавиту…

— А ты понимаешь, что писал академик Капица? У товарища Берии, сказал он, основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. А с этим у тебя слабо, подчеркнул он… И ещё он заметил, что учёные в этом деле ведущая, а не подсобная сила. Ты, Лаврентий, напрасно не поставил в тот список впереди себя таких учёных, как академики Алиханов и Арцимович… И далее по алфавиту… Ну, хорошо, Лаврентий, мы разберёмся, кого как наградить. Привези мне завтра этот список…

Сталин и Берия келейно решили тогда присвоить звание Героя Социалистического Труда Курчатову, Харитону, Завенягину, Зельдовичу, Ванникову, Щепкину, Флёрову, Духову. Им же по указу вождя были выданы крупные суммы денег и бесплатные автомобили „ЗИС-110“, или „Победа“, а также предоставлялось право на обучение своих детей в любом ВУЗе страны и разрешалось для всех членов семьи пожизненно пользоваться правом бесплатного проезда по всей стране на всех видах транспорта.

О разведчиках на какое-то время забыли. Лишь через несколько дней после сказочно высокого поощрения основных разработчиков атомного проекта заместитель председателя Совмина СССР Авраамий Завенягин пригласил в Кремль одного из руководителей научно-технической разведки Леонида Квасникова для встречи с академиком И.В. Курчатовым.

В процессе беседы Игорь Васильевич, обращаясь к Завенягину, обронил с пафосом:

— Если быть объективным, Авраамий Павлович, мы должны сказать огромное спасибо разведке. Вклад её в создание первой советской атомной бомбы составляет шестьдесят процентов, остальные сорок — наши…

Завенягин, подмигнув Квасникову, с улыбкой на лице заметил:

— А по-моему, ты, Игорь Васильевич, преувеличиваешь её заслуги. Слишком ты ей даёшь. Пятьдесят на пятьдесят — так будет справедливее.

— Согласен, пусть будет фифти-фифти. Но это не обидит вашу разведку, Леонид Романович?

— О чём вы говорите, Игорь Васильевич?! — воскликнул Квасников, обрадованный высокой оценкой Курчатова. — Мы считаем, что атомное оружие создано общими усилиями учёных, специалистов, производственников и в какой-то мере нас, разведчиков. Но мы, согласитесь, не вели расчётов, не занимались экспериментами, не стояли у станков. Мы в меру своих знаний и понимания важности для

Родины обладать как можно скорее ядерным оружием добивались, не жалея себя, выполнения тех заданий, которые вы определяли разведке. Мы делали своё обычное дело и очень довольны тем, что наша информация попадала на благодатную почву, всегда получала высокую оценку и почти вся шла в дело. Вот и сейчас вы ещё раз подтвердили своё отношение к нашим разведывательным данным. Большое вам спасибо за это. Нам очень дорого сознание честно и бескорыстно исполненного долга перед Родиной… Скажите, Игорь Васильевич, я могу сообщить своему руководству об этом самом „фифти-фифти“?

Завенягин и Курчатов с улыбкой переглянулись.

— Да ради Бога! Так и передайте: разведка оказала нам неоценимую помощь в создании советского атомного оружия. А потом я обязательно напишу в Комитет информации письмо с выражением благодарности. Кстати, передайте также слова особой благодарности тем иностранным источникам, которые, рискуя своей жизнью и научной карьерой, передавали для нас весьма ценные сведения. Их объективная, выверенная информация помогала нам сократить сроки изготовления атомной бомбы, сэкономить сотни миллионов рублей. — И, обращаясь уже к Завенягину, Курчатов спросил: — Авраамий Павлович, а нельзя ли как-то отметить правительственными наградами сотрудников разведки?

— Ты опоздал, Игорь Васильевич, со своим предложением. Вот посмотри, что мы направляем сегодня на утверждение товарищу Сталину.

Завенягин протянул ему наградные представления, отпечатанные на мелованной бумаге с гербом СССР.

Курчатов, взяв из рук зампреда документы, начал внимательно просматривать: среди большой группы учёных и специалистов, представленных к орденам Ленина и Трудового Красного Знамени, он встретил лишь пять незнакомых фамилий и понял, что это были сотрудники внешней разведки МГБ. Фамилии Квасникова в списке не значилось. Курчатов взглянув на Завенягина, с удивлением произнёс:

— Здесь представлено к наградам пять чекистов. Но почему именно пять, а не шесть или семь? И почему в списках нет уважаемого Леонида Романовича?

— Нам пришла, как обычно, разнарядка из ЦК, которая лимитировала количество наград… В том числе и для сотрудников МГБ… Фамилии этих пяти разведчиков нам дало само МГБ.

Курчатов недоумённо пожал плечами:

— Странно, очень странно… Возможно, тут произошла какая-то ошибка… Или же просто забыли об этом человеке… Леонид Романович, я сам тому свидетель, сделал много полезного и в добывании, и в реализации „атомной“ информации. Что надо сделать, Авраамий Павлович, чтобы исправить несправедливость?

Завенягин развёл руками:

— Ничего не поделаешь: лимит на награды исчерпан. Поезд

ушёл…

— Нет, не ушёл! — воскликнул Курчатов. — Пока списки лиц, представленных к наградам, лежат у вас на столе, есть возможность успеть подпечатать еще одну фамилию… Вы придержите эти документы на одна сутки, не отправляйте их в канцелярию Сталина. А я сегодня же свяжусь с Абакумовым и Берией и попытаюсь убедить их в необходимости представления к награждению товарища Квасникова…

— А может, не надо, Игорь Васильевич?… — смутился Квасников. — Тем более если придётся решать этот вопрос и с Лаврентием Павловичем.

— Нет, Леонид Романович, без согласования с Берией и его визы на документе нам никак не обойтись, — вставил Завенягин.

— Тогда это пустой номер. Берия одно время грозился спустить меня в подвалы Лубянки…

— Но сейчас другое время, и он стал уже другим, — заметил Курчатов. — Как-никак, теперь он Маршал Советского Союза. Так что не всё ещё потеряно, я попробую его переубедить…

После успешного испытания советской атомной бомбы авторитет академика Курчатова поднялся на небывалую высоту, и поэтому ему удалось доказать Берии, что Квасников заслуживает не меньшей, а может быть, даже и большей награды, чем те пять разведчиков, которые были внесены в длиннющий список представленных к награждению лиц. Нашлось в нем место и Леониду Романовичу: за вклад, который Квасников внес в дело создания атомной бомбы, он был удостоен ордена Ленина. Семён Семёнов (Твен), Анатолий Горский (Вадим), Александр Феклисов (Калистрат), Владимир Барковский (Джерри) и Анатолий Яцков (Яковлев) были награждены орденами Трудового Красного Знамени.

Лишь 25 сентября 1949 года, спустя почти месяц после взрыва, Москва сама объявила всему миру, что Советский Союз тоже имеет свою атомную бомбу.

Создание Советским Союзом ядерного оружия настолько ошеломило правительство США и Англии, что Трумэн и Эттли срочно созвали секретные заседания своих кабинетов, чтобы рассмотреть военно-политические аспекты этого события. Год назад директор ЦРУ адмирал Р. Хилленкоттер утверждал, что русские создадут свою первую А-бомбу не ранее середины 1955 года. Не избежал ошибки и корифей американской разведки Аллен Даллес, заверявший, что ЦРУ будет знать, когда в России появится своя атомная бомба. За то, что ЦРУ ничего не знало о разработке и производстве в СССР нового оружия, Хилленкоттер был лишен своего поста. Должность директора ЦРУ занял генерал Уолтер Беделл-Смит.

Но критиков американской разведки замена руководства ЦРУ не устраивала. Они требовали укрепления спецслужб, которые могли бы более эффективно выявлять „атомных шпионов“.

После бомбёжки японских городов Хиросимы и Нагасаки

американские учёные, принимавшие участие в создании А-бомбы в США, поняли, что в руках американской администрации оно представляет угрозу для всего миролюбивого человечества.

Немецкий учёный Альберт Эйнштейн, работавший в Лос-Аламосе, говорил после войны: „Если бы я знал, что нацистам так и не удастся создать атомную бомбу, то я бы и пальцем не пошевелил“. Группа американских ученых во главе с Р. Оппенгеймером обратилась с письмом к президенту и предлагала поставить атомное оружие под международный контроль, однако тщетно: Г. Трумэн и слышать об этом не хотел.

Во исполнение Директивы №1496/2 в США началась интенсивная работа по прогнозированию применения ядерного оружия против СССР. По мере накопления ядерных зарядов и их носителей в США увеличивалось и число мирных целей в СССР, которые, по замыслу американских ястребов, должны были стать объектами бомбардировок.

В 1945 году был разработан план атомной войны против СССР, получивший название „Тоталин“, т.е. тотальное уничтожение Советского Союза. Планом предусматривалось нанести атомные удары по 17 советским городам, включая Москву, Ленинград, Горький, Куйбышев, Саратов, Свердловск, Омск, Новосибирск.

При этом американские стратеги исходили из того, что СССР не сможет нанести против США ответный удар из-за отсутствия у него атомного оружия.

В 1946 году США располагали уже 35 ядерными боеприпасами, поэтому был разработан новый план, получивший название „Пинчер“ („Клещи“).

Увеличилось число советских городов, которые должны были превратиться в радиоактивные развалины.

В 1947 году появляется на свет новый план военного нападения на нашу страну, окрещенный его авторами именем „Бройлер“. В 1948 году его сменил план „Дропшот“, а в следующем году — „Сиззл“. Этим планам превентивной войны против СССР американцы специально давали бессмысленные названия, чтобы сбить с толку советскую разведку. Напрасно.

В 1948 году Сталину было доложено, что план „Дропшот“ предусматривает использование американцами в войне против СССР 300 атомных и 29 тысяч тонн обычных бомб с тем, чтобы уничтожить 85% промышленного потенциала нашей страны и погубить примерно 10 миллионов человек. Идея „абсолютной мощи“, способной принести Вашингтону безоговорочную победу над СССР, прочно овладела умами американских правителей. Их дипломатия в послевоенный период стала отныне опираться исключительно на военную силу. Всякие моральные соображения были выброшены на свалку. Американцы, опираясь на свою ядерную мощь, ведут жестокую полемику с советской стороной, как в стенах ООН, так и на Парижской мирной конференции и в рамках Совета министров иностранных дел по Германии, однако Сталин не поддаётся их шантажу и угрозам.

В марте 1947 года США провозглашают новую

внешнеполитическую доктрину, получившую название „доктрина Трумэна“. Суть её сводилась к тому, что Греция и Турция могут стать объектами „коммунистической экспансии“, поэтому Запад должен оказать им всестороннюю помощь и подвергнуть СССР ядерному устрашению. Она окончательно положила конец политике изоляционизма США, которую Вашингтон проводил в довоенный период. Отныне сферой жизненных интересов США объявлялась вся планета, а не только Американский континент, как это было провозглашено в „доктрине Монро“ ещё в 1837 году.

Ответом СССР на гегемонистские планы Вашингтона было создание собственного ядерного оружия в 1949 году. На следующий день после взрыва первой советской атомной бомбы американский самолёт, совершавший разведывательный полёт по периметру советских границ, зафиксировал содержание атомов урана в атмосфере. Мнение американских экспертов было единодушным: в СССР получили своё атомное оружие и монополии США в этой области пришёл конец. Когда эта новость была доложена президенту Трумэну, он долго не мог поверить: рушились его мечты, связанные с завоеванием мирового господства. Ошеломленный президент реагировал на это сообщение вопросом: „Что же нам делать?“ Первым делом он отправил в отставку тогдашнего директора ЦРУ адмирала Р. Хилленкоттера, который вводил его в заблуждение, утверждая, что атомная бомба появится в СССР не ранее 1955 года.

Американские руководители долго таили в секрете от собственного народа неприятное для них известие. Примерно через месяц Белый дом инспирировал вопрос американских журналистов о том, может ли СССР создать в скором будущем атомное оружие. Был дан официальный ответ, что это в принципе возможно. А через некоторое время американская администрация инспирировала утечку в печать сведений о том, что недавно в СССР была испытана собственная атомная бомба. „Холодная война“ была в разгаре, и эта новость произвела на американскую общественность ошеломляющее впечатление.

Г. Трумэн отдал распоряжение директору ФБР Э. Гуверу начать расследование в связи с утечкой атомных секретов из США в СССР. В 1950 году Гувер доложил президенту Трумэну, что лицом, передавшим СССР атомные секреты США, был английский учёный Клаус Фукс, принимавший участие в работе над „Манхэттенским проектом“. В 1950 году К. Фукс, уже возвратившийся в Англию, был арестован британской контрразведкой.

К счастью, другие источники советской разведки в США, снабжавшие её атомными секретами, не пострадали.

В связи с появлением в СССР собственного ядерного оружия США в 1950 году вносят уточнения в план военного нападения „Дропшот“ („Моментальный удар“). Главная цель этого плана заключалась в ликвидации Советского Союза как государства. Отныне война против СССР должна вестись в четыре этапа.

Первый этап включал бомбардировку 200 советских городов с использованием 300 атомных бомб.

Второй этап — развертывание войск США и их союзников силами до 160 дивизий для наступления против стран Восточной Европы.

Третий этап — ведение боевых действий на территории СССР.

Четвёртый этап — завершение военных действий, оккупация СССР и его ликвидация как государства.

План „Дропшот“ не был загадкой для Советского государства: разведка сумела получить его копию и доложить этот документ Сталину. Советской разведкой были также получены достоверные сведения о дне „А“, на который планировалось американское нападение. Это позволило советскому военному руководству разработать адекватные ответные меры. Как известно, ядерное нападение на СССР в 1950 году, да и в последующие годы, не состоялось.

Помимо наращивания Советским Союзом ядерного потенциала в первые годы „холодной войны“ сдерживающими факторами для американских ястребов были следующие обстоятельства.

После войны СССР располагал в Европе самой мощной группировкой вооруженных сил, не имевшей себе равных по численности, оснащенности, боевому опыту и эффективности управления. В случае начала боевых действий эта группировка, втрое превосходившая по боевому составу группировку стран НАТО, включая американскую, могла быстро сломить ее сопротивление и через две недели выйти к Ла-Маншу и Средиземному морю. Это могло закрыть доступ США и Англии к нефтяным ресурсам Ближнего и Среднего Востока, без чего продолжать боевые действия они были бы не в состоянии.

Кроме того, американские аналитики отмечали, что в результате победоносно завершившейся войны в СССР сложилось морально-политическое единство советского народа. Он полностью доверяет руководству страны, которое в случае войны сможет быстро мобилизовать общество на организацию отпора любому агрессору.

В США и Европе такого единства среди населения не отмечалось. Там все ещё были сильны симпатии „человека с улицы“ к советским солдатам, спасшим человечество от „коричневой чумы“. Кроме того, в ряде стран Западной Европы, в частности во Франции и Италии, коммунисты входили в состав правительств. Сильные левые настроения в Европе нельзя было сбрасывать со счетов. Вашингтон понимал, что развязывание Западом новой мировой войны против Советского Союза вызвало бы серьёзное сопротивление со стороны населения этих стран.

Антисоветская истерия в США в годы „холодной войны“ была настолько сильна, что в 1952 году американский министр обороны Дж. Форрестол с криком: „Русские идут!“ выбросился из окна рабочего кабинета.

В состоянии белой горячки ему померещилось, что на улицы Вашингтона ворвались танки Советской армии.

К счастью, „холодная война“ не сменилась ядерной. Путь к

разрядке международной обстановки был долгим и непростым, и если наша страна и весь мир были избавлены от ядерной катастрофы, то в этом была и заслуга советской разведки, своевременно снабжавшей советское руководство упреждающей информацией об истинных планах и намерениях США.

А теперь вернемся снова к Клаусу Фуксу. В июле 1946 года английское правительство решило создать собственную атомную бомбу, так как американцы не спешили делиться своими секретами, и попросило вернуть из США своих специалистов-атомщиков.

Итак, в 1946 году К. Фукс снова оказался в Англии. Весьма важными были его сведения о том, что за несколько месяцев до окончания Второй мировой войны британский премьер К. Эттли принял решение о создании собственного атомного оружия. Англия считала, что если она откажется от производства собственного ядерного оружия, то полностью попадёт в зависимость от США. Летом 1946 года по указанию премьера был создан сверхсекретный комитет „ГЕН-75“ по планированию и строительству объектов по производству атомных бомб. На реализацию программы выделялось сто миллионов фунтов стерлингов.

Сам К. Фукс был назначен руководителем отдела теоретической физики в атомном центре в Харуэлле и по-прежнему пользовался полным доверием властей Великобритании.

Однако тучи над Фуксом постепенно сгущались. В сентябре 1949 года Агентству национальной безопасности США удалось расшифровать ряд телеграмм нью-йоркской резидентуры, в которых имелись сведения о нем как об агенте советской разведки.

Американские спецслужбы информировали об этом британскую контрразведку МИ-5, которая начала допросы учёного-физика. После чистосердечного признания К. Фукс был арестован 3 февраля 1950 года.

Британские власти предъявили ему обвинение в „передаче врагу“ информации по атомной проблематике.

Американские власти просили правительство Великобритании о выдаче им К. Фукса для предания его суду. Но английские власти отказались выдать учёного Соединенным Штатам, где ему, безусловно, грозил электрический стул.

1 марта 1950 года в Лондоне, в центральном уголовном суде Олд Бейли начался судебный процесс над Клаусом Фуксом, „самым опасным шпионом века“, как его окрестила местная пресса. Он признал свою вину и был приговорен к 14 годам тюремного заключения.

После суда над советским разведчиком комиссия конгресса США по атомной энергии поручила директору ФБР Э. Гуверу представить ей материалы признаний К. Фукса. После их тщательного анализа комиссия пришла к выводу о том, что Фукс передал Советскому Союзу не только результаты научно-исследовательских работ, но и подробные данные о результатах испытаний американцами ураново-плутониевых бомб в районе атолла Эниветок. По оценке американских учёных,

информация К. Фукса позволила Советскому Союзу значительно сократить срок создания собственного атомного оружия и опередить США в создании водородной бомбы. Кстати, американские конгрессмены тогда ещё не знали, что помимо Клауса Фукса сведениями по атомной тематике советскую разведку снабжали и другие источники, многие из которых к тому времени оставались нераскрытыми.

Клаус Фукс вышел из английской тюрьмы на свободу в июне 1959 года, через девять с половиной лет после приговора („за примерное поведение“). Он отказался от весьма престижных предложений заниматься научной работой на Западе и уехал в ГДР к своему отцу. Здесь его ждали. В сорок восемь лет учёный начал жизнь с чистого листа. Клаус сразу получил гражданство ГДР, женился, работал заместителем директора Института ядерной физики, читал во многих ВУЗах лекции по физике, философии и другим наукам. В дальнейшем К. Фукс стал членом Академии наук и членом ЦК Социалистической единой партии Германии, лауреатом Государственной премии первой степени и кавалером ордена Карла Маркса. Указом Президиума Верховного Совета СССР К. Фукс был награжден орденом Дружбы народов. В целом жизнь у него в ГДР сложилась удачно. По его словам, с 1933 года он впервые начал жить настоящей жизнью. Вместе с женой Фукс жил в городе Дрездене.

Спустя некоторое время Клаус Фукс решил посетить СССР и впервые прибыл в Москву в 1960 году. Москва ему очень понравилась, и он затем много раз приезжал в Советский Союз.

Между тем здоровье К. Фукса постепенно ухудшалось. Потом он долго и тяжело болел и скончался от рака лёгкого в 1988 году в возрасте 77 лет.

17 июля 1950 года в США был арестован Джулиус Розенберг по обвинению в том, что он в 1944 году завербовал Дэвида Гриншаса в качестве агента советской разведки.

Через три недели была арестована жена Джулиуса — Этель Розенберг по обвинению в шпионской деятельности и пособничестве своему мужу, Грингласу и Голду. 12 августа 1950 года в Мехико из собственной квартиры был похищен, доставлен в США и арестован сотрудниками ФБР бывший одноклассник Джулиуса Розенберга — Мортон Собел. Ему также вменялась в вину шпионская деятельность.

9 декабря 1950 года Гарри Голда приговорили к 30 годам тюремного заключения. После длительного следствия в марте 1951 года супруги Розенберга и Мортон Собел предстали перед судом. Слушание дела продолжалось всего две недели.

Решение присяжных — „виновны“. 5 апреля судья Ирвинг Кауфман зачитал приговор: Собел — 30 лет тюремного заключения, Джулиус и Этель Розенберга — смертная казнь. Приведение приговора в исполнение, назначенное на 21 мая, автоматически откладывалось после надлежащего обжалования в апелляционном суде.

6 апреля Дэвид Гринглас, оговоривший Розенбергов, был приговорен к 15 годам тюремного заключения.

В связи с процессом „атомных шпионов“ не раз высказывались предположения, что дело Розенбергов, сознайся они в преступлениях, которые им приписывали, могло разрастись до гигантских размеров, вовлекая в расследование всё новых и новых лиц. Цель — скомпрометировать компартию, задушить любые проявления инакомыслия, избавиться от „неблагонадежных“ в государственных учреждениях, создать в стране, если потребуется, сеть концлагерей. Руководители ФБР, в частности, имели свою задачу: доказать тесную связь между воображаемой внутренней коммунистической угрозой и внешним врагом — СССР.

11 апреля 1951 года Этель перевели в камеру смертников знаменитой тюрьмы Синг-Синг: в женском крыле она была одна-единственная. 16 мая Джулиуса также переводят в Синг-Синг.

Летом 1951 года в газетах стали появляться материалы, авторы которых ставили под сомнение виновность „атомных шпионов“. В ноябре был создан Национальный комитет за справедливое решение дела Розенбергов. В феврале 1952 года апелляционный суд подтвердил решение первой инстанции.

С момента окончания суда над Розенбергами прошло полтора года. 13 октября 1952 года Верховный суд восемью голосами против одного отклонил поданное прошение, в пересмотре дела отказывалось. Судья Кауфман на основании этого решения назначил новую дату приведения приговора в исполнение — один из дней недели, начинающейся 12 января 1953 года.

11 февраля 1953 года президент Эйзенхауэр отказывается удовлетворить прошение о помиловании. Назначается новая дата казни — один из дней недели после 9 марта. 29 мая судья Кауфман принял решение о приведении приговора в исполнение в течение недели, начинающейся 15 июня. Затем Кауфман уточняет день казни — 18 июня.

15 июня Верховный суд беспрецедентным большинством в один голос (пять против четырёх) отказывает в отсрочке приведения приговора в исполнение. Всего один голос…

18 июня продолжение и бурное обсуждение вопроса на специальном заседании Верховного суда осталось незавершённым, лишь на следующий день 6-ю голосами против 3-х суд отменил решение Дугласа о переносе срока казни. В то же время пришло новое сообщение: президент Эйзенхауэр отказал в помиловании и на этот раз. В тюрьме Синг-Синг всё было готово… на завтра, в 8 часов вечера. В 7.30 вечера поступило сообщение, что Эйзенхауэр с очередным прошением о помиловании ознакомился, но прежнего своего мнения не изменил. Этель и Джулиус Розенберга были казнены на электрическом стуле 19 июня 1953 года. Их детей Майкла и Роберта усыновили друзья Розенбергов Энн и Абель Миерополь.

Ещё раз вернусь к славным советским разведчикам-атомщикам Л.Р. Квасникову, А.С. Феклисову, А.А. Яцкову, В.Б. Барковскому. Анатолия Антоновича Яцкова и Владимира Борисовича Барковского я довольно хорошо знал по совместной работе. А Владимир Борисович к тому же мой земляк. Он, как и я, уроженец г. Белгорода. Часто мы с

ним общались приватно. Помню, в последнее время он говорил мне, что в Белгород он уже не ездит, так как у него там никого из родственников не осталось. К сожалению, З.Б. Барковского уже нет с нами. В 2003 году на 90-м году жизни он скончался.

Страна должна знать своих героев. И спустя почти полвека шесть сотрудников внешней разведки были удостоены звания Героя Российской Федерации за их вклад в обеспечение безопасности нашей страны.

За выдающийся вклад в обеспечение безопасности Советского Союза Указом президента России от 15 июня 1996 года звание Героя Российской Федерации было присвоено:

1. Варковскому Владимиру Борисовичу.

2. Квасникову Леониду Романовичу (посмертно).

3. Феклисову Александру Семёновичу.

4. Яцкову Анатолию Антоновичу (посмертно).

5. Коэн Леонтине (посмертно).

Моррису Коэн (супругу Леонтины — Н.Ш.) звание Героя РФ было присвоено в 1995 году.

Несколько слов необходимо сказать о Моррисе и Леонтине Коэн. Моррис был главным связником между им же завербованными агентами-американцами и советской нелегальной разведкой. А его жена Лона, чудом избежав провала, доставила похищенные из атомной лаборатории Лос-Аламоса чертежи атомной бомбы в Нью-Йорк. Работой Морриса и Леонтины руководил через своих связных легендарный разведчик — нелегал Марк (Рудольф Абель).

Городок Лос-Аламос был засекречен не хуже нашего Арзамаса-16.

Тем не менее они поддерживали связь с учёными, работавшими в лаборатории Лос-Аламоса по созданию атомной бомбы.

…Лос-Аламос являлся закрытым городком со строжайшим режимом секретности. Проживали там только научные работники да больные, лечившие лёгкие. И ещё те, кто непосредственно создавал атомную бомбу. Сотрудникам ядерного центра разрешалось покидать городок лишь раз в месяц, в одно из воскресений. Как в таких условиях получить материалы, подготовленные источником для передачи в Москву? Решить эту сложнейшую задачу было поручено Леонтине Коэн.

Она выехала на курорт Альбукерк, расположенный недалеко от Лос-Аламоса. Для обеспечения личной безопасности запаслась свидетельством нью-йоркского врача, удостоверяющим необходимость прохождения курса лечения лёгких в этой курортной зоне. Поселилась на окраине городка, сняла комнату и начала готовиться к операции.

Встреча с источником информации была назначена на воскресенье у храма в центре Альбукерка. И здесь Лоне пришлось поволноваться: источник пришёл только на четвёртое воскресенье. Целый месяц ожидания и нахождения вблизи засекреченного объекта! А произошла банальная история — источник перепутал дату встречи.

Наконец встреча состоялась. Обмен паролем, получение ценнейших секретных документов, и можно трогаться в обратный путь. Однако судьба приготовила для Лоны ещё одно непредсказуемое испытание.

На вокзале в Альбукерке, уже при посадке в поезд, сотрудники ФБР неожиданно организовали тщательную проверку пассажиров и их багажа. Но Лона не растерялась. Сымитировав насморк, она достала коробку с бумажными салфетками, в которой были спрятаны полученные от источника документы, и вытащила из неё салфетку. Когда её вещи начали смотреть, сунула эту коробку в руки одному из проверяющих.

А сама начала рыться в сумочке в поисках билета. Билет „нашёлся“, Когда поезд готов был уже тронуться. Лону в спешке подсадили в вагон, и проверяющий машинально на ходу возвратил ей „забытую“ коробку без проверки. Через некоторое время ценнейшие материалы были уже соответствующим образом доставлены в Москву.

Совсем недавно из рассекреченных документов стало известно, что ценнейшие чертежи атомной бомбы из Лос-Аламоса Леонтине передал „Персей“. В своё время сам Моррис Коэн и сотрудник советской разведки полковник В.Б. Барковский утверждали, что никто и никогда не узнает, кто же скрывался под кличкой „Персей“. Считается, что „Персей“ сообщил важнейшие данные о запуске цепной реакции в атомной бомбе. Он же якобы раскрыл для нас секрет обогащения урана. Ну и, наконец, от него была получена информация о точной дате первого испытания в США атомной бомбы.

В 1996 году в американской прессе было опубликовано сообщение о том, что наряду с раскрытыми русскими шпионами жив ещё один из самых главных участников, от которого поступала ценнейшая информация по „Манхэттенскому проекту“, — доктор Теодор (Тэд) Эдвин Холл по кличке „Персей“.

Теодор — американец, биофизик, муж преподавательницы итальянского и русского языков по имени Джоан и отец троих детей. Жил в Англии недалеко от Кембриджа, преподавал биофизику до выхода на пенсию. В 1996 году „Персею“ исполнилось 70 лет.

Тэд был талантливым студентом. Он разделял мысли о свободе, о всеобщем равенстве и ненависти к фашизму. Как полагают в США, с агентом НКВД американским журналистом С. Курнаковым он познакомился по собственной инициативе. Журналист, получив добро из Москвы на вербовку молодого учёного из Лос-Аламоса, передал его Джулиусу Розенбергу (Джулиус был казнен на электрическом стуле). В свою очередь, Джулиус свёл „Персея“ с Моррисом Коэном.

Первую встречу с „Персеем“ провёл „Сэв-Стар“. Он благополучно доставил из Альбукерка в Нью-Йорк двухстраничный, исписанный мельчайшим почерком Тэда отчёт о критической массе, полученной в лаборатории Лос-Аламоса. Ну а на вторую встречу с „Персеем“ выходила уже жена Морриса — Лона, Леонтина Коэн.

В 1950 году по косвенным признакам американцы вышли на „Персея“. Через год агенты ФБР допрашивали его по подозрению в шпионаже. „Персей“ на допросе держался уверенно. Сержа

Курнакова, чью фотографию ему тыкали под нос сотрудники ФБР, опознать отказался дважды.

Супруги Розенберги, как и „Персей“, всё отрицали, однако улик против них было больше, чем против учёного. На электрический стул усадили их, второстепенных лиц, а один из главных героев этого шпионского дела века отделался относительно легко. ФБР просто крепко взяло его под надзор.

К тому времени контакты советской разведки с агентом в США были временно прекращены. Когда в 1949 году стало ясно, что у русских появилась своя атомная бомба (СССР испытал свою первую атомную бомбу 29 августа 1949 года), „Персей“ посчитал, что его миссия исчерпана. В результате можно сделать вывод, что переданные „Персеем“ сведения по атомной проблеме позволили Советскому Союзу сразу перейти к созданию бомбы на заводах, перескочив через мучительно долго проходившую американцами стадию экспериментального производства. Вот что успел сделать для нас юный Тэд Холл, призванный к концу войны в армию США и дослужившийся до звания сержанта.

А с 1962 года у него началась новая жизнь. Вместе с семьёй и тремя детишками Тэд Холл, сохранивший американское гражданство, переезжает в Англию. В одной из лабораторий Кембриджа ему удаётся сделать несколько выдающихся открытий в области биофизики.

Мирную жизнь Тэда Холла всё же нарушили досужие журналисты. Посыпались просьбы и интервью. А он болел (рак желудка и болезнь Паркинсона), отказался. Соглашался на встречи лишь при условии, что его не будут расспрашивать о годах его работы в сверхсекретной лаборатории в Лос-Аламосе. Он долгое время так ничего и не говорил журналистам. Хотя из некоторых фраз кой-какой вывод всё же напрашивался. Он ненавидел ядерную гонку вооружений и осуждал не только президента Трумэна, но и Рейгана, пытавшегося, по словам Тэда Холла, загнать русских в угол своей программой „звездных войн“. По своим убеждениям Тэд Холл с женой были членами движения за ядерное разоружение.

В 50-е годы ФБР допрашивало Холла по подозрению в шпионаже, но против него не было принято никаких мер. Однако опубликованные советские и американские документы, с которыми ознакомились сотрудники газеты „Вашингтон пост“, дают основание предполагать, что он был одним из информаторов русских, упоминавшихся в телеграммах КГБ под псевдонимом „Млад“.

В статье газеты „Вашингтон пост“ Майкл Доббс, беседовавший перед этим с несколькими бывшими сотрудниками американской и советской разведок, заявил, что секрет американской А-бомбы был передан русским двумя разными агентами, работавшими в атомной лаборатории в Лос-Аламосе. Один из них, бежавший из нацистской Германии Клаус Фукс, который входил в состав группы Великобритании в проекте „Манхэттен“, был осуждён в Англии за шпионаж и приговорён к 14 годам тюремного заключения.

Другой агент, работавший под псевдонимом „Млад“, так и не был раскрыт. Хотя несколько лет назад, сообщил Доббс, правительству

США стало известно его имя, но оно не приняло никаких мер. Рассекреченные материалы свидетельствуют, что одним из „вероятных кандидатов“ является доктор Теодор Элвин Холл, говорилось в статье Майкла Доббса.

Доктор Холл не опроверг и не подтвердил этих обвинений. В его заявлении, переданном через доверенное лицо в редакцию газеты „Вашингтон пост“, подчёркивалось, что он прочёл статью в газете, и „помимо замечания, что она содержит многочисленные неточности, он отказывается как-либо её комментировать или что-то сообщить о том времени, Когда работал в числе сотрудников проекта „Манхэттен“ в атомной лаборатории в Лос-Аламосе… Его здоровью могло бы нанести ущерб втягивание его в полемику в связи с обвинениями по поводу событий, которые, как сообщается, произошли полвека назад“.

В одном из документов советской разведки, направленном в Москву резидентурой КГБ в Нью-Йорке в ноябре 1944 года, который рассекречен и был опубликован, названа фамилия Холла. В этом документе говорится, что некий советский агент посетил 19-летнего Холла и тот передал сообщение о работе атомной лаборатории в Лос-Аламосе и назвал имена ведущих сотрудников, работавших „над созданием атомной бомбы“.

Этот зашифрованный документ был одним из десятков, перехваченных американскими спецслужбами, на расшифровку которого Агентству национальной безопасности (АНБ) США потребовалось более 40 лет. АНБ сообщило подробности этой дешифровки только в 1995 году. В этом документе, датированном ноябрём 1944 года, не говорится, что Тэд Холл — это „Млад“, однако семь других посланий резидентуры КГБ, как сообщает газета „Вашингтон пост“, содержат косвенные доказательства этого факта.

Благодаря информации, полученной от тайных агентов в лаборатории в Лос-Аламосе, Советский Союз сумел создать свою А-бомбу на два-три года раньше, чем было бы возможно, если бы русские не получили этих материалов от своих агентов в лаборатории Лос-Аламоса.

Как свидетельствует другой перехваченный американцами документ КГБ, „Млад“ передал русским описание четырёх методов производства обогащенного урана.

От „Млада“, по-видимому, поступили также копии документов из лаборатории в Лос-Аламосе, переданные женщине-курьеру Леонтине Коэн. Как сообщил позже кадровый советский разведчик полковник Анатолий Яцков, курировавший большинство советских агентов в США, имевших отношение к ядерным секретам, Коэн побывала в Лос-Аламосе незадолго до первого испытания А-бомбы США 16 июля 1945 года.

Она получила от одного из учёных-физиков документы и, спрятав их в коробочке фирмы „Клинекс“, с большими приключениями, но все же благополучно доставила их в Нью-Йорк.

Леонтина Коэн стала известна в Англии под фамилией Крогер в 1960 году, Когда она и её муж Моррис Коэн выдавали себя за

торговцев букинистическими книгами, были арестованы. Супруги работали с советским разведчиком-нелегалом Гордоном Лонсдейлом (Конон Молодый). В результате „обмена“ шпионами они были освобождены из тюрьмы и прибыли в Москву. К сожалению, оба они уже ушли из жизни.

Как и многие другие учёные, работавшие над проектом „Манхэттен“, включая лауреата Нобелевской премии мира доктора Джозефа Роблата, доктор Холл стал выступать против ядерного оружия.

Одним словом, Тэд Холл был тем, кем был: советским агентом „Персеем“. И не давал повода усомниться в его преданности собственным идеалам. Лишь незадолго до кончины в 1988 году Тэд Холл нарушил обет своего молчания.

Он измены не совершал. У ФБР не было веских доказательств его сотрудничества с советской разведкой. Иначе ему грозил бы по американским законам электрический стул.

А разве в годы Второй мировой войны с фашизмом СССР и США не были союзниками, борющимися против общего врага? Да и послевоенные годы подтвердили, что не будь у двух стран ядерного паритета, дело могло бы закончиться атомной войной. Известные нынче документальные материалы подтверждают это.

„Если я помог избежать этого сценария, — заявил журналистам Теодор Холл, — то соглашусь принять обвинение в предательстве интересов моей страны“.

Ну а супруги Коэны, отсидев девять лет в тюрьме, были вызволены из тюремных застенков и прибыли в Советский Союз. Они получили советское гражданство и последние годы жизни провели в Москве.

23 декабря 1992 года Леонтины Коэн не стало. Моррис Коэн скончался 23 июня 1995 года. Похоронены супруги Коэны, Герои России, на Кунцевском кладбище, в московской земле, ставшей для них родной навечно.

Следует напомнить об одном аспекте, относящемся непосредственно к атомной проблематике.

Как известно, учёный-физик Роберт Оппенгеймер, создав для США атомную бомбу, от работы по созданию водородной бомбы отказался. Тогда над проектом по водородной бомбе стал работать Эдвард Теллер. Его, как и нашего академика Андрея Сахарова, называют в США отцом водородной бомбы. Только Теллер „рожал“ бомбу для Штатов, а Сахаров — для Советского Союза. До своих почти 90 лет американец по-прежнему занимался разработкой новых и новых видов оружия. Об этом рассказал Герой России, полковник Службы внешней разведки В.Б. Барковский.

„Теллер являлся человеком, искренне нас ненавидящим. Его биограф, физик и лауреат Нобелевской премии Раби говорил о Теллере так: „Мне он кажется врагом человечества. Никогда не доводилось видеть, чтобы Теллер занял позицию, которая хоть в какой-то степени могла служить интересам мира“.

Теллер эмигрировал в Штаты, спасаясь от погромов против евреев. Он принял католицизм, который исповедовал вместе с иудаизмом. Ещё в 1938 году он попал в тяжёлую автокатастрофу и потерял правую ногу. Еврей-беженец появился в Соединенных Штатах не очень известным учёным. А в 1952 году взорвалась его первая в мире водородная бомба. Теллер был учеником таких известных физиков, как немец Макс Борн, как Ферми и Роберт Оппенгеймер“.

По приглашению Ассоциации бывших работников ЦРУ в 90-х годах Владимир Барковский находился в Соединенных Штатах с визитом „вежливости“. Всей прибывшей с ним группе устроили посещение Лос-Аламоса. А там сразу: ах, приехал атомный разведчик. Пусть расскажет, как работал. Барковского представили так: полковник разведки, который утащил у нас атомную бомбу. В большом зале для заседаний восседала чинная публика, в основном научные работники. Среди них был и учёный-физик Теллер.

Барковский рассказал присутствующим, что нашим разведчикам удалось добыть схему устройства ядерного заряда А-бомбы с указанием размеров и материалов его частей. Владимир Борисович поведал Теллеру, что при всей громоздкой охранной системе в Лос-Аламосе были и промахи: учёных из Лос-Аламоса хоть изредка, но отпускали поразвлечься в соседних городках Альбукерк и Санта-Фе. В это время с ними и встречались наши агенты. Ездил туда связник-американец Гарри Голд, опекавший физика Клауса Фукса. Была там и Дона Крогер, которой ценнейшую информацию передавал еще один наш источник. Барковский познакомился с Эдвардом Теллером.

Теллер пришёл с палкой. Не с тростью, а с обыкновенной суковатой „дубинкой“, как будто только что срубленной в лесу. И на эту „дубинку“ он, человек уже дряхлый, под 90, все время опирался.

Несколько позже Теллер приезжал к нам в СССР по приглашению, кажется, Минатома. Пожелал посетить домик Курчатова. Позвольте, говорит, отдать должное великому физику. Тут он вдруг увидел в гостиной рояль, вытащил из своего портфеля партитуру, отбросил в сторону свою „дубинку“ и уселся играть на курчатовском инструменте. Коллеги говорили мне, что музицирует он очень неплохо. Венгры вообще музыкальные люди.

Наверное было бы лучше, если бы Эдвард Теллер стал пианистом и играл бы на фортепиано, а не с „атомными и водородными штучками“».

Совсем недавно, 29 августа 1999 года, исполнилось 50 лет со дня испытания в СССР первой атомной бомбы. В своём интервью «Независимой газете» полковник В.Б. Барковский, как разведчик, занимавшийся в течение многих лет добыванием информации по атомной проблематике, отметил следующее:

«Конечно, А-бомбу сделали наши советские учёные, конструкторы, инженеры, а не разведчики, которые только поставляли совершенно секретную информацию о том, что и как делалось в США. Но благодаря информации внешней разведки были существенно сокращены сроки изготовления первой советской атомной бомбы. Мы выиграли драгоценное для нашей страны время, что было тогда

жизненно важно.

Нашим учёным, инженерам и конструкторам пришлось в невиданно короткие сроки создать целую отрасль совершенно новой промышленности. И мы, разведчики, и ученые работали в одной упряжке, делали одно общее дело, очень важное и ответственное дало на благо нашей любимой Родины, на благо нашего советского народа, на благо нас, россиян!»

Покойный ныне академик Юлий Харитон в интервью одной из газет отмечал, что первый советский атомный заряд был изготовлен по американскому образцу с помощью сведений, полученных от Клауса Фукса. По словам ученого, когда вручались государственные награды участникам советского атомного проекта, Сталин, удовлетворенный тем, что американской монополии в этой области больше не существует, довольно точно заметил: «Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испробовали бы этот заряд на себе».

К общему для нас счастью, мы не опоздали.

Ну а теперь попробуем подвести некоторые итоги, что касается разработки и создания сверхмощного оружия.

16 июля 1945 года американцы испытали свою первую атомную бомбу в пустыне Аламогордо, штат Нью-Мексико.

29 августа 1949 года Советский Союз испытал на Семипалатинском полигоне свою первую А-бомбу, копию американской. А-бомба собственной конструкции взорвана в СССР в 1951 году. Она была в два раза меньше по размеру и весу и в два раза больше по мощности.

Утром 6 августа 1945 года США сбросили А-бомбу «Малыш» [11] на японский город Хиросиму. К вечеру город стал кладбищем.

Самолёт В-29 («летающая крепость»), названный «Энолагей» в честь матери командира В-29, взлетел с тихоокеанского атолла Тиниан. На его борту была первая в мире урановая А-бомба длиной 3 м и массой 4 тонны.

Ровно в 8.16 В-29 сбросил бомбу. Она взорвалась на высоте 530 м от земли и в 270 м по горизонтали от намеченной цели. Образовался огненный шар диаметром 54 м, но сияющий «ярче тысячи солнц». Цепная реакция бомбы сопровождалась выделением энергии, эквивалентной взрыву 20 тысяч тонн тротила. Здания плавились на глазах, небо стало тёмно-жёлтым. 9 августа такой же взрыв потряс второй город Японии — Нагасаки. На этот город была сброшена А-бомба «Толстяк» [12]. 2 сентября 1945 года Япония капитулировала.

Бой городских часов Хиросимы звучит не в полдень, а в 8 часов 16 минут утра. Изо дня в день, из года в год напоминает он о том мгновении, когда ослепляющая вспышка от взрыва А-бомбы вдруг разом превратила Хиросиму в горячий пепел. В Хиросиме погибли 240

---

[11] А-бомба «Малыш» вначале была названа в честь президента Рузвельта «Худышка», но затем её переименовали в «Малыша».

[12] А-бомба «Толстяк» была названа в честь английского премьера Уинстона Черчилля.

тысяч человек, 80 тысяч — в Нагасаки.

Позже, уже в 1952 году, американцы испытали свою водородную бомбу. А 20 августа 1953 года в Советском Союзе был впервые произведен взрыв одного из видов водородной бомбы, о чём ТАСС распространил правительственное сообщение.

Самую мощную термоядерную бомбу в СССР испытали 30 октября 1961 года на Новой Земле. Для 24-тонного монстра оказался маловат даже бомбоотсек специально переоборудованного стратегического бомбардировщика ТУ-95. Бомбу ещё на стадии разработки конструкторы окрестили «Иваном».

С аэродрома в Ванге, уже с бомбой на борту, экипаж под командованием командира Дурновцева взял курс на Новую Землю.

По достижении заданного района бомба была сброшена. Пока она спускалась на парашюте, самолёт, пикируя, смог удалиться от эпицентра взрыва примерно на 100 километров. Взрыв, как и планировалось, произошёл на высоте 4500 метров (это воздушный взрыв).

А есть ещё наземный, подземный, надводный и подводный ядерные взрывы различных мощностей.

Лётчики отчётливо видели 8 голубых воздушных волн, разошедшихся от ядерного шара. Несмотря на сильнейший удар волны, обрушившийся на самолёт, машина выдержала.

До сих пор нет единого мнения, какова же реально была мощность взрыва супербомбы. Нередко приводится цифра в 50 мегатонн, но есть данные, что она была вдвое больше — от 75 до 120 мегатонн.

Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущёву, докладывая об успешном испытании, назвали, естественно, округленную цифру, которую он в последующем и использовал в своих выступлениях. С подачи Хрущёва супербомба из «Ивана» превратилась в «кузькину мать», «которую» наш дорогой Никита Сергеевич и обещал показать всему миру.

К сожалению, сегодня многие общественные и политические деятели и, что еще более страшно, академические ученые пытаются ставить в вину советской и российской науке прошлое и нынешнее участие её в создании ядерного щита страны. Но время и последовавшие после 29 августа 1949 года события все расставили по своим местам. Пора всем нам осознать, что атомное оружие — это национальное достояние России и отношения к себе оно требует соответствующего.

Послесловие

Создание ядерного оружия и последующее развитие ядерной энергетики и промышленности решительно изменили мир. Основы этой «ядерной революции», началом которой послужило открытие ядерного деления урана под воздействием нейтронов (1938 г.), были заложены во время Второй мировой войны, прежде всего в США и СССР. Первыми ядерный реактор и ядерную бомбу создали

американцы (декабрь 1942 — июль 1945).

Затем, с опозданием всего лишь на четыре года, что для всего мира стало большой неожиданностью, это сделали в Советском Союзе: первый реактор в Европе был запущен в декабре 1946 года, а первая советская атомная бомба испытана 29 августа 1949 года.

Впервые экспериментальный термоядерный взрыв был осуществлен в США в 1952 году, а первая в мире водородная бомба создана уже в СССР — в 1953 году. Аналогичную бомбу американцы взорвали годом позже. В 1947–1948 годах начали работать первые реакторы в Англии и Франции. В 1954 году в СССР (г. Обнинск) вступила в строй первая в мире атомная электростанция (АЭС), а в США — первая атомная подводная лодка. В 1959 году спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин». Так человечество вступило в ядерную эпоху.

Как Советскому Союзу в тяжелейшие годы войны и послевоенного восстановления народного хозяйства удалось догнать США и встать вровень с ними в создании атомных реакторов и ядерного оружия?

Конечно, это было бы невозможно без развития фундаментальной науки и создания в СССР в 30-е годы весьма передовой ядерной физики. Имена советских учёных И.Е. Тамма, В.А. Фока, Я.И. Френкеля, И.В. Курчатова, Л.Д. Ландау хорошо знало мировое научное сообщество. Фундаментальными исследованиями занималась целая плеяда замечательных молодых физиков, выполнивших накануне войны важные работы по проблемам атомного ядра и, в частности, ядерного деления: Т.Н. Флёров, К.А. Петржак, Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, И.Я. Памеранчук, И.И. Гуревич, И.К. Кикоин и другие. И тем не менее по научному, а главное — научно-техническому и промышленному потенциалу в этой области мы уступали Германии, Англии, США, Франции.

И здесь решающую роль сыграла быстрая концентрация усилий на одном направлении, поскольку в условиях централизованного управления государством, экономикой и наукой партийно-государственный аппарат СССР обладал безграничной властью. Политическая машина обеспечивала эффективную идеологическую и пропагандистскую поддержку атомного проекта. В реализацию замыслов руководства страны были включены не только усилия выдающихся учёных и организаторов производства, но и самоотверженный труд сотен тысяч строителей, рабочих, инженеров.

И вот теперь выясняется, что и советская разведка внесла в это дело огромный вклад. На Западе и в последнее время у нас не раз сообщалось, как много ценнейшей информации передал советским учёным крупный ядерщик доктор Клаус Фукс, участник английского и американского атомных проектов. За последнее время перед нами впервые предстаёт ещё одна фигура такого же масштаба, тоже крупный физик-ядерщик, с самого начала принимавший участие в разработке «Манхэттенского проекта». В документах нашей разведки он проходил как «Персей».

Именно они — К. Фукс и «Персей» — стали источниками в высшей степени секретной информации по урановой проблеме, что

значительно уменьшило материальные расходы на её решение в СССР и сократило наше отставание от американцев до четырёх лет.

До недавнего времени даже и не предполагалось, чтобы из архивов внешней разведки с грифом «совершенно секретно», «хранить вечно» можно было бы извлечь и рассекретить хотя бы одно какое-либо дело. И только благодаря тому, что в 1990 году была поставлена точка в истории «холодной войны», это стало возможным.

Наряду с великими физиками-ядерщиками К. Фуксом и «Персеем» следует отметить и разведчиков-интернационалистов, бывших граждан США Морриса и Леонтину Коэн, которые с 1943 года принимали непосредственное участие в получении материалов о проектировании и создании в Лос-Аламосской лаборатории первой атомной бомбы («Манхэттенский проект»), а с 1956 года — в добывании данных по лаборатории микробиологических исследований при Министерстве обороны в Портоне, занимавшейся в Англии созданием бактериологического оружия, и по военно-морской базе в Портленде. Среди объектов этой базы находилась одна из самых засекреченных британских лабораторий — AUWE — Адмиралтейство по подводным вооружениям, где разрабатывалось вооружение для подводных лодок.

Моррис Коэн по-своему хотел помочь Советскому Союзу одержать победу над фашизмом, а также содействовать упрочению мира на земле послед окончания войны. Секреты, переданные из Лос-Аламоса в Москву, позволили советским физикам создать атомную бомбу до планируемого срока, помешав тем самым американцам прибегнуть к атомному шантажу. Обладание атомной бомбой защищало Советский Союз от ядерного нападения, что было предусмотрено планами США «Троян» и «Дропшот». Советский Союз, как сказал Коэн в одном из своих последних интервью, не убил ни одного человека атомной бомбой, в то время как сотни тысяч японцев погибли от американских атомных бомбардировок. Ядерное равновесие было фактором мира во всём мире.

Следует добавить к этому, что когда Советскому Союзу стало известно о существовании в Лондоне Урановой комиссии, о прекращении Соединенными Штатами и Великобританией всех публикаций, относящихся к ядерной физике, и наконец, о совершенно секретном плаце «Манхэттен», то у него не могли не возникнуть серьёзные опасения.

Жесткая позиция президента США Трумэна на Потсдамской конференции и последовавшая вскоре атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки должны были, вне всякого сомнения, усилить тревогу, доведя её почти до паники. Получение Москвой атомных секретов из Лос-Аламоса и испытание советской атомной бомбы на Семипалатинском полигоне в Казахстане ослабили эти острые опасения и способствовали стабилизации международных отношений.

В своём интервью газете «Правда» в 1994 году Коэн наконец открыто рассказал о своей работе с Младом («Персей») и выразил сомнение, что личность этого учёного может быть когда-либо установлена.

«Думаю, что в советской разведке осталось всего два-три

человека, знающих его подлинное имя, — продолжал Коэн в интервью. — Были высказаны несколько предположений. Товарищи сказали мне, что в последние месяцы снова всплыли на поверхность разного рода спекуляции. Однако Млад помогал советской разведке из чистого великодушия».

М. Коэн далее вспоминал: «Своим сотрудничеством с советской разведкой мы помогали предотвратить ядерную катастрофу и сохранить мир на планете. Все мы — и немецкий ученый-атомщик К. Фукс, и американский физик Персей, и их надёжные связники Раймонд и Стар, без которых немыслимо было бы обеспечить Советский Союз информацией о разработках в США атомной бомбы, — делали одно общее дело».

Что же позволило советской внешней разведке проникнуть в тщательно охранявшиеся от СССР сокровенные тайны главных западных держав? Здесь следует сказать, что успех советской разведки объясняется умелым сочетанием таких факторов, как присущая ей целеустремлённость, аккуратность, точность и быстрота. Несмотря на огромные усилия, американская разведка так и не сумела своевременно установить и информировать президента Трумэна о том, в каком состоянии находятся в СССР разработки атомного оружия, и во многом благодаря этому монополия США на атомную бомбу, к счастью, продолжалась совсем недолго — всего четыре года.

В целях сохранения в глубочайшей тайне деятельности советской разведки И. В. Курчатов очень осторожно и бережно относился к поступающей от агентов секретной информации. Конспиративность действий нашей разведки была столь высока, что на протяжении многих лет на Западе даже не подозревали, что в Советском Союзе знают о работах по созданию атомной бомбы, ведущихся в Соединенных Штатах.

В те годы многие люди за рубежом сочувственно относились к Советскому Союзу, который сражался с гитлеровской Германией, и всячески старались ему помочь. Замечателен тот факт, что не было ни одного человека из числа сотрудничавших с советской разведкой, который требовал бы за это деньги. Все они считали, что их деятельность является своеобразным «вторым фронтом».

В своё время руководитель «Манхэттенского проекта» открыто заявил: «Я абсолютно был уверен, что Россия — наш враг. Проект осуществляется именно на этой основе. Я никогда не разделял мнение общественности, что Россия является нашим благородным союзником». Комментарии, как видим, тут излишни.

В трёх генеральских фразах — ключ к пониманию, что «истинная цель создания бомбы заключается в том, чтобы подавить нашего главного врага — русских».

И.В. Курчатов писал: «Действительно перечень добытых советской разведкой секретных документальных материалов впечатляет, как будто для разведки не существовало преград!» И это — после опустошительной волны репрессий, прокатившейся по ней в 1935–1937 годах. Восстановилась всё-таки. Работала. И ещё как работала!

Вилли Леман, он же Штирлиц?

Однажды многолетний помощник Л.И. Брежнева Андрей Андреевич Александров-Агентов рассказал о своём престарелом шефе довольно интересную историю.

Брежнев обожал смотреть кино, особенно телефильм режиссёра Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Главную роль в фильме исполнял народный артист СССР Вячеслав Тихонов [13]. В роли вымышленного советского разведчика, проникшего под именем штандартенфюрера Штирлица в имперскую канцелярию Третьего рейха и ставшего ближайшим сотрудником Гиммлера, Мюллера и Шелленберга.

Дряхлый в конце жизни Брежнев уже не видел разницы между правдой и вымыслом и однажды после очередного просмотра фильма «Семнадцать мгновений весны» спросил: «А как мы наградили разведчика-нелегала Штирлица?»

Ответом было смущенное молчание, на которое Брежнев отреагировал репликой: «По вашему молчанию я понял, что награждения не было. Поэтому предлагаю присвоить Штирлицу звание Героя Советского Союза». Из этого неловкого положения удалось выйти следующим образом: звание Героя Социалистического Труда было присвоено… народному артисту СССР Вячеславу Тихонову.

Зрители телесериала часто спрашивают: «Существовал ли в действительности Штирлиц или другой советский разведчик, ставший его прототипом?» Ну что ж, ответ однозначный: нет. Ни одного нелегала, профессионального советского разведчика ни в окружении Мюллера или Шелленберга, ни вообще в центральном аппарате гитлеровских спецслужб не было. К сожалению.

Штирлиц в Советском Союзе действительно не имел себе равных по популярности. Выдуманный талантливым писателем Юлианом Семёновым [14], он творил чудеса: обманывал Мюллера, разгуливал по коридорам имперской канцелярии, как по своему дому. Срывал все немецкие планы, разумеется, донося о них в Москву. Фильм Т. Лиозновой имел, да и сейчас имеет потрясающий успех. Когда его показывали, улицы города пустели, все сидели у экранов телевизоров. Кстати, за реальное освещение деятельности сотрудников КГБ по обеспечению госбезопасности страны Ю. Семёнов был награждён нагрудным знаком «Почётный сотрудник госбезопасности».

Но, как теперь стало известно, в реальной жизни всё же существовал человек, работавший в гестапо и знавший его тайны. Он не был профессиональным нашим разведчиком, но являлся надёжным агентом внешней разведки КГБ СССР. Его имя Вильгельм Леман, а оперативный псевдоним — Брайтенбах. Всю жизнь его звали Вилли, и как Вилли Леман он фигурирует в документах советской разведки. То, о чём пойдёт речь в этом очерке, основано исключительно на архивных документальных материалах.

Это невероятная, но действительная история, о которой до сих пор

---

[13] Вячеслав Васильевич Тихонов умер в 2009 году.

[14] Юлиан Семёнович Семёнов умер в 1993 году.

архивы хранили глубокое молчание.

Итак, Вилли Леман родился в 1884 году в семье учителя Густава Лемана в местечке под Лейпцигом. Родители при крещении назвали сына Вильгельмом в честь наследника престола, будущего императора Германии Вильгельма II. Отец Вилли был небогатым человеком и не смог дать сыну должного образования. Вилли, окончив школу, учился на столяра. Когда ему исполнилось 17 лет, поступил добровольцем на службу в военно-морской флот Германии, где прослужил в общей сложности 12 лет. На борту военного корабля немецкой эскадры ему довелось в мае 1905 года наблюдать Цусимское сражение. Мужество русских моряков произвело на него огромное впечатление. Именно с тех пор Вилли проникся глубоким уважением к России и русским людям.

Демобилизовавшись в 1913 году, Вилли приехал в Берлин. На одном собрании «Союза африканцев» Вилли повстречал своего старого друга Эрнста Кура, который работал уже в берлинской тайной полиции. По его протекции Вилли в 1913 году был принят в полицию патрульным полицейским, а через год, когда закончился испытательный срок, был зачислен в штат.

В 1914 году он был переведён в контрразведывательное отделение (абвер) полицай-президиума Берлина на должность помощника начальника канцелярии. В мае 1918 года в Берлине было открыто полномочное представительство (посольство) РСФСР, наблюдение за сотрудниками которого вело контрразведывательное отделение Лемана.

4 ноября 1918 года в Германии вспыхнула революция, свергнувшая кайзера Вильгельма II. Началась она восстанием моряков в Киле. В Берлине стихийно образовался Комитет чиновников полиции, и Леман стал его председателем, как бывший военный моряк. Ему было поручено заниматься делами германского флота. Тогда-то он и подружился с председателем Совета солдатских и матросских депутатов Отто Штройбелем, с которым они в прошлом дружили, проходя службу во флоте.

Получивший пост военного министра в новом правительстве Германии Густав Носке потопил в крови восстание берлинских рабочих. После подавления восстания Вилли отошёл от активной революционной деятельности.

В апреле 1920 года в Германии воссоздали тайную политическую полицию. Леман (вместе с Куром) вернулся в своё контрразведывательное подразделение и вскоре «дорос» до поста начальника канцелярии отдела, занимавшегося слежкой за иностранными диппредставителями. Вскоре руководство полицай-президиума назначило его исполняющим обязанности начальника канцелярии отделения. Здесь через его руки проходила вся переписка по разведывательной деятельности иностранных представительств.

В 1927 году начальником отделения был назначен Вильгельм Абдт, опытный военный разведчик, владевший русским и польским языками в совершенстве.

За годы работы в тайной полиции Леман разочаровался в политике Германии. Кроме того, невысокий заработок (около 300 марок в месяц) не позволял регулярно лечиться от сахарного диабета. Работая на картотеке отдела, он пришёл к убеждению, что в чистом виде советские представители не ведут никакой подрывной деятельности против Германии. И Вилли решил предложить свои услуги советской внешней разведке. Следует заметить, он не сразу решился на этот шаг. Сначала в марте 1929 года по его просьбе советское посольство посетил Эрнст Кур, ставший к тому времени безработным. После беседы с Э. Куром сотрудника резидентуры внешней разведки ОГПУ Центр пришёл к выводу о вербовке его на материальной основе. Агенту был присвоен индекс А-70. Ему выплачивалось ежемесячное денежное вознаграждение. Он, однако, любил устраивать пирушки в ресторане, сорить деньгами, а поэтому мог попасть под наблюдение осведомителей криминальной полиции. Это насторожило Лемана, так как он был постоянно в контакте с Куром. Этот контакт заинтересовал резидентуру советской внешней разведки, и Центром было принято решение выйти на Лемана и выяснить возможность привлечения его к работе на нашу разведку на материальной основе.

Через агента А-26 резидентура собрала достаточно материалов на Лемана. Ему был присвоен индекс А-201, и началась его активная разработка.

7 сентября 1929 года руководитель внешней разведки ОГПУ М. Трилиссер направил в берлинскую резидентуру шифртелеграмму:

«Ваш новый агент А-201 нас очень заинтересовал. Единственное наше опасение состоит в том, что вы забрались в одно из самых опасных мест, где малейшая неосторожность со стороны А-201 или А-70 может привести к большим неприятностям. Считаем необходимым рассмотреть вопрос о специальном способе связи с А-201».

Эти рекомендации Центра были приняты к исполнению. Леман был передан на связь нелегальной резидентуре, которую возглавлял разведчик-нелегал Эрих Такке (Бом) [15].

Леман начал добывать информацию, которая передавалась Бону через А-70. Однако Кур был неисправим и продолжал кутежи. В 1933 году по решению Центра Кур был переброшен в Швецию, где на деньги советской разведки содержал небольшой магазин. Магазин служил «почтовым ящиком» нашей стокгольмской резидентуры.

В 1930 году обстановка в Германии начала осложняться. Нацисты открыто рвались к власти. Брайтенбах был знаком со многими видными бонзами нацистской партии, в том числе с руководителем её штурмовых отрядов Эрнстом Ремом, группенфюрером СА. В феврале 1933 года Брайтенбах по рекомендации Германа Геринга, в ту пору премьер-министра правительства Пруссии, был переведен на работу в

[15]Эрих Такке арестован в 1936 году. 2.9.1937 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитирован в 1959 году. Его жена, сотрудница НКВД, арестована 16.5.1937 года по обвинению в шпионаже. Расстреляна 26.8.1937 года. Реабилитирована в 1967 году.

гестапо. С мая 1934 года — в рядах СС. 30 июня того же года как доверенное лицо Геринга участвовал в операции «ночь длинных ножей» по ликвидации Рема и его штурмовиков.

Кремль остро нуждался в информации о будущей политике Гитлера по отношению к Советскому Союзу. Сталин, отдавая себе отчет о том, что Гитлер, заявивший своей главной задачей завоевание «жизненного пространства» на Востоке, развяжет войну против нашей страны. В 1934 году Польша стала подавать сигналы о тем, что готова якобы отойти от своей антисоветской политики и сблизиться с СССР.

Сталин, учитывая информацию полпреда в Варшаве Антонова-Овсеенко, склонялся к мысли о том, что следует откликнуться на реверансы Варшавы в адрес Кремля и прозондировать почву для возможного заключения соглашения с Польшей.

На этом совещании в Кремле только начальник внешней разведки Артур Артузов придерживался другого мнения. Опираясь на донесения советской разведки, он заявил, что поляки ведут нечестную игру, делая вид, что собираются сблизиться с СССР, на самом же деле зондируют почву для сближения с Германией в надежде, что Гитлер разделит с ними «советский пирог» в случае войны против СССР.

Жизнь подтвердила правоту Артузова. В декабре 1934 года между Польшей и Германией был подписан договор о добрососедстве и сотрудничестве. Сталин отреагировал на эту информацию Артузова своеобразно: 21 мая 1935 года Артузов был освобождён от должности начальника внешней разведки и переведён в особый резерв НКВД.

Последние события в Европе каждый день подтверждали правильность выводов Артузова. Но Сталин так и не мог простить ему, что в феврале 1934 года начальник разведки позволил себе публично оспорить точку зрения генсека. 11 января 1937 года Артузова освобождают от должности заместителя начальника разведупра Красной армии. 13 мая того же года он был арестован по указанию Н. Ежова. 21 августа 1937 года легендарный чекист Артур Артузов был осуждён «тройкой» как шпион польской и других разведок и в тот же день расстрелян.

В годы «ежовщины» палачами НКВД были уничтожены практически все оперативные сотрудники внешней разведки, работавшие в «легальной» и нелегальной резидентурах в Германии.

Теперь снова вернемся к нашему герою. В 1935 году по инициативе Геринга началась чистка гестапо от «неблагонадёжных элементов».

Под подозрение попал и Леман, но благодаря хорошим служебным характеристикам ему удалось сохранить свой пост в гестапо.

Начальником стал Рейнхард Гейдрих, одновременно являвшийся начальником Службы безопасности (СД) нацистской партии. Вместе с собой в Берлин он взял из Мюнхена несколько десятков профессиональных криминалистов, в их числе был и Генрих Мюллер. Брайтенбах стал работать в контрразведывательном отделе. В декабре 1933 года он был передан на связь разведчику-нелегалу Василию Зарубину («Бетти»). Позже он станет генералом.

Пользуясь покровительством генконсула США в Берлине Дина Робертсона, Зарубин снял в Потсдаме роскошный особняк, нанёс также визит бывшему другу Брайтенбаха — Штройбелю (теперь он занимает пост заместителя министра пропаганды Третьего рейха) и заручился его всевозможной поддержкой.

Во время посещения генерального консула США Зарубин познакомился со многими бизнесменами. Полученная информация от представителя нефтяной компании «Стандард ойл» господина Тейлора представила большой интерес для Кремля. Через тех же лиц Зарубин получил надёжную информацию о перевооружении Германии с помощью США, создании ею подводного флота, о серийном производстве новейших истребителей фирмы «Мессершмит», строительстве крейсеров и т. п.

Зарубиным была получена ценнейшая информация и о структуре, кадровом составе IV управления РСХА (Управление имперской безопасности). Этим сведениям буквально не было цены в условиях надвигающейся угрозы нацизма.

В марте 1935 года Брайтенбах сообщил Зарубину, что гестапо заинтересовалось разведчиком-нелегалом Альбертом Такке. К тому времени Такке успел поработать в Москве и вновь выехать в загранкомандировку. В Германии он находился проездом. Благодаря предпринятым мерам Такке и его жена Юнона Сосновская-Такке срочно покинули Германию, избежав ареста.

Конечно, в жизни бывают всякие парадоксы. Гестапо не удалось арестовать супругов Такке. Зато арестовали, необоснованно, свои деятели из НКВД и обоих расстреляли. Как видно из сноски выше, позже они были реабилитированы.

Брайтенбах предупреждал не только свою разведку о планируемых акциях, но, используя свои возможности, стремился привлечь внимание гестапо к деятельности польских спецслужб в Германии. В 1937 году гестапо арестовало видного польского разведчика Сосновского, который пренебрёг методом безопасности, приобрёл связи в важнейших ведомствах Третьего рейха. Сосновскому удалось завербовать шифровальщика Генштаба, машинистку из личной канцелярии Розенберга, идеолога нацизма и будущего рейхминистра по Восточным территориям. «Свои люди» были у него и в Главном управлении имперской канцелярии. Сосновский был заключён в тюрьму. Вскоре его вывели во внутренний двор, где находились его агенты, в основном женщины. На глазах Сосновского всем им отрубили головы.

Тогда полякам удалось обменять Сосновского на двух крупных агентов абвера, и они поместили его в тюрьму г. Львова. В 1939 году советские войска вошли в западные районы Украины. Сосновский оказался в руках советской разведки. От Брайтснбаха наша разведка знала все подробности допроса Сосновского в гестапо, и, когда в начале 1941 года его допрашивали разведчица Зоя Воскресенская-Рыбкина и разведчик-нелегал Василий Зарубин, они приводили такие подробности его работы в Германии, о которых знал строго ограниченный круг лиц. Знание нашей разведкой всех подробностей

работы Сосновского в Германии произвело на него столь сильное впечатление, что он сразу рассказал всё, что ему было известно. Сведения представили для советской разведки исключительную ценность.

Что же касается Брайтенбаха, то были приняты меры по усилению его безопасности. В частности, в Центре был изготовлен паспорт на чужое имя, в который была вклеена фотография агента. В случае опасности с ним была отработана подробная схема вывода его за пределы Германии в соответствии с ухудшением состояния здоровья Брайтенбаха, страдавшего на почве диабета острыми почечными коликами: иногда он даже терял сознание. На сообщение Зарубина о серьёзной болезни агента Центр ответил срочной шифртелеграммой: агента нужно спасти во что бы то ни стало, а если на лечение потребуются деньги, оказать Вилли материальную помощь. К счастью, развитие болезни врачам удалось предотвратить.

Общаясь с бонзами РСХА, Брайтенбах передал Зарубину подробные характеристики на Мюллера, Шелленберга, Гейдриха и других руководителей. От Брайтенбаха поступили новые данные о военной промышленности Германии: о закупке на её верфях сразу 70 подводных лодок различного класса, о строительстве секретного завода по производству боевых отравляющих веществ.

17 июня 1936 года вспыхнул фашистский мятеж в Испании, правительству Народного фронта на первых порах удалось подавить мятежников. От американца Тейлора Зарубин узнал, что из Нью-Йорка пришло срочное телеграфное распоряжение переадресовать прибывающие в Гамбург танкеры с авиабензином в Испанское Марокко и на Балеарские острова. Брайтенбах сообщил Бетти, что Германия намерена поддержать силы, воюющие с республиканским режимом в Испании, и открыто выступить на стороне генерала Франко. Англия поддержит Германию и Италию, а США будут соблюдать нейтралитет.

В 1937 году по распоряжению наркома госбезопасности Н. Ежова Зарубин вместе с женой отзывались в Москву. 22 февраля они отбыли на Родину. Зарубин проинструктировал Брайтенбаха о том, что связь с Центром ему предстоит поддерживать через содержательницу конспиративной квартиры в Берлине, некую Клеменс.

Через неделю после встречи с Леманом Зарубин был в Москве, где за успешную работу ему вручили орден Красного Знамени. Вечером его вместе с женой пригласил к себе домой новый начальник разведки НКВД Абрам Слуцкий. Он доверительно сообщил Зарубину, что с 1936 года Н. Ежов начал репрессии против чекистов, поэтому Василию вместе с женой необходимо срочно выехать в загранкомандировку. Вскоре супруги отбыли в США для выполнения специального задания. В годы войны Зарубин и его жена Лиза успешно работали в резидентуре НКВД в США. Василий Зарубин стал генералом, а его жена уволилась на пенсию вскоре после войны в звании подполковника.

После Клеменс Брайтенбах был на связи у жены А. Короткова Марии Вильковысской, но не долго. В 1937 году А. Коротков вместе с

женой возвратились в Москву. Агаянц (Рубен), практически не знавший немецкого языка, оставался единственным сотрудником берлинской резидентуры. Все остальные были отозваны, и большая часть из них репрессирована.

Оставшись без опытного куратора, Брайтенбах действовал на свой страх и риск, добывая сведения, которые могли бы представить интерес для советской разведки. Материальная основа сотрудничества с советской разведкой не была для него главной. Работая в гестапо, имея по службе доступ к высшим секретам Рейха, Брайтенбах видел, куда может завести страну гитлеровская камарилья, готовившая мировую войну. Он понимал, что только Советский Союз в состоянии остановить Гитлера в его стремлении к мировому господству, которое неизбежно принесёт несчастья всем народам, включая и немцев.

В конце 1938 года состоялась последняя встреча Рубена с Брайтенбахом. В декабре Рубен был госпитализирован и вскоре скончался в больнице. Агент остался без связи с Центром. Почти полтора года Брайтенбах был без связи с Центром, пока в Берлин всего лишь на один месяц не прибыл А. Коротков. Его задача состояла в том, чтобы восстановить связь с Корсиканцем и Старшиной из антифашистской организации «Красная капелла» и Брайтенбахом. В конце августа он вновь возвратился в Берлин в качестве заместителя резидента НКВД под прикрытием должности 3-го секретаря полпредства.

В сентябре 1940 года Коротков встретился с Брайтенбахом и сообщил об этом в Центр. Из Центра пришла шифртелеграмма, подписанная наркомом Л. Берией: «Никаких специальных заданий Брайтенбаху не давать. Пусть берёт всё, что находится в его возможностях».

Советская разведка пока ещё не знала, что 18 августа 1940 года Гитлер подписал Директиву №21, получившую кодовое название «План Барбаросса». Это был план подготовки к войне, которая намечалась на май 1941 года, «еще до того, как окончательно будет покончено с Англией». Советской разведке так и не удалось заполучить этот план. Кстати, он не был получен ни одной из разведок мира. Однако наша разведка вскрыла реальную подготовку нападения на СССР и подробно информировала Центр обо всех шагах германского Верховного командования. Важную роль в этом деле сыграл наш надёжный и проверенный агент Брайтенбах.

С весны 1941 года от Брайтенбаха поступало все больше и больше материалов, свидетельствующих о подготовке войны против СССР. Вскоре он заболел и ушёл в отпуск. Из отпуска он возвратился 19 июня 1941 года и срочно вызвал на экстренную встречу сотрудника Журавлёва. Агент сообщил, что в гестапо только что поступил текст секретного приказа Гитлера войскам, находящимся вдоль советской границы. Приказом предписывалось начать военные действия против СССР после трёх часов утра 22 июня. В Центр ушла срочная телеграмма. Однако, как позже стало известно, Берия задержал её и доложил Сталину только после того, как начальник Генштаба ВС СССР Г.К. Жуков и нарком обороны Тимошенко предложили генсеку

разослать в военные округа директиву наркома об отражении возможного нападения Германии на СССР.

Утром 22 июня 1941 года здание советского посольства на Унтер-ден-Линден в центре Берлина было блокировано силами гестапо. Связь с Брайтенбахом была утрачена. Но А. Коротков сумел преодолеть блокаду и встретиться с надёжными агентами нашей разведки Старшиной и Корсиканцем и передать им рацию для связи с Москвой. В августе 1931 года А. Коротков вместе с сотрудниками посольства возвратился в Москву через Болгарию и Турцию. В конце войны Коротков был назначен резидентом советской внешней разведки в Германии. Резидентуре была поставлена задача выяснить судьбу её довоенных агентов.

Разбирая документы в руинах здания на улице Принц-Альбрехтштрассе, один из сотрудников резидентуры обнаружил обгоревшую учетную карточку на Вильгельма Лемана, в которой была сделана отметка о том, что он арестован гестапо в декабре 1942 года. Причина ареста не указывалась. Эта учетная карточка вместе с другими трофейными документами была направлена в Центр. Короткову было поручено узнать подробности его ареста и гибели.

В дальнейшем удалось восстановить картину гибели Брайтенбаха. Вот как это было. С началом войны все сотрудники советских учреждений в Германии были интернированы и высланы из страны. Вместе с советской колонией Германию покинул и последний куратор Брайтенбаха Журавлёв (Николай). Поскольку условия связи с агентом на случай войны не были разработаны, контакт с агентом прервался навсегда.

К весне 1942 года Центр не сумел восстановить связь ни с одним из своих агентов в Берлине и не имел никакого представления о том, что же с ними произошло.

Рации, переданные А. Коротковым берлинцам, были маломощными, и их сигналы Москва не могла принять. Главный приёмный пункт находился в Минске, который был оккупирован гитлеровцами в первые дни войны. Брайтенбах же вообще не располагал средствами радиосвязи. Были предприняты попытки послать для связи с ними связных из Лондона (парашютистов) или из нейтральной Швеции. Но… не получилось. Оставалась единственная возможность: отправить связного через линию фронта в… Берлин!

К тому времени разведорганы НКВД и Красной армии уже имели опыт заброски в тыл врага немцев-антифашистов, в том числе перебежчиков и завербованных военнопленных. Немецкий язык у них родной, и к тому же они прекрасно знали нравы и обычаи немцев и традиции вермахта. Их стоило только обучить разведывательному делу и работе на радиосредствах.

Из нескольких кандидатур А. Коротков отобрал двоих. С ними провели несколько бесед по всем вопросам предстоящих их действий за кордоном.

И тот и другой сразу были готовы принять активное участие в борьбе с фашизмом в рядах Красной армии. Но одно дело — воевать на

фронте в качестве бойцов, и совсем иное — в одиночку, с документами на чужое имя, с чужой биографией, выполнять сложные разведывательные задания, рискуя в любой момент быть арестованным, изобличенным, и не убитым в бою, а замученным в застенках гестапо.

Их звали Альберт Хесслер и Роберт Барт. Обоим было чуть больше тридцати. Оба имели опыт антифашистской легальной и нелегальной борьбы. Увы, никто тогда не мог знать, что обоих ждёт гибель. Хотя сегодня трудно предположить, чья судьба оказалась бы трагичнее. Не по их вине и не по вине тех, кто готовил их к заброске в столицу Третьего рейха город Берлин для выполнения сложного задания.

Но ещё до того, как самолёт «Дуглас» авиадивизии дальнего действия оторвался от взлётной полосы аэродрома в подмосковных Подлипках [16], они были обречены. Потому как уже 3-й месяц контрразведка гестапо и абвера вела плотное круглосуточное наблюдение за отдельными руководителями «Красной капеллы» [17], проверяя их знакомства, выявляя всё новых и новых участников подполья.

Альберт Хесслер считался «старым» коммунистом и антифашистом. Эмигрировал с приходом нацистов к власти. В 1935–1936 годах учился в Москве в школе Коминтерна. В 1937 году добровольцем отправился в Испанию в интербригаду. Потом — ранение, эвакуация во Францию, затем в Советский Союз. После выздоровления Хесслер работал на тракторном заводе в Челябинске. Там же в декабре 1941 года женился на медсестре Клавдии Рубцовой. С нападением Германии на Советский Союз Хесслер вступает в ряды Красной армии. Прошёл спецподготовку как разведчик и радист.

Напарник Хесслера Роберт Барт — по профессии печатник, коммунист.

Уже в первые годы нацистского режима подвергся аресту и кратковременному заключению в тюрьму. В 1939 году Барта призвали в вермахт. Воевал во Франции, был ранен, награждён Железным крестом 2-го класса. В 1941 году направлен на Восточный фронт, и в 1942 году перешёл на сторону Красной армии.

Хесслер и Барт должны были добраться до Берлина под видом солдат, следующих в Германию с фронта в краткосрочный отпуск. Хесслер (псевдоним «Франц») был снабжен подлинными документами на имя обер-ефрейтора артиллерии Гельмута Вегнера. Барт (псевдоним Бек) стал вахмистром артиллерии, что соответствовало воинскому званию в вермахте фельдфебеля в пехоте.

5 августа 1942 года Хесслер и Барт приземлились на парашютах в заданном районе между Брянском и Гомелем. Проводники из партизанского отряда доставили их к ближайшей железнодорожной станции. Спустя неделю через Белосток, Варшаву и Познань разведчики добрались до Берлина.

По заданию Москвы им предстояло установить связь только с

---

[16]Будущий центр советской космонавтики — город Королёв.

[17]Подпольная антифашистская организация в Германии.

организацией «Красная капелла», о встрече с Брайтенбахом речь не шла. Однако в Москве был подготовлен план, который мог потребоваться, если бы появилась возможность связаться с ним.

Далее следует копия справки на Брайтенбаха. Документ рассекречен совсем недавно.

«Справка

по д.ф. 11 858 „Брайтенбах“ А-201.

„Брайтенбах“, Леман Вилли

1884 г.р., немец, юношей добровольно ушёл служить на флоте и прослужил 12 лет. Ещё до войны поступал на работу в полицию. Сначала был полицейским, а затем перешёл в политическую полицию в отдел контрразведки.

Завербован в 1929 году Корнелем через агента А-70, бывшего работника политической полиции, другом которого он являлся.

За время сотрудничества с внешней разведкой передал большое количество материалов о личном составе и структуре политической полиции, гестапо, военной разведке, предупреждал о готовящихся арестах нелегальных и легальных сотрудников нашей разведки, сообщал сведения о лицах, разрабатываемых гестапо, наводил справки по следственным делам и информировал о военном строительстве в Германии.

Брайтенбах работал на нашу разведку без перерыва до весны 1939 года, когда связь с ним оборвалась. В июле 1940 года Леман прислал через А-70 в наше посольство в Берлине письмо, в котором просил о восстановлении с ним связи. В сентябре 1940 года связь с агентом была восстановлена.

В 1940 году Брайтенбах работал заместителем начальника отдела гестапо, обслуживающего промышленность. Несколько позднее он был переведён в отдел контрразведки и работая в отделении по проверке кандидатов, зачисляемых в отряды охраны предприятий особой государственной важности, и, кроме того, имеет, по его словам, доступ ко многим секретам, которые интересовали раньше и могут интересовать и теперь.

До войны Брайтенбах был на связи у сотрудника нашей разведки Николая (Б.И. Журавлёв), а с момента нападения Германии на Советский Союз связь с агентом была прервана.

На случай экстренного вызова Брайтенбаха на встречу в декабре 1940 года было предусмотрено следующее: человек звонит ему по телефону, называя себя Kollege Preiss, и говорит, что он в Берлине проездом и хотел бы его видеть. На это Брайтенбах должен ответить: „Заходите ко мне в бюро“. Это означало: встреча в 5 часов вечера на углу Berlinerstrasse и Scharlottenburger Ufer на правой стороне, если идти от Бранденбургских ворот, около телефонной будки. Далее следовали пароль и отзыв.

Других, более поздних условий восстановления связи с Брайтенбахом в его деле нет.

Жена Брайтенбаха о его связи с советской разведкой не знает.

Адрес Брайтенбаха: Кармен-Сильвернгграссе, 21.

Дом. телефон: Румбольд 36–42.

О/у I Управления НКВД СССР мл. л-т государственной безопасности

„30“ сентября 1941 г. (Осетров)».

Исходя из сложившихся обстоятельств, в случае необходимости, связной НКВД, имея старый адрес (Брайтенбах сменил место жительства и телефон), выйти на встречу с Брайтенбахом, пожалуй бы, не смог.

* * *

Казалась бы, всё прошло благополучно. Хесслер и Барт добрались до Берлина нормально, документы их были в порядке и при проверке в пути следования подозрений не вызвали, и Хесслер в соответствии с заданием явился на квартиру Курта Шумахера и находился у него три недели, потом около двух недель жил в семье Рихарда Вассенштайнера и его жены Ханни в районе Шонебург на Воргерштрассе, 162.

В архивах внешней разведки сохранилась справка об условиях связи с Брайтенбахом. Вначале обмен по телефону паролем и отзывом. Звонить после 6 часов вечера, когда Леман вернётся с работы. Встреча должна состояться на следующий день в соответствии с условиями связи на Кантштрассе.

Не исключено, что такая встреча с Брайтенбахом на Кантштрассе состоялась — только вместо Бека (к тому времени уже арестованного), на неё, по всей вероятности, явился сотрудник гестапо.

В поле зрения германской контрразведки Хесслер и Барт попали сразу после того, как они установили связь с представителями берлинского подполья. Местонахождение Хесслера гестаповцы выявили быстро, но квартиру, где поселился Барт, выследить не сумели. Более того, до поры до времени они не знали, что у Хесслера есть напарник. В середине августа в Центре приняли радиограмму Хесслера: «Всё обстоит благополучно. Группа значительно выросла за счёт антифашистов и ведёт активную работу. Радиоаппаратура работает, но по непонятным причинам связи нет. По получении от вас сигнала о приёме моей радиограммы сообщу информацию „Корсиканца“ и „Старшины“».

Передачу Хесслер вёл из ателье подпольщицы — исполнительницы экзотических танцев Оды Шотмюллер, а позже он находился на квартире графини Эрики фон Брокдорф.

В конце августа 1942 года в Берлине, а затем и в других городах начались аресты. За несколько дней в тюрьмы на Принц-Альбрехтштрассе, Кантштрассе, Александерплатц, а также в женскую тюрьму на Варнимштрассе было брошено около 119 человек.

Харро Шульце-Бойзен (Старшина) был арестован в помещении Министерства люфтваффе 31 августа.

Арвид Харнак (Корсиканец) и его жена Милдред арестованы 7

сентября во время отпуска.

Адам Кукхоф (Старик) арестован 12 сентября в Праге, где в тот период работал на киностудии «Баррандов».

К сожалению, очень мало известно о тех нескольких неделях, которые Хесслер и Барт провели в городе Берлине.

Известно, например, что Хесслер успел встретиться с Куртом Шумахером (Тенор) и Арвидом Харнаком возле здания оперного театра на Унтер-ден-Линден. Судя по всему, Хесслера арестовали между 12 и 16 сентября, когда были задержаны Курт и Элизабет Шумахеры, Эрика фон Брокдорф и супруги Вайсенштоймер, на квартирах которых он находился.

Все попытки гестаповцев склонить Хесслера к сотрудничеству успеха не имели. По всей вероятности, он оказал на допросах крепкое сопротивление, потому что его не судили, как всех остальных, и не казнили, а просто расстреляли или забили до смерти.

В октябре в Москве получили сообщение от имени Хесслера, переданное по его рации «Д-6», о начавшихся арестах в Берлине. Но это уже была радиоигра, затеянная заместителем Генриха Мюллера Фридрихом Панцингером. В Москве не сразу, но догадались, что радиостанция находится в руках гестапо.

Первая достоверная информация о берлинской трагедии поступила в Москву примерно полгода спустя. В апреле 1943 года на советско-германском фронте сдался в плен племянник Арвида Харнака — Вольфганг Хавеманн («Итальянец»). Следователи не сумели доказать его принадлежность к «Красной капелле», но на всякий случай отправили его штрафником на фронт.

Что касается Барта, то в его деле много неясного. Гестаповцам не удалось установить его местопребывания в Берлине, как и сам факт появления его в городе. Но гестаповцы вели негласное наблюдение за семьями и близкими родственниками антифашистов. А вдруг кто-нибудь из антифашистов, либо как перевербованный советский агент, либо как дезертир попадёт в поле зрения. Так оно и получилось в данном случае с разведчиком Бартом.

В Берлине жила семья Барта — жена и маленький сын. Жена заболела, и её поместили в частную клинику. Приставленная к ней медсестра была агентом гестапо. Оказавшись в Берлине, Барт не выдержал и то ли пришёл к себе домой, то ли позвонил по телефону. Узнав, что жена заболела и госпитализирована, он прибыл к ней в клинику, где и был арестован 9 сентября 1942 года. В отличие от Хесслера Барт не выдержал интенсивных допросов и дал согласие участвовать в радиоигре с Москвой; с ним работал один из самых опытных экспертов РСХА Томас Амплетцер. Впоследствии Барт утверждал, что 14 октября передал условный сигнал, означающий, что он работает под контролем гестапо, следовательно, захвачен.

К несчастью, малоопытный радист в Центре условного знака не заметил или принял его за обычный технический сбой. Как бы то ни было, Москва была введена в заблуждение. 4 декабря 1942 года Беку были переданы пароль и условия связи с Брайтенбахом.

11 декабря 1942 года Центр получил радиограмму: Бек якобы дозвонился до Брайтенбаха. Была обусловлена встреча, но агент на встречу не вышел. Бек, мол, перезвонил Брайтенбаху на следующий день. К телефону подошла жена и сказала, что мужа нет дома. На этом радиоигра закончилась.

Ну а что же стало с Бартом? Будучи уверен, что в Москве приняли его тревожный сигнал, и спасая жену и сына от репрессий гестапо, дал согласие на сотрудничество под кличкой Брауэр.

В Москве всё же поняли, что Барт арестован, и решили, что он совершил акт измены.

Уже по завершении войны в июне 1945 года Барт, находясь в германском городе Саарбрюкене, явился в штаб американской армии и заявил, что он советский разведчик. Американцы при первой же возможности передали Барта представителям Красной армии.

25 июня 1945 года Роберт Барт был арестован сотрудниками СМЕРШ. Потом на следствии он неоднократно повторял, что передал тревожный сигнал и потому был уверен, что в Москве последующие его радиограммы воспримут как дезинформацию.

Чисто по-человечески хочется верить, что Барт говорил правду, иначе как объяснить, почему он добровольно явился к американцам, сообщил, кем является, что и определило его передачу советским властям. А ведь он мог бы остаться в Германии и поселиться в западных зонах оккупации (впоследствии ФРГ). Убедить следствие Барту-Беку, к сожалению, не удалось.

14 ноября 1945 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило Роберта Барта к расстрелу. 23 ноября приговор был приведён в исполнение. 12 февраля 1996 года решением Главной военной прокуратуры Роберт Барт был реабилитирован.

* * *

Ну а как же развивались дальнейшие события в отношении Вилли Лемана? Если бы всё шло так, как задумывалось, Бек сразу бы не нашёл Брайтенбаха, поскольку в Москве не знали ни его нового домашнего адреса, ни номера домашнего телефона.

Советская внешняя разведка почти ничего не знала о последних днях жизни А-201. Неизвестно, был ли он повешен, застрелен или скончался от острой сердечной недостаточности. Он ведь был очень больной человек. Итак, ничего, кроме скудных и не всегда достоверных фактов.

Гестапо должно было сохранить полнейшую секретность. И не столько во избежание утечки в Москву, сколько в целях недопущении грандиозного скандала внутри ведомства. Ещё бы! Ветеран спецслужб, далеко не рядовой сотрудник гестапо и вдруг — советский агент с многолетним стажем. Узнали бы об этом наверху, кто знает, чьи головы полетели бы и чья карьера была бы мгновенно сломана. Ведь это дело государственной важности.

Поэтому арестовывать Лемана, скорее всего, должны были сотрудники, лично его не знавшие. Его доставили в тюрьму

Плётцензее, в которой сохранилась единственная короткая запись о доставке арестанта. Ордера на арест не было. А почему доставили не во внутреннюю тюрьму на Принц-Апьбрехтштраесе, 8? Очень просто: там «дядюшку Вилли» знал в лицо и по имени каждый сотрудник. Какая тут может быть конспирация и секретность?

Леман был обречен. Ему было заведомо отказано в рассмотрении его дела в суде. Как он был умерщвлён — неизвестно. Было только коротенькое сообщение в ведомственном, закрытом «Бюллетене» от 29 января 1943 года. Истинным в нём, похоже, был лишь месяц смерти — декабрь 1942 года. Выходит, что Леман прожил после ареста не дольше двух недель.

Его жена Маргарет Леман никаким репрессиям не подвергалась. Поначалу ей сообщили, что Вилли погиб в «секретной» командировке. Генерал А.М. Коротков разыскал её в Берлине летом 1945 года, и Маргарет сообщила ему, что незадолго до окончания войны кто-то из бывших сослуживцев Вилли шепнул ей тайком, что тот не погиб из-за внезапного приступа болезни и последующего вслед за тем несчастного случая [18], а был застрелен…

Вот что по поводу изложенного пишет в своей книге «Его величество Агент», вышедшей в Москве в издательстве «Печатные традиции», на основании рассекреченных недавно материалов Т. Гладков.

«В Берлине живёт и работает мой друг доктор истории Ганс Коппи, человек удивительной судьбы. Его отец, Ганс Коппи (псевдоним Кляйн) был основным радистом берлинской антифашистской организации. Мать, Хильда, — достойный соратник мужа.

После изобличения и ликвидации организации супруги Коппи были обезглавлены на гильотине в тюрьме Плётцензее. Ганс — сразу по вынесении приговора, Хильда — через 3 месяца после рождения ребёнка в тюремной больнице. Трёхмесячного малыша также звали Гансом, его воспитали дедушка и бабушка.

Всю свою сознательную жизнь доктор Ганс Коппи (младший) посвятил изучению антигитлеровского движения в Германии. Он автор нескольких книг, сценариев многих телефильмов.

Уже после того, как эта книга была написана, мне стало известно, что на основании немногих свидетельств и архивных документов он выстроил следующую версию…

Когда радиоразведка абвера перехватила 22.6.1941 г. радиопередачи на Москву неизвестных до тех пор агентов советской разведки, в Берлине было создано специальное подразделение — зондеркоманда под кодовым названием „Красная капелла“. Под таким же названием известна организация немецких антифашистов Шульце-Бойзена-Харнака-Кукхофа.

Зондеркоманду „Красная капелла“ в Берлине возглавил весьма деятельный гестаповец, руководитель реферата JVA-2 гауптфюрер СО Криминальамт Хорст Копков. К нему и поступили данные о

[18]Якобы болевой шок привёл к тому, что Леман потерял сознание и выпал из дверей вагона на ходу поезда.

Брайтенбахе, выбитые при допросе арестованного Бека.

Копков немедленно доложил своему начальнику Генриху Мюллеру, а тот в свою очередь доложил шефу РСХА.

В обстановке строжайшей секретности решено было направить к Брайтенбаху под видом русского связника своего человека. Им стал молодой гестаповец Оленхорст, вызванный из города Линца.

Оленхорст по паролю вызвал Лемана на встречу. Тот пришёл, и всё стало на свои места: ответственный сотрудник гестапо на протяжении нескольких лет был советским агентом. Оба были арестованы. Гестаповец — для правдоподобия.

Как известно, в тюрьме Плётцензее арестованных не расстреливали. Там только вешали и обезглавливали (на гильотине).

Брайтенбаха просто умертвили. Скорее всего, выстрелом в затылок. Версия Ганса Коппи нисколько не меняет общего представления о том, что произошло за две недели 1942 года. Была соблюдена абсолютная секретность вплоть до того, что о смерти криминаль-инспектора Вилли Лемана последовало официальное сообщение.

Гейдрих к тому времени уже 8 месяцев был мёртв. А Эрнст Кальтенбруннер ещё не был его приемником. Список погибших „за фюрера и Рейх“ сотрудников ведомства подписал и.о. шефа РСХА бригаденфюрер СС генерал-майор полиции Эрвин Вильгельм Шульц.

На допросе 14.6.1950 г., проводившемся американским следователем, Копков показал, что он присутствовал при кремации тела криминаль-инспектора Вилли Лемана.

Благодаря московскому корреспонденту германского журнала „Шпигель“ господину Уве Клусману, стала известна фотокопия рассекреченного документа. 29 января 1943 года в служебном вестнике РСХА было опубликовано сообщение о том, что в декабре 1942 года криминаль-инспектор Вилли Леман „отдал жизнь за фюрера и Рейх“».

Итак, точная дата гибели Брайтенбаха не была установлена. Вдове Лемана сослуживцы передали урну с прахом покойного и некоторые его личные вещи. Спустя некоторое время один из друзей Лемана поведал вдове, как величайшую тайну, что её муж Вилли был расстрелян в подвалах гестапо. Он посоветовал Маргарет молчать об этом. Всю войну вдова, по-видимому, опасалась и за свою жизнь. Об истории гибели мужа Маргарет рассказала А. Короткову, который посетил её в берлинской квартире летом 1945 года.

В 1969 году Президиум Верховного Совета СССР наградил советскими орденами большую группу участников германского Сопротивления за их вклад в совместную борьбу против нацизма и помощь Красной армии. Советскими орденами были награждены участники подпольной антифашистской организации «Красная капелла». Вилли Леман в эту организацию не входил. Его вдове были вручены золотые часы с надписью: «На память от советских друзей». В то время советская разведка не могла сделать большего для того,

чтобы достойно отметить подвиг своего ценнейшего агента.

В 1972 году, в канун 30-летия героической гибели Вилли Лемана, с санкции председателя КГБ Ю.В. Андропова советский писатель Юлиан Семёнов был ознакомлен с пятнадцатью томами дела «Брайтенбах». Ему были показаны и некоторые материалы досье видного советского разведчика Александра Михайловича Короткова, работавшего с агентом в предвоенный период и в последующем ставшего руководителем Управления нелегальной разведки. Свою знаменитую книгу «Семнадцать мгновений весны» Семёнов написал буквально на одном дыхании. Она сразу стала бестселлером и завоевала большое признание читателей.

Штандартенфюрер Штирлиц стал народным героем и сегодня живёт самостоятельной жизнью. В собирательном образе советского разведчика воплотились героизм, самопожертвование, верность долгу и любовь к Родине.

Советские разведчики Надежда и Николай Скоблины

Без разведки и контрразведки не может обойтись ни одно развитое государство. Для принятия конкретного политического решения международного масштаба необходимо располагать полной и объективной политической информацией. К сожалению, у тех, кто добывает секретную информацию, — трудная и нередко трагическая судьба. Порой даже и после ухода их из жизни.

Сотрудников спецслужб и уважают, и презирают. Ими восхищаются и их ненавидят. Их часто называют предателями и отщепенцами. И часто ведь речь идёт об одних и тех же людях. Всё зависит от того, какая сторона даёт оценку конкретному разведчику.

Как ни покажется странным, но больше всего о советской и российской разведке написано за рубежом. Там раскрыты многие имена, события, факты. К сожалению, преподносится немало вымыслов, клеветы, погони за сенсацией. Ведь достоверным является то, что подтверждено архивами, документами, свидетельствами. У нас широко известны имена Рихарда Зорге, о котором с уважением отзываются и в Японии, Рудольфа Абеля (Вильям Фишер), которого американцы признают как одного из выдающихся разведчиков современности. Хорошо известно имя Конона Молодого (Гордон Лонсдейл) — по «мотивам» его разведывательной деятельности был создан замечательный кинофильм «Мертвый сезон».

За последнее время стали известны имена также Кима Филби, разведчика-нелегала Героя России Алексея Козлова, супружеской пары разведчиков-нелегалов Геворка и Гоар Вартанянов.

В рамках программы «КГБ и гласность» становятся известными документы архива КГБ СССР, которые восстанавливают историческую справедливость в отношении наших разведчиков, в частности в отношении белого генерала Николая Владимировича Скоблина, по адресу которого в публикациях на Западе, да и у нас в стране, кочуют совсем бездоказательные обвинения в том, что он был заклятым

врагом советской власти и сотрудничал якобы даже с гестапо.

Материалы из архива советской внешней разведки позволяют узнать, кем на самом деле были Николай Скоблин и его жена, известная русская певица Надежда Плевицкая, а также бывший штабс-капитан Пётр Георгиевич Ковальский.

В 1940 году во французской каторжной тюрьме города Ренн скончалась при невыясненных обстоятельствах русская эмигрантка, знаменитая певица Надежда Плевицкая, чьим голосом восхищались Леонид Собинов, Фёдор Шаляпин и даже сам император России Николай II, чья семья дружила с этой простой русской девушкой.

Она скончалась в тюрьме после того, как двумя годами раньше «гуманное» французское правосудие приговорило её к 20 годам каторжных работ за соучастие в похищении генерала Миллера, руководителя Русского общевоинского союза (РОВС). На суде Надежда Плевицкая виновной себя не признала. Чтобы доказать обратное, французская контрразведка даже пошла на тайную запись с помощью скрытых микрофонов её предсмертной исповеди у православного священника. Однако и это не принесло каких-либо желаемых результатов.

Надежда Плевицкая (девичья фамилия — Винникова) родилась 17 января 1884 года в селе Винниково Курской губернии в многодетной семье.

В своей книге «Дежкин карагод» («Надеждин хоровод»), вышедшей в Берлине в 1925 году, Плевицкая вспоминала:

«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры. Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли. Жили мы дружно, и слово родителей для нас было законом. Если же, не дай Бог, кто „закон“ осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка потолще со словами: „Отваляю, по чём ни попало“.

У моего отца было семь десятин пахоты. На семью в семь человек — это немного, но родители мои были хозяева крепкие, и при хорошем урожае и у нас были достатки. Бывало, зайдёшь в амбар: закрома полны, пшено, крупы, на балках висят копчёные гуси, окорока, в бочках солонина и сало. А в погребе — кадки капусты, огурцов, яблок, груш. Спокойна душа хозяйская, всё тяжким трудом приобретено: зимой семья горя с продуктами не знала».

Петь Надежда начала с детства, подражая старшей сестре Татьяне. Её пением заслушивались окружающие.

Однако вскоре отец девушки Василий Винников умер, и семья познала нужду. Надежда стала работать поденщицей: стирала бельё, зарабатывала себе на пропитание. Через некоторое время после смерти отца мать отвезла её в Троицкий девичий монастырь, поскольку в то время земля делилась только между сыновьями покойного родителя, а идти в батрачки Надежда не захотела. Но в монастыре Надежда долго не задержалась: её душа требовала песни. Из Троицкого монастыря она уехала в Киев, чтобы попытать счастья на

эстраде. Желание стать певицей привело Надежду в хор А. Липкиной. После испытания она было принята ученицей. Надежде положили восемнадцать рублей жалованья в месяц на всём готовом. Тогда она ещё практически не умела ни читать, ни писать, поскольку после смерти отца денег на учёбу не было.

В хоре Надежда упорно овладевала эстрадным искусством, исполняла русские народные песни. Выступала она под сценическим псевдонимом Плевицкая. Её уникальный голос привлёк внимание публики, и директор знаменитого в ту пору московского ресторана «Яр» Судаков предложил ей подписать контракт. После долгих колебаний Надежда согласилась. Купеческий «Яр» имел свои традиции и обычаи, которые нарушать никому не полагалось. В частности, певицы не должны были выходить на сцену в большом декольте. Чинный и строгий Судаков, беседуя с Плевицкой, предупредил её: «К „Яру“ московские купцы возят своих жен, и боже сохрани допустить какое-либо неприличие».

Первый дебют Плевицкой был удачен, москвичам она понравилась. Певице было предложено возобновить контракт с «Яром» на зиму 1909 года. А осенью следующего года Плевицкая, ставшая уже известной, подписала выгодный контракт с Нижегородской ярмаркой. Там на её талант обратил внимание знаменитый певец Леонид Собинов, который предложил ей выступить вместе с ним на благотворительном концерте в Нижегородском оперном театре. Выступление певицы на большой сцене было успешным, и Собинов посоветовал ей заняться самостоятельной концертной деятельностью. Здесь её ожидал ослепительный успех. Выступавшая с исполнением русских народных песен Плевицкая быстро стала знаменитой. Её имя называли в одном ряду с Фёдором Шаляпиным, который высоко ценил талант певицы и называл её «русским жаворонком».

Надежда Плевицкая стала часто выступать в высшем свете. На неё обратила внимание и царская семья. В Царскосельском дворце бывшая прачка исполняла русские песни перед государем Николаем II и его приближенными. Как рассказывали очевидцы, последний император Всероссийский, слушая их, низко опускал голову и плакал. В знак благодарности Николай II подарил знаменитой певице драгоценный перстень со своей руки. Царя и его семью Плевицкая боготворила, Николая II называла «мой хозяин и батюшка».

С началом Первой мировой войны Плевицкая, чья слава гремела по всей России, выезжает с концертной бригадой в действующую армию. Она становится сиделкой в военном госпитале в Ковно, поёт для раненых в лазаретах, а порой и перед солдатами на передовой.

После Октябрьской революции Надежда Плевицкая осталась в Москве: крестьянская дочь, она не помышляла об эмиграции, тем более, что за границей её никто не ждал, капиталов в банках не было. Находясь на стороне красных, она говорила в своём окружении, что с одинаковым чувством может спеть и «Боже, царя храни» и «Смело мы в бой пойдём», всё зависит от аудитории.

В первые годы Гражданской войны Плевицкая неоднократно выезжала на фронт, давая концерты перед красноармейцами. Во время

одной из таких поездок, в сентябре 1919 года, она попала в плен к белым под родным Курском. Здесь Надежда встретила молодого командира Корниловского полка, тогда ещё полковника, Николая Скоблина.

Николай Владимирович Скоблин родился в 1893 году в Нежине. Окончил кадетский корпус. В 1914 году окончил военное училище и в чине прапорщика участвовал в Первой мировой войне. За храбрость и боевые заслуги был награждён орденом Святого Георгия.

В 1917 году, будучи штабс-капитаном, вступил добровольцем в ударный батальон. Затем командовал Корниловским полком, одним из четырёх полков Добровольческой армии, которые были укомплектованы только офицерами. Не имея высшего военного образования, к концу Гражданской войны дослужился в рядах белой армии до командира Корниловской дивизии и звания генерал-майора (1920 год).

Скоблин влюбился в Плевицкую и предложил ей выйти за него замуж. Певица согласилась. Так Надежда стала женой генерала Скоблина, с которым связала свою дальнейшую жизнь. Плевицкая была старше Скоблина на девять лет, но это не помешало им долгие годы оставаться любящей и верной парой.

Гражданская война закончилась поражением белых. В 1920 году генерал Врангель с остатками своей армии бежал из Крыма в Турцию. Вместе с ним в эмиграции оказались генерал Скоблин с Надеждой Плевицкой, а также сотни тысяч бывших русских офицеров и солдат.

Плевицкая и её муж были отправлены в лагерь для перемещенных лиц, который находился на полуострове Галлиполи под Стамбулом. По воспоминаниям певца Александра Вертинского, Плевицкая и Скоблин со времён Галлиполи дружили с семьями генералов Кутепова и Миллера.

Один из бывших офицеров Добровольческой армии, Дмитрий Мейснер, вспоминая о пребывании в галлиполийском лагере, рассказывал:

«В считаные для нас минуты мы заслушивались песнями Надежды Васильевны Плевицкой, щедро раздававшей тогда окружающим её молодым воинам блёстки своего несравненного таланта. Эта удивительная певица, исполнительница русских народных песен, Тогда только начинавшая немного увядать, высокая стройная женщина, была кумиром русской галлиполийской военной молодёжи. Её и буквально, и в переносном смысле носили на руках. Она была женой одного из наиболее боевых генералов Белой армии».

В армейской среде Русской армии за границей зародилось движение за возвращение на Родину, которое усилилось после принятия ВЦИКом СССР 7 ноября 1921 года Декрета об амнистии. 6 мая 1922 года русская эмиграция за рубежом создала специальную организацию «Союз возвращения на Родину» (Совнарод). Оказавшись против своей воли в эмиграции, Надежда Плевицкая убеждала мужа последовать примеру его соратников, в частности, генерала Слащева, возвратившегося в Россию и ставшего преподавателем Военной

академии. Она подчёркивала, что, как русская народная певица, может легко устроиться у красных и даже «продвинуть своего мужа по службе». Однако в тот момент Николай Скоблин согласия на возвращение не дал. Он оставался на положении почётного командира Корниловского полка, большинство офицеров которого проживало тогда во Франции.

Находясь за рубежом, Плевицкая не прекращала концертную деятельность, выступала в Болгарии, Прибалтике, Польше, Германии. Её песни слушали в Праге, Брюсселе, Париже и других европейских столицах, где проживали русские эмигранты. И везде её неизменно сопровождал Н. Скоблин. В 1926 году певица совершила турне по Америке. В октябре она дала в Нью-Йорке серию концертов, на которые пригласила служащих советского представительства Амторга — государственной торговой организации, одновременно выполнявшей консульские функции. Этот шаг знаменитой певицы вызвал замешательство в рядах белой эмиграции. В ответ на нападки эмигрантской прессы Плевицкая заявила журналистам: «Я артистка и пою для всех. Я вне политики».

В результате разразившегося скандала руководитель Русского общевоинского союза (РОВС) генерал Врангель 9 февраля 1927 года отдал приказ об освобождении генерала Скоблина от командования Корниловским полком. Скоблин остался без дела и средств к существованию. Впрочем, его опала длилась недолго, и в том же 1927 году он снова вернулся в Корниловский полк.

Вначале Скоблин и Плевицкая обосновались в Париже. Певец Александр Вертинский, проживавший в то время во французской столице, сразу обратил внимание на эту супружескую пару. Он вспоминал:

«В русском ресторане „Большой Московский Эрмитаж“ в Париже пела и Надежда Плевицкая. Каждый вечер её привозил и увозил на маленькой машине тоже маленький генерал Скоблин. Ничем особенным он не отличался. Довольно скромный и даже застенчивый, он скорее выглядел забитым мужем у такой энергичной и волевой женщины, как Плевицкая».

Эмигрантская жизнь у супругов не очень ладилась. Они перебрались в парижский пригород Озуар-ле-Ферьер. Одновременно взяли в аренду большой участок земли с виноградником неподалеку от Ниццы. Однако в результате неурожая винограда быстро разорились. В Озуар-ле-Ферьер супруги жили в доме, купленном в рассрочку на десять лет, за который ежемесячно выплачивали по 800 франков. В то время это были большие деньги, и Надежде Плевицкой, чтобы заработать, приходилось часто выезжать на гастроли в европейские города, где проживали русские эмигранты. Однако денег все равно не хватало. Кроме того, «аристократическая» Россия, нашедшая приют во Франции, считала брак Скоблина с «мужичкой» Плевицкой мезальянсом. Бывшие титулованные особы, ставшие в Париже таксистами, официантами и содержателями публичных домов, любили слушать её песни, однако в свой круг не допускали.

Плевицкая и её муж попали в поле зрения советской разведки,

которой хорошо было известно положение Скоблина в РОВС. Внешняя разведка органов государственной безопасности — Иностранный отдел ОГПУ — активно разрабатывала русскую вооруженную эмиграцию, в том числе созданный в 1924 году Русский общевоинский союз. Он числился среди главных объектов проникновения Иностранного отдела, который имел в нем свою агентуру. Москва считала РОВС источником постоянной опасности, так как агентурные данные свидетельствовали о том, что стратегической целью руководства РОВС являлось вооруженное выступление против советской власти. В Центре полагали, что в случае войны в Европе противники Советского Союза неминуемо призовут под свои знамена и полки бывшей Добровольческой армии.

По заданию советской внешней разведки 2 сентября 1930 года для встречи со Скоблиным в Париж прибыл его однополчанин Петр Ковальский, воевавший вместе с генералом в Добровольческой армии. Ковальский работал на Иностранный отдел ОГПУ и имел оперативный псевдоним «Сильвестров».

Срочная телеграмма от резидента советской разведки в Вене была адресована заместителю начальника Иностранного отдела ОГПУ. В телеграмме из Вены за №1415 говорилось:

«Ёж/10 вернулся из Парижа. Жена генерала согласилась работать на нас. Генерал пошёл на всё и даже написал на имя ЦИК просьбу о персональной амнистии. По-моему, он будет хорошо работать. Подписка генерала написана симпатическими (тайнописными. — Н.Ш.) чернилами „пурген“ и проявляется аммоняком (летучая щёлочь). Визитная карточка служит паролем. Генерал будет вести разговор с любым посланным от нас человеком, который предъявит ему такую визитную карточку. Прошу срочно указаний. Месячное жалованье, которое просит генерал, около 200 американских долларов.

Вацек».

Генерал, о котором сообщил резидент советской разведки в Вене, был Николай Владимирович Скоблин, бывший офицер царской армии. Покинул Россию в 1920 году вместе с разбитой армией Врангеля. Он был влиятельной фигурой в Российском общевоинском союзе — наиболее крупной и опасной белоэмигрантской организации в 20–30-х годах со штабом, дислоцированным во Франции в Париже.

Ёж/10 — этот кодовый номер использовался Центром и европейскими резидентурами для обозначения агента советской разведки — псевдоним «Сильвестров». Короткое послание из Вены означало, что первый шаг в операции оказался успешным.

Поздним вечером 2 сентября 1930 года молодой человек в отличном костюме прибыл в Париж венским поездом. Подхватив чемоданчик, он вышел на привокзальную площадь и остановил такси.

— Отель «Монсени».

Номер ему был заказан ранее. Новый постоялец провёл довольно беспокойную ночь. Его волновал больше всего главный вопрос: как его встретит старый знакомый после почти десятилетнего перерыва? И

какой будет его реакция, если дело дойдёт до откровенного разговора? Потребует уйти? Вызовет полицию? Или попросту даст знать своим из контрразведки? А те, конечно, колебаться не станут…

Ровно в 11.00 следующего дня вышел на улицу и отправился в Русское концертное бюро, возглавляемое князем Церетели. Здесь его встретили очаровательной улыбкой и французским «бон жур», но тут же перешли на русский.

— Я ищу Надежду Васильевну Плевицкую и её мужа — Николая Владимировича Скоблина, — сказал молодой человек. — Мы вместе служили в Корниловском полку.

— Точного адреса мы не знаем, — ответила барышня. — Надежда Васильевна обычно заходит к нам. Недавно они переехали из-под Ниццы и поселились неподалеку от Парижа. Местечко называется Озуар-ле-Феррьер.

Молодой человек вежливо поблагодарил и отправился на вокзал. На станции Озуар-ле-Феррьер он был в пять вечера. От станции до посёлка — три километра. В пути он понял, что ошибся и пошёл не туда. Пришлось, к сожалению, вернуться.

Пустынная дорога шла через желтеющий лес. Первые же встречные говорили между собой по-русски. Они нисколько не удивились, услышав вопрос на русском языке: во Франции собрался чуть ли не миллион русских эмигрантов.

— Скажите, пожалуйста, как мне пройти к мэрии?

Попутчики любезно проводили молодого человека до мэрии, где ему записали на листке бумаги адрес русского генерала и даже показали самый кратчайший путь.

Хозяев не оказалось дома, но ждать пришлось недолго. Минут через пятнадцать подъехала автомашина с открытым верхом. Из неё вышел человек в лёгком сером костюме. Он подал руку даме и тут увидал гостя.

— Надюша, — воскликнул он радостно. — Это Петя, о котором я тебе столько раз рассказывал!

Молодой человек сделал шаг вперёд и по-военному склонил голову на грудь:

— Штабс-капитан Пётр Георгиевич Ковальский.

— Моя супруга — Надежда Плевицкая.

— Коля, Коля, — укоризненно остановил его Ковальский. — Кто из русских не знает певицу Надежду Плевицкую! Всего один раз довелось мне слышать ваше пение, но впечатление незабываемое.

Ковальский поцеловал ей руку и повернулся к Скоблину. Критически оглядел его и изрёк:

— Вижу, генерал в отличной форме. Хоть сейчас в седло и устраивай инспекционный смотр дивизии.

Скоблин усмехнулся:

— Дело за малым — дивизии нет и не предвидится.

Ковальский хорошо помнил, как в 1910–1917 годах гремело в России имя Надежды Плевицкой — одной из самых ярких звёзд русской эстрады, столь же знаменитой, как Варя Панина и Анастасия Вяльцева. Газеты и журналы, граммофонные пластинки, кинофильмы разносили по стране славу «курского соловья», «русского жаворонка».

Её имя называли в одном ряду с Ф. Шаляпиным, который, как и Л. Собинов, К. Станиславский, С. Эйзенштейн, С. Рахманинов, С. Конёнков, высоко ценил талант Надежды Плевицкой.

Она пела о гибели «Варяга», «По диким степям Забайкалья», «Раскинулось море широко», «Ухарь купец» и многие другие. Эти песни исполнялись в самых разных аудиториях, повсюду встречая овации.

Как писала одна газета, «песни Плевицкой для национального самосознания и чувства дают человеку в тысячу раз больше, чем гунявые голоса всех гунявых националистов, вместе взятых». И даже сенсационная шумиха в печати о многотысячных гонорарах, бриллиантах и роскошных концертных туалетах певицы не могла повредить её огромной популярности.

— Вы очень вовремя, — сказала Надежда Васильевна. — У нас сегодня гости, увидите интересных людей.

— Как вырвался от Советов? — расспрашивал тем временем Скоблин, ведя гостя в дом. — И как устроился в Вене?

— В Ленинграде я купил персидский паспорт, сейчас по нему и живу. Привёз кое-что с собой, так что пока не нуждаюсь ни в чём. А вы как тут устроились?

Скоблин неопределенно повел головой, а у Плевицкой сразу испортилось настроение.

— Четыре года назад мы арендовали участок земли на юге — под виноградники. Думали, это верное дело. Но два года подряд неурожай, и мы погорели, аренду в этом году не возобновили. Теперь купили здесь дом — 10 тысяч франков. Заняли деньги под большой процент, но с рассрочкой на десять лет, — пояснил Скоблин.

В это время подъехали ещё две машины, появились гости. Ковальского им представили торжественно: «Петя, наш друг, один из пионеров Добровольческой армии, сподвижник генерала Корнилова».

Это была сущая правда. Сын железнодорожника, П. Ковальский в 1914 году оставил гимназию, чтобы поступить в Одесское военное училище. 1 мая 1915 года он был уже прапорщиком, а в июне оказался на фронте. У него были все основания считать себя баловнем судьбы: уже в октябре следующего года его произвели в штабс-капитаны, т.е. меньше, чем за полтора года, он получил три чина. Его храбрость была отмечена восемью боевыми орденами и медалями. Три раза ранен, но всякий раз волею судьбы возвращался в родную часть.

После Октябрьской революции офицеры Корниловского полка начали переправляться на Дон, где составили ядро Добровольческой

армии. Логика Гражданской войны привела в Добровольческую армию и П. Ковальского: по семейным традициям служил в управлении военных сообщений. Всё это было известно его бывшему сослуживцу Н. Скоблину. Но о другой стороне жизни Ковальского генерал не догадывался, конечно.

Вместе с отступающей белой армией Ковальский оказался в Польше и был интернирован. Потом поселился в Лодзи, поступил на работу: сначала ночным сторожем, а затем — техником в строительную контору.

В конце 1921 года П. Ковальский пришёл в советское полпредство в Варшаве и сказал, что хочет заслужить право вернуться в Россию. Два года работал по заданиям советской разведки и в апреле 1924 года вернулся домой — в Россию. Разобравшись в жизненных перипетиях, Ковальский перешёл на платформу советской власти и отдал себя всецело в распоряжение авангарда Советов — органов ГПУ.

Ковальский засиделся у Скоблиных до ночи, пропустил последний поезд на Париж и был оставлен ночевать. Из беседы со Скоблиным Пётр старался не только что-нибудь узнать о судьбе бывших сослуживцев по Корниловскому полку, но, главным образом, понять, чем живёт сейчас его друг Николай Скоблин.

Утром Ковальский уехал в Париж, условившись, что Скоблин и его жена приедут к нему в гостиницу. На следующий день они появились. Отправились вместе делать покупки, поскольку супруги опять ждали гостей. В час дня Плевицкая заявила, что голодна, и Ковальский предложил где-нибудь пообедать. Плевицкая осторожно заметила:

— Поймите, Пётр Георгиевич, меня ведь все здесь знают, не в каждом месте мне прилично появляться.

— Разумеется, — согласился Ковальский. — Приглашаю в «Эрмитаж».

Этим выбором Плевицкая осталась довольна и после обеда отпустила Скоблина и Ковальского в парикмахерскую побриться. Там Ковальский, глядя Скоблину в глаза, протянул ему белый конверт:

— Это письмо от твоего брата.

Скулы Скоблина окаменели, он замер.

— И я хочу поговорить с тобой приватно.

— Я тебя слушаю, — ответил Скоблин.

— Парикмахерская — не место для подобных разговоров.

Ковальский уселся в кресло и закрыл глаза. Скоблин занял соседнее кресло. После бритья они поехали домой к Скоблиным.

При подъезде к дому машина остановилась.

— Мы немного пройдёмся, Надюша, — мягко сказал генерал, — а потом будем пить чай.

Они вышли на пустынную улицу, и Ковальский решительно заговорил:

— Коля, я приехал в Париж с одной целью — спросить тебя, не намерен ли ты бросить всю эту авантюру, перестать трать в солдатики и вернуться, наконец, в ряды родной армии?

Скоблин не ожидал такого вопроса.

— Что значат твои слова?

— Мы решили ещё раз предложить всем, кого считаем полезными для Родины, прекратить белую авантюру и вернуться в ряды новой русской армии России.

— Кто мы?

— Генеральный штаб Красной армии!

— Если я вернусь, в Москве устроят показательный процесс или просто расстреляют меня как собаку.

Ковальский посмотрел Скоблину в глаза:

— Коля, ты ведь не маленький и должен сам всё понимать. Ты не политическая фигура, а просто военный специалист, и показательный процесс над тобой ни для кого не представляет интереса. Расстрелять тебя — только поднимать международную шумиху. Так что, если здраво рассудить, поймёшь, что сказал чушь. Помни, Коля, что я превосходно знаю о твоём патриотизме и твоей любви к России. Я тебе скажу больше. Когда у нас в штабе обсуждался вопрос о тебе, кто-то сказал, что Скоблин не продаётся, если он пойдёт к нам, то во имя служения Родине и родной Красной армии.

Ковальский чуть помолчал и добавил:

— Теперь я жду от тебя прямого ответа: ты с нами или против нас?

Скоблин отвечал с дрожью в голосе. На глазах у него вдруг появились слёзы.

— Петя, я всегда считал тебя своим лучшим другом и осуждать за то, что ты вступил в Красную армию, не имею права. Каждый по-своему смотрит на такие вещи… У меня свои убеждения. Я принимал присягу. Как посмотрят на меня мои подчиненные, разбросанные по всему белому свету.

Ковальский покачал головой:

— Ты давал присягу не царю, а народу. Я тебя и зову служить народу. Тем самым ты не только не нарушаешь присягу, а, напротив, следуешь ей, порывая с врагами народа. Что касается твоих подчиненных, то я убежден, что все честные люди по твоему указанию станут служить вместе с тобой в новой русской армии.

Далее, в отсутствие Скоблина, состоялся разговор Ковальского с Надеждой Плевицкой.

— А что, Пётр Георгиевич, — спросила она, — в России-то сейчас жить можно?

— Все русские остались на родине, Надежда Васильевна. Бежали в основном те, кто, вроде нас с Николаем Владимировичем погоны носил.

— Я часто думаю, как там на самом деле? — сказала Плевицкая. — По газетам не очень понятно, что в России происходит.

— Надо посмотреть своими глазами, — заметил Ковальский. — Вас, я думаю, там очень хорошо помнят и хорошо встретят. Вы выдающаяся певица. Кстати говоря, в России вас знают и помнят. Так что вы и в самом деле можете подумать о возвращении домой. Вы дочь крестьянина, и власть сейчас ваша. К вам совсем по-другому отнесутся, чем к дворянам. А здесь… Я насмотрелся в Вене на нашу эмиграционную публику.

— Да, я думаю, меня не могли так быстро забыть в России. Но дело-то не во мне. Я хоть сейчас готова вернуться на Родину. Но боюсь за самое дорогое в моей жизни — за Колечку. Ведь его там непременно расстреляют.

Вечером Ковальский уехал в Париж, но Плевицкая взяла с него слово, что он вернётся и пробудет у них два дня.

По возвращении из Парижа между Ковальским и Скоблиным состоялась очередная беседа, в ходе которой Пётр Георгиевич прямо заявил белому генералу:

— Коля, время у нас ограничено. Я должен возвращаться в Вену. Поэтому хочу знать ответ: да или нет.

— Петя, подумай сам, что я смогу сейчас делать в России? В штабе служить не хочу, а другой работы не приму, поскольку, кроме военного дела, ничего не знаю.

— Это мелочь, — остановил его Ковальский. — Мне важно твоё принципиальное согласие работать с нами. Всё остальное можно решить потом. Да и об отъезде говорить преждевременно. Твоё возвращение нужно оформить, а на это уйдёт не меньше полугода. За это время присмотримся к тебе, а у тебя будет возможность доказать свою лояльность. Да и вообще, надо посмотреть, может быть, ты здесь принесёшь больше пользы, чем дома, в России.

— А где я буду числиться на службе?

— В Генштабе.

— В каком отделе?

— Не будь, Коля, мальчиком. Конечно, в Разведывательном управлении Генштаба Красной армии.

— Что это такое? Не ГПУ?

— Что-то среднее между Генштабом и ГПУ. Но это всё неважно. Я хочу слышать твой прямой ответ: ты с нами или нет?

Скоблин молчал. Пауза длилась две минуты. Наконец генерал поднял голову и чётко сказал:

— Я говорил с Надюшей и… я согласен. И добавил: — Если бы ко мне приехал не ты, а кто-нибудь другой, я бы выгнал его из своего дома…

Через день Скоблин приезжал к Ковальскому в гостиницу. Ковальский предложил оформить согласие работать на советскую

разведку и для большей конспирации попросил написать заявление.

«Ц.И.К. СССР

Николая Владимировича Скоблина

ЗАЯВЛЕНИЕ

12 лет нахождения в активной борьбе с Советской властью показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с ним даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против Советской власти и её органов. Всецело способствовав строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных на подрыв мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам Советской власти.

Н. Скоблин

10 сентября 1930 года».

Резолюция начальника Иностранного отдела ОГПУ:

«Заведите на Скоблина агентурное, личное и рабочее дело под псевдонимом „Фермер“ — Ёж/13».

В резидентуру Центр направил шифртелеграмму следующего содержания:

«Вена. Вацеку.

Вербовку генерала считаем ценным достижением в нашей работе. В дальнейшем будем называть его „Фермер“, а жену „Фермерша“. На выдачу генералу 200 долларов США ежемесячно согласны. Соответствующая шифртелеграмма вам уже дана.

Прежде всего получите от него полный обзор его связей и возможностей в работе. Пусть даст детальные заключения на лиц, которых считает возможным вербовать, составит на них подробную ориентировку.

Получите от него обзор о положении в настоящее время в РОВС, поставьте перед ним задачу проникновения в верхушку РОВС. При переговорах с Ёж/10 „Фермер“ говорил о том, что генерал Миллер одно время предлагал ему работу по разведке. Нет ли у него сейчас возможности вернуться к этому разговору?

Запросите через Ёж/10, может ли „Фермер“ выехать в какую-либо страну для встречи с нашими людьми. Сообщите, каким образом будете поддерживать с ним связь.

Андрей».

25 января 1930 года проживавший в Париже на улице Руссель русский эмигрант получил короткую записку с предложением о встрече. Записка была прочитана и уничтожена. Этим эмигрантом был белый царский генерал Кутепов.

Записка, полученная накануне, не меняла обычного распорядка дня Кутепова. Уходя на встречу, Кутепов сказал жене, что после возвращения они все вместе отправятся за город.

Педантичный и скрупулёзный в делах, никогда не опаздывавший Кутепов вышел из дома в половине одиннадцатого. Короткая встреча, на которую его пригласили накануне, была назначена на трамвайной остановке на улице Сэвр. Кутепов прибыл на место в точно обусловленное время, но назначивший встречу не явился.

Против обыкновения Кутепов решил немного подождать. Но тот так и не появился. Более 15 минут Кутепов не мог позволить себе ждать и тотчас отправился домой.

Когда он поравнялся с одной из стоявших на обочине машин, из неё вышли два человека и остановили его.

— Господин Кутепов? Мы из полиции. Вам придётся поехать с нами в префектуру. Вопрос важный и не терпит отлагательств.

Кутепов, скверно говоривший по-французски, не оценил безупречности произношения незнакомца. Он не понял, что же произошло, почему парижская префектура полиции, с которой РОВС пытался поддерживать хорошие отношения, приглашает его таким довольно странным и непонятным образом.

Какое-то мгновение он колебался. Но фигура полицейского в форме снимала все сомнения. Кутепов кивнул. Дверца машины была распахнута, «гость» уселся, и машина рванула с места. Генерал сидел молча, не пытаясь ни о чём спрашивать своих спутников.

Наблюдая за дорогой, он спросил на французском языке: «Куда мы с вами едем, господа?»

— Можете говорить по-русски, — ответил молодой человек, сидевший рядом с ним. — Мы сотрудники Объединенного государственного политического управления (ОГПУ. — Н.Ш.) СССР.

В это время один из помощников Кутепова по РОВС позвонил ему домой. Но генерал дома не появлялся. Подозревая несчастный случай, начальник контрразведки парижской штаб-квартиры РОВС Зайцев обратился в полицию. Затем он вместе с полицейским весь день ездил по госпиталям и моргам Парижа.

Пока Кутепова искали в Париже, машина с ним достигла Марселя. Здесь в порту, ожидая отхода, стояло советское судно. Опергруппа, похитившая Кутепова, передала генерала своим коллегам, включённым на этот рейс в состав команды парохода.

На борт судна Кутепова провели под видом загулявшего на берегу старшего механика машинного отделения. Это была версия для французской полиции на тот случай, если они заинтересуются пожилым человеком, выделявшимся на фоне молодой команды.

На пароходе Кутепов впал в глубокую депрессию, отказывался от еды, не отвечал на вопросы. Выйдя из Марселя, корабль взял курс на Новороссийск. Весь путь Кутепов провёл в состоянии странного оцепенения. И лишь когда судно приблизилось к Дарданеллам и

Галлиполийскому полуострову, где после эвакуации из Крыма в 1920 году размещалась в лагерях разбитая 1-я врангелевская армия, которой в ту пору командовал генерал Кутепов, он пришёл в себя.

Что его ждёт? Суд или расстрел? 48-летний генерал знал, как к нему отнесутся в Советском Союзе. Он был виновен в жестоких репрессиях против населения, особенно в бытность черноморским генерал-губернатором, после взятия белогвардейцами Новороссийска в 1918 году. В Париже он возглавил Российский общевоинский союз (РОВС), который ставил своей целью свержение в СССР советской власти.

Но генерал не предстал перед судом. Это путешествие во времени и пространстве оказалось невыносимым для него испытанием. Он скончался от сердечного приступа прямо на судне. До Новороссийска оставалось всего-то несколько десятков миль…

Почему советская разведка решила похитить генерала Кутепова?

РОВС в Москве считали источником постоянной опасности. Агентурные данные свидетельствовали: стратегическая цель руководства РОВС — вооружённое выступление против советской власти. Конечно, в 1930 году рассеянные по Европе остатки Добровольческой армии лишь с большой натяжкой можно было рассматривать как непосредственную угрозу для нашей страны.

В Москве по-прежнему считали, что в случае войны в Европе противник Советского Союза обязательно призовёт под свои знамёна и полки бывшей Добровольческой армии.

В конце 20-х годов руководство РОВС начало широко готовить террористические акты внутри Советского Союза. Гибли невинные люди. Подготовкой террористов занимались отделения РОВС в Париже, Бухаресте, Софии и Белграде. Терроризм в России поддерживали 2-й отдел Генштаба французской армии, польская дефензива, румынская сигуранца, финская контрразведка, получая от РОВС в качестве платы различную информацию о ситуации в СССР.

Внутри РОВС главными сторонниками террористической деятельности были генералы Кутепов и Геруа (руководитель отделения РОВС в Бухаресте). Геруа предлагал убить нового немецкого посла в Москве, выступавшего за улучшение отношений с СССР.

Сохранилось письмо генерала, написанное Кутепову в сентябре 1928 года: «Графа Брокдорфа-Ранцау следует убрать так же, как был устранен его предшественник граф Мирбах. У нас имеются указания и инструкции на подобный случай, подумайте об этом и сообщите ваши соображения. В нашей дальнейшей переписке условимся обозначать Брокдорфа Ранцау просто „Бра“. Если устранить этого „Бра“, в Германии некому будет поддерживать советскую Россию, а без этой важной поддержки советская власть падёт».

Генерал Геруа разрабатывал план диверсий на нефтепромыслах в Баку. Но эти планы заранее стали известны советской агентуре. Вот почему основные усилия европейских резидентур советской внешней разведки были сосредоточены на борьбе с РОВС и другими эмигрантскими боевыми организациями.

Иностранный отдел ОГПУ не без оснований считал Кутепова мозгом РОВС, главным генератором идей и бесспорным вождём эмигрантского офицерства. РОВС во многом держался на его энергии, инициативе и личном авторитете. Поэтому бесследное исчезновение генерала глубоко потрясло весь правый сектор эмиграции. На ноги была поставлена вся французская полиция, однако выяснить при этом ничего не удалось.

Преемником Кутепова на посту руководителя РОВС стал генерал-лейтенант Евгений Миллер, принадлежавший к кругам старого кадрового генералитета. Его добрым знакомым был генерал Николай Скоблин, который вскоре после похищения Кутепова дал согласие работать на советскую разведку вместе со своей женой Надеждой Плевицкой. Похищение Кутепова позволяло генералу Скоблину, уже как агенту советской внешней разведки, утвердиться в кадрах штаба РОВС.

20 января 1931 года Н. Скоблин и Н. Плевицкая прибыли в Берлин. Она отправилась на гастроли в Югославию, он, как всегда, сопровождал её и использовал поездку для встреч с отделениями РОВС.

Берлин, решили в Иностранном отделе ОГПУ, — наиболее удобное и безопасное место для встречи «Фермеров» с руководителями советской разведки в Европе.

Познакомить Скоблина и Плевицкую с представителями Центра должен был бывший штабс-капитан Пётр Ковальский, который год тому назад завербовал Скоблина — своего друга и сослуживца по Добровольческой армии (он же Ёж/10 и «Сильвестров»).

Скоблин и Плевицкая могли пробыть в Берлине всего два дня. Встреча была назначена на 21 января. В этот день утром из Вены должен был приехать «Сильвестров». Но он почему-то не прибыл.

При проверке документов в поезде австрийская полиция задержала «Сильвестрова» в Пассау до выяснения обстоятельств дела. В конечном итоге всё уладилось. После переговоров с Веной по телефону полицейские сообщили «Сильвестрову»: «Все ваши данные по паспорту сошлись. Прошу извинить нас за недоразумение. Получайте ваш паспорт и деньги. Ну что же, теперь будем знакомы, — он широко улыбнулся. — Ведь вы, наверное, скоро поедете назад?»

— Да, конечно.

Из Пассау «Сильвестров» выехал ночью 21 января и прибыл в Берлин утром следующего дня. Ну а встреча с «Фермерами» в Берлине всё же состоялась, как и планировалось.

Вот что сообщил резидент из Берлина в Центр.

«Центр. Андрею.

„Фермеры“ произвели на меня хорошее впечатление, работать с нами хотят, видимо, без всякой задней мысли, вполне искренне. Оба великолепно информированы обо всём, что происходит в белых кругах, знают подноготную многих интересующих нашу службу лиц. Объявление о персональной амнистии ЦИК СССР произвело на них

сильное впечатление. Поклялись в верности нам, в выполнении каких угодно заданий. По моему — не врут. Из состоявшейся беседы можно сделать вывод, что „Фермер“ при хорошем руководстве, если не будет каких-либо тупостей с нашей стороны, станет таким ценным источником, каких мы в рядах РОВС, да и в других организациях пока не имели.

Иван».

«Берлин. Ивану.

27 к вам должен явиться наш источник Ёж/10, „Сильвестров“, которому вы должны оказать содействие для возвращения в Союз. Пересылаем вам фотокарточку Ёж/10. Просим вас сообщить нам телеграммой о его прибытии к вам, а также дать нам номер выданного ему свидетельства на возвращение и маршрут его следования в СССР. Сообщите также даты его выезда и возможного прибытия в Москву.

Андрей».

Ёж/13 — это агентурный номер генерала Скоблина, который стал одной из самых видных фигур в Российском общевоинском союзе и одним из лучших агентов советской разведки в Париже. Его работа становилась всё более важной для Москвы.

За четыре минувших года на основании информации, полученной главным образом от Скоблина, были арестованы семнадцать агентов и террористов, заброшенных в СССР. Удалось установить 11 явочных квартир в Москве, Ленинграде и Закавказье.

Но профессиональная жизнь агента редко бывает долгой. И чем активнее он работает, тем большей опасности подвергается. Деятельность Скоблина была успешной во многом потому, что ему удалось умело использовать противоречия, доходившие до открытой вражды между различными группировками внутри РОВС: шла постоянная борьба за власть, за близость к генералу Миллеру, за право принимать решения и распоряжаться финансами.

Лавируя в этом половодье разных интриг, генерал Скоблин старался как можно дольше сохранить свою независимость.

И всё же генерал Скоблин, пользовавшийся расположением Миллера, нажил себе немало недоброжелателей. Кроме того, после каждого провала задуманной РОВС операции контрразведка автоматически составляла список тех, кто почти всё знал об операции. С некоторых пор в каждом из таких списков по каким-то соображениям фигурировал Николай Скоблин.

Наступил момент, когда подозрения белогвардейской контрразведки, интриги недоброжелателей и реальные просчёты берлинской резидентуры нашей внешней разведки поставили Скоблина в довольно-таки трудное положение. Необходимы были срочные решения.

«Центр. Андрею.

В газете „Возрождение“ в номере от 27.01.1935 года появилась статья о разоблачениях полковника Федосеенко, который обвиняет

Ёж/13 в сотрудничестве с большевиками.

Считаю необходимым обратить ваше внимание на то, что мои многочисленные и настойчивые просьбы провести расследование данных о том, что Ёж/13 выдан врагу нашим органом, остаются без внимания. Считаю необходимым твёрдо знать, при каких обстоятельствах в своё время была разглашена государственная тайна, настаиваю на привлечении виновного к ответственности. Прошу сообщить ваше решение следующей почтой.

Олег. Париж».

«Центр. Андрею.

С Ёж/13 чуть было не приключилось большое несчастье. Последние месяцы он лечился от малокровия, ему внутримышечно вводили какую-то сыворотку и после восемнадцатого укола он серьёзно заболел. Дней семь назад он чуть было не отдал богу душу. Его оперировали. Врачи заявили, что опоздай они на час, у пациента было бы общее заражение крови. Я узнал о его состоянии случайно. Мы ведь с ним условились не встречаться, и не позвони я ему, так и не узнал бы, что с ним вдруг приключилось.

А вчера я встретился с ним. Состояние теперь хорошее. Он поправляется. Пока ещё лежит дома и лёжа напечатал для нас копию доклада Шатилова „Положение на Дальнем Востоке на фоне обстановки“.

Использовать для печати этот доклад нельзя. Ни в коем случае. Это не только, как мы выражаемся, будет угрожать провалом, но провалит его окончательно. Заодно я записал с его слов ряд сообщений — ответы на поставленные вами в письмах вопросы.

К Ёж/13 относятся прекрасно. У него побывали: Шатилов, Фок, Туркул, Витковский, делегаты от корниловцев. Шатилов каждый день звонит, справляется насчёт состояния здоровья больного.

Олег. Париж».

Через две недели после появления статьи в газете «Возрождение» состоялось собрание офицеров Марковского полка. Зачитали обращение генерала Миллера с призывом не верить «тёмным силам», которые стремятся сеять раздоры среди руководителей РОВС, осудить провокатора, чернящего генерала Скоблина.

Большинство собравшихся было согласно с Миллером. Кто-то сказал, что это дело рук Деникина, который надеется таким подлым образом захватить должность руководителя РОВС.

Близкие к Кутепову люди, считавшие первоочередной задачей РОВС массовый террор внутри СССР, были не очень довольны его преемником — генерал-лейтенантом Миллером. Его считали нерешительным, склонным к кабинетной работе и не способным руководить столь крупной организацией, которой является РОВС.

Сменив Кутепова, Миллер вовсе не отказался от террора. В секретных документах РОВС, которые становились известными советской внешней разведке, подчёркивалось, что необходимо

продолжать подготовку кадров для террористических групп, для ведения партизанской войны в тылу Красной армии — в случае войны против СССР. Для эмигрантской молодёжи Миллер создал в Белграде офицерские курсы.

Во Франции подготовкой диверсантов занималась организация «Белая идея» (Миллер сформировал её в 1934 году). Она работала на «Северном направлении», т.е. боевики РОВС переходили через финскую границу и бесследно растворялись в Ленинграде.

Подбором кадров для «Белой идеи» занимался капитан Ларионов. Он же занимался и их обучением диверсионным делам. Первый полный курс подготовки прошли Прилуцкий и Носанов. Ларионов представил их Миллеру, который в свою очередь передал их Скоблину, ведавшему «Северным направлением».

С югославскими паспортами Прилуцкий и Носанов выехали через Бельгию, Германию, Латвию и Эстонию в Гельсингфорс, где связались с представителем РОВС генералом Добровольским. В одной из финских разведшкол они прошли дополнительную подготовку и были нелегально переправлены на территорию СССР. В 15 км от Ленинграда их обнаружили, завязалась перестрелка, но им все же кое-как удалось сбежать, вернее, скрыться с места перестрелки. Были допущены некоторые промахи с нашей стороны. Позже их все-таки задержали.

В один из сентябрьских дней 1937 года Скоблин зашёл в служебный кабинет Евгения Карловича Миллера.

— Я хотел бы вам рассказать, Евгений Карлович, что у меня несколько раз были беседы с представителями германской разведки.

— Где вы с ними встречались? — сразу же спросил он. — Вы понимаете, почему я беспокоюсь: французы могут разозлиться.

— Разумеется, Евгений Карлович, все наши беседы проходили вне Парижа. Можно у нас в Озуар-ла-Феррьер. Там гости почти что каждый день, поэтому ещё одно новое лицо никого не удивит, факт.

— И как вам человек из Берлина?

— Он показался мне серьёзным партнёром, — осторожно ответил Скоблин. — Он из абвера и говорит, что готов предложить нам взаимовыгодные условия сотрудничества. Но…

— Что «но»? — заинтересовался Миллер.

— Разумеется, он хотел бы иметь дело с вами. Я для него слишком мелкая фигура.

— Ну что вы, Николай Владимирович, вы такой же руководитель РОВС, как и все другие, в том числе и я.

— Уверяю вас, Евгений Карлович, они в Берлине знают только вас и только с вами хотят обо всём договориться.

— Я, разумеется, готов выполнить свой долг и встретиться. Но как это поудобнее сделать, учитывая моё официальное положение и вероятную ревность французских спецслужб?

— Приезжайте к нам, — с гордостью и готовностью предложил Скоблин. — Надежда Васильевна будет рада вас видеть.

Встречу назначили на 22 сентября 1937 года. Миллер выехал к Скоблину, не сказав никому, куда он отправляется. В Париж из-за сложившихся чрезвычайных обстоятельств не вернулся.

Специально подготовленная группа сотрудников советской внешней разведки ждала его в доме генерала Скоблина.

В тот же день генерала Миллера на машине вывезли в Гавр и посадили на советское судно, возвращавшееся в Ленинград. Повезло! Миллер, помня историю с Кутеповым, имел обыкновение, уходя на встречу, оставлять дома или в рабочем кабинете пакет, который следовало вскрыть в случае его долгого отсутствия.

Акция чекистов завершилась, казалось бы, благополучно: Миллер был похищен 22 сентября 1937 года и затем доставлен в Советский Союз. Однако перед тем, как пойти на встречу, организованную Скоблиным, генерал оставил у себя на рабочем столе ту самую записку следующего содержания:

«У меня сегодня в 12.30 встреча с ген. Скоблиным на углу Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штроманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, это ловушка, а поэтому на всякий случай оставляю записку.

22 сентября 1937 года. Ген.—лейт. Миллер».

Поскольку генерал Миллер в штаб-квартиру РОВС не вернулся, вечером 22 сентября генерал Кусонский и заместитель Миллера адмирал Кедров вскрыли пакет с его запиской и вызвали к себе Скоблина для объяснений. Скоблин поначалу отрицал факт своей встречи с Миллером, однако после того, как адмирал Кедров предъявил ему записку Миллера и предложил пройти в полицейский участок для дачи показаний, Скоблин понял, что всё рухнуло. Под благовидным предлогом он вышел из помещения РОВС и исчез. Некоторое время он скрывался на конспиративной квартире советской разведки в Париже, а затем на самолёте, специально закупленном для этого резидентурой, был переправлен в Испанию.

Во французской и мировой прессе поднялся невероятный шум. Эмиграция была страшно потрясена. Полиция допрашивала сотни свидетелей. А руководители РОВС бесились из-за того, что французы позволили беспрепятственно выйти из Гавра советскому торговому судну, на борту которого, как они полагали, находился Миллер. Они безуспешно требовали, чтобы вдогонку были посланы быстроходные боевые корабли французского военно-морского флота.

29 сентября наш корабль прибыл в Ленинград, на следующий день Миллер был в Москве. На суде ему предъявили обвинения в преступлении против народа: его признали ответственным за массовые убийства, зверства, грабежи, а также виновным в

организации диверсий и террористических акций против СССР в 20–30 годах. Судом Миллер был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян.

Что касается Надежды Плевицкой, то 24 сентября 1937 года она была арестована французской полицией. При ней нашли семь с половиной тысяч франков, полсотни долларов и полсотни фунтов стерлингов — немалые для того времени деньги.

Надежде Плевицкой было предъявлено обвинение в «соучастии в похищении генерала Миллера и насилии над ним», а также в шпионаже в пользу Советского Союза. Все предъявленные ей обвинения Надежда Плевицкая отрицала.

Французская полиция отрабатывала три версии похищения генерала Миллера: агентами ОГПУ, агентами гестапо или агентами генерала Франко. Защита пригласила в качестве свидетеля бывшего офицера Добровольческой армии Савина, который утверждал, что Миллер был похищен агентами генерала Франко, однако суд его показания не принял.

Следствие по делу Плевицкой продолжалось больше года. Суд состоялся в конце ноября 1938 года. А 14 декабря старшина присяжных огласил вердикт: Надежда Плевицкая была признана виновной по всем пунктам обвинения. Приговор суда был беспощадным: 20 лет каторжных работ и 10 лет запрета на проживание во Франции.

В это время председатель РОВС Евгений Карлович Миллер сидел во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке в Москве. А мужа певицы генерала Скоблина уже не было в живых. В конце 1937 года он погиб.

Весной 1939 года Надежда Плевицкая была отправлена в центральную тюрьму города Ренн. В конце июня 1940 года Ренн был оккупирован германскими войсками. Гестапо захватило архивы тюрьмы и установило принадлежность Плевицкой к советской разведке. Вскоре она тяжело заболела, возможно, не без помощи германских спецслужб, и 5 октября 1940 года навсегда ушла из жизни.

26 июня 1939 года её муж, Николай Скоблин, также был признан французским правосудием виновным в похищении генерала Миллера и заочно приговорён к пожизненной каторге. Однако этот приговор остался лишь на бумаге.

Так трагически оборвалась жизнь двух замечательных помощников советской внешней разведки НКВД СССР, патриотов, страстно мечтавших возвратиться на Родину и посвятивших себя борьбе с её врагами.

Следует заметить, что эти жертвы были не напрасны. Преемники генерала Миллера тщетно пытались сохранить Русский общевоинский союз как активную организацию, но это им не удалось. Советская внешняя разведка накануне Второй мировой войны окончательно разложила и дезорганизовала РОВС и тем самым лишила Гитлера возможности активно использовать в войне против СССР более 20 тысяч членов РОВС.

О том, какое значение для советской внешней разведки имел Николай Скоблин, свидетельствует содержание докладной записки, подготовленной в середине 1934 года куратором французского направления С.М. Шпигельгласом на имя начальника Иностранного отдела ОГПУ СССР А.Х. Артузова:

«Завербованные нами „Фермер“ и его жена „Фермерша“ стали основными источниками информации. Человек материально независимый, отошедший одно время от основного ядра РОВС, „Фермер“, будучи завербован, занимает как командир одного из полков заметное положение среди генералитета и, пользуясь уважением и достаточным авторитетом, стал активно влиять как на общую политику РОВС, так и на проведение боевой работы. Основные результаты работы „Фермера“ сводятся в общем к тому, что он:

во-первых, ликвидировал боевые дружины, создаваемые Шатиловым (бывший начальник штаба Врангеля генерал П.Н. Шатилов был вторым человеком в РОВС. — Н.Ш.) и генералом Фоком (бывший начальник артиллерии в Галлиполи генерал-майор А.В. Фок руководил террористической деятельностью РОВС, в частности, возглавлял школу по подготовке террористов. — Н.Ш.) для заброски в СССР;

во-вторых, свел на нет зарождавшуюся у Туркула (бывший командир Дроздовской дивизии, генерал, ставший одним из руководителей РОВС. — Н.Ш.) и Шатилова мысль об организации особого террористического ядра;

в-третьих, выяснил, кто из наших людей открыт французам, и разоблачил агента-провокатора, подставленного нам французами, работавшими у нас всего 11 месяцев;

в-четвёртых, донес о готовящемся Миллером, Драгомировым (генерал от инфантерии, один из руководящих деятелей РОВС — Н.Ш.), Харжевским (генерал Харжевский являлся почётным командиром Марковского полка. — Н.Ш.) и Фоком убийстве Троцкого;

в-пятых, выдал организацию по подготовке убийства Литвинова (приезжал в Руайян летом 1933 года. — Н.Ш.);

в-шестых, разоблачил работу РОВС из Румынии против СССР.

Исключительная осведомлённость агента помогла нам выяснить не только эти шесть дел, но и получить ответы на целый ряд других, более мелких, но имеющих серьёзное оперативное значение вопросов, а также быть совершенно в курсе работы РОВС».

По делу «Фермеров» проходит имя С.Н. Третьякова. Этот разведчик достоин того, чтобы о нём сказать отдельно.

С.Н. Третьяков — председатель экономического совета при Временном правительстве, член правительства Колчака, активный деятель белой эмиграции, заместитель председателя «Торгпрома» — «Российского торгово-промышленного и финансового союза» в 1929 году был завербован советской резидентурой в Париже. Он стал нашим секретным сотрудником. Но в верхах стало каким-то образом известно, что он встречался с профессором Рамзиным Л.К., который

ездил в Париж на лечение, и получал якобы деньги от Третьякова.

Третьякова вызвали на конспиративную встречу, спросили: «Вы читали в газетах показания Рамзина?» — «Читал. Но я его в глаза не видел! И откуда у меня деньги, когда я у вас попросил 500 франков, чтобы выйти из трудного положения. У нас большие трудности с деньгами вот уже лет пять!»

Действительно, «Торгпром» к этому времени совершенно выдохся. Сотрудник резидентуры, однако, действовал по инструкции: «Мы верим рамзинским показаниям, а вам — не верим. Мы свяжемся по этому поводу с руководством…» А руководство уже дало указание, чтобы его припугнуть, — мол, если он не будет давать нам таких показаний, как Рамзин, то мы объявим за границей, что он наш секретный сотрудник, и тогда эмиграция с ним расправится.

На очередной встрече Третъяков в ответ на новый нажим вытащил из портфеля чистый лист бумаги, расписался на нем и говорит: «Если вы мне не верите — пишите на этом листе с моей подписью всё, что хотите. Только заранее меня предупредите, чтобы я мог скрыться».

Когда он выкинул такой форс-мажор, то разведчик резидентуры доложил своему руководству, что сведения о том, что Третъяков не прав, не подтверждаются. Он идёт на всё — мол, что хотите делайте, но я вам врать не буду…

Вопрос стал ребром: кому верить? Руководитель ИНО Артузов настоял, чтобы поверили Третьякову и продолжали с ним конфиденциальные отношения. Тем более, что от него мы получали ценную разведывательную информацию о деятельности сильной монархической организации — Российском общевоинском союзе (РОВС).

В принадлежавшем ему доме одну комнату на первом этаже занимал штаб генерала Кутепова, а сам Третьяков жил как раз над этой комнатой, где и была установлена подслушивающая аппаратура. Таким образом, мы были информированы примерно о 30 спланированных террористических операциях раньше, чем они осуществились.

Вот так Третьяков спас генерала Скоблина, который, как уже известно, осуществил в Париже похищение и вывоз в СССР генерала Миллера, сменившего Кутепова на посту руководителя РОВС…

Жизнь нашего разведчика Сергея Николаевича Третьякова внезапно оборвалась в 1943 году. Он был арестован в оккупированном Париже, затем отправлен в Германию, где и был расстрелян.

Вот так сурово распорядилась судьба с С.Н. Третьяковым, советским разведчиком, патриотом со сложной судьбой, принёсшим громадную пользу своей Родине.

После похищения Миллера руководителем РОВС стал генерал Абрамов, которого позже сменил генерал Шатилов. Никому из них не удалось сохранить РОВС как дееспособную и боевую единицу. Советская разведка, дезорганизовав и разложив Русский общевоинский союз, лишила гитлеровскую Германию и её союзников

возможности активно использовать в войне против СССР более 20 тысяч «штыков» этой организации. Большая заслуга в этом принадлежит и генералу Николаю Фёдоровичу Абрамову. Уже будучи сотрудником НКВД, он погиб в схватке с фашистами в Одессе 11.09.1941 г.

Увы, не только судьба С.Н. Третьякова закончилась трагически. Практически все, кто упоминается в этой истории более чем полувековой давности, ушли из жизни не по своей воле. И даже обстоятельства смерти не всех из них можно сейчас каким-либо образом узнать. К сожалению, случается иногда и такое.

Генерал Николай Скоблин был тайно переправлен в Испанию по другим документам для дальнейшей работы. К сожалению, в 1938 году Скоблин погиб при бомбардировке города Мадрида.

Надежда Плевицкая, его жена, была арестована французской контрразведкой по обвинению в участии похищения генерала Миллера и в шпионаже в пользу СССР. Она была осуждена на 20 лет тюремного заключения. Весной 1940 года она умерла во французской тюрьме для особо опасных преступников.

Перед смертью её исповедовал православный священник. Она рассказала ему почти всю свою жизнь, рассказала, что вместе с мужем долгое время помогала советской разведке, но её камера была, как говорят французы, «озвучена». Тайные микрофоны позволили записать её исповедь. Именно поэтому был арестован и наш разведчик Сергей Николаевич Третьяков.

Пётр Георгиевич Ковальский — он же Ёж/10, он же «Сильвестров», один из лучших друзей генерала Скоблина, который завербовал его. После возвращения в Советский Союз Ёж/10 работал в Одессе, потом в Челябинске в одном тресте бухгалтером. В 1939 году Главное управление госбезопасности НКВД СССР стало разыскивать Ковальского, предполагая, видимо, возможность использования его в разведывательной работе. Искали долго. Управления НКВД по Челябинской и Одесской областям вскоре сообщили: Ковальского Петра Георгиевича нигде нет и о нём ничего не известно. Ёж/10 пропал…

Потом Главное управление получило отпечатанную на папиросной бумаге копию заключения оперуполномоченного УКГБ УНКВД по Донецкой области, в котором говорилось: «Из дела-формуляра Ковальского видно, что он при использовании по линии Иностранного отдела имеет ряд подозрительных фактов в проведении им разведывательной работы в пользу Польши. В принадлежности к агентуре польской разведки Ковальский виновным себя не признал.

Ковальский Пётр Георгиевич, согласно приказу наркома внутренних дел СССР — Генерального Комиссара Государственной безопасности Ежова — №00495, осуждён. 23 ноября 1937 года».

В 1937–1938 годах были уничтожены основные кадры наших резидентур и центрального аппарата советской внешней разведки. Все они обвинялись в шпионаже (в эти годы были репрессированы руководители Иностранного отдела Артузов, Шпигельглас). В 50-х

годах оба они реабилитированы. Совсем молодым ушёл из жизни Слуцкий. Абрам Аронович скончался 17 февраля 1938 года при допросе в кабинете руководителя ГУГБ—НКВД СССР М.П. Фриновского. В апреле 1938 года он посмертно исключен из партии как «враг народа». Накануне войны страна фактически осталась без стратегической разведки. Такая же судьба постигла и упоминаемых в этой истории людей, которых мы называли их конспиративными именами.

Это «Вацек», «Олег», «Андрей», «Биль». Компетентным органам ещё предстоит раскрыть тайны этих псевдонимов и сказать правду о каждом из них, о мужественном, честном и высокопрофессиональном исполнении ими своего долга перед Родиной, и об их ошибках и, может быть, даже заблуждениях.

И ещё две судьбы, имеющие отношение к описанным событиям.

В декабре 1947 года сотрудник советской разведки сообщил из Белграда: «В городе Белая Церковь (Банат) проживает белоэмигрантка Кутепова (урождённая Кьют) Лидия Давыдовна, 1898 года рождения, жена бывшего руководителя РОВС Кутепова Александра Павловича. После исчезновения Кутепова в 1930 году его жена с сыном Павлом уехала к своей сестре в Ригу, а оттуда в 1935 году — в Югославию.

В 1941 году Павел Кутепов, окончив 6 классов кадетского корпуса, поступил в Русский охранный корпус генерала Штейфона (в гражданскую войну он был начальником штаба у генерала Кутепова).

По рассказам Л.Д. Кутеповой, её сын в период освобождения Югославии перешёл на сторону Красной Армии и работал переводчиком. Лидия Давыдовна восстановлена в советском гражданстве».

Некоторое время спустя стало известно, что Л.Д. Кутепова умерла в 1954 году в Париже. Павел Кутепов (ему было пять лет, когда его отец был похищен в Париже) в 1944 году без суда получил «срок» — 25 лет. В 1954 году реабилитирован. Многие годы работал в бюро переводов отдела внешних сношений Московской патриархии. У него два сына. Один из них — Александр Павлович Кутепов, тёзка своего дедушки-генерала.

Полагаю, что изложенная мною история вызовет определённый интерес у многих читателей.

Михаил и Елизавета Мукасей — разведчики-нелегалы

За десятилетия странствий и мотаний по миру у них не было ни одного прокола. У контрразведок противника ни намёка на подозрения. Незаметное возвращение господ «Х» и «У» домой, где их ждали честно заработанные почёт и уважение. И, как полагается в таких случаях, далее полнейшая тишина.

И если бы не их дети — кинооператор Анатолий Мукасей и его жена-киноактриса, режиссер Светлана Дружинина, искренне гордящиеся родителями, разведчики-нелегалы Михаил и Елизавета Мукасей до сих пор не были бы известны широкому кругу читателей,

да и вообще простым людям.

Пусть в конце жизненного пути, но Михаил и Елизавета Мукасей (Майкл и Бетси соответственно) должны получить хотя бы толику причитающейся им славы, публичного признания. К чести руководства Службы внешней разведки России следует сказать, что оно поддержало эту исключительно мудрую инициативу.

Михаил Исаакович, высокий, с чуть прогнувшейся спиной, носит чёрные очки с мощными линзами. Однако не помогают ни оптика, ни операции — зрение почти пропало. Елизавета Ивановна передвигается на кресле-каталке. Сильно беспокоят ноги. И всё же голос у М. Мукасея громкий, память не подводит и рассудок ясен. А ведь родился Мукасей Михаил Исаакович 13 августа 1907 года.

В его родном Замостье было 350 дворов. Деревня находилась в Белоруссии, а жили там почти одни поляки. Освоил чужой язык в польской школе. Сын, племянник и внук кузнецов, с десяти лет помогал старшим в кузнице. А потом вдруг рванул в Питер. Днём — кузнечный цех Балтийского судоремонтного, вечером — рабфак. После школы поступил учиться в Ленинградский университет.

А в один прекрасный день после окончания учёбы в университете — повестка. И М. Мукасея вызвали в партийную организацию высшего калибра — Центральный комитет. Его и других сравнительно молодых и относительно образованных людей от станка приветствовал член Политбюро. Он заявил: «Мы вас командируем на новую работу». Один из приглашённых попытался уточнить: а что за работа? На что получил ответ в духе времени: «Вот когда вы туда придёте, там вам всё и объяснят». Они туда прибыли, и им там всё объяснили.

Так в конце второй половины 30-х годов началась учёба М. Мукасея в разведспецшколе. Год учёбы, по интенсивности и напряжению сравнимый разве что с чисткой котлов на «Балтийском».

И вот уже 11 июля 1939 года Михаил и Елизавета Мукасей с двумя детьми спешат в Штаты. Им предстоит работать в Лос-Анджелесе под крышей советского консульства. На второй же день после их приезда в Лос-Анджелес в консульство пришёл молодой приятный американец. Представился: «Я из местной службы безопасности, хотел бы с вами поговорить». Разговор продолжался два часа. После этого Михаил сразу полез в подвал. Там он обнаружил кучу каких-то непонятно к чему подключённых кабелей, сплошные переплетения, а телефон на всё консульство — один. Мукасей тут же обрезал все провода, кроме телефонного. Через 15 минут приехала машина и работавший под монтёра «парень» уверенно заявил: «У вас с телефоном что-то не в порядке». Так что свеженьким разведчикам многое стало ясным с самого начала.

На первый взгляд, казалось бы, что делать легальной разведке в столице Голливуда? Сам по себе Лос-Анджелес для разведки оперативного интереса не представлял. Но многие звёзды кино, писатели, интеллектуалы были вхожи в высшие государственные сферы. Им доверяли и поверяли тайны даже американские президенты. Особенно Рузвельт. У каждого своя слабость: Рузвельт обожал пооткровенничать с элитой. Иногда сведения от секретаря

консульства, а затем и вице-консула Мукасея шли в Центр со ссылкой на источник — из кругов, близких к президенту.

У четы Мукасеев отношения со знаменитостями завязывались тёплые, доверительные. Писатель Теодор Драйзер звал их просто Майкл и Лиз. Захаживал к ним в гости знаменитый музыкант Леопольд Стоковский. Мукасей бывал частенько в Академии искусств и на встречах с писателями. Почему-то быстро сошёлся с Чарли Чаплиным. Елизавета Ивановна вспоминает о нем как о родном:

«Обаятельный был человек. При знакомстве сразу признался, что любит советских людей, а женщин — в первую очередь. Захаживал к нам в консульство, где его встречали „на ура“. Мой Миша предлагал всегда Чаплину водочки, и тот почти никогда не отказывался — умел пить. А за три недели до праздника Октября муж всегда заезжал к Чаплину домой, сажал его в свою машину и вез в свой кабинет. Там Чарли Чаплин записывал на диск приветственную телеграмму для советского народа. И однажды Чаплин произнёс: я люблю всех вас, ваших детей и даже ваших животных. Муж тогда намотал все это себе „на ус“.

В то время у нас были хорошие отношения с нашими моряками, которые совершали регулярные рейсы между СССР и Штатами. И Миша поехал на корабль, попросил капитана сделать для Чаплина что-нибудь приятное. И уже в следующий рейс матросы привезли в подарок Чаплину лесного бурого медвежонка. Ласковый попался зверюшка и сразу полез к Чарли миловаться.

У нас даже остался снимок: актёр Ч. Чаплин целуется с русским Мишкой, которого, конечно же, прозвали „Чарли“. Он долго жил у Чаплина дома, потом, когда вырос, актёр передал его в местный зоопарк».

Михаила и Елизавету познакомили потом с Мэри Пикфорд и Дугласом Фербенксом. Поразили их и чудеса Уолта Диснея. Он относился к советским людям с подчеркнутым дружелюбием. Запомнил высокого русского и его симпатичную жену из консульства. Однажды даже показал, как рисует своего уже тогда знаменитого Микки-Мауса.

Но Мукасей усвоили для себя одно чёткое обстоятельство: все эти почести и знакомства происходили благодаря тому, что они представляли великую страну — Советский Союз. Это было абсолютно правильно. И ещё следует тут добавить, что Майкл и Бетси были симпатичной и в прямом и в переносном смысле парой. И американцы, да и люди из других стран, где им пришлось побывать уже потом на положении нелегалов, это особенно чувствовали. Контакты и отношения устанавливались естественно, а не по долгу службы. Вернее, не только по долгу службы.

Конечно, смысл пребывания в Лос-Анджелесе заключался не в светских приёмах. Появились ценные источники информации. Тот же Ч. Чаплин не раз предупреждал: «Гитлер нападёт на вашу страну». И М. Мукасей немедленно передавал такие сообщения в Центр. Да если бы тревогу бил только один Ч. Чаплин… Все ждали большой войны. Кто-то из американцев лишь только намекал на это, а были и такие,

что били в набат: наци наплюют на все эти бесполезные пакты о ненападении, кому вы поверили… И лишь в Москве, к их удивлению, именно на эти сигналы реагировали слабо. Если вообще реагировали.

Но грянуло. Не могло же не грянуть. И многие американцы, русские эмигранты, которые раньше воротили нос от Советов, потянулись в консульство. Да, Мукасей работал в разведке. Но он оставался и настоящим дипломатом. Быть может, прикрытие даже развязывало руки. Он чувствовал себя обязанным и перед своей попавшей в беду страной, и перед доверившимися ему американцами.

Руководство Центра завалило заданиями. И Мукасей добывали информацию, давая шанс аналитикам из Центра делать выводы для принятия соответствующих решений.

В Лос-Анджелесе произошёл один такой забавный случай. Американцы, по согласованию с нами, установили в консульстве электроаппарат (наподобие телетайпа) для передачи телеграмм. Михаил передавал жене бумажки с соответствующими текстами, и она в любое время дня и ночи отправляла донесения в Москву. Для нас аппарат оказался просто дорогим подарком.

Когда же началась война с фашистской Германией, в Москве ломали голову, что предпримут японцы. Неужели нападут на СССР с Востока? Требовалась информация по данной проблеме.

В Лос-Анджелесе к тому времени вольготно расположилась целая японская колония. Да и американцы до Пёрл-Харбора торговали с Японией довольно активно. Ездили туда толпами.

Сейчас же срочно требовались знакомства не только с голливудской богемой. И Михаил Исаакович вступает в контакт с торговцами. Тут ему помог один антиквар, у которого был бизнес с японцами. Вот уж кто щедро делился своими впечатлениями. Из всего услышанного и разведанного складывалось следующее впечатление: японцы на войну с СССР пока не решатся. М. Мукасей писал по этому поводу длинные депеши, супруга передавала сведения в Москву. Сомнения, конечно, были у каждой стороны: и у нелегалов, и в Центре.

Но когда дивизии сибиряков перебросили с Дальнего Востока под Москву, разведчики поняли: в Москве их информация без внимания не осталась. Источники М. Мукасея подтверждали информацию, переданную из Токио разведчиком Рихардом Зорге.

Однажды Елизавета Ивановна рассказала историю, которая ей дорога и видится пророческой, а вот Михаил Исаакович, не слишком верящий в мистику, считает происшедшее совпадением.

Это произошло в антикварном магазине. Его владелец поддерживал контакты с Японией и был для них небезынтересен. Может, и помогал. Как-то в его магазине появился большой пакет из Японии с загадочной надписью: «Кто узнает, от кого подарок, тому его и отдайте». И Майкл интуитивно, как считает Елизавета Ивановна, почувствовал, что это от Рихарда Зорге. Возможно, Мукасей знал или где-то слышал это. Пакет вскрыли — действительно, от Зорге, без указания адресата и хотя бы какого-то имени. Просто: «Это моим друзьям». Подарком оказался чудесный серебряный кофейный сервиз,

который и по сей день хранится в семье нелегалов, как реликвия. Не склонный в иные моменты к подробностям, Михаил Исаакович и сегодня никаких комментариев по этому поводу никому не даёт.

Вернувшись из Лос-Анджелеса в Москву, М. Мукасей работал в специальной разведывательной школе заместителем начальника учебной части. Вместе с двумя генералами и другим старшим офицером «готовили разведчиков для зарубежной работы». И однажды стать нелегалом предложили ему самому.

В нелегальной разведке он проработал более 20 лет. Вместе с женой побывали во многих странах. Каких?..

«Я лично, — говорит Михаил Исаакович, — имел возможность ездить по разным странам. Документы у меня были хорошие. А легенда была тяжелейшая. Не из бахвальства скажу, не каждый разведчик мог её выдержать и выполнить... В моей семье во время гитлеровской оккупации погибло 30 человек. В места, где погибли мои родные, мы ездили. Людей, которые выжили, осталось мало, по пальцам можно пересчитать.

Я нашёл человека, он действительно был в этом концлагере и прошёл через ад. Всю его биографию я взял, один к одному, на себя. А данного человека, с биографией, ставшей моей, с помощью наших властей постарался отправить в Израиль. Туда же выехал и его отец. Дальше развивать эту тему нельзя.

Теперь, что касается иностранных языков, то рабочими были английский и немецкий. Основной — английский. Немного говорил по-испански, немного на французском. Бенгальский тоже не помешал. С женой общались когда на немецком, иногда на польском, на английском...

Если надо было решить какой-то сложный вопрос, приходилось говорить на родном — русском. Но только не дома и не в машине. В этом случае мы выезжали за город, оставляли машину — и ходили, обсуждая проблемы на русском языке.

Чем мы занимались за рубежом. В основном предпринимательской деятельностью. Мы имели возможность и право заключать всяческие торговые сделки с любой страной и фирмой. Главным образом я занимался тем, что являлся посредником между покупателем и продавцом. За это получал проценты. И, конечно, использовал знакомства по разведывательной линии. Публика, с которой мы были связаны, давала нам объективные сведения о ходе и состоянии дел на рынках различных стран.

У нас было на связи по нескольку агентов, и мы получали от них информацию, документы и передавали эти сведения в Центр. Делали всё, как должно было быть. Это наша практическая жизнь и работа. У нас была двусторонняя связь: от Центра к нам, и от нас — в Центр.

Однажды у нас чуть не случилась неприятность. В первые годы радиопередатчик был громоздкий — весил 16 кг. Это потом, за два десятилетия, технику усовершенствовали, и мы в последние годы получили уже аппараты модерн. А тот, пудовый, таскать было нельзя и спрятать было также очень сложно.

И однажды утром читаем в газете, что вчера на соседней улице в таком-то доме произведён обыск на предмет наличия и пресечения работы нелегального радиопередатчика. Когда мы вышли из дома, где сняли временное жилище, по улице курсировали машины с антеннами-пеленгаторами.

А произошло следующее. Во время радиосеанса с Центром, когда Елизавета Ивановна передавала сообщение, в нашем передатчике отказала одна лампа и сеанс длился дольше обычного. Но повезло нам и на этот раз. Наше жилище находилось, по счастливому стечению обстоятельств, на уровне их государственной радиостанции, которая тоже наверняка работала во время нашего сеанса с Центром. И мы оказались как бы в стороне. Заподозрили кого-то другого. Но дальше рисковать нам было нельзя, и мы временно прекратили выходить на связь. Держали, как и положено в таких случаях, паузу около трёх месяцев.

Однажды к нам приехал наш сотрудник из Центра. Этот человек, в принципе, мог подковать блоху. Для нас он обустроил прекрасный тайник для радиопередатчика. Но в один из дней, когда он у нас работал, к нам в гости вдруг нагрянули наши знакомые, которым объяснить присутствие в доме этого человека было бы крайне трудно. Наш умелец не растерялся, залез на чердак и терпеливо сидел там три часа, пока гости наши не уехали от нас.

А вот ещё случай, который может произойти с каждым, даже самым гениальным разведчиком. От этого случая нет спасения, и кто бы, где бы и как бы ни учил вас, никакая наука и никакие профессиональные ухищрения не помогут. Разве можно избежать случая?

Было это давно, когда я во время подготовки к нелегальной работе находился в одной из стран Европы. Однажды вечером я спокойно возвращаюсь домой. И тут встречается мне прохожий, который с большим изумлением на русском языке спрашивает: „Миша, что ты здесь делаешь?“ Я с испугу вылупил глаза, смотрю на него. Тогда он ко мне на английском: „Is it possible? — Возможно ли это?“ Молчу, просто молчу. Он отошёл, но через секунду снова подбежал ко мне: „Миша Мукасей, ты не помнишь, как мы вместе бывали в консульстве?“ Как же не помнить! Семья выходцев из России, жили в Америке, мама его преподавала у нас в консульстве в Лос-Анджелесе английский язык, а он был в те годы подростком. А тут превратился в молодого красивого джентльмена, которому я прямо говорю: „I don’t knou you. — Я вас не знаю совсем“. Разошлись и, к счастью, без оперативных последствий. Такие встречи происходят и довольно часто. Для некоторых моих коллег они заканчивались, мягко говоря, не столь удачно.

Язык — это чуть не самое главное оружие разведчика. Искали мы с женой однажды, ну скажем в Амстердаме или в Антверпене, одного нашего пропавшего человека. Он три месяца не выходил на связь. И Центр поставил перед нами задачу: найти, узнать, в чём дело, и помочь. Приложив определенные усилия, мы отыскали судно, на котором он плавал. Называлось оно „Игл“ — „Орёл“ по-русски. Когда я на немецком языке попросил, чтобы нас с женой доставили на этот

стоящий на рейде корабль, даже разговаривать с нами не стали, не то чтобы куда-то везти.

Это было в середине 50-х годов, и, видимо, не попал я с языком: тогда случилось, что немецкий не всех устраивал, и нас прямо окатили презрением. Таким образом, утро выдалось неудачным, но мы решили рискнуть ещё раз.

Вечером я по-другому оделся (пригодился, кстати, парик) и требовательным тоном, на простецком английском заявил, что нам прямо сейчас необходимо попасть на „Игл“. Командный тон произвёл впечатление: сразу предложили садиться в моторку, что мы и сделали. Подошли к кораблю, вскарабкались по трапу на палубу. Смотрим — вон он, наш человек, работает на палубе.

Правда, к тому времени Центр на всякий случай изготовил документы — пропавший моряк являлся родственником моей жены, но доказательств никто не спрашивал, и мы обратились к старшему с просьбой: „Не могли бы мы увидеть мистера такого-то?“ „Вон ваш мистер, палубу драит“ — ответили нам. Так мы и встретились с нашим моряком.

Пропал же он потому, что решил развлечься и купил себе мотоцикл. Ну и на радостях прокатился так, что попал в аварию, после чего загремел в больницу на три месяца. Этот случай, между прочим, говорит о том, что в выборе развлечений разведчик должен быть крайне осторожным.

А вообще мой коллега отличался неописуемой смелостью. Раньше он был помощником капитана одного большого корабля. Немецкая бомба попала в его судно, и командир погиб. Тогда наш друг принял командование на себя и привёл горящий корабль в Ленинград. Сам он был родом оттуда. Мы с Елизаветой Ивановной на этот раз отыскали его на „Орле“ и потом долгое время тесно работали с ним за рубежом вместе.

Во время событий в Венгрии в 1956 году мы с Елизаветой были уже в Европе. Повстанцы относились к коммунистам жестко, зло, и то, что Хрущев послал туда пушки, мы посчитали тогда правильным. А вот о событиях в Чехословакии, о Пражской весне писали в Центр открыто: наше правительство делает большую ошибку. В донесении мы прямо указывали, что чехи будут помнить обо всем лет сто и превратятся в наших врагов. Мы бывали в этой стране неоднократно и обстановку там знали достаточно хорошо.

По поводу Израиля у нас было собственное мнение. Однажды мы прибыли туда месяца на три. Только что закончилась война 1967 года, и когда мы ездили по отдельным районам, ещё взрывались бомбы. Центром нам была поставлена конкретная задача. Для её выполнения требовалось найти компетентных людей, которые были бы в курсе того, что собирается предпринять израильское правительство в дальнейшем с арабским миром. Удалось выйти на одного человека, который был не только в курсе событий, но и сам выяснял для нас многое непонятное. В своё время он состоял в правительстве, потом его уволили и сильно этим озлобили. Он не знал тогда, на кого работает, — мы все расспросы вели очень осторожно. Но знал он

действительно очень много. Были и другие высокопоставленные источники. Это позволило нам ещё в 1970 году сделать определённый вывод: Израиль может пойти на некоторые уступки арабам и палестинцам. Но только не за счёт Иерусалима. Тут они голову положат, но его ни за что не отдадут. Я так и сообщил в своём донесении. Тогда этот мой отчёт в Центре восторга и понимания не вызвал. Прошло более 30 лет. И я счастлив, что тогда не ошибся!»

«Наши сотрудники относились ко мне очень хорошо и гуманно, — отмечает Елизавета Ивановна. — Получалось так, что каждый год я проводила свой отпуск с детьми. И ребята у нас с Мишей выросли талантливые. Сын Анатолий — один из лучших кинооператоров. Дочка тоже была связана с кино, работала администратором, директором картин на Центральной студии документальных фильмов. У Анатолия жена — Светлана Дружинина, актриса, кинорежиссер, она мне сразу понравилась. У нас в семье четыре члена Союза кинематографистов. Личная жизнь у нас удалась. Мы можем гордиться редчайшим взаимопониманием. Один взгляд Михаила Исааковича — и мне всё абсолютно ясно. Лечу — и выполняю…

Думаю, что мы из всех разведывательных пар действительно редкая по пониманию друг друга. Не помню, чтобы мы не выполнили хотя бы одного какого-то задания. Обычно что-то даже перевыполняли.

И ни разу никого не подвели. Выручать нас не приходилось, потому что провалом не пахло. Поэтому известны мы лишь в своём узком кругу. Тихо получали государственные награды и благодарности от руководства разведки и КГБ СССР и работали, как от нас того требовали, на благо своего Отечества».

«У меня орден Красного Знамени за первый период нелегальной работы, Когда удалось сразу после приезда довольно быстро вжиться и организовать работу, — отмечает Михаил Исаакович. — Резидентуру мы создали довольно быстро. Что для разведчика вообще наиболее важно? Может, слава? Но она, если приходит, то только в результате расшифровки и провала».

Так, может быть, лучшая награда и свидетельство успеха есть всё-таки безвестность? Ну и, конечно же, стенд, посвященный разведывательной паре Мукасеев в Музее Славы Службы внешней разведки в её штаб-квартире в районе Ясенево.

К глубокому сожалению, супружеской пары разведчиков-нелегалов уже нет с нами. Михаил Исаакович Мукасей родился 13 августа 1907 года (псевд. Зефир, Вальтер), прожив 100 лет, ушёл из жизни 19 августа 2008 года.

Его жена и боевая подруга Елизавета Ивановна Мукасей, родилась 29 марта 1912 года (псевд. Эльза, Вишня), скончалась 19 сентября 2009 года. Светлая им память.

Хочу добавить несколько слов от себя. Мне не раз приходилось бывать на встречах и общаться с разведчиками-нелегалами. Смотришь на них и удивляешься их величайшему патриотизму. Для выполнения сложных заданий они ставили на карту всё, включая и свою жизнь. Глядя на наших заслуженных нелегалов, ни на минуту не покидает

мысль о том, что они, кажется, и родились патриотами своего Отечества!

Поздравление М.И. Мукасею с Днем Победы от Президента РФ В.В. Путина:

«Уважаемый Михаил Исаакович!

Примите мои сердечные поздравления с Днём Победы!

На долю Вашего поколения выпали суровые годы Великой Отечественной. Вы с честью выстояли в самой страшной в истории человечества войне и спасли мир от нацизма. Подвиг воинов-победителей, Ваш подвиг, стал ярчайшим примером беззаветного служения Отечеству и любви к Родине.

Мы свято чтим память героев и искренне благодарны всем, кто отстоял нашу свободу.

Низкий Вам поклон. И вечная слава тем, кто отдал жизнь во имя Отчизны. Доброго Вам здоровья и благополучия.

Президент Российской Федерации

В. Путин».

Разведчики-нелегалы Михаил и Анна Филоненко

Известный американский писатель, автор книги «Тайная война», писал: «Абель — редкий тип личности… Его идеалом было знание. Мы можем только сожалеть, что такой удивительный человек вышел не из рядов разведки Соединенных Штатов». А бывший руководитель Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес в своей книге «Искусство разведки» сокрушался по поводу того, что американское секретное ведомство не имеет таких разведчиков, как Рудольф Абель (Вильям Генрихович Фишер): «Всё, что Абель делал, он совершал по убеждению, а не за деньги. Я бы хотел, чтобы мы имели трёх-четырёх человек, таких как Абель, в Москве».

В рядах советской разведки, к счастью, был целый ряд разведчиков класса Абеля. Они были скромными, незаметными людьми, которые в тяжелейших условиях «холодной войны» в глубоком подполье делали всё возможное, чтобы «холодная война» не превратилась в «горячую». Среди «бойцов незримого фронта» достойное место занимают и супруги-нелегалы Михаил и Анна Филоненко.

Долгое время эти разведчики-нелегалы оставались «в тени» и широкая общественность ничего о них не знала, хотя Анна являлась прототипом радистки Кэт из замечательного многосерийного телевизионного фильма «Семнадцать мгновений весны».

Анна Камаева (по мужу — Филоненко) родилась 28 ноября 1918 года в подмосковной деревушке Романцево в многодетной крестьянской семье. Окончила семилетнюю школу, затем училась в фабрично-заводском училище, где она постигла тайны ткацкого мастерства.

В 1935 году 16-летняя девушка поступает на работу на московскую ткацкую фабрику «Красная роза», выпускавшую шёлковые ткани.

Вскоре Анна Камаева становится стахановкой, обслуживает сразу дюжину станков.

Перед ней открывалась дорога в жизнь, о которой рассказывалось в популярном кинофильме того времени под названием «Светлый путь»: коллектив ткацкой фабрики «Красная роза» выдвинул А. Камаеву кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, её прочили на руководящую работу. Однако судьба распорядилась по-иному. Избирком отвёл её кандидатуру, поскольку Анне не исполнилось ещё 18 лет. И она продолжила трудился ткачихой на той же фабрике.

Крутой поворот в жизни Анны произошёл в конце 1938 года, когда по комсомольской путёвке 20-летняя девушка была направлена на работу в Иностранный отдел (ИНО) — внешнюю разведку.

За время массовых репрессий 30-х годов среди сотрудников органов госбезопасности сильно пострадала и внешняя разведка. К 1938 году примерно половина личного состава советской разведки была репрессирована: десятки сотрудников центрального и периферийных аппаратов ИНО были арестованы и расстреляны. В результате внешняя разведка органов госбезопасности была крайне ослаблена, в некоторых её резидентурах оставалось всего один-два оперработника, другие резидентуры вообще закрылись.

Репрессиями была перечёркнута большая организационная работа по созданию за границей нелегального аппарата.

В 1938 году Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос об улучшении работы внешней разведки. Было принято решение об укреплении и расширении её штатов. Учитывая острую нехватку кадров в разведке, было решено создать Школу особого назначения (ШОН) НКВД для централизованной подготовки разведывательных кадров.

Так в октябре 1938 года Анна Камаева стала слушателем ШОН. Как потом она вспоминала, началась напряженная и увлекательная учёба. Она овладела радиоделом, тренировалась в стрельбе из пистолета, автомата, усиленно изучала иностранные языки — финский, испанский, польский. По окончании ШОН в 1939 году Анна была зачислена во внешнюю разведку. Она вела оперативные дела разведчиков-нелегалов, работавших в странах Европы.

С первых дней Великой Отечественной войны Анну Камаеву включили в состав Группы особых заданий при наркоме внутренних дел. Этой группой, фактически являвшейся «параллельной» разведкой и подчинявшейся непосредственно наркому, попеременно руководил Яков Серебрянский, Сергей Шпигельглас и Наум Эйтингон. Для выполнения заданий группой было создано за рубежом 12 нелегальных резидентур. В 1940 году группа Эйтингона, в частности, осуществила операцию «Утка» по физическому устранению Льва Троцкого.

Следует отметить, что у всех руководителей Группы особых

заданий судьба оказалась трагической.

Так, в 1938 году был арестован и приговорён к расстрелу Яков Серебрянский. Только с началом войны он по ходатайству начальника 4-го управления НКВД Павла Судоплатова был освобождён из тюрьмы и восстановлен в прежней должности. В августе 1953 года после расстрела Л. Берии Я. Серебрянский вновь был арестован и умер на допросе в прокуратуре в 1956 году.

В ноябре того же года был арестован первый руководитель Группы особых заданий С.М. Шпигельглас. Судом был приговорён к «вышке» и в январе 1941 года расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Эйтингон, руководивший операцией «Утка», в период войны являлся заместителем генерала П. Судоплатова, будет арестован в 1951 году как участник «сионистского заговора». Затем его освободили, а в 1953 году вновь арестовали, на этот раз — по «делу Берии».

Из тюремного заключения его освободили только лишь в 1964 году. Он станет работать старшим редактором издательства «Иностранная литератур».

Между тем осенью 1941 года обстановка на фронте стала приобретать критический характер. В ноябре танки Гудериана вплотную подошли к Москве, началась эвакуация правительственных учреждений в Куйбышев. В Москве было введено осадное положение. Для поднятия духа в германских войсках вовсю раздавались приглашения для участия в параде на Красной площади.

Чекисты приступили к подготовке и реализации диверсионного плана на случай взятия гитлеровскими войсками Москвы. Они исходили из того, что в этом случае Гитлер и другие руководители Третьего рейха непременно примут участие в намеченных «торжествах». Такие мероприятия могли состояться в двух местах — в Кремле или Большом театре.

Практической боевой подготовкой чекистов руководил Яков Серебрянский. В условиях абсолютной секретности создавались диверсионные группы, часть разведчиков и контрразведчиков перешла на нелегальное положение. Сотрудники госбезопасности минировали штольни и подземные тоннели глубокого залегания в центральной части Москвы, израсходовав для этого несколько вагонов со взрывчаткой. Мины были заложены и в Кремле и под Большим театром. Анне Камаевой по личному указанию Л. Берии отводилась ключевая роль — осуществить покушение на самого Гитлера. Отрабатывались различные варианты выполнения, однако все они однозначно показывали, что шансов уцелеть у разведчицы не имелось.

Но, к счастью, этот план так и остался на бумаге. Москва выстояла. Западному фронту под командованием генерала армии Жукова удалось остановить, а затем отбросить гитлеровских захватчиков на несколько сот километров от столицы. В тот период Анна находилась во вражеском тылу в своём родном Подмосковье по линии 4-го управления НКВД. Как отмечалось в рапорте командира Отдельной мотострелковой бригады особого назначения полковника

Гриднева, «Камаевой предстояло принять участие в проведении специальных крупномасштабных диверсионных акций против немецко-фашистских войск на ближних подступах к Москве».

В ноябре 1941 года, в разгар битвы за Москву, Анна была приглашена в штаб командующего Западным фронтом Г.К. Жукова. В приёмной она встретилась со своим будущим мужем Михаилом Филоненко. Здесь он находился, чтобы получить из рук полководца орден за руководство отрядом разведчиков, совершивших рейд по тылам врага. Когда Михаил, раскрасневшийся от гордости и смущения, вышел из кабинета Г.К. Жукова, он поймал на себе любопытный взгляд Анны, сидевшей на большом кожаном диване. Разглядев петлицы на её гимнастёрке, он подумал: «Какая хорошенькая, и работаем мы в одном ведомстве — Наркомате внутренних дел».

Ещё во время учёбы в школе, а затем и в институте преподаватели предсказывали Михаилу, что своё истинное призвание он найдёт на поприще точных наук. А известные шахматисты не сомневались, что он станет гроссмейстером с мировым именем. Однако судьба распорядилась иначе: после института он пошёл во внешнюю разведку органов госбезопасности. Во время войны Михаил, как и Анна, служил в 4-м управлении НКВД, которое занималось организацией и проведением разведывательно-диверсионных операций в тылу противника. В приёмной генерала Жукова состоялось его первое свидание с Анной Камаевой. Но их дороги тут же разошлись на долгие месяцы. Анна стала радисткой в одном из партизанских отрядов, действовавших в Подмосковье, а Михаила назначили комиссаром в партизанский отряд, который сражался в глубоком тылу врага.

Воевал Михаил на Украине. В оккупированном нацистами Киеве руководил разведывательно-диверсионной группой. Благодаря добытым Михаилом сведениям об обстановке на правобережье Днепра командованию Красной армии удалось подыскать оптимальные участки для форсирования реки нашими частями в ноябре 1943 года. Михаил хорошо знал о партизанских отрядах Ковпака, Фёдорова и Медведева. При выполнении диверсионной операции в Польше Михаил был тяжело ранен. Врачам удалось спасти жизнь отважного разведчика, однако он стал инвалидом второй группы. Из военного госпиталя разведчик вышел с тросточкой, с которой уже не расставался всю жизнь.

С Анной он вновь встретился только после войны. А пока она воевала в партизанском отряде. Когда непосредственная угроза захвата Москвы миновала, Анна была отозвана в столицу и стала вновь работать в центральном аппарате 4-го управления НКВД. С июля по декабрь 1942 года девушка училась в Свердловской школе НКВД, а затем была направлена на курсы иностранных языков при Высшей школе НКВД СССР в Москве. Здесь она совершенствовала знание испанского, изучала португальский и чешский языки. Руководство разведки планировало использовать её на нелегальной работе за рубежом.

В октябре 1944 года Анна была направлена в нелегальную

резидентуру в Мексику, где вместе с другими разведчиками готовилась к проведению дерзкой операции по освобождению из тюрьмы Рамона Меркадера, который ликвидировал Льва Троцкого и был осуждён на 20 лет тюремного заключения. Вместе с товарищами по резидентуре она разрабатывала план нападения на тюрьму. Однако в последний момент операция была отменена. В 1946 году Анна возвратилась в Москву. А Рамон Меркадер вышел из тюрьмы в 1960 году и стал Героем Советского Союза.

После войны Анна и Михаил поженились. Руководство решило направить их на учёбу в Высшую разведывательную школу (или, как её ещё называли, школу №101), готовившую кадры для внешней разведки. В течение трёх лет продолжалась напряжённая подготовка будущих нелегалов к работе в Латинской Америке. С октября 1948 года по август 1964 года они совершали регулярные поездки в различные страны этого региона под видом иностранных граждан. Одновременно их сын обучался испанскому языку. По решению руководства нелегальной разведки он должен был выехать за рубеж вместе с родителями в соответствии с разработанной для них легендой-биографией. Павлик был способным мальчиком, и испанский давался ему хорошо.

«Обкатка» разведчиков-нелегалов до их направления в долгосрочную командировку проходила в сложных условиях. Перед переброской в Латинскую Америку они для начала должны были, выдавая себя за «беженцев» из Чехословакии, легализоваться в Шанхае, где после войны осело много европейцев. В ноябре 1951 года супругам Филоненко вместе с четырёхлетним сыном пришлось переходить советскую границу по пояс в снегу. В то время Анна была снова беременна. Впрочем, до Харбина, где прошёл первый и наиболее опасный этап их легализации, они добрались вполне благополучно. Здесь у них родилась дочь. По легенде, «беженцы из Чехословакии» были ревностными католиками, поэтому, в соответствии с традициями Европы, новорождённую окрестили в местном католическом соборе.

Путь в Латинскую Америку занял несколько лет. Из Харбина супруги перебрались в крупнейший портовый и промышленный центр Китая — Шанхай. Здесь с давних пор обосновалась обширная европейская колония, насчитывавшая до миллиона человек. Европейцы проживали в отдельных кварталах, называемых сеттельмены. Эти кварталы пользовались экстерриториальностью и управлялись иностранными консулами — британским, французским, португальским и американским. С победой народной революции в Китае все привилегии иностранцев в этой стране были аннулированы. Начался отток европейцев из материкового Китая.

Накануне отъезда в промежуточную командировку, которая должна была стать испытанием прочности их легенды, надёжности документов, супругов Филоненко принял министр иностранных дел В.М. Молотов, который в то время одновременно возглавлял и Комитет информации, объединивший под своей крышей военную и политическую разведки.

В.М. Молотов не спеша прохаживался вдоль кабинета, окидывая

взглядом огромную политическую карту мира. «Мы, советское руководство, придаём исключительную важность вашей предстоящей миссии», — сказал министр, напутствуя разведчиков. Он добавил, что проникновение в высшие правительственные и военные эшелоны власти ряда ведущих латиноамериканских стран должно стать трамплином в организации масштабной агентурно-оперативной работы разведки на территории Соединенных Штатов.

Такое напутствие министра не было, разумеется, случайным. После окончания Второй мировой войны пути бывших союзников по антигитлеровской коалиции кардинально разошлись. США, применившие в 1945 году атомную бомбу против уже поверженной Японии, стали считать себя хозяевами мира и открыто готовили ядерную войну против СССР. Курс на военную конфронтацию с СССР был откровенно провозглашён в знаменитой речи отставного премьер-министра Англии У. Черчилля, с которой он выступил в американском городке Фултоне 5 марта 1946 года. Запад отгородился от СССР и других стран народной демократии «железным занавесом», ввёл ограничения на свободное перемещение дипломатов с Востока, обмен учёными, спортсменами, профсоюзными делегациями.

Вместе с тем в результате предательства агента-групповода резидентуры советской разведки в США Элизабет Бентли работа в этой стране в послевоенный период была осложнена. В 1948 году были закрыты советские генконсульства и другие представительства СССР в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Нью-Йорке. В сентябре 1950 года в США был принят закон о внутренней безопасности (закон Маккарена—Вуда), по которому срок тюремного заключения за шпионаж в мирное время был увеличен до десяти лет. В соответствии с этим законом десять миллионов американцев — государственных чиновников и сотрудников частных фирм — подверглись проверке на лояльность. В конгрессе США была создана пресловутая комиссия сенатора Маккарти по расследованию антиамериканской деятельности, жертвами которой стало более ста тысяч человек.

Антисоветская истерия ещё больше усилилась после того, как 29 августа 1949 года в Советском Союзе было проведено испытание атомной бомбы. Власти США были настолько напуганы наступившим концом своей монополии на это смертоносное оружие, что объявили об этом событии только спустя две недели, инспирировав предварительно специальный запрос журналистов. В результате проведённого расследования ФБР США пришло к выводу, что американские атомные секреты Советскому Союзу выдал английский учёный-пацифист Клаус Фукс. К тому времени Фукс уже был в Англии. Американцы передали данные на Фукса англичанам. В Англии Фукс был осуждён на 14 лет тюремного заключения, хотя к моменту ареста Фукса ни англичане, ни американцы не имели никаких конкретных данных для предъявления ему обвинения. До момента, когда Фукс сам признался, никто ничего толком не мог доказать.

2 февраля 1950 года К. Фукс был арестован, и ему было предъявлено официальное обвинение. Американские власти просили правительство Великобритании о выдаче Фукса, но английские власти отказались.

24 июня 1959 года, после девяти с половиной лет заключения, за примерное поведение Фукс был освобождён. Он сразу же направился в Восточный Берлин, хотя имел много предложений от университетов Англии, Канады и ФРГ. В ГДР он и прожил до последних своих дней.

В результате предательства Э. Бентли советская агентурная сеть в США была разрушена и её пришлось создавать заново. Для решения этой задачи в 1949 году в США прибыл разведчик-нелегал В.Г. Фишер, ставший затем известным как Р. Абель. Нелегалам Филоненко было поручено работать параллельно с ним в Латинской Америке. Совершив предварительно несколько поездок в ряд латиноамериканских стран с целью закрепления легенды-биографии и проверки документов, в январе 1955 года они выехали в Бразилию, где Михаилу Ивановичу, выдававшему себя за бизнесмена, предстояло заниматься коммерческой деятельностью. На плечи Анны Фёдоровны легли заботы по выполнению оперативно-технических задач — обеспечение сохранности секретных документов, «страховка» мужа при его выходах на встречи в городе. Поначалу всё вроде бы шло неплохо, однако первая попытка Михаила стать бизнесменом провалилась. Созданная им коммерческая фирма разорилась: сказалась неопытность в делах подобного рода.

Впрочем, для Бразилии того времени это не было чем-то необычным: годы благополучной экономической конъюнктуры сменились годами затяжной депрессии. Ежедневно в стране разорялось несколько десятков больших и малых фирм. «Было время, когда опускались руки, казалось, что лучше всё бросить», — вспоминала Анна Фёдоровна. Но даже первый печальный опыт предпринимательства принёс разведчикам пользу. Михаилу несколько раз удалось удачно сыграть на бирже. Заработанных денег с лихвой хватило, чтобы открыть новую фирму и начать коммерческую деятельность с чистого листа. Постепенно бизнес Михаила стал приносить ощутимые дивиденды, и коммерческие дела резко пошли в гору.

Через год Михаил уже завоевал репутацию серьёзного и преуспевающего бизнесмена, часто ездил по континенту, заводил связи среди крупных чиновников, представителей военной и аристократической элиты Латинской Америки, в деловых кругах.

Когда их легализация в Новом Свете закончилась, супруги Филоненко приступили к выполнению разведывательных заданий Центра.

Главной задачей разведчиков было выявление реальных планов США в отношении нашей страны, особенно — военно-политических. В Латинской Америке получить такую информацию было легче, чем в самих Соединенных Штатах: Вашингтон делился с партнёрами из Западного полушария своими планами, имея в виду их использование в будущей войне против СССР.

4 сентября 1945 года Объединенный разведывательный комитет объединенного комитета начальников штабов США составил меморандум для президента Гарри Трумэна, в котором в предполагаемой войне против СССР намечалось двадцать целей для

нанесения по ним атомных ударов. Этот план не был реализован, поскольку тогда Соединенные Штаты к крупномасштабной войне против нашей страны ещё не были готовы.

В 1946 году разрабатывается новый уточненный план «Бройдер». А в 1948 году на свет появится сразу целая серия планов войны против СССР: «Граббер», «Эразер», «Даблстар», «Лафмин», «Интермеццо», «Флитвуд», «Сиззл».

Следующий, 1949 год ознаменовался принятием новых планов тотального уничтожения нашей страны: «Дротшоп» и «Оффтэкл». Так Вашингтон реагировал на появление атомного оружия в СССР. Планам ядерного нападения США на СССР и страны народной демократии специально давались бессмысленные наименования, дабы «ввести противника в заблуждение». И каждый план, каждая разработка сценария мировой катастрофы лишь увеличивала число целей для ядерных бомбардировок. Сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что мир был спасён от ядерной катастрофы только потому, что СССР, еще не оправившись от страшных разрушений войны, смог мобилизовать все силы и создать собственное атомное оружие, а в 70-е годы — достичь ядерного паритета с Соединенными Штатами.

Важное место в деятельности разведчиков-нелегалов занимало освещение политики США и их союзников на международной арене. Накануне каждой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций на стол советской делегации ложились документы, содержавшие подробную информацию о позиции основных стран мирового сообщества. Эти документы добывали нелегалы Филоненко.

Анна Фёдоровна была надёжной подругой и помощницей мужа. Во время частого осложнения обстановки в стране, в которой военные перевороты не были редкостью, она проявляла выдержку и самообладание. Этому способствовало и прочное положение нелегалов на континенте. Михаилу Ивановичу удалось проникнуть в окружение президента Бразилии, завязать знакомство со многими министрами правительства страны, которых он часто приглашал на обеды к себе на виллу.

Михаил подружился даже с парагвайским диктатором Стресснером. Будучи в прошлом офицером германского вермахта и знатоком стрелкового оружия, хозяин Парагвая однажды увидел, как метко стреляет элегантный коммерсант, и пришёл в неописуемый восторг. В дальнейшем он неоднократно приглашал Михаила поохотиться на крокодилов. В беседах с разведчиком был предельно откровенен. Подобной «чести» удостаивались лишь избранные.

В результате хорошо налаженной разведывательной работы от нелегалов регулярно поступала актуальная политическая информация. Вскоре в семье родился ещё один ребёнок, сын Ваня.

Но не всё всегда бывает гладко. Уже в Москве они вспоминали такой случай. На помощь супругам, воспитывающим троих детей, Центр прислал молодого сотрудника. Встреча с ним состоялась в небольшом ресторане. Не успев ещё сообщить Михаилу Ивановичу указания Центра, этот работник принялся активно пробовать

горячительные напитки, затем заказал оркестру популярную танцевальную мелодию, стал её напевать, приплясывать на танцевальном пятаке и тем самым привлекать внимание окружающих.

Такое поведение недопустимо для нелегального работника. По легенде, Михаил Иванович должен был познакомиться в ресторане с молодым, перспективным бизнесменом и установить с ним в дальнейшем партнерские отношения. Видя, что поведение посланца Центра выходит за все установленные для разведки рамки и грозит расшифровкой, Михаил Иванович поспешил доставить парня в гостиницу, в которой тот остановился, и направил в Центр телеграмму с просьбой срочно отозвать в Москву гуляку.

В 1957 году в Нью-Йорке был арестован разведчик-нелегал Вильям Фишер, назвавшийся при аресте Рудольфом Абелем, параллельно с которым работали супруги Филоненко. Во избежание их расшифровки и сохранения созданной ими агентурной сети, имевшей выходы на США, Центр принял решение изменить условия связи с разведчиками-нелегалами. Связь с Центром поддерживалась теперь только по радио. Разведчикам передали коротковолновую быстродействующую радиостанцию, «выстреливавшую» информацию за секунды. Анне Фёдоровне пришлось вспомнить свою военную специальность радистки.

В те годы спутниковой связи ещё не существовало. Поэтому в составе советской китобойной флотилии, ведущей промысел в водах Антарктики, под видом китобойного судна находился специальный корабль. Его мощный узел связи использовался в качестве усилителя и ретранслятора радиосигналов, поступавших от нелегалов. Это были годы «холодной войны», и информация, передаваемая разведчиками, носила тревожный характер: в Вашингтоне вовсю гремели военные барабаны.

В жизни разведчиков-нелегалов были и драматические моменты. Однажды Михаил Иванович отправился в деловую поездку по континенту. Вскоре по радио сообщили, что самолёт, на котором он должен был лететь, потерпел катастрофу. Можно представить себе состояние Анны Фёдоровны, услыхавшей сообщение по радио: вдова нелегала с тремя малолетними детьми на руках! К счастью, Михаил Иванович опоздал на рейс: до вылета самолёта он проводил встречу со своим источником информации и задержался.

Постоянные стрессовые ситуации, которых у разведчиков было немало, сказались на здоровье Михаила Ивановича. В начале 1960 года он перенес обширный инфаркт и работать с прежней нагрузкой уже не мог. В июле того же года Центр принял решение отозвать супругов-нелегалов на Родину. Домой они ехали с целым чемоданом денег. Это были партийные взносы, которые они аккуратно откладывали за границей, чтобы сдать в партийную кассу по возвращении в Москву. Агентурная сеть, созданная их усилиями, была передана на связь другому сотруднику нелегальной разведки и продолжала действовать ещё много лет.

Путь на родину занял много времени. Супруги с детьми переезжали из одной страны в другую, чтобы скрыть от контрразведки

противника свой истинный маршрут. Наконец они добрались до Европы, а оттуда на поезде пересекли советскую границу. Они не смогли скрыть слёз радости и запели: «Широка страна моя родная..» А дети с изумлением слушали незнакомую им русскую речь, думая, наверное, что их родители сошли с ума.

Тогда старший сын Павел закричал: «Я всё понял: ведь вы — русские шпионы!» Видимо, в его памяти отложилось, как в не столь далёком 1951 году они пересекали китайскую границу, бредя по пояс в снегу. Впоследствии дети долго привыкали к новому дому, русскому языку и даже к своей настоящей фамилии.

После отдыха и лечения разведчики вернулись в строй. Их заслуги были отмечены высокими наградами Родины. Полковник М. Филоненко стал заместителем начальника отдела Управления нелегальной разведки. В том же отделе трудилась и Анна Фёдоровна, майор госбезопасности. За годы работы в разведке она была удостоена ордена Красной Звезды, награждена двумя медалями «За боевые заслуги», многими другими наградами, нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почётный сотрудник госбезопасности». В 1963 году супруги Филоненко вышли в отставку.

В начале 70-х годов режиссёр Татьяна Лиознова приступила к съёмкам замечательного телесериала «Семнадцать мгновений весны». Для съёмки требовались опытные консультанты. Руководство тогдашнего КГБ выделило ей в помощь супругов Филоненко. Иногда Т. Лиознова, заворожённая историями нелегалов, засиживалась у них дома далеко за полночь. Её интересовали переживания разведчиков, психология западного обывателя, малейшие детали быта. Поэтому многие эпизоды этого замечательного фильма были подсказаны нелегалами Филоненко. Например, сюжет с рождением ребёнка. Правда, Анна, в отличие от радистки Кэт, при родах дочери в Китае по-русски не кричала. Режиссёр ввела этот эпизод для усиления драматургии сюжета.

С нелегалами подружился и В. Тихонов, сыгравший в кинофильме роль Штирлица. Эта дружба продолжалась вплоть до кончины разведчиков. Хотя прототипами Штирлица в повести были предвоенный агент внешней разведки немец Вилли Леман, он же «Брайтенбах», и ряд других сотрудников внешней разведки КГБ СССР, Вячеслав Тихонов, создавший убедительный образ советского разведчика-нелегала, многое позаимствовал у нелегала Михаила Ивановича.

О таких замечательных людях, как разведчики Филоненко, мы узнаём, как правило, только после их кончины, да и то не всегда. Михаил Иванович скончался в 1982 году. Анна Фёдоровна, ставшая прототипом радистки Кэт, пережила мужа на 16 лет и скончалась в 1998 году. После смерти разведчиков Служба внешней разведки рассекретила их имена. В российской прессе появились публикации, раскрывающие некоторые эпизоды их боевой биографии. Однако о многих конкретных делах этих сотрудников внешней разведки рассказывать пока ещё не настало время.

Советский разведчик-нелегал в Токио

Как известно, в 1944 году в Японии в тюрьме был казнён легендарный советский разведчик, ставший позже Героем Советского Союза, Рихард Зорге (оперативный псевдоним «Рамзай»).

Рихард Зорге находился в Японии, когда эта страна не только вела войну с Китаем, но и находилась в сговоре с другим главным агрессором — нацистской Германией. Перед нападением гитлеровской Германии на СССР Зорге отправил в Москву следующее донесение:

«Сегодня немецкий посол Отто ознакомил меня с директивой Риббентропа о начинающихся переговорах Германии, Японии и Италии относительно военного раздела СССР».

31 мая 1941 года: «22 июня Германия без объявления войны совершит нападение на Россию».

3 июля 1941 года: «Япония, несмотря на нажим гитлеровской Германии, пока не вступит в войну против СССР».

Вот такие и многие другие сообщения шли от Зорге в Москву.

7 ноября 1944 года, когда советский народ отмечал очередную годовщину Октября, японцы решили привести в исполнение смертельный приговор Рихарду Зорге. Советский военный разведчик встретил смерть словами: «Да здравствует Советский Союз! Да здравствует Красная Армия!».

С тех пор в Стране восходящего солнца произошли большие изменения. Политическая, а также военная обстановка в Японии постоянно интересовала советскую и российскую разведку. В августе 2008 года в СМИ была опубликована рассекреченная информация о работе советского разведчика-нелегала, выведенного в Японию около 30 лет назад.

Опубликованные материалы свидетельствуют о том, что в результате успешно проведённой операции Службой внешней разведки нашему разведчику-нелегалу удалось сбежать от японской контрразведки. Имя его для японцев так и осталось тайной.

Герой данной истории прибыл в Японию в 1966 году по документам подданного Японии Итиро Куроба, пропавшего без вести в 1965 году. В действительности он сменил работавшую там с 1953 года семейную пару наших разведчиков-нелегалов — Хамзина Шамиля Абдуллазямовича и Алимову Ирину Каримовну. Об этом сообщалось в газете «Аргументы недели» №32 от 14.12.2006 года.

Устроившись в стране под чужим именем, Куроба был принят на работу в одну из японских торговых фирм. В это же время он соблазнил молодую японку. Решил, что порядочный подданный императора должен иметь семью.

После заключенного брака разведчик информировал Центр о завершении легализации. За всё время совместной жизни японка так и не узнала, кем всё же был её возлюбленный. Как и Рихард Зорге, он был не лишён актёрского дарования.

И вот спустя лишь 29 лет (1995 г.), японской контрразведке

удалось выйти на след разведчика. Пока сотрудники японских спецслужб планировали арестовать Куроба, его история не разглашалась. Но прошло 13 лет, действие его паспорта истекло. Полиция решила: в Японии Куроба больше не появится.

В тот самый год разведка КГБ проводила в Токио расследование провокации против резидента внешней разведки КГБ. Японские спецслужбы попытались выкрасть полковника Георгия Петровича Покровского. В дом, в котором он проживал, подселили американского спецагента и подготовили для проведения операции боевиков. Хотели похитить и затем, как уже практиковалось, всё представить в виде «добровольного ухода разведчика на Запад».

Резидент был хорошо подготовлен физически. Занимался теннисом и боксом. У него оказалось достаточно сил, чтобы дать похитителям отпор. Спецагент получил в сложившейся потасовке перелом челюсти.

Как-то в Москве журналист Станислав Лекарев спросил его: «Георгий Петрович, как же вы, интеллигентный человек, и вдруг бьёте по лицу со всей силой?» А он в ответ: «Я как представил, что придётся доказывать, что ты не верблюд, так вся интеллигентность пропала». Г.П. Покровский как в воду смотрел: в Москве начальство с недоверием отнеслось к случившемуся в Токио — цену себе набивает. Если согласиться, то надо награждать и повышать в должности, а место начальника «японского отдела» было занято уже другим сотрудником. Пришлось перевести его в другой отдел. Но Бог правду видит. Спустя некоторое время в Японии вышли мемуары раскаявшегося сотрудника спецслужбы. В своей книге он подробно описал попытку неудачного похищения «русского боксёра». Эта информация в Москве прошла незамеченной.

А тем временем «наследника» Рихарда Зорге задействовали в ходе розыска старшего лейтенанта ВВС СССР Виктора Беленко. Последний угнал из Приморского края сверхсекретный самолёт-разведчик МиГ-25П и совершил посадку на аэродроме острова Хоккайдо. Сдал американцам троекратно превышающее скорость звука высшее достижение в мировом военном самолётостроении. Когда в Москве решили отомстить, было уже поздно — Беленко успел покинуть Японию.

Кроме перечисленных заданий у нашего налегала были и стратегические цели. Это был период, когда Япония приступила к программе создания системы спутников-разведчиков.

С 1966 года японцы настойчиво пытались запускать спутники с экзотическими названиями: «Озуми», «Шайсеи», «Денпа», «Химавари» «Джикикен», «Сакура», «Кику». В освоении космоса Японии помогали и американцы, и французы. Из резидентуры КГБ в Центр регулярно поступала оперативно значимая информация по этим засекреченным проектам.

В 1990 году службу безопасности Управления национальной обороны возглавил Итиро Ионзяма. Это он в мае 1995 года после химической атаки в токийском метро арестовал главу боевиков «Аум Синрике» слепого Секо Лсахара. А в сентябре того же года задержал

руководителя московского отделения «Аум Синрике» Фимихиро Дзиою.

Следует заметить, что в то время агентура внешней контрразведки токийской резидентуры СВР оказалась на высоте. Сигнал об угрозе расшифровки нелегала поступил своевременно. В сентябре 1995 года разведчик Куроба по заранее разработанному плану покинул Японию и благополучно вернулся в Москву к своей жене.

Бытует версия, что Куроба работал на ГРУ (Главное разведывательное управление) Генерального штаба Вооружённых сил СССР. Подтверждением этой версии является тот факт, что, как и Р. Зорге, Куроба в основном интересовала военная информация. Ну и если бы Куроба был сотрудником КГБ, его бы японцы раскрыли ещё в 1979 году, когда в Токио попросил политического убежища сотрудник токийской резидентуры КГБ Станислав Левченко. Он выдал весь состав резидентуры КГБ в Токио. Слил имена сотрудников «японского отдела» КГБ в Центре и сдал около 200 агентов из числа японцев, работавших на советскую разведку. Про ГРУ он фактически ничего не знал и знать не мог — конспирация прежде всего!

После исчезновения нашего разведчика японская контрразведка приступила к выявлению возможных следов и вещественных доказательств разведывательной деятельности нелегала. При обыске дома, в котором проживал Куроба, были найдены передатчик и шифровальные таблицы. Некоторое время опытный глава службы безопасности Итиро Ионзяма не терял надежды на то, что Куроба вернётся в свой дом и его удается арестовать.

Он считал, что за 30 лет работы в Японии разведчик успел завербовать не одного секретоносителя. Понятно, что после получения сигнала о провале нелегала эта агентура была законсервирована. Хорошо зная русских, Ионзяма был уверен, что агентов передадут на связь посольской резидентуре КГБ. По указанию Ионзяма за всеми сотрудниками российского посольства установили плотное наружное наблюдение.

Как стало позже известно, анализ материалов контроля за автомашинами сотрудников российского посольства себя оправдал. Вначале японцы выявили места, которые русские посещают наиболее часто. Затем, используя записи городского и частного видеоконтроля, провели персональный поиск лиц, повторяющихся на видеопленках в конкретные отрезки времени. В это же время в прессе появились сообщения о том, что якобы обнаружили японца, регулярно появлявшегося в тех же районах, где оказывались русские разведчики. Его начали раскручивать как возможного агента российской разведки.

Как правило, подобные «утечки» контрразведка допускает с целью отпугнуть возможных источников секретной информации посольской резидентуры.

Иногда подобное «нарушение» принципов конспирации контрразведка противника использует в качестве инструмента политического шантажа. Вот, мол, сейчас и разразится российско-японский скандал.

Следует попутно заметить, что с давних времен стало нормальным явлением, когда спецслужбы развитых стран ведут друг против друга военную, политическую и всякую иную разведывательную работу.

В то же время для организации и проведения диверсий необходима хорошо отлаженная агентурно-оперативная система. Посольская резидентура для этого не подходит, так как провал грозит негативными политическими последствиями. Поэтому обеспечить надёжную связь боевиков с центром управления своей страны, спланировать операции, снабдить оружием, а также прикрыть уход участников операции из страны могут только разведчики-нелегалы.

В начале 70-х годов японские боевики так называемого движения «красноармейцев» действовали по хорошо разработанным планам. Они регулярно захватывали самолёты с заложниками и после удовлетворения своих требований безнаказанно уходили в Пхеньян или Алжир. Иногда они взрывали самолёты (в 1971 году на рейсе Сапорро — Токио погибли 162 человека; в 1985 году около Токио разбился японский «Боинг-747», в котором погибли 520 пассажиров; в 1994 году взорвался и сгорел во время посадки в аэропорту «Нагойя» аэробус А-300, в котором погибли 264 человека).

Японские боевики не забывали наносить удары и по наземным целям. В 1974 году совершили налёт на французское посольство в Гааге и захватили в качестве заложников 9 дипломатов, которых обменяли на заключенных, и вылетели в Дамаск. Через год в Куала-Лумпуре боевики захватили американское консульство, заодно и посольство Швеции в столице Малайзии. Взяли в качестве заложников 53 дипломата. Получили всё, что хотели, и отбыли в Ливию.

В 1986 году в Джакарте обстреляли из гранатомётов посольства Японии, Канады и США. Через год эта же тактика была применена в Риме, где целью боевиков стало посольство США. В 1988 году японские боевики взорвали бомбу в американском клубе в Неаполе. Погибли 5 военнослужащих армии США.

В самом начале данного очерка мною упомянута супружеская пара разведчиков-нелегалов: Хамзин Шамиль (псевдоним Халеф) и его супруга Алимова Ирина (псевдоним Бир). В 1966 году они, закончив длительную загранкомандировку в Японии, возвратились в Москву. Ш. Хамзин провёл на нелегальной работе в разных странах более 20 лет. В 1980 году он вышел в отставку в звании полковника. Некоторое время занимался общественной работой. Ушёл из жизни в 1991 году.

Майор Ирина Алимова (в прошлом киноактриса) вышла в отставку в 1967 году. Она до сих пор активно занимается общественной работой. Встречается с молодыми разведчиками, журналистами, писателями. Живёт в Москве. В ходе одной из бесед со своим бывшим начальником Ирина Каримовна сказала следующее:

«Я всю жизнь играла трудную роль, только без дубляжа и суфлёров. Ошибиться было нельзя — за нами стояла огромная страна, которая не должна была пострадать из-за наших срывов. Мы с Халефом самозабвенно отдавались своей работе разведчиков. Что касается трудностей и нервного напряжения, то их было много. Но ведь в любой другой профессии их, своих трудностей, тоже хоть

отбавляй. И сейчас я могу с полной уверенностью сказать, что если бы пришлось начать жизнь заново, я снова избрала бы прежний путь — разведку».

Приложения

Приложение 1. Организационные структуры внешней разведки РСФСР, СССР и Российской Федерации

Иностранный отдел (ИНО) ВЧК при СНК РСФСР 20.12.1920–06.02.1922

Иностранный отдел (ИНО) Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР 06.02.1922–02.11.1923 Иностранный отдел (ИНО) Объединенного Государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР 02.11.1923–10.07.1934

Иностранный отдел (ИНО) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР 10.07.1934–25.12.1936 7-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР 25.12.1936–09.06.1938

5-й (разведывательный) отдел Первого управления НКВД СССР 09.06.1938–29.09.1938

5-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР 29.09.1938–03.02.1941

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР 03.02.1941–20.07.1941

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР 20.07.1941–14.04.1943

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР 14.04.1943–15.03.1946

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР 15.03.1946–30.05.1947

Комитет информации (КИ) при СМ СССР 30.05.1947–29.01.1949

Комитет информации (КИ) при МИД СССР 29.01.1949–02.11.1951

Первое главное управление (ЛГУ) МГБ СССР 02.11.1951–05.01.1953

Первое управление Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР 05.01.1951–05.03.1953

Второе главное управление (ВГУ) МВД СССР 05.03.1953–13.03.1954

Первое главное управление (ПГУ) при СМ СССР 13.03.1954–05.07.1978

Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР 05.07.1978–1991

Центральная служба разведки (ЦСР) СССР 22.10.1991–18.12.1991

Служба внешней разведки (СВР) РСФСР 18.12.1991–25.12.1991

Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации с

25.12.1991

Приложение 2. Руководство Внешней разведки

1. 20.12.1920–20.01.1921 Давыдов (Давтян) Яков Христофорович (исполняющий обязанности).
2. 20.01.1921–10.04.1921 Катаян Рубен Павлович.
3. 10.04.1921–06.08.1921 Давыдов (Давтян) Яков Христофорович.
4. 06.08.1921–13.03.1922 Могилевский Соломон Григорьевич.
5. 13.03.1922–27.10.1929 Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович.
6. 27.10.1929–01.12.1929 Мессинг Станислав Адамович (исполняющий обязанности).
7. 01.12.1929–01.08.1931 Мессинг Станислав Адамович.
8. 01.08.1931–21.05.1935 Артузов (Фраучи) Артур Христианович.
9. 21.05.1935–17.02.1938 Слуцкий Абрам Аронович.
10. 17.02.1938–09.06.1938 Шпигельглас Сергей Михайлович (исполняющий обязанности).
11. 09.06.1938–02.12.1938 Судоплатов Павел Анатольевич (исполняющий обязанности).
12. 02.12.1938–13.05.1939 Деканозов Владимир Георгиевич.
13. 13.05.1939–15.06.1946 Фитин Павел Михайлович.
14. 15.06.1946–07.09.1946 Кубаткин Пётр Николаевич.
15. 07.09.1946–19.09.1949 Федотов Пётр Васильевич.
16. 19.09.1949–05.01.1953 Савченко Сергей Романович.
17. 05.01.1953–05.03.1953 Питовранов Евгений Петрович.
18. 05.03.1953–28.05.1953 Рясной Василий Степанович.
19. 28.05.1953–17.07.1953 Коротков Александр Михайлович (исполняющий обязанности).
20. 17.07.1953–23.06.1955 Панюшкин Александр Семёнович.
21. 23.06.1955–12.05.1956 Сахаровский Александр Михайлович (исполняющий обязанности).
22. 12.05.1956–15.07.1971 Сахаровский Александр Михайлович.
23. 15.07.1971–13.01.1974 Мортин Фёдор Константинович.
24. 13.01.1974–26.12.1974 Крючков Владимир Александрович (исполняющий обязанности).
25. 26.12.1974–01.10.1988 Крючков Владимир Александрович.
26. 01.10.1988–06.02.1989 Кирпиченко Вадим Алексеевич (исполняющий обязанности).
27. 06.02.1989–22.09.1991 Шебаршин Леонид Владимирович.
28. 22.09.1991–30.09.1991 Гургенов Вячеслав Иванович (исполняющий обязанности).
29. 30.09.1991–09.01.1996 Примаков Евгений Максимович.
30. 10.01.1996–20.05.2000 Трубников Вячеслав Иванович.
31. 20.05.2000–08.10.2007 Лебедев Сергей Николаевич.
32. 09.07.2007 — н/в Фрадков Михаил Ефимович.

Приложение 3. Сотрудники внешней разведки — Герои Советского Союза и Герои Российской Федерации

Герои Советского Союза

1. Вартанян Геворк Андреевич.
2. Ваупшасов Станислав Алексеевич.
3. Кудря Иван Данилович.

4. Кузнецов Николай Иванович.
5. Лягин Виктор Александрович.
6. Медведев Дмитрий Николаевич.
7. Меркадер Рамон дель Рио.
8. Молодцов Владимир Александрович.
9. Орловский Кирилл Прокофьевич.
10. Прокопюк Николай Архипович.
11. Рабцевич Александр Маркович.

Герои Российской федерации

1. Барковский Владимир Борисович.
2. Ботян Алексей Николаевич.
3. Квасников Леонид Романович.
4. Козлов Алексей Михайлович.
5. Коэн Леонтина Тереза Петке.
6. Коэн Моррис Генрихович.
7. Феклисов Александр Семёнович.
8. Яцков Анатолий Антонович.

Приложение 4. Без права на славу (Гимн нелегальной разведки)

слова Юрия Ясенева и Валерия Голубева музыка Г. Мовсесяна

Вдали от России, любимых и близких,

Стоим мы на страже покоя страны.

Пришлось пережить нам за гранями риска

Не раз по «семнадцать мгновений весны».

Мы пишем незримо той повести главы,

Где каждая строчка дороже, чем жизнь,

Без права на славу — во славу Державы, —

Такой у разведчиков главный девиз.

Один в поле воин — доказано нами,

Мы сами солдаты на поле таком,

Нас часто другими зовут именами

И мы отвечаем чужим языком.

Характеры наши из твердого сплава,

Отчизне мы свято служить поклялись

Без права на славу — во славу Державы, —

Такой у разведчиков главный девиз.

2 раза

Мы в праздничный вечер поднимем бокалы,

За нас и за смену, что следом придет,

Помянем собратьев, которых не стало,

Кого никогда не забудет народ.

За службу разведки наш тост величавый,

За гордое званье «Российский чекист».

Без права на славу — во славу Державы, —

Такой у разведчиков главный девиз.

2 раза

Библиография

1. Агабеков Г. Секретный террор. М., 1996.
2. Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля. Гея-Итерум, 2000.
3. Антонов В., Карпов В. Расстрелянная разведка. М.: Международные отношения, 2007.
4. Антонов В., Карпов В. Нелегальная разведка. М.: Международные отношения, 2007.
5. Блэйк Дж. Прозрачные стены. М.: Молодая гвардия, 2009.
6. Военный энциклопедический словарь. Военное издание, 1983.
7. Вознесенская З. Под псевдонимом Ирина. М.: 1997.
8. Гладков Т. Его величество Агент. М.: Печатные традиции, 2010.
9. Долгополов Н. Они украли бомбу для Советов. М.: XXI век-согласие, 2000.
10. Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М.: Гея, 1998.
11. Колпакиди А. И. Энциклопедия секретных служб России. Аст-Астрель, 2003.
12. Очерки истории российской разведки. Т. 4. Международные отношения, 1999.
13. Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999.
14. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996.
15. Судоплатов П. Спсцоперации. Лубянка, Кремль, 1930–1950. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
16. Треппер Л. Большая игра. М.: 1990.
17. Шебаршин Л.В. Рука Москвы. Записки начальника внешней разведки. М.: Центр-100, 1992.
18. Филби Ким. В разведке и в жизни. М.: ЯУЗА, Эксмо, 2005.
19. Царёв О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. Международные отношения, 1995.
20. Чернявский Виталий. Разведка. Вымыслы и правда. М.: Молодая Гвардия, 2004.
21. Чиков В.И. Нелегалы. М.: Олимп, АСТ, 1997.
22. Шварёв Н. Разведчики-нелегалы СССР и России. М.: Родина, 2006.
23. Перро Жиль. Красная капелла. М.: ДЭМ, 1990.
24. Чиков В., Гари Керн. Охота за атомной бомбой. М.: Вече, АРИ АиФ, 2001.
25. Гладков Т. Его величество Агент. М.: Печатные традиции, 2010.

Об авторе

Родился в 1934 году в Курской области. Мирное детство было

нарушено летом 1941 года нападением фашистской Германии на Советский Союз. С сентября 1941 по август 1943 года проживал на оккупированной территории.

После окончания средней школы в 1954 году был призван на срочную воинскую службу, которую проходил в 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. В 1960 году окончил Рязанское воздушно-десантное училище.

После училища проходил офицерскую службу в воздушно-десантных войсках. С 1966 по 1969 год — учёба в Военной академии им. М.В. Фрунзе, которую окончил с золотой медалью.

По окончании академии зачислен на службу во внешнюю разведку КГБ СССР, которую в ту пору возглавлял генерал-полковник Александр Михайлович Сахаровский. В 1972-м окончил Институт внешней разведки им. Ю.В. Андропова. До 1974 года работал в Центральном аппарате внешней разведки КГБ СССР.

С 1974 по 1980 год находился в длительной загранкомандировке. В январе 1981 года добровольно был направлен для выполнения интернационального долга в Афганистан.

Службу проходил в составе отряда спецназа КГБ СССР «Каскад» в должности заместителя начальника штаба отряда.

С 1986 по 1988 год находился в длительной загранкомандировке.

После возвращения из командировки работал в Центральном аппарате внешней разведки КГБ СССР. В соответствии с положением о прохождении воинской службы в 1992 году Н. Шварёв уволен в запас. Является ветераном Службы внешней разведки РФ и ветераном Воздушно-десантных войск. С 1994 года — в отставке.

Награждён орденом Святого Александра Невского I степени и многими медалями, в том числе медалями «За боевые заслуги», «Ветерану-интернационалисту» и «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

Находясь на пенсии, Николай Александрович активно занимается общественной и творческой деятельностью. Является членом попечительского совета общественного Фонда Героя Советского Союза Г.И. Бояринова. Им написаны и вышли в издательстве две книги по разведывательной тематике СССР и России.

Примечания

1. При Н.С. Хрущёве Бен Белла был удостоен звания Героя Советского Союза.
2. Абрам Аронович Слуцкий (1898–1938). Руководитель внешней разведки в 1935–1938 годах. 17 февраля 1938 года скоропостижно скончался от острой сердечной недостаточности в кабинете заместителя наркома внутренних дел М.П. Фриновского.
3. Теодор Малли (1894–1938). Нелегальный резидент в Париже и Лондоне. В 1937 году отозван в Москву. Судим и расстрелян 20 сентября 1938 года. Реабилитирован в апреле 1956 года.

4. Гауляйтер — национал-социалистский руководитель области в фашистской Германии.
5. Начальник Управления КГБ СССР по Приморскому краю генерал-лейтенант К.А. Григорьев рассказал следующее: «В 1977 г. мы ехали на уазике по пустынной трассе. За Уссурийском наш служебный автомобиль на большой скорости врезался в военный грузовик. Когда мы оправились от шока, увидели: Николай Лоенко лежал в траве на обочине с зияющей черепно-мозговой травмой. Николай Андреевич был мёртв».
6. Китти — агент-нелегал советской разведки, имевшая 17 имён (псевдонимов).
7. В настоящее время Джордж Блэйк живёт в Москве.
8. Полковник, заместитель начальника нелегальной разведки Н.А. Корзников.
9. Генерал Е.К. Миллер был похищен в 1937 году в Париже, вывезен конспиративно в СССР, судим и расстрелян.
10. Григулевич И.Р. (1913–1988) — советский разведчик-нелегал. Будучи разведчиком-нелегалом, стал чрезвычайным и полномочным послом Коста-Рики в Италии и по совместительству в Югославии. После ухода из разведки стал писателем-историком, академиком.
11. А-бомба «Малыш» вначале была названа в честь президента Рузвельта «Худышка», но затем её переименовали в «Малыша».
12. А-бомба «Толстяк» была названа в честь английского премьера Уинстона Черчилля.
13. Вячеслав Васильевич Тихонов умер в 2009 году.
14. Юлиан Семёнович Семёнов умер в 1993 году.
15. Эрих Такке арестован в 1936 году. 2.9.1937 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитирован в 1959 году. Его жена, сотрудница НКВД, арестована 16.5.1937 года по обвинению в шпионаже. Расстреляна 26.8.1937 года. Реабилитирована в 1967 году.
16. Будущий центр советской космонавтики — город Королёв.
17. Подпольная антифашистская организация в Германии.
18. Якобы болевой шок привёл к тому, что Леман потерял сознание и выпал из дверей вагона на ходу поезда.